ЗХ
3295

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ПО ЛЕКЦІЯМЪ

профессора графа **Л. А. Камаровскаго**

и

приватъ-доцента **В. А. Ульяницкаго.**

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульв.
1908.

Библиотека ООН
799
37

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. **Понятіе Международнаго Права.** Писатели весьма различно опредѣляютъ понятіе Международнаго Права. Это происходитъ отъ того, что они неодинаково смотрятъ на его существо и границы: то смѣшивая положительное Международное Право съ естественнымъ, идеальнымъ, то отождествляя практическія его задачи съ требованіями науки, многіе привносятъ въ даваемыя ими опредѣленія понятія объ источникахъ, о цѣли предмета. Если имѣть въ виду только *положительный* характеръ современнаго Международнаго Права, его слѣдуетъ понимать, какъ *совокупность юридическихъ нормъ и институтовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія государствъ и ихъ подданныхъ.* Но если взглянуть на него съ точки зрѣнія его конечной цѣли и по существу, то полное *научное* опредѣленіе его будетъ таково: *Международное Право обозначаетъ совокупность юридическихъ нормъ, которыми опредѣляются отношенія государствъ другъ къ другу, къ ихъ подданнымъ и ко всѣмъ остальнымъ людямъ вообще, въ качествѣ членовъ великаго цѣлаго, именуемаго Международнымъ Союзомъ и призваннаго обнять все человѣчество.*

Разберемъ это опредѣленіе: 1) Международное Право слагается изъ нормъ *юридическихъ*. Это значитъ, что оно не должно быть смѣшиваемо съ принципами морали, или съ правилами политики. Оно имѣетъ отъ нихъ самостоятельную, все болѣе опредѣленно выдѣляющуюся сферу примѣненія. Принадлежность его нормъ къ праву обусловливается, во-первыхъ, ихъ природою: онѣ регулируютъ совмѣстную жизнь людей въ извѣстной формѣ общежитія, именно: въ высшей и завершительной формѣ ихъ сожитія на землѣ—въ обществѣ народовъ (государствъ), или въ международномъ союзѣ. Во-вторыхъ, онѣ охраняются извѣстными внѣшними способами, принужденіемъ, и даже самою крайнею формою такового—войной. Эти способы далеко еще не такъ совершенны, какъ въ иныхъ областяхъ права, но важно то, что и въ международной сферѣ они уже теперь опредѣляются и классифицируются правомъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они получаютъ именно юридическій, по ихъ примѣненію и послѣдствіямъ, характеръ. Но будучи *правомъ*, международное относится къ сферѣ права *публичнаго*, имѣющаго своимъ исходнымъ пунктомъ и центромъ государство, что, съ другой стороны, однако вовсе не мѣшаетъ его самостоятельности отъ права государственнаго. Эта принципіальная самостоятельность Международнаго Права вытекаетъ изъ того, что 2) Международное Право изучаетъ государства съ ихъ *внѣшней* стороны, и, притомъ, не въ ихъ *отдѣльности* и *изолированности*, а въ *ихъ совмѣстной жизни*, смотря на нихъ, какъ на *членовъ* новаго, высшаго цѣлаго, называемаго *культурнымъ обществомъ народовъ* или,

какъ сказано, *международнымъ союзомъ*. Внутренней ихъ жизни и самостоятельности оно не касается: какъ бы государства ни были различны по своему строю, положенію, задачамъ, они съ точки зрѣнія Международнаго Права должны всѣ пользоваться равными правами и нести одинаковыя юридическія обязанности. Разнообразится только ихъ дѣеспособность по степени ихъ политическаго могущества, но—и это капитальный пунктъ—Международное Право соединяетъ государства, существующія и какъ они вышли изъ судебъ прошлаго, въ одно цѣлое, на общихъ и одинаковыхъ для всѣхъ основаніяхъ, въ виду возможно-лучшаго достиженія ими своихъ культурныхъ цѣлей. 3) Международное Право простирается не только на государства, какъ на политически-организованные союзы, но и на *отдѣльныхъ лицъ*. Прежде всего подъ охраною его стоятъ *подданные* этихъ государствъ. Гдѣ бы они ни пребывали, они пользуются среди цивилизованныхъ народовъ нашего времени защитою ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, защитою, которая стремится стать равною, какъ для иностранцевъ, такъ и для туземцевъ. Многое остается еще сдѣлать въ этомъ направленіи, но уже теперь цивилизованныя правительства въ многочисленныхъ договорахъ признаютъ на своей территоріи дѣйствія иностранныхъ законовъ и судовъ. Но этого мало: не одни подданные государствъ, входящихъ въ составъ международнаго союза, а *всѣ люди* вообще на поверхности всей земли и *человѣкъ*, какъ таковой, должны пользоваться международною охраною. Эта защита не замѣняетъ собственно защиты государственной: она ее предполагаетъ, но имѣетъ принципіально отличную отъ нея основу и идетъ гораздо далѣе ея. По существу дѣла ей слѣдовало бы исходить отъ международной организаціи, но, за отсутствіемъ пока таковой, ее призваны оказывать отдѣльныя цивилизованныя государства и притомъ каждому человѣку вообще, гдѣ бы онъ ни находился, въ случаяхъ недарованія ему защиты государственной. Эта сторона нашего предмета, вытекая изъ самой его природы, придаетъ ему наиболѣе характеръ универсальный и общечеловѣческій. Многіе писатели ее отрицаютъ, но цивилизованныя правительства не разъ признавали ее на практикѣ своими дѣйствіями. Вспомнимъ хотя бы вмѣшательства въ пользу христіанъ Турціи и борьбу за отмѣну невольничества и торговли неграми (Берлинская конвенція 1885 г. и Брюссельская 1890 г.). 4) Будучи правомъ положительнымъ (о чемъ мы скажемъ еще ниже), Международное—*едино* и *универсально*. Оно едино въ томъ смыслѣ, что не можетъ носить *національный* характеръ. Отдѣльныя государства хотя и являются выразителями и охранителями его нормъ, но никогда въ своей обособленности и по собственному лишь усмотрѣнію. Нормы, выставленныя какимъ-либо однимъ государствомъ, превращаются въ международныя лишь на основаніи согласія всѣхъ остальныхъ народовъ, выраженнаго либо молчаливо (обычаи), либо формально (договоры). Универсальность Международнаго Права означаетъ, что оно, какъ продуктъ новѣйшей исторіи человѣчества, съ момента своего возникновенія въ XVII стол. до нашихъ дней, представляетъ изъ себя одну цѣльную, стройную систему нормъ, которая не можетъ быть различаема по *различнымъ эпохамъ* исторіи человѣчества. Въ эту ошибку впадаютъ особенно писатели историческаго направленія, смѣшивающіе внѣшнія сношенія государствъ съ современнымъ Международнымъ Правомъ, взятымъ въ смыслѣ научной, юридической системы. Исторія показываетъ намъ, что сношенія между государствами существуютъ съ древнѣйшихъ временъ и проходятъ черезъ

всѣ степени культуры. Даже дикіе народы не могутъ вести совершенно обособленной и замкнутой жизни. Фактъ крайне важный, ибо имъ подтверждается внутренняя, разумная необходимость Международнаго Права, вытекающаго, какъ все право вообще, изъ общежительной природы самого человѣка. Но сношенія, о которыхъ мы говоримъ, не составляли еще Международнаго Права. Они были случайны, временны, не покоились на какихъ-либо опредѣленныхъ юридическихъ и нравственныхъ началахъ. Все въ нихъ было проникнуто субъективнымъ характеромъ, т.-е. зависѣло отъ политики отдѣльныхъ государствъ, которыя еще не сознавали существованія между ними общихъ идей и интересовъ, а потому и не могли подчинить свою коллективную жизнь опредѣленной высшей организаціи. Безъ этихъ же условій и рѣчи быть не можетъ о международномъ союзѣ, или о Международномъ Правѣ.

По характеру *лицъ* и *интересовъ*, имъ защищаемыхъ, современное Международное Право все яснѣе складывается въ *три* большія области, которыя стремятся выдѣлиться въ особыя науки: по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ уже обособились: 1) *публичное* Международное Право имѣетъ своимъ предметомъ охрану интересовъ *государствъ въ цѣломъ*. По характеру этихъ личностей, указанная охрана носитъ не одинъ юридическій, но и политическій характеръ. Сюда относятся ученія: о государствахъ вообще, какъ международныхъ личностяхъ (объ ихъ возникновеніи, правахъ и прекращеніи); объ ихъ территоріяхъ; объ юридическихъ между ними сношеніяхъ (о трактатахъ): объ организаціи ихъ совмѣстной жизни и о способахъ ея охраны. Это—древнѣйшая часть нашей науки.

2. *Частное* Международное Право гражданское и уголовное. Его задача—охрана правъ и интересовъ *частныхъ лицъ* въ міровомъ гражданскомъ оборотѣ. Отправляясь отъ ученія о способахъ разрѣшенія столкновеній между законодательствами различныхъ странъ (въ области гражданской и уголовной), этотъ предметъ понемногу расширяется въ то всемірное гражданское право (Weltbürgerrecht), о которомъ мечталъ еще Кантъ. Конечная его цѣль въ томъ, чтобы доставить каждому человѣку возможность пользоваться повсюду принадлежащими ему или за нимъ признанными правами и, въ случаѣ нужды, отстаивать ихъ всѣми юридическими способами. Поэтому нельзя согласиться съ тѣми, которые считаютъ его (особенно въ Англіи) лишь отраслью гражданскаго или уголовнаго права отдѣльнаго государства. Основныя его начала общи съ публичнымъ Международнымъ Правомъ, но при его сложности и строго юридическихъ нормахъ и способахъ защиты—удобнѣе его выдѣлять въ особую, самостоятельную науку.

3. *Соціальное* Международное Право составляетъ новѣйшую, какъ бы посредствующую область между двумя остальными его отдѣлами. Оно признано охранять собственно *общественные* интересы, т. е. такіе, которые, хотя и касаются частныхъ лицъ, но относятся главнымъ образомъ *къ обществу въ цѣломъ* и, при этомъ, не съ его политической стороны. Возникнувъ недавно, эта область быстро развивается на нашихъ глазахъ. Государства, донынѣ глубоко между собою раздѣленныя по политическимъ вопросамъ, стали за послѣднія 30 лѣтъ путемъ общихъ конвенцій, заключать союзы или уніи по извѣстнымъ спеціальнымъ вопросамъ, важнымъ для общаго гражданскаго оборота, но, какъ сказано, не имѣющимъ ничего общаго съ политикою. Въ настоящее время уже существуютъ

союзы: телеграфный, почтовый, промышленный, литературный, желѣзнодорожный (по перевозкѣ товаровъ) и т. д. Въ нѣкоторые изъ нихъ вступили даже страны другихъ континентовъ. Многіе важные вопросы (санитарный, рабочій, изданіе трактатовъ, опредѣленіе международной монетной системы и проч.) ожидаютъ подобной же регламентаціи путемъ соединяющей государства уніи. Всю область относящихся сюда юридическихъ нормъ удобнѣе всего называть соціальнымъ Международнымъ Правомъ, становящимся въ срединѣ между публичнымъ и частнымъ Международнымъ Правомъ. Нѣкоторые относятъ ее къ ученію объ управленіи и называютъ поэтому *административнымъ* Международнымъ Правомъ, но это ведетъ лишь къ путаницѣ понятій.

§ 2. **Условія существованія.** Международное Право является однимъ изъ продуктовъ всей новѣйшей исторіи цивилизованнаго человѣчества. Не какая-либо воля—будь то отдѣльныхъ людей, или даже могущественнѣйшихъ государствъ—а извѣстныя объективныя или фактическія условія, кроющіяся въ природѣ и въ исторіи новыхъ народовъ, вызвали къ жизни Международное Право и содѣйствуютъ его дальнѣйшему развитію. Условія эти слѣдующія: а) наличность *нѣсколькихъ государствъ*; б) связанныхъ между собою *общностью* (весьма высокой) *культуры* и в) сознающихъ себя солидарными въ преслѣдованіи своихъ культурныхъ цѣлей, а потому поддерживающихъ между собою *сношенія правильныя, организованныя* (юридическія).

а) Идея одного *всемірнаго государства*, нерѣдко плѣнявшая писателей, должна быть признана вполнѣ несостоятельною какъ на основаніи исторіи, такъ и въ силу доводовъ разума. Фактически таковое никогда не существовало. Всѣ попытки, предпринимавшіяся въ различные вѣка къ его частичному осуществленію то во имя религіозныхъ идей, то по политическимъ расчетамъ оказывались непрочными и пагубными для ихъ совершителей. Иначе и не можетъ быть, ибо всемірное государство—крупнѣйшее противорѣчіе съ самою идеею государства. Оно предполагаетъ государство, какъ одно механическое сплоченіе народовъ и лицъ и совершенно упускаетъ изъ виду высшую его сторону, лежащую въ томъ, что государства—организмы и живыя личности тѣхъ единицъ-народовъ, которые ихъ создаютъ и черезъ нихъ дѣйствуютъ, какъ члены человѣчества. Отсюда разнообразіе и ограниченность всѣхъ конкретныхъ государствъ. Всѣмъ имъ даны извѣстные предѣлы въ природѣ какъ страны, ими обладаемой, такъ и населенія, ихъ создавшаго,—предѣлы, перейдя которые, они уже не развиваются, а слабѣютъ и распадаются. Государство міровое (даже въ смыслѣ объединившаго цѣлый материкъ или значительныя части нѣсколькихъ материковъ) немыслимо иначе, какъ подъ условіемъ страшной военной и политической силы и централизаціи. Въ немъ исчезаютъ политическая и всякая другая свобода гражданъ и слабѣетъ связь его окраинъ съ центромъ, чѣмъ вызывается неизбѣжно его распаденіе на составныя части. Лишь подъ условіемъ существованія *многихъ* государствъ возможны столь необходимыя для преуспѣянія каждаго изъ нихъ соревнованіе между ними и воздѣйствіе ихъ другъ на друга. А это и есть первое коренное условіе для возникновенія Международнаго Права, но не единственное: въ древности существовали цивилизованныя государства, но они не доростали до международнаго порядка потому, что жили не столько во взаимномъ общеніи, сколько въ національной обособленности и смотрѣли на себя какъ на абсолютную и выс-

шую форму человѣческаго сожитія, рядомъ съ которой не имѣли права на существованіе подобные имъ союзы. Международное право по идеѣ соединяетъ въ одно общество государства *независимыя*, суверенныя. Только таковыя наиболѣе соотвѣтствуютъ чистой идеѣ государства. Но рядомъ съ ними, какъ извѣстно, въ дѣйствительности существуютъ различныя государства зависимыя (колоніи, вассальныя, охраняемыя или стоящія подъ протекторатомъ) и сложныя (уніи, союзъ государствъ, союзныя государства), которыя, сообразно съ особенностями ихъ политическаго строя, пользуются, однако, въ той или иной степени международною охраной, но это не подрываетъ коренного принципа Медународнаго Права, — полной независимости народовъ, простирающейся одинаково, какъ на ихъ политическую, такъ и экономическую жизнь.

б) *Общность культуры* должна быть признана главнымъ подготовительнымъ факторомъ въ дѣлѣ образованія современнаго Международнаго Права. Общность эту слѣдуетъ понимать въ двоякомъ направленіи: какъ общность *духовную*, религіозно-нравственнную и какъ общность *интеллектуальную*, цивилизацію. Въ первомъ отношеніи главное мѣсто должно быть отведено христіанству. По природѣ своей космополитичное и универсальное, оно этимъ составляетъ рѣдкую противоположность языческимъ религіямъ, которыя всѣ были національны. Хотя не оно прямо и непосредственно создало Международное Право, но оно, въ числѣ другихъ факторовъ, болѣе всего для него проложило и расчистило почву въ силу того глубокаго внутренняго сродства, которое существуетъ между его идеями и заповѣдями, съ одной стороны, и началами Международнаго Права съ другой. Всѣ европейскіе народы, которые выработали впослѣдствіи нормы этого права, приняли христіанство еще въ началѣ своей исторіи, а въ послѣдующій періодъ, когда у нихъ отсутствовало государство съ правильною и самостоятельною организаціей и весь ихъ общественный бытъ опредѣлялся началами феодализма, церковь первая, несмотря на ихъ разъединеніе и раздробленность, соединила ихъ въ одно великое общество, въ предѣлахъ котораго сказалось на религіозной почвѣ начало общенія, перешедшее потомъ въ ихъ совмѣстную, внѣшнюю жизнь, какъ основной уже принципъ права международнаго. Современный международный союзъ такимъ образомъ является въ извѣстномъ смыслѣ продолженіемъ и расширеніемъ средневѣковаго общества народовъ, сложившагося подъ мощнымъ дѣйствіемъ церкви. Но и нынѣ христіанство призвано съ нравственной стороны не мало содѣйствовать успѣхамъ Международнаго Права своими идеями, которыя принадлежатъ къ его основнымъ заповѣдямъ. Таковы: идея объ *единствѣ всего человѣчества*; провозглашеніе *братства* между всѣми людьми, независимо отъ ихъ національности, вѣроисповѣданія и состоянія; требованіе, чтобы взаимныя между ними отношенія были проникнуты *любовью*, простирающеюся даже на враговъ; возведеніе *мира* въ основной принципъ общежитія, какъ слѣдствіе внутренняго усовершенствованія человѣка.

Вторую сторону общности культуры новыхъ народовъ составляютъ тѣ идеи, которыя унаслѣдованы ими отъ трехъ главныхъ цивилизацій древности: еврейской, греческой и римской. На нихъ покоится ихъ продолжающая христіанская культура, какъ одно стройное цѣлое, независимо отъ разнообразія частей, ее составляющихъ. Въ свою очередь, названныя три древнія цивилизаціи въ свое время восприняли въ себя все лучшее изъ идей и традицій еще болѣе древняго Востока, такъ что безъ пре-

увеличенія можно сказать, что новая европейская цивилизація есть дѣйствительно общечеловѣческая, какъ по элементамъ въ нее вошедшимъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей ступеней культуры, такъ и по собственнымъ ея идеямъ и задачамъ. На этой почвѣ выросло и крѣпнетъ Международное Право, какъ право положительное, но обще-человѣческое, въ уровень съ распространеніемъ международнаго союза на все цивилизованное человѣчество. Нѣсколько особенное мѣсто въ семьѣ народовъ занимаетъ *Россія*: она лишь поздно вступила въ эту семью, развитіе ея шло отчасти подъ дѣйствіемъ другихъ факторовъ, сравнительно съ развитіемъ Западно-европейскихъ народовъ и поэтому получило во многихъ отношеніяхъ особенный характеръ, который и донынѣ остается присущъ ея строю и быту. Но эти и другія характеризующія ея исторію черты недостаточны, чтобы выдѣлить ее отъ остальныхъ членовъ европейской семьи народовъ въ какой-то особый міръ, будто бы даже имъ противоположный. Это недопустимо уже въ силу того, что русскіе, какъ и славяне вообще, во 1-хъ, христіане, во 2-хъ, потому, что они какъ и романцы и германцы, принадлежатъ къ арійцамъ и одарены общими имъ всѣмъ способностями. А отсюда, нѣкоторая общность въ ихъ прошлыхъ судьбахъ и усиливающееся взаимноотношеніе по мѣрѣ того, какъ они лучше узнаютъ другъ друга. Наконецъ, въ 3-хъ, само наше правительство, съ тѣхъ поръ какъ Россія стала дѣятельнымъ членомъ международнаго союза, заключеніемъ безчисленныхъ договоровъ признало и для себя обязательнымъ Международное право, соединяющее всѣ христіанскіе народы, при всѣхъ ихъ различіяхъ и особенностяхъ, въ одну живую и великую семью.

в) *Организованность сношеній*. Для того, чтобы сложился международный порядокъ еще недостаточно разобранныхъ нами двухъ условій: наличности многихъ государствъ и общности между ними культуры. Условія эти были налицо, напримѣръ, въ древней высокоцивилизованной Элладѣ, но она Международнаго Права не произвела, именно вслѣдствіе отсутствія въ ея республикахъ третьяго, необходимаго для возникновенія этого права условія—сознанія государствами ихъ *солидарности въ осуществленіи общихъ имъ культурныхъ задачъ*. Эта солидарность — плодъ долгой, прошлой, совмѣстной жизни новыхъ народовъ. Благодаря ей, независимо отъ политики, разъединяющей ихъ, они стали сближаться общностью идей и интересовъ въ нѣкій союзъ, который, въ теченіе вѣковъ, изъ простого *фактическаго порядка* переходитъ все опредѣленнѣе въ настоящій *юридическій союзъ*. Идея такого союза, какъ всякаго общества, союза вообще, предполагаетъ признаніе его членами принципа взаимнаго равенства и необходимости самоограниченія въ интересахъ общенія. Начала эгоизма и грубой силы, характеризующія фактическій порядокъ, такимъ образомъ, уступаютъ мѣсто началамъ общенія и солидарности, которыя и ведутъ къ сношеніямъ народовъ правильнымъ и постояннымъ, т.-е. организованнымъ.

Само собою разумѣется, этотъ процессъ образованія международнаго порядка и права совершился не вдругъ: на него потребовалось три столѣтія (съ 17-го вѣка) и теперь еще международный союзъ очень далекъ отъ полнаго осуществленія своей идеи. Но поступательное его движеніе характеризуется двумя слѣдующими коренными послѣдствіями: 1) постепеннымъ выдѣленіемъ изъ политики все большаго числа извѣстныхъ *юридическихъ нормъ*, пользующихся общимъ признаніемъ и авторитетомъ

и 2) установленіемъ особыхъ *международныхъ органовъ*, которые эти нормы высказываютъ, примѣняютъ и охраняютъ. Такимъ образомъ жизненныя потребности новыхъ народовъ создали Международное Право, ихъ скрѣпляющее въ силу того, что отдѣльными усиліями и порознь они не въ состояніи достичь высшихъ задачъ культуры и что собственное благо ихъ гражданъ требуетъ согласованія и соединенія ихъ силъ, а не дробленія и враждебнаго ихъ разъединенія, какъ дѣлали это древніе народы. Это и возводитъ право и миръ въ основной законъ ихъ организованныхъ сношеній.

§ **3. Положительный характеръ Международнаго Права** вытекаетъ изъ факта существованія международнаго союза, или, выражаясь иначе, того великаго культурнаго общества народовъ, которое дипломаты уже давно стали называть «европейскимъ концертомъ», а нѣкоторые философы «христіанскою республикой» *). Положительнымъ Международное Право должно быть названо и потому, что оно продуктъ тѣхъ жизненныхъ условій, его породившихъ и непрестанно развивающихся, среди которыхъ живутъ новые народы. Нормы его признаны всѣми цивилизованными правительствами въ многочисленныхъ актахъ и въ разнообразныхъ прецедентахъ. Многія изъ этихъ нормъ подтверждены судебною практикой и надъ разработкою ихъ и сведеніемъ въ стройную систему трудится одна изъ самыхъ богатыхъ и интересныхъ отраслей правовѣдѣнія—наука Международнаго Права—въ развитіи которой принимаютъ участіе выдающіеся ученые всего міра. Но все это не должно скрывать отъ насъ оборотной стороны дѣла: Международное Право, именно въ смыслѣ положительнаго, страдаетъ еще многими, очень многими недостатками, которые, правда, постепенно слабѣютъ, но еще далеки отъ исчезновенія. *Нормы* его часто *не довольно полны и точны*, что вызываетъ споры объ ихъ содержаніи и объемѣ; ихъ *примѣненіе* къ жизни всецѣло еще *субъективно*, т.-е. зависитъ отъ тѣхъ личностей—государствъ, которыя ихъ высказываютъ и проводятъ по своему изволенію; наконецъ, *защита* этихъ нормъ слишкомъ мало еще носитъ характеръ *юридическій*, т.-е. она зависитъ отъ политики и матеріальной силы государствъ гораздо болѣе, нежели отъ органовъ права, или судовъ, болѣе всего призванныхъ давать эту защиту.

Эти недостатки—главная причина тѣхъ вѣчно возобновляемыхъ возраженій противъ Международнаго Права, которыя дѣлаются не только въ публикѣ, но и въ средѣ образованныхъ юристовъ даже нашего времени. Право это то смѣшиваютъ съ моралью, то отождествляютъ его съ политикою отдѣльныхъ правительствъ. Но такъ могутъ смотрѣть на него лишь лица, незнакомыя съ его исторіей и сущностью. Подчеркивая указанные его недостатки, отрицатели обыкновенно смѣшиваютъ его съ гражданскимъ и государственнымъ правомъ, упуская изъ виду, что эти отрасли права въ первыя эпохи ихъ возникновенія были отмѣчены тѣми-же недостатками, которые теперь ставятся въ вину Международному Праву и что для достиженія современной ихъ выработки имъ потребовались многіе вѣка, если даже не тысячелѣтія. Международное Право, какъ положительное и живое, находится въ такомъ же непрерывномъ процессѣ роста и усовершенствованія, но въ уровень политическому,

*) Ubi societas ibi ius. Государства входятъ въ эту семью, какъ равноправные между собою братья.

экономическому и нравственному развитію народовъ. Это поступательное его движеніе при его сложности и обширности, конечно, медленно, но оно существуетъ и усиливается. Объ этомъ одинаково свидѣтельствуютъ какъ исторія, такъ и теорія.—Нельзя смѣшивать Международное Право *съ нравственностью* въ силу всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ мораль вообще отъ права. Нравственность есть внутренній законъ добра, который управляетъ всею жизнію и отношеніями человѣка, но лишенъ внѣшней организаціи и принудительной силы. Право означаетъ порядокъ общежитія, который для своего осуществленія требуетъ особыхъ нормъ и учрежденій. Различнымъ областямъ сожитія людей соотвѣтствуютъ различныя отрасли права; международное регулируетъ совмѣстную жизнь государствъ, какъ членовъ высшаго и самаго обширнаго общества на землѣ — международнаго союза. Подобно всякимъ инымъ формамъ человѣческихъ союзовъ и международный покоится какъ на нравственной, такъ и на юридической санкціи. Государство, которое дозволило бы себѣ нарушеніе Международнаго Права, тѣмъ прежде всего подорвало бы собственную честь и общее къ себѣ уваженіе. Это далеко не изъ послѣднихъ гарантій международныхъ нормъ. Но нарушителямъ ихъ угрожаетъ цѣлый рядъ другихъ понудительныхъ мѣръ, которыя, по степени своей тяжести, могутъ быть расположены въ извѣстной послѣдовательности, составленіе союза противъ нарушителя, лишеніе его матеріальныхъ выгодъ, вытекающихъ изъ международнаго общенія, отдѣльныя принудительныя мѣры (репрессаліи въ широкомъ смыслѣ), наконецъ, войны. Съ успѣхами международной организаціи установляется обычай и болѣе частаго обращенія къ международнымъ судамъ, какъ способу наиболѣе подходящему для примѣненія и толкованія международныхъ нормъ въ ихъ юридическомъ значеніи.

Не менѣе важны отличія Международнаго Права отъ *политики*. Послѣдняя принципомъ своимъ имѣетъ общее благо, но при осуществленіи его она отправляется отъ интересовъ конкретнаго государства. Принципъ права—справедливость. Только это начало, коренящееся въ нравственной природѣ человѣка, даетъ политикѣ основу и границы, за которыми господствуетъ лишь эгоизмъ и грубая сила. Долгое время Международное Право совершенно подавлялось политикою. Такъ было за весь первый періодъ его существованія отъ Вестфальскаго мира до французской революціи. Практическимъ руководителемъ кабинетовъ тогда былъ Макіавелли.

Это направленіе составляло лишь выводъ изъ представленій о государствѣ, какъ о чемъ-то абсолютномъ и самодовлѣющемъ и о необязательности для него нравственныхъ началъ въ сношеніяхъ съ другими, ему подобными, политическими организмами. Еще въ нашемъ столѣтіи, Гегель, видя въ государствѣ завершительную и высшую форму союзовъ, низводитъ Международное Право къ внѣшнему государственному праву безъ всякой принципіальной самостоятельности и строитъ его на принципѣ суверенитета, который въ международной области требуетъ себѣ восполненія и расширенія со стороны другого коренного начала—общенія. Послѣднее получаетъ большее значеніе въ XIX столѣтіи, когда утверждается воззрѣніе на государства, какъ на личности, которыя въ этомъ качествѣ не могутъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ руководствоваться одними собственными интересами, но обязаны подчинять ихъ началамъ нравственности и права, какъ такимъ объективнымъ устоямъ, на

прочности которыхъ въ концѣ-концовъ покоится все собственное ихъ бытіе и благосостояніе.

Отрицатели Международнаго Права указываютъ на отсутствіе *законодательнаго органа* для выраженія общей воли членовъ международнаго общенія. По ихъ мнѣнію международный строй никогда и не возвысится до выработки для себя настоящихъ законовъ въ техническомъ смыслѣ этого слова, въ чемъ впрочемъ нельзя видѣть какую-либо худшую сторону его сравнительно съ государственнымъ порядкомъ. Собственно это положеніе покоится на представленіи о законѣ, какъ о предписаніи, исходящемъ отъ высшаго, сильнѣйшаго, къ низшему и слабѣйшему.

Въ законѣ верховная власть не только установляетъ опредѣленную норму, но и обращается къ подчиненнымъ ей органамъ и лицамъ съ указаніемъ послѣдствій, имѣющихъ наступить въ случаѣ нарушенія ими этой нормы. Въ международномъ обществѣ такой верховной власти нѣтъ, поэтому отношенія его членовъ регулируются договорнымъ началомъ, какъ оно проявляется въ трактатахъ. Послѣдніе же временны и обязательны только для сторонъ, ихъ заключившихъ. На всѣ эти доводы слѣдуетъ однако замѣтить: 1. Отсутствіе международнаго законодателя показываетъ лишь, что Международное Право находится еще на той ступени развитія, которая уже пережита другими болѣе тѣсными областями права. Законъ и въ государственномъ быту не единственный источникъ права, которое по существу древнѣе и шире его. Право коренится въ природѣ человѣка и въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ живетъ въ обществѣ. Все это не создается законодательствомъ, а имъ лишь признается и формулируется. Законъ сравнительно болѣе поздняя форма положительнаго права, которой предшествуетъ обычай, играющій въ первобытномъ обществѣ аналогичную съ нимъ роль. Поэтому, если законодательная власть не есть первоначальный источникъ права въ гражданскомъ и государственномъ быту, то и въ области международныхъ отношеній отсутствіе ея никакъ не можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь не существуетъ никакихъ обязательныхъ юридическихъ нормъ. 2. Слишкомъ узкимъ и произвольнымъ является то возрѣніе на законъ, которое видитъ въ немъ лишь норму, исходящую отъ верховной власти и направленную къ подвластнымъ ей органамъ и лицамъ. Законъ есть также норма, которою верховная власть обязываетъ себя самое, т.-е. государство, какъ цѣлое. Иначе мы пришли бы къ римскому абсурду: princeps legibus solutus est. Особенно несостоятельно это положеніе въ международной области, гдѣ регулирующія ее начала превращаются въ положительныя нормы въ силу *совмѣстнаго признанія ихъ многими верховными властями.* 3. Поэтому преобладающее еще тутъ договорное начало (сказывающееся въ трактатахъ) носитъ весьма часто характеръ законоподобный. Это бываетъ, когда договоры являются не сдѣлками, заключенными сторонами для опредѣленной лишь дѣловой цѣли, съ достиженіемъ которой онѣ и прекращаются, а когда они, напротивъ, высказываютъ извѣстныя общія нормы права, лежащія въ природѣ отношеній и составляющія насущную потребность цивилизованныхъ народовъ данной эпохи. Такіе трактаты-договоры только по формѣ, но по содержанію они—законы. Нормы необходимаго, ими выраженнаго права, либо усвояются другими, часто очень многочисленными договорами между правительствами (отсюда сходство различныхъ спеціальныхъ, но однород-

ныхъ договоровъ данной эпохи, какъ-то: торговыхъ, о выдачѣ преступниковъ, объ охранѣ путей сообщенія, иностранцевъ и проч.), либо эти нормы высказываются въ какомъ-либо одномъ коллективномъ актѣ, скрѣпленномъ подписью большинства если не всѣхъ цивилизованныхъ государствъ (парижская морская декларація 1856 г. принята до 50 правительствами; женевская конвенція о больныхъ и раненыхъ воинахъ 1864 г.—48 государствами; актъ берлинской конвенціи 1885 г. выработанъ делегатами 14 державъ, брюссельской 1890 г. — 17 и т. д.). Это не только по существу дѣла законы, но даже своего рода кодификація извѣстныхъ отдѣловъ Международнаго Права. Со временемъ это движеніе только усилится и международный законодатель, какъ особый коллективный органъ всего общества государствъ, явится самъ собою въ смыслѣ завершителя международной организаціи.—Уже теперь какъ выраженіе такового могутъ быть разсматриваемы, до извѣстной степени, конгрессы и конференціи: они, правда, еще очень несовершенны по организаціи, въ ихъ созваніи и дѣятельности много случайнаго, но на практикѣ они нерѣдко играли роль судебныхъ инстанцій, а и въ ихъ постановленіяхъ, особенно за послѣднее столѣтіе, не трудно подмѣтить нѣкоторое проявленіе идеи даже международнаго законодательства.

Не болѣе состоятельно и другое возраженіе противъ Международнаго Права; вслѣдствіе отсутствія *международнаго суда*, который каралъ бы его нарушителей, нормы его отстаиваются самими сторонами, которыя въ своихъ спорахъ чаще всего руководствуются соображеніями политики, а въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ силѣ (войнѣ). Это возраженіе смѣшиваетъ двѣ существенно различныя вещи: осуществленіе юридической нормы на практикѣ съ самымъ ея бытіемъ. Право не перестаетъ быть положительнымъ отъ того только, что оно не примѣняется судомъ. Оно существуетъ раньше суда и не отъ суда только зависитъ его бытіе. Исторія процесса у всѣхъ народовъ показываетъ намъ, что право, впродолженіе вѣковъ, охранялось самими сторонами и лишь медленно и постепенно выработалась для этого собственно судебная защита сперва внутри цивилизованныхъ государствъ и то лишь въ средѣ гражданскаго и уголовнаго права. Нынѣ эта форма защиты—изъ всѣхъ способовъ охраны права безспорно наиболѣе справедливая и желательная—проникаетъ и въ область публичнаго права. Но нельзя тутъ не замѣтить, что все еще многія публичныя права даже во внутренней жизни государствъ остаются безъ такой охраны и въ литературѣ мнѣнія о ней писателей расходятся. При всемъ томъ идея судебной охраны публичныхъ правъ успѣла себѣ отвоевать извѣстную почву практическаго осуществленія. И любопытно, что возбужденіе вопроса о необходимости организаціи административныхъ судовъ, какъ охранителей публичныхъ правъ, совпало съ оживленіемъ интереса къ идеѣ и международнаго суда. Это совпаденіе—не простая случайность. Оно прямо обусловлено тѣмъ, что оба эти вопроса только части другого болѣе широкаго и важнаго вопроса о судебной охранѣ публичнаго права вообще, какъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ, такъ и въ международномъ союзѣ. Идея международнаго суда дѣлаетъ въ наши дни шаги впередъ не только въ наукѣ, но и въ жизни. Въ прошломъ столѣтіи она выступала на практикѣ, главнымъ образомъ, въ формѣ третейской юрисдикціи, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные примѣры третейскихъ рѣшеній, а

равно Вашингтонскій договоръ 1890 г. между американскими республиками и вызванныя имъ ходатайства въ европейскихъ палатахъ и агитація въ печати. Въ наше время идея эта находитъ еще большее осуществленіе въ постановленіяхъ двухъ гаагскихъ конференцій о постоянномъ третейскомъ судѣ. Но эта форма юстиціи есть лишь преддверіе къ тому постоянному и настоящему международному суду, который долженъ будетъ со временемъ рѣшать споры между народами на основаніи принциповъ права и для этого заботиться объ ихъ укрѣпленіи, согласованіи и расширеніи въ общихъ интересахъ мира и справедливости.

Такимъ образомъ, и въ международной области, какъ и въ частноправовой, путемъ процесса разовьется матеріальное право, а черезъ это подвергнется все большему сокращенію самоуправство сторонъ въ спорахъ. Силою вещей соображенія политики тогда уступятъ мѣсто твердымъ принципамъ права и случаи обращенія къ другой силѣ станутъ все болѣе и болѣе рѣдки и менѣе необходимы. Но даже при теперешнихъ порядкахъ нельзя согласиться съ тѣми, которые, на основаніи отсутствія въ международной области особой *исполнительной власти*, утверждаютъ будто вообще международныя сношенія управляются не правомъ, а силою. На это должно замѣтить, что право и сила не суть такія противоположности, которыя взаимно исключали бы другъ друга; напротивъ, сила часто помогаетъ къ установленію права противъ беззаконія; кромѣ того, право въ цивилизованномъ обществѣ регулируетъ самое примѣненіе силы, превращая ее на всѣхъ ступеняхъ ея примѣненія въ организованное принужденіе. Наконецъ, право постепенно вырабатываетъ другіе болѣе совершенные и мирные способы осуществленія и защиты субъективныхъ правъ и интересовъ, которые либо совершенно замѣняютъ самоуправство и войну, либо чрезвычайно сокращаютъ область ихъ дозволеннаго примѣненія. Вопреки преобладающему въ современной юриспруденціи воззрѣнію, должно сказать, что не въ физической силѣ и принужденіи—существо права, ибо это значитъ смѣшивать двѣ различныя вещи: самое право и принудительный порядокъ его осуществленія. Послѣдній имѣетъ примѣненіе обыкновенно въ томъ случаѣ, когда право и законъ нарушаются. Поэтому сила есть болѣе элементъ неправды, чѣмъ права, которое въ нормальномъ его существованіи никогда не вызываетъ насильственнаго осуществленія права. Право перестаетъ существовать съ того момента, когда оно не является болѣе побудительною причиною и мотивомъ людскихъ дѣйствій, когда оно болѣе не сознается (или же ложно толкуется). Вотъ почему распространеніе сознанія права есть лучшее средство для того, чтобы обезпечить его осуществленіе. Отсюда ясно, насколько лучшее примѣненіе и уваженіе началъ Международнаго Права стоитъ въ прямой зависимости отъ знанія его со стороны тѣхъ, которые призваны быть исполнителями и истолкователями (Мартенсъ).

Такимъ образомъ, Международное Право, допуская въ извѣстныхъ крайнихъ случаяхъ принужденіе и даже войну, какъ способы рѣшенія споровъ между государствами, подчиняетъ ихъ однако опредѣленнымъ юридическимъ нормамъ, значительно ограничивающимъ и смягчающимъ ихъ приложеніе.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія: парижская морская декларація 1856 г., отмѣнившая каперство и опредѣлившая права

нейтральныхъ, женевская конвенція 1864 г. о больныхъ и раненыхъ воинахъ, петербургская 1868 г. о разрывныхъ пуляхъ и брюссельская декларація объ обычаяхъ и законахъ войны 1874 г., воспринятая цѣликомъ гаагскими конвенціями объ законахъ и обычаяхъ сухопутной войны. Это своего рода кодификаціи военнаго права, предпринятыя правительствами и которыя въ будущемъ несомнѣнно получатъ подтвержденіе и дальнѣйшее расширеніе.

Международное Право не только регулируетъ своими нормами войну, но и стремится замѣнить ее болѣе подходящими и справедливыми способами окончанія несогласій между государствами. Для громаднаго большинства такихъ споровъ, война при современныхъ условіяхъ ея веденія, является рѣшительно немыслимою: слишкомъ ужъ ярко для всѣхъ выступаетъ полное несоотвѣтствіе между предметами споровъ, раздѣляющихъ государства, и бѣдствіями, вызываемыми войной. Это стали сознавать и правительства. На ряду съ дипломатіей, часто мало пригодною, какъ орудіе ихъ примиренія, они съ этою цѣлью стараются въ наши дни чаще обращаться къ началамъ права и это способствуетъ успѣхамъ третейской практики. Палаты всѣхъ цивилизованныхъ странъ не разъ высказывались за введеніе международныхъ третейскихъ судовъ, которые рѣшали бы всѣ споры между государствами, кромѣ лишь затрагивающихъ ихъ независимость. Два такіе коллегіальные суда какъ женевскій (1872 г.) и парижскій (1893 г.), удачно рѣшившіе споры между С. Штатами и Англіей—двумя великими державами—знаменуютъ собою новую эру въ международной третейской юрисдикціи, очевидно, призванной постепенно превратиться въ правильную международную юстицію. Державы, подписавшія Берлинскій актъ 1885 г., согласились въ случаяхъ несогласій между ними относительно его постановленій, до обращенія къ оружію, прибѣгать къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ. Въ тѣхъ же случаяхъ онѣ предоставляютъ себѣ право обращаться по своему усмотрѣнію и къ третейскому суду. Выставляя основнымъ принципомъ международной жизни охрану общаго мира, Гаагская конвенція 1899 года также настаиваетъ на посредничествѣ и третейскомъ судѣ.

Путемъ юстиціи окрѣпнетъ и выработается международная организація, которая, не подрывая внутренней самостоятельности государствъ, поставитъ однако ихъ внѣшнее, совмѣстное существованіе на вполнѣ юридическую почву. Къ судамъ третейскимъ и постояннымъ тогда присоединятся и органы: какъ законодательства, такъ и исполнительной власти со всѣми ея многообразными функціями до организованнаго принужденія включительно. Но все это скорѣе вопросы и дѣло самой жизни, нежели теоріи.

§ 4. **Источники Международнаго Права.** Главный интересъ, лежащій въ изученіи источниковъ Международнаго Права, заключается въ томъ, что изученіе это вполнѣ подтверждаетъ намъ, несмотря на нѣкоторыя ихъ особенности, юридическую природу его нормъ. Въ самомъ дѣлѣ эти нормы выражаются въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыя выливается всякое положительное право вообще, а въ смѣнѣ ихъ подмѣчаются тѣ же фазы, черезъ которыя проходитъ ростъ всякаго національнаго права отъ *обычаевъ* къ отдѣльнымъ *положительнымъ нормамъ* (законамъ, трактатамъ), требующимъ позднѣе, при осложненіи сношеній, сведенія ихъ, при помощи *судебной практики* и *научныхъ обобщенія и анализа въ одну цѣльную юридическую систему черезъ кодификацію*.

Прежде всего надо отличать внутренній и настоящій источникъ Международнаго Права или силу, его производящую, отъ различныхъ внѣшнихъ формъ его проявленія на практикѣ, какъ права положительнаго. Внутренній источникъ Международнаго Права, какъ и всякаго права, слѣдуетъ искать въ *природѣ человѣка*, въ совершенствующихся его способностяхъ, въ увеличивающихся и разнообразящихся его потребностяхъ. Этотъ источникъ постояненъ и неизмѣненъ въ томъ смыслѣ, что онъ вытекаетъ изъ требованій разумной, общежительной природы человѣка, предписывающей ему жить въ обществѣ существъ ему подобныхъ. Многіе юристы называютъ вытекающія изъ него начала правомъ необходимымъ, отличая его, однако, отъ естественнаго права прежнихъ эпохъ. Къ нему они относятъ, напримѣръ: основныя права государствъ, обязательную силу договоровъ и начало взаимности, какъ руководящее сношеніями народовъ. На практикѣ измѣняются его нормы и способы ихъ охраны, но корень ихъ остается одинъ и тотъ же. Говоря глубже, онъ скрывается въ нравственномъ порядкѣ вселенной, по волѣ Божіей управляемой великимъ закономъ солидарности всѣхъ живыхъ существъ.

Отыскивать начала этого необходимаго или разумнаго Международнаго Права должно въ *юридическомъ сознаніи* тѣхъ народовъ нашей культуры, которые вступили между собой въ правильное и, до извѣстной степени, организованное общеніе. Члены его сознаютъ себя связанными, по отношенію другъ къ другу, извѣстными правами и обязанностями и стараются совмѣстно осуществлять общіе имъ интересы. Такъ путемъ ихъ согласія возникаетъ положительное Международное Право, главными формами котораго являются: обычаи, договоры, рѣшенія международныхъ судовъ, законы государствъ, рѣшенія государственныхъ судовъ и наука.

а) *Обычаи.* Какъ и во всякой другой области права,—въ Международномъ—обычаи составляютъ самую древнюю и живую форму его проявленія. Есть, однако, и нѣкоторыя характерныя черты, отличающія собственно международные обычаи; они устанавливаются, хотя и молчаливо, но болѣе *сознательно*, чѣмъ обычаи національные. Это выражается въ томъ, что международные обычаи проявляются въ дѣйствіяхъ правительствъ и ихъ различныхъ органовъ, независимо отъ того, кѣмъ они вначалѣ были высказаны (хотя бы напр., какимъ-либо выдающимся юристомъ, политическимъ дѣятелемъ, и т. д.) Во 2-хъ, обычаи, чтобы стать международными, должны получить *общій* характеръ, т. е. быть усвоены въ той или иной формѣ, если не всѣми народами, то, по крайней мѣрѣ, большинствомъ изъ нихъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Правила, которымъ тутъ слѣдуютъ отдѣльныя правительства, но которыя не получили общаго признанія, не могутъ еще быть названы международными обычаями.

Важность обычнаго права—его непосредственная связь съ жизнью, съ тѣми потребностями людей, которыя ихъ производятъ и убѣжденіе въ юридической обязательности его нормъ со стороны примѣняющихъ его лицъ. Все это имѣетъ мѣсто и въ международной сферѣ: въ относящихся сюда обычаяхъ ранѣе и яснѣе всего сказывается фактическое и непрерывное сознаніе о правѣ со стороны государствъ, ихъ практикующихъ. Этою стороною обычаи отличаются отъ правилъ простой международной вѣжливости (comitas gentium, courtoisie internationale), играющихъ на практикѣ большую роль, но лишенныхъ юридической обязательности. Большинство нормъ и институтовъ Международнаго Права возникли и

донынѣ охраняются лишь благодаря обычаямъ, т. е. безмолвному согласію государствъ на ихъ признаніе и соблюденіе. Уже древніе знали нѣкоторыя правила относительно веденія войны. Еще болѣе въ средніе вѣка, благодаря вліянію христіанства и рыцарства, установилось различіе между доброю, честною войной (bonne guerre) и разбоемъ (mauvaise guerre). Отъ временъ рыцарей ведутъ свое начало многія понятія о чести и дисциплинѣ въ современныхъ европейскихъ арміяхъ, объ отношеніяхъ къ врагу и побѣжденнымъ, о неприкосновенности нѣкотораго рода имуществъ и т. д. Доселѣ многія нормы, составляющія право войны, не формулированы еще вовсе или высказываются недостаточно въ международныхъ соглашеніяхъ и въ законахъ государствъ и остаются въ видѣ обычаевъ, такъ-что не безъ основанія не только брюссельская конференція 1874 г., но даже и гаагскія поставили себѣ цѣлью свести въ одно цѣлое *законы и обычаи войны*. Въ средніе же вѣка, возникло *морское* Международное Право, начиная съ правилъ о товароотправленіи, о морскомъ страхованіи, объ отношеніяхъ между шкиперомъ и матросами и кончая правами нейтральной торговли—все оно сложилось первоначально въ видѣ обычаевъ, скоро утратившихъ свою національную и территоріальную окраску и перешедшихъ въ особые сборники Rooles d'Oleron XII в.; Consolato del Mare XIV в., Висбійское право XV ст. Guidon de la Mer XVI ст. и т. д.), а позднѣе сдѣлавшихся частью законодательства различныхъ государствъ. Путемъ обычаевъ выработалось далѣе международное договорное и посольское права. Также возникли права, которыми пользуются главы государствъ и ихъ представители на чужой территоріи и въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ вообще. Не меньшую роль игралъ обычай и въ частномъ Международномъ Правѣ.

Изъ всего этого ясно громадное практическое значеніе международныхъ обычаевъ даже для нашего времени: они составляютъ, какъ сказано, большую часть хотя и не писанныхъ, но положительныхъ нормъ Международнаго Права. Это ихъ значеніе проявляется собственно въ двоякомъ направленіи: обычаи представляютъ главное пособіе при примѣненіи и толкованіи спорныхъ международныхъ нормъ: они либо восполняютъ существующіе въ послѣднихъ пробѣлы, либо помогаютъ точнѣе уяснить настоящій ихъ смыслъ. Затѣмъ, они содѣйствуютъ отмѣнѣ извѣстныхъ нормъ положительнаго права, пришедшихъ въ несоотвѣтствіе съ реальными требованіями жизни. Было бы весьма желательнымъ собраніе и обнародованіе международныхъ обычаевъ въ одномъ сборникѣ. Эта работа необходимая, но не легкая, ибо соотвѣтствующія нормы обычнаго права слѣдовало бы извлекать изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ: историческихъ прецедентовъ, судебныхъ рѣшеній, постановленій различныхъ законовъ, международной практикѣ и т. д. При все расширяющемся международномъ оборотѣ, обычаи естественно должны уступить въ наше время первое мѣсто другой формѣ Международнаго Права— трактатамъ.

б) *Трактаты* или международные договоры обозначаютъ всякаго рода обязательства, принимаемыя на себя государствами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. При изученіи положительнаго Международнаго Права трактаты являются главнымъ источникомъ, ибо они лучше всего свидѣтельствуютъ о воззрѣніяхъ правительствъ въ данное время на ихъ взаимныя права и обязанности. Отъ обычаевъ они отличаются большею точностью и сознательностью выраженныхъ въ нихъ нормъ. Кромѣ вы-

шеназванныхъ актовъ по военному праву заслуживаютъ вниманія слѣдующіе договоры и постановленія: оба вооруженные нейтралитета 1780 и 1800 гг., Вѣнскій актъ 1815 г. о положеніи Европы послѣ паденія Наполеона I и дополнительныя поставленія о международномъ рѣчномъ судоходствѣ, объ осужденіи негроторговли и о рангѣ дипломатическихъ агентовъ; къ послѣднему вопросу слѣдуетъ прибавить Ахенскій протоколъ 1818 г. о министрахъ резидентахъ; Парижскій и Берлинскій акты (1856 и 1878 гг.) о положеніи Турціи и подвластныхъ ей племенъ, о Дунаѣ, Черномъ морѣ и проливахъ; конвенціи: Берлинская 1885 г. о судоходствѣ по Конго, Нигеру и вообще о торговлѣ и занятіи новыхъ земель въ экваторіальной Африкѣ, Брюссельская 1890 г. о борьбѣ въ тѣхъ странахъ съ торговлею и закрѣпощеніемъ негровъ. Женевская конвенція о больныхъ и раненыхъ 1906 г.; обѣ Гаагскія конференціи мира 1899 и 1907 гг. и выработанныя ими конвенціи. Таковы наиболѣе важные общіе международные акты. Къ нимъ должны быть присоединены договоры о различныхъ уніяхъ между государствами и другіе хотя спеціальные договоры по тому или иному вопросу (торговые, о выдачѣ преступниковъ и т. д.), заключенные между двумя или лишь немногими государствами, но тождественные по содержанію. Это указываетъ на общность идей и солидарность интересовъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Много существуетъ *сборниковъ* трактатовъ: общіе, національные и спеціальные, посвященные одному какому-либо отдѣлу Международнаго Права. Сборники эти издаются либо правительствами, либо частными лицами и, притомъ, печатаются они въ опредѣленные сроки или же просто время отъ времени. Но давно уже было указано на существующую тутъ путаницу, неаккуратность, пробѣлы и на вытекающія отсюда крайнія затрудненія при пользованіи этими собраніями. Очевидно, важное дѣло изданія трактатовъ должно вестись по раціональному однообразному и напередъ установленному плану и, притомъ, давать тексты договоровъ во всей точности своевременно и на одномъ для всѣхъ государствъ языкѣ (каковымъ наиболѣе удобнымъ былъ бы французскій). Лучшимъ способомъ осуществленія такой задачи признается даже многими правительствами учрежденіе между государствами уніи. Для этой цѣли была созвана осенью 1894 г. конференція въ Бернѣ*), которая и выработала планъ подобной уніи для совмѣстнаго и однообразнаго изданія государствами трактатовъ. Къ сожалѣнію дѣло доселѣ на томъ и остановилось, но практическая несостоятельность его такова, что осуществленіе его представляется лишь вопросомъ времени. Важными пособіями при изученіи трактатовъ являются дипломатическіе переговоры и всякаго рода акты, подготовляющіе рѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ. Особенную цѣну для уразумѣнія постановленій конгресовъ и конференцій имѣютъ ихъ протоколы. Также много интереса представляютъ инструкціи, даваемыя правительствами своимъ уполномоченнымъ для веденія переговоровъ съ иностранными дворами. Французское правительство нынѣ приступило къ печатанію такихъ своихъ инструкцій, выданныхъ имъ до первой революціи.

в) *Рѣшенія Международныхъ судовъ.* Строгіе позитивисты признаютъ только обычаи и договоры источниками Международнаго Права. Но это

*) О ней см. обстоятельную замѣтку въ международной хроникѣ Revue génér. de Dr. intern. public, 1895, № 2, p. 221—229.

воззрѣніе слишкомъ узко и исключительно формальное. Правосознаніе народовъ, безспорно, сказывается и въ ихъ *судебныхъ рѣшеніяхъ*, которыя при свободномъ, малоформальномъ еще характерѣ Международнаго Права не только призваны интерпретировать его нормы, но даже проявлять нѣкоторое творчество въ правѣ. Эта функція суда, само собой разумѣется, лишь вспомогательная и въ той мѣрѣ сокращающаяся, въ какой точнѣе и полнѣе вырабатываются законодательныя нормы и обладать ею могутъ только международные суды. Къ типу таковыхъ, болѣе или менѣе, приближаются.

1) *Призовые суды.* Они учреждаются воюющими для разбора дѣлъ законности взятыхъ ими непріятельскихъ или нейтральныхъ судовъ (призовъ) и руководствуются при этомъ не только мѣстными отечественными законами, но и Международнымъ Правомъ. Сборники ихъ рѣшеній даютъ богатый матеріалъ по всѣмъ вопросамъ какъ войны, такъ и мира. Особенно прославили себя въ призовой юрисдикціи англійскіе и американскіе юристы, но все таки нельзя видѣть въ ихъ рѣшеніяхъ, какъ дѣлаютъ это ихъ соотечественники, какія-то непреложныя истины.

2) *Смѣшанные суды въ Египтѣ* возникли въ 1874 г. Они состоятъ частью изъ туземныхъ подданныхъ, частью (въ большинствѣ) изъ лицъ рекомендованныхъ европейскими правительствами, и разбираютъ торговыя, гражданскія и нѣкоторыя уголовныя дѣла между иностранцами разныхъ національностей и между иностранцами и туземцами. Ихъ международный характеръ выражается въ ихъ организаціи и въ тѣхъ кодексахъ, которые имъ даны въ руководство. Суды эти представляютъ любопытную попытку, съ одной стороны, извѣстнаго объединенія дѣйствующей на Востокѣ юрисдикціи консуловъ, съ другой,—нѣкотораго сближенія на почвѣ права жителей христіанскихъ и восточныхъ странъ.

3) *Международные третейскіе суды* стали чаще учреждаться въ нашемъ столѣтіи. Въ пользу ихъ распространенія на практикѣ существуетъ цѣлая литература. Пока они отличаются еще довольно случайнымъ характеромъ, примѣняются (кромѣ двухъ вышеназванныхъ споровъ: Алабамскаго и о котикахъ въ Беринговомъ морѣ) къ неважнымъ случаямъ и поэтому рѣшенія ихъ не даютъ богатаго матеріала для науки Международнаго Права. Но этимъ судамъ принадлежитъ безспорно будущее въ виду возрастающаго въ цивилизованныхъ народахъ желанія оканчивать свои споры не оружіемъ, не ухищреніями дипломатовъ, а мирно и по справедливости, желанія, нашедшаго себѣ выраженіе въ постановленіяхъ Гаагской Конференціи о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній. Но расширеніе сферы дѣятельности этихъ судовъ не мыслимо безъ приданія имъ правильной организаціи и обязательнаго характера.

4) *Внутренніе законы государствъ* являются важною дополнительною формою къ доселѣ перечисленнымъ нами главнымъ или прямымъ формамъ Международнаго Права. Они или подтверждаютъ существующія уже международныя нормы, придавая имъ государственную санкцію на извѣстной территоріи, или подготовляютъ имъ дорогу опережая ихъ въ провозглашеніи новыхъ, назрѣвающихъ уже идей, но не получившихъ еще общаго признанія. Наконецъ, они служатъ подспорьемъ при толкованіи трактатовъ въ видѣ тѣснаго взаимодѣйствія между внутреннею жизнью государствъ и ихъ внѣшними сношеніями. Въ современныхъ законодательствахъ не мало существуетъ отдѣловъ, представляющихъ

большія или меньшія между собой сходства именно потому, что ихъ вызвали къ жизни одинаковыя потребности и воззрѣнія. Таковы, напр., законы объ иностранцахъ, пребывающихъ въ странѣ, о консулахъ, морскіе законы и т. д. По идеи законы и трактаты не должны, другъ другу противорѣчить, но въ случаяхъ коллизій между ними предпочтеніе на почвѣ собственно международной должно быть отдаваемо трактатамъ, какъ такимъ общимъ нормамъ, которыя не подлежатъ отмѣнѣ со стороны противорѣчащихъ имъ законовъ отдѣльныхъ государствъ.

5) *Рѣшенія государственныхъ судовъ* важны въ международной области въ двоякомъ направленіи: во 1-хъ, поскольку ими затрогиваются различные вопросы частнаго международнаго права и стоящіе съ ними нерѣдко въ связи споры о подданствѣ, объ эмиграціи, о положеніи и правахъ иностранцевъ и т. п., во 2-хъ, рѣшенія государственныхъ судовъ имѣютъ значеніе и для чисто публичнаго Международнаго Права, когда рѣчь заходитъ, напримѣръ, о правахъ и привиллегіяхъ дипломатическихъ агентовъ и государей на иностранной территоріи, объ отвѣтственности ихъ по недвижимымъ имуществамъ, владѣемымъ ими за границей, о правонарушеніяхъ, совершенныхъ воюющими на непріятельской территоріи и проч.

6) *Наука.* Быть можетъ, ни въ одной отрасли права наука не имѣетъ такого большого значенія, какъ въ сферѣ Международнаго Права. Она должна быть признана однимъ изъ главныхъ факторовъ, создавшихъ его. Ея представители не разъ оказывали вліяніе на международныя сношенія и содѣйствовали сложенію нормъ, управляющихъ этими отношеніями. Съ этою цѣлью они не только собираютъ весь положительный матеріалъ, извлекая его изъ перечисленныхъ нами выше источниковъ, но и сводятъ полученныя изъ него нормы въ стройную систему. Они заботятся о распространеніи въ обществѣ здравыхъ воззрѣній на международныя сношенія и путемъ популярныхъ изложеній, печатнаго и устнаго слова и даже, изучая современную жизнь, нерѣдко выводятъ новыя послѣдствія изъ признанныхъ началъ, или прямо высказываютъ новыя идеи, опережая тѣмъ свое время. Это уже творческая дѣятельность науки, которую никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ фантазіей или субъективными *иллюзіями, разъ эта дѣятельность опирается на глубокое зна*комство съ явленіями реальной жизни и съ законами исторіи и логики. Не менѣе почтенна и практическая роль интернаціоналистовъ: примѣняя международныя нормы на практикѣ, содѣйствовать ихъ выясненію и укрѣпленію, поддерживать и расширять добрыя отношенія между всѣми государствами, устранять возникающіе между ними споры и вообще водворять въ ихъ совмѣстной жизни великія начала справедливости и мира. Въ наше время наука Международнаго Права нашла себѣ прекрасный коллективный органъ въ *Институтѣ Международнаго Права,* который возникъ въ 1873 г. по мысли Роленъ-Жекмена, Блюнчли, Муанье и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Это общество частное, вполнѣ научное, въ составъ котораго входятъ выдающіеся интернаціоналисты всѣхъ странъ. Цѣль его содѣйствовать успѣхамъ Международнаго Права въ жизни и наукѣ и спеціально стремиться къ постепенной кодификаціи его началъ. Для сей цѣли члены его почти ежегодно собираются на съѣзды и при немъ состоятъ различныя комиссіи, разрабатывающія, главнымъ образомъ, вопросы новые, интересные въ наукѣ и которые самимъ ходомъ жизни выдвинуты на очередь. Институтъ имѣетъ свои

органы—«Ежегодникъ» и «Обозрѣніе Международнаго Права», которые являются настольными изданіями для всякаго интересующагося этою отраслью знанія.

Кодификація Международнаго Права. Подобно всѣмъ остальнымъ областямъ права, Международное достигнетъ наибольшей опредѣленности и выработки лишь подъ условіемъ его *кодификаціи*, т.-е. сведенія его нормъ государствами въ одно цѣлое и признанія ихъ для себя обязательными въ качествѣ *международнаго закона* (кодекса). Это—высшая и завершительная фаза для права вообще и не существуетъ никакого основанія съ принципіальной точки зрѣнія оспаривать ея цѣлесообразность и справедливость и для Международнаго Права. Въ этомъ направленіи высказываются все чаще и чаще писатели и даже дѣлаются нѣкоторыя попытки правительствами, какъ мы указывали выше. Лица, скептически относящіяся къ кодификаціи Международнаго Права въ цѣломъ его составѣ допускаютъ ее для тѣхъ или иныхъ его отдѣловъ, какъ-то: для права войны, морского, консульскаго и т. п. Правительственной кодификаціи должны предшествовать научныя работы этого же рода со стороны частныхъ лицъ. Современное Международное Право можетъ гордиться таковыми: кодексы Блюнчли, Фильда и Фіоре не только обнимаютъ весь предметъ ими излагаемый въ формѣ статей закона, но и принадлежатъ къ лучшимъ научнымъ системамъ въ этой области вообще. Работы Института Международнаго Права являются болѣе или менѣе удачными частями и образчиками для будущей кодификаціи соотвѣтствующихъ отдѣловъ. Засѣдавшія въ Гаагѣ въ 1893 и 94 гг.. правительственныя конференціи сдѣлали первыя подготовительныя работы къ кодификаціи гражданскаго Международнаго Права. Все это характерныя знаменія времени, указывающія на то, что и въ международной области вопросъ о кодификаціи подвигается впередъ. Вѣроятно, таковая произойдетъ постепенно и частично: отъ назрѣвшихъ и простыхъ отношеній къ болѣе сложнымъ и спорнымъ. Польза подобной работы внѣ сомнѣнія: она должна итти объ руку съ успѣхами международнаго суда въ жизни и обѣ эти задачи, восполняя другъ друга, скрѣпятъ прочными юридическими узами самый миръ между государствами.

§ 5. **Область примѣненія.** По идеѣ Международное Право есть право человѣчества, но какъ право положительное, оно соединяетъ пока народы Европы и Америки потому, что оно явилось продуктомъ всей ихъ прошлой культурной жизни. Постепенно нормы его распространились на государства Азіи, гдѣ оно дѣйствуетъ лишь частично и только за послѣдніе годы конвенціи берлинская и брюссельская втянули въ кругъ договорныхъ отношеній между европейскими кабинетами и дикія страны Африки. Поэтому, съ точки зрѣнія обязательности Международнаго Права народы всего земнаго міра распадаются на слѣдующія три группы: 1) Европейско-Американскій міръ; 2) народы Азіи, или магометанскій и языческій міръ Востока и 3) всѣ остальныя племена, варвары, почти не достигнувшіе какой-либо государственной организаціи.

1. Международное Право зародилось, какъ извѣстно, въ Западной Европѣ въ XVIII стол., когда новыя государства, сложившись, вступили въ правильныя между собою сношенія и когда протестантизмъ утвердилъ принципы духовной и умственной свободы въ жизни народовъ. Тому же факту содѣйствовали, на рубежѣ новаго времени, многочислен-

ныя изобрѣтенія и открытія въ разныхъ сферахъ мысли, открытіе Америки и морского пути въ Индію и вызванныя ими оживленіе всемірной торговли и заведеніе европейцами во всѣхъ частяхъ свѣта колоній. Такимъ образомъ съ успѣхами европейской цивилизаціи и колонизаціи распространялись начала Международнаго Права на другіе материки. Прежде всего возникли цвѣтущія самостоятельныя государства въ Америкѣ. Сколько ни представляютъ политическихъ особенностей ея республики, сравнительно со странами Европы, но для всякаго очевидно, что сношенія между этими обоими материками должны покоиться на началахъ полнаго равенства и обоюдной независимости, но подъ условіемъ самаго широкаго и дружественнаго между ними общенія. Они— отрасли одного ствола и одна часть безъ другой, долго не просуществуетъ. Въ этихъ видахъ нельзя не протестовать противъ формулы «Америка—для американцевъ», какъ ее толкуютъ узкіе патріоты и фанатики въ С. Штатахъ. Америка не только обязана Европѣ своимъ населеніемъ и цивилизаціей въ прошломъ, но и все благосостояніе ея въ будущемъ обусловлено тѣснымъ и постояннымъ общеніемъ ея съ Европою. Поэтому С. Штаты, будучи передовою державою на своемъ материкѣ, призваны стоять на стражѣ его независимости и свободы, но они не имѣютъ ни малѣйшаго права ни закрывать Америку для европейскихъ эмигрантовъ и товаровъ, ни вытѣснять европейцевъ изъ принадлежащихъ имъ тамъ владѣній. Это были бы тяжкія нарушенія Международнаго Права, которыя узаконили бы противъ себя, со стороны европейскихъ державъ, самыя энергичныя и коллективныя мѣры. С. Штаты до сихъ поръ не принимали участія въ обсужденіи великихъ политическихъ вопросовъ нашего материка, но съ точки зрѣнія права и какъ держава міровая, они вполнѣ могли бы это дѣлать. За то многочисленны договоры, заключенные ими съ государствами Европы и ко многимъ обще-юридическимъ постановленіямъ ихъ они присоединились: къ женевской конвенціи 1864 г., къ почтовому и промышленному союзу (но не къ телеграфному и литературному), къ метрической конвенціи 1875 г., къ парижской 1884 г. объ охранѣ кабелей въ мирное время и т. д. Делегаты Штатовъ засѣдали, но не обязывая свое правительство, на конференціяхъ берлинской 1884—85 г. и на брюссельской 1889—90 г. Съ прорытіемъ Панамскаго канала чрезвычайно важно будетъ установить надъ нимъ не американскій, а обще-международный контроль и управленіе.

2. *Народы Азіи*, хотя и пользуются древнею и богатою культурою, но она покоится на иныхъ основахъ, сравнительно съ европейскою, поэтому начала Международнаго Права къ нимъ примѣняются лишь постольку, поскольку *они высказаны въ заключенныхъ съ ними договорахъ*. Съ цѣлью охраны своихъ подданныхъ, пребывающихъ на Востокѣ и не довѣряя мѣстному правосудію, европейскія государства, а за ними и американскія установили тамъ консульскую юрисдикцію, въ силу которой, какъ извѣстно, подданные ихъ подлежатъ въ Азіи не мѣстнымъ, а отечественнымъ судамъ своихъ консуловъ. Въ послѣднее время подымали рѣчь о замѣнѣ этихъ консульскихъ судовъ такими же смѣшанными, какіе введены въ Египтѣ. Это было бы шагомъ впередъ на почвѣ сближенія въ вопросахъ права между христіанскимъ міромъ и азіатскимъ,—шагомъ во всякомъ случаѣ болѣе осторожнымъ и желательнымъ, нежели простое упраздненіе консульской юрисдикціи, какъ

на этомъ настояла Японія въ нѣкоторыхъ своихъ договорахъ съ Англіей, С. Штатами, Германіей, Россіей. Лишь въ нашемъ столѣтіи сношенія Европы съ Востокомъ приняли правильный и очень оригинальный характеръ: въ 1856 году на Парижскомъ конгрессѣ Турція принята великими державами «въ составъ европейскаго концерта», причемъ послѣднія заявили о распространеніи на нее Международнаго Права. Европа думала этимъ путемъ установить надъ нею коллективный надзоръ, ослабить вліяніе на нее Россіи и продлить ея жалкіе дни. Но никакіе договоры не предотвратятъ распаденія «Блистательной Порты». Только одно твердое и напередъ установленное, по справедливости и въ интересахъ всѣхъ, соглашеніе державъ въ состояніи ускорить наступленіе этого желаннаго момента при возможно благопріятныхъ и мирныхъ условіяхъ. Съ половины приблизительно нашего столѣтія вышли изъ своей тысячелѣтней замкнутости Китай и Японія. Послѣдняя особенно быстро стала воспринимать, хотя съ внѣшней стороны, начала европейской культуры. Тѣмъ не менѣе государства Европы въ сношеніяхъ своихъ съ народами Азіи должны бы неуклонно держаться двухъ основныхъ началъ: не смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ и высокомѣріемъ, какъ на людей низшей расы, но соблюдать строго начала нравственности и справедливости. Кромѣ того, не втягивать ихъ никогда въ свои союзы и взаимныя распри. На раздорахъ европейскихъ кабинетовъ строятъ, обыкновенно, азіатскіе политиканы свою темную игру и оппозицію Европѣ. Особенно слѣдовало бы послѣдней позаботиться о томъ, чтобы не обучать азіатовъ своимъ военнымъ искусствамъ и техникѣ, не посылать къ нимъ собственныхъ инструкторовъ. Вообще хранить свои военныя силы и открытія въ тайнѣ и всѣмъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать дружно и за одно. Тогда европейскимъ народамъ не будутъ страшны никакія полчища Азіи.

3. Относительно, наконецъ, *варваровъ*, или дикихъ племенъ, которые либо достигли лишь низшей ступени государственности, либо ведутъ еще вполнѣ кочевую жизнь, должно замѣтить, что и на нихъ Международное Право призвано простирать охранительную силу своихъ нормъ. Но это выражается лишь въ признаніи за ними ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ и въ уваженіи заключенныхъ съ ними сдѣлокъ и договоровъ. Нельзя не отмѣтить въ сношеніяхъ европейцевъ съ варварами значительнаго поворота къ лучшему за послѣднее время: предпринята энергическая борьба съ торговлею неграми и съ рабствомъ вообще, при чемъ европейскія правительства признали своею обязанностью заботиться о матеріальномъ и духовномъ благосостояніи туземцевъ Африки во всѣхъ тѣхъ ея странахъ, гдѣ они утвердятъ свою власть или протекторатъ. Въ этихъ видахъ они высказываютъ желаніе покровительствовать духовнымъ, научнымъ и филантропическимъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ указанную цѣль, бороться вездѣ съ устарѣлымъ институтомъ рабства и прямо запрещаютъ даже въ большей части Африки подвозъ къ туземнымъ ея населеніямъ огнестрѣльнаго оружія и спиртныхъ напитковъ, а также торговлю ими (акты берлинской конференціи 1885 г. и особенно брюссельской 1890 г.). Эти постановленія прекрасны, только надо ихъ примѣнять во всей строгости, а сферу ихъ дѣйствія не ограничивать одною Африкой (или даже «договорнымъ бассейномъ Конго»), но распространить на всѣхъ варваровъ вообще.

VI. **Литература** по Международному Праву чрезвычайно богата: въ ней принимаютъ участіе выдающіеся писатели всѣхъ народовъ. Богатое содержаніе Международнаго Права излагается то въ многотомныхъ трактатахъ, то въ сжатыхъ учебникахъ для начинающихъ, то въ научныхъ словаряхъ. Новые вопросы, постоянно возникающіе въ этой области съ ходомъ самой жизни, разрабатываются въ безчисленныхъ монографіяхъ, въ которыхъ лежитъ центръ тяжести современной науки и въ спеціальныхъ журналахъ.

Само собою разумѣется мы можемъ указать здѣсь лишь на самыя главныя явленія.

Писателей по Международному Праву обыкновенно распредѣляютъ по ихъ *національности*, но вѣрнѣе группировать ихъ по *методу* и *научному направленію*. Въ этомъ отношеніи они могутъ быть раздѣлены на четыре большія категоріи, смотря по тому, изслѣдуютъ ли они *исторію* международныхъ сношеній, или подвергаютъ достигнутые уже въ наукѣ результаты *критическому анализу*, или даютъ *юридическую конструкцію* всѣмъ ея положительнымъ элементамъ, или же стремятся наконецъ облечь свое изложеніе въ наиболѣе совершенную для каждаго права форму *кодификаціи*.

1. По *исторіи* международныхъ сношеній наиболѣе капитальнымъ трудомъ, несмотря на многочисленныя отступленія, является сочиненіе Лорана (Laurent. Etudes sur l'histoire, 18 vls, 1850—70). Глубокая мысль, богатыя указанія на литературу, блестящее изложеніе; останавливается на 1815 г. — Нѣсколько устарѣла, но хороша книга Мюллеръ-Іохмуса, посвященная древнимъ государствамъ (Müller-Iochmus. Geschichte des Völkerrechts im Alterthum 1848 г.). Довольно полную картину международныхъ отношеній въ средніе вѣка даетъ *Нисъ (Nys.* Les origines du dr. intern. 1894 г.). Полной такой исторіи для новаго времени не существуетъ.

Въ русской литературѣ слѣдуетъ отмѣтить работы *Каченовскаго* (кн. II его курса 1866, исторія доведена до реформаціи); *Иванова* (характеристика международныхъ отношеній и Международнаго Права въ историческомъ развитіи, 1874) и *бар. Таубе* (Исторія зарожденія современнаго М. П.—Средніе вѣка. Т. I. 1894 г. Т. II. 1899 г.).

2. *Критическое направленіе* характеризуетъ особенно нѣмецкую науку и является тамъ одною изъ формъ *философскаго* метода. Главою писателей этой школы выступилъ Кальтенборнъ *(Kaltenborn.* Kritik des Völkerrechts, 1847). Хорошая оцѣнка писателей съ точки зрѣнія ихъ системы и основныхъ научныхъ положеній и блестящій очеркъ собственныхъ воззрѣній на эти капитальные пункты. Продолжателями его являются Бульмерингъ (Bulmerincq. Die Systematik des Völkerrechts 1858 и Praxis, Theorie und Codification des Völkerr. 1874). Гейльборнъ (Heilborn. System des Völkerr. aus dessen Grundbegriffen entwickelt, 1896, останавливается особенно на воззрѣніяхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ государственниковъ). *Triepel.* Völkerrecht und Landesrecht. 1899. *Kaufmann.* Die Rechtskraft des intern. Rechts nach dem Verhältniss der Staatengesetzgebung und der Staatsorgane zu demselben. 1899.

3. *Положительно научныя* обработки Международнаго Права отмѣчены въ наши дни, главнымъ образомъ, *юридическимъ методомъ*. Этотъ пріемъ сталъ господствующимъ съ появленія книги Гефтера (1-е нѣм. изд. 1844), хотя зачатки его можно прослѣдить гораздо ранѣе. Писатели

этого направленія извлекаютъ матеріалы изъ трактатовъ, исторіи и другихъ проявленій ихъ въ дѣйствительной жизни и придаютъ имъ сообразно съ ихъ природою и потребностями современнаго общества юридическую форму и систему, тщательно выдѣляя ихъ отъ примѣси съ началами морали и политики. Изъ небольшихъ учебниковъ по дѣльности и ясности выдѣляются: въ нѣмецкой литературѣ — руководства Гарейса (*Gareis.* Institutionen des Völk. 1889) *Rivier.* Lehrbuch des Völkerrechts. 2-е изд. 1899. перев. на русскій языкъ Казанскимъ 1893) Бульмеринга (Bulmerincq. Völkerrecht 1884), и въ особенности *Liszt.* Das Völkerrecht. 4 изд. 1906 г.; русскій перев. Мебель подъ ред. Грабаря съ 2-го нѣм изд. 1902., а во французской Рено (Renault. Introduction à l'étude de dr. intern. 1879), Лесеръ (*Leseur.* Introduction à un cours de dr. intern. public. 1893). *Bonfils.* Manuel de droit public. 4-е изд. подъ ред. Fauchille. 1905. *Rivier.* Principes du droit des Gens 2 т. 1896. *Nys* Le droit international. 3 ч. 1904—1906. Но лучшею и наиболѣе обстоятельною обработкою дѣйствующаго Международнаго Права съ точки зрѣнія практики государствъ должно быть признано обширное руководство *Гольцендорфа*, изданное имъ въ сотрудничествѣ съ тринадцатью, большей частью, нѣмецкихъ интернаціоналистовъ (Holtzendorff. Handbuch des Völkerr. 4 Bd. 1885—89. Къ нему Указатель). Первый томъ посвященъ обширному введенію, гдѣ излагается (Гольцендорфомъ) исторія международныхъ сношеній до Вестфальскаго мира и (Ривье) очеркъ литературы по Международному Праву (наиболѣе полный изъ существующихъ). Весьма обширны трактаты Кальво (Calvo. Le dr. intern. théorique et pratique 4 édit., 5 vls. 1887—88, 6-ой дополнительный томъ 1896 г., (по богатству содержанія и практическому направленію безцѣнное пособіе для дипломатовъ, консуловъ, юристовъ) и Прадье-Фодере (*Pradier-Fodéré.* Traité de dr. intern. public. européen et americain., 8 большихъ томовъ, 1885—1906). Изъ итальянскихъ сочиненій долженъ быть рекомендованъ прекрасный трудъ Фіоре (*Fiore.* Trattato di diritto internazionale publico 3 vol. 3 édit. 1887—91; есть французскій переводъ), а изъ англійскихъ Гооль (*Hall.* A Treatise of International Law 5 édit. 1905). — Много новыхъ курсовъ вышло за послѣднее время во Франціи.

На русскомъ языкѣ существуютъ два хорошія сочиненія, обнимающія всю систему Международнаго Права: обстоятельный, переведенный на многіе иностранные языки курсъ *Мартенса* (Современное М. П. цивилизованныхъ народовъ 2 т. Изд. 5. 1904—1905) и Пособіе *Даневскаго* (Пособіе къ изученію исторіи и системы М. П. 1892). Еще *Казанскій.* Введеніе въ Курсъ Межд. Пр. 1901. Учебникъ Меж. Пр. 1902.—

4. *Опыты кодификаціи* сдѣланы доселѣ тремя первоклассными писателями, труды которыхъ должны быть отнесены вообще къ лучшимъ изложеніямъ Международнаго Права по глубинѣ и точности мысли, по ясности и красотѣ языка. Это кодексы Блюнчли (*Bluntschli.* Modernes Völkerr. 3 Aufl. 1878, есть русскій переводъ; Фильда (*Field.* International Code, 2 édit. 1876, есть франц. пер.) и Фіоре (*Fiore.* Ordinamento Giuridico della Società degli Stati. 1890, есть также франц. пер.).

5. *Журналы.* Существуетъ три прекрасныхъ научныхъ журнала, которые ставятъ себѣ задачею теоретическую и практическую разработку вопросовъ Международнаго Права и возможно широкое распространеніе свѣдѣній о немъ въ средѣ образованнаго общества. При строгой научности помѣщаемыхъ въ нихъ статей, послѣднія отличаются живымъ инте-

реснымъ содержаніемъ. Журналы эти суть: Revue de dr. internat. et de législation comparée (изд. Ed. Rolin въ Брюсселѣ). Revue générale de dr. internat. public. (изд. Fauchille) и Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht изд. Kohler съ 1906 г.

ГЛАВА I.

Субъектъ международнаго права.

§ 1. Опредѣленіе субъекта международнаго права, господствующая теорія, настоящій субъектъ. Лицомъ или субъектомъ права называютъ существо, способное имѣть права, т. е. пріобрѣтать, реализировать и вступать, слѣдовательно, во всякаго рода обязательства. Кого считать субъектомъ права въ международной области? Долгое время между писателями по международному праву существовало по этому поводу большое разногласіе. По ученію Гефтера существуютъ три субъекта международнаго права: государства, государи и частныя лица: по ученію Блюнчли и Рено—два, но различные: первый признаетъ субъектами государства и системы государствъ (священный союзъ, пентархія и т. д.), второй—государства и частныя лица. Но въ послѣднее время большинство писателей придерживается теоріи, которая признаетъ *международными лицами, или субъектами международнаго права исключительно государства.* Этой же теоріи въ прежнихъ своихъ трудахъ придерживался извѣстный итальянскій ученый Фіоре, но въ послѣднемъ своемъ сочиненіи субъектами права онъ признаетъ не только государства, но и церкви и отдѣльныхъ людей. Съ господствующей теоріей можно до извѣстной степени согласиться, если обратить вниманіе на то, что въ международной области нормы *международнаго права* высказываются *государствами* и ими же, такъ или иначе, *защищаются.*

Передадимъ сущность господствующей теоріи. Для послѣдователей ея представляетъ огромную важность вопросъ о государствѣ.

Большая часть интернаціоналистовъ (Гарейсъ, Фіоре) довольствуются при опредѣленіи государства слѣдующими четырьмя внѣшними признаками: 1) населеніе, 2) занимающее опредѣленную территорію, 3) и управляемое верховной властью, 4) на основаніи законовъ, соединяющихъ эти разрозненные элементы въ одно политическое и юридическое цѣлое.

Для выясненія роли государства въ области международнаго права при опредѣленіи его недостаточно однихъ внѣшнихъ признаковъ; къ нимъ надо присоединить еще внутренніе признаки, а именно: государства 1) суть организмы, 2) суть личности.

Съ точки зрѣнія органической теоріи государства представляютъ не механическія скопленія людей, подчиненныхъ какимъ-либо внѣшнимъ законнымъ органамъ, а живыя тѣла, развивающіяся извнутри сообразно народному духу.

Еще важнѣе другой внутренній признакъ—государства суть личности. Личностью можетъ быть только организмъ, но не всякій организмъ можетъ быть личностью. Только такіе организмы суть личности, которые одарены волею и, слѣдовательно, индивидуальны. Въ этомъ смыслѣ и

государства суть организмы—личности. Государство, какъ личность, отличается отъ лицъ физическихъ и юридическихъ; эти послѣднія входятъ въ государство—личность, какъ составные элементы, а потому по отношенію къ нимъ государство является личностью сложной. Регулированіе отношеній между государствами—личностями составляетъ задачу международнаго права.

Возвращаясь къ изложенію господствующей теоріи о субъектѣ международнаго права, нужно замѣтить, что она вполнѣ основательно указываетъ на то, что къ субъектамъ международнаго права не могутъ быть относимы различныя общественныя группы, которыя то предшествуютъ образованію государства, то существуютъ одновременно съ нимъ и въ его границахъ, но преслѣдуютъ самостоятельныя цѣли. И если нѣкоторые писатели (Блюнчли, Фіоре) признаютъ эти общественныя группы субъектами международнаго права, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эти группы пользуются покровительствомъ международнаго права.

Поэтому къ международнымъ лицамъ не должно относить тѣ различныя *общественныя группы* и *союзы*, которые то предшествуютъ образованію государствъ, то, хотя живутъ подъ ихъ сѣнію, но преслѣдуютъ самостоятельныя цѣли. Нельзя также съ этими лицами смѣшивать *международные органы* или лица и учрежденія, которыя являются представителями государствъ, высказывая ихъ волю.

Отсюда къ субъектамъ международнаго права не относятся:

1. *Дикія племена.* Не имѣя прочной осѣдлости, они ведутъ кочевой образъ жизни. У нихъ нѣтъ прочной территоріи и они въ цѣломъ не доросли еще до настоящей государственной организаціи. Но, какъ показываетъ опытъ, цивилизованныя государства вступаютъ съ ними въ договоры, ведутъ войну и т. д. Эти отношенія опредѣляются болѣе правилами нравственности, чѣмъ требованіями права; однако, международное право въ силу своего общечеловѣческаго характера принимаетъ подъ свою охрану личныя и имущественныя права дикарей.

Послѣдніе — хозяева тѣхъ пространствъ земли, которыя они занимаютъ, и преступно лишать ихъ пастбищъ и урочищъ путемъ обмана или насилія. Договоры, съ ними заключенные, должны быть исполнены. Если представится нужда примѣнить къ нимъ репрессаліи, то они при всей строгости, не должны быть безчеловѣчны.

2. *Политическія партіи*, съ оружіемъ въ рукахъ стремящіяся къ отдѣленію отъ государства. Онѣ получаютъ иногда частичное признаніе и являются зачаткомъ новаго политическаго тѣла. Но пока борьба длится, онѣ не суть международныя лица, хотя и имѣютъ право на международную охрану, если сами уважаютъ начала этого права. Другими словами, ихъ нельзя считать просто разбойниками и къ нимъ примѣнимы начала не уголовнаго, а военнаго права. Это сказывается въ обращеніи, которымъ должны пользоваться ихъ плѣнные, раненые и больные. Частичное же признаніе выражается въ признаніи ихъ *воюющей стороною* *).

3) *Торговые союзы, общества и компаніи* въ дѣйствительности нерѣдко выступали въ международной области, какъ государства. Они преслѣдовали свои опредѣленныя цѣли, обладали войскомъ или флотомъ

*) Такъ, напримѣръ, отдѣлившіеся отъ союза (въ 1861 г.) южные Штаты, были признаны воюющей стороною Англіей и Франціей.

и вели войны, а равно вступали въ договоры съ иностранными правительствами. Такъ могло быть въ эпохи слабаго и недостаточнаго развитія государственной организаціи, но теперь эти союзы самостоятельнаго политическаго значенія не имѣютъ, а дѣйствуютъ всегда подъ контролемъ государства, на территоріи котораго они возникли, и которое дало имъ признаніе. Изъ исторіи извѣстны: союзъ германскихъ городовъ, получившій съ 1315 г. названіе Ганзы; Остъ-Индская компанія, много содѣйствовавшая утвержденію англичанъ въ Индіи и упраздненная въ 1858 г.; Международная Африканская ассоціація, поставившая себѣ цѣлью съ 1876 г. изслѣдованіе экваторіальной Африки и превратившаяся въ 1885 г. въ независимое, нейтрализованное государство Конго.

4. *Христіанскія церкви* изъ всѣхъ союзовъ имѣютъ наиболѣе самостоятельную отъ государствъ жизнь и организацію. Особенно можно это сказать про католическую церковь съ независимымъ владыкою, папою во главѣ. Въ средніе вѣка она возвышалась надъ государствами и присвоила себѣ немало функцій послѣднихъ. Но и гораздо позднѣе папы въ качествѣ свѣтскихъ государей вступали съ монархами въ соглашенія, извѣстныя подъ именемъ *конкордатовъ*. Тѣмъ не менѣе, однако, *церковь не есть субъектъ* международнаго права; ей по природѣ чужды политическія цѣли и она не располагаетъ матеріальною силой. Конкордаты, строго говоря, не относятся къ области международнаго права, а, какъ соглашенія sui generis, должны быть причислены частію къ государственнымъ законамъ, частію къ церковнымъ.

Спеціально папа съ 1870 г. пересталъ быть свѣтскимъ государемъ. Но по италіанскому закону «о гарантіяхъ» 1871 г. ему оставлены: извѣстный кварталъ въ Римѣ и многія верховныя и почетныя права государей (активное и пассивное посольское право, такъ-называемая внѣземельность и т. д.).

5. Италіянскіе публицисты хотятъ основать въ наше время и международное право по идеѣ *національности*, а не государства. Для нихъ національности суть естественные и живые союзы людей, противополагаемые государствамъ, какъ формамъ искусственнымъ и насильственнымъ. Безспорно, начало національности играетъ большую роль въ современной жизни и политикѣ; оно содѣйствуетъ вѣрному пониманію самаго государства, какъ личности, но оно не можетъ имѣть значенія, приписываемаго ему италіянцами. Національности суть личности, но культурныя и историческія, а не политическія. Лишенныя политической организаціи и воли, онѣ не могутъ быть вслѣдствіе этого международными лицами. Но международное право, видя въ нихъ одинъ изъ основныхъ элементовъ государства, вообще охраняетъ ихъ право на индивидуальность и духовную самобытность. Въ извѣстныхъ случаяхъ, съ точки зрѣнія его началъ, представляется вполнѣ законнымъ оказаніе имъ помощи и даже содѣйствіе къ ихъ политическому освобожденію.

6. Относительно *государей* должно замѣтить, что развѣ въ неограниченныхъ монархіяхъ, гдѣ вся политическая жизнь народовъ сосредоточивается въ ихъ особѣ (по извѣстной формулѣ: l'Etat c'est moi), можно еще ихъ считать субъектами международнаго права, но въ сущности, съ международной стороны, государи суть не болѣе, какъ представители, верховные органы управляемыхъ ими государствъ. Поэтому послѣднія и должны считаться субъектами постоянными и живыми вопреки смѣнѣ ихъ правителей и династій.

7. Еще болѣе органами въ этомъ смыслѣ, а не лицами являются *дипломатическіе агенты*, отвѣтственные не только предъ своимъ отечествомъ, но и предъ назначившимъ ихъ правительствомъ. Они не столько высказываютъ международныя нормы, сколько примѣняютъ ихъ.

8. *Отдѣльный человѣкъ* также не можетъ быть признанъ субъектомъ международнаго права. Онъ прежде всего пользуется охраною того государства, чей онъ гражданинъ. Международная защита является къ ней дополненіемъ, а иногда замѣною. Впрочемъ, субъектомъ можно считать отдѣльнаго человѣка въ области частнаго международнаго права. Тутъ все болѣе сказывается: съ одной стороны—приравненіе иностранцевъ къ туземцамъ (въ гражданскомъ отношеніи), съ другой—стремленіе признать за человѣческой личностью, независимо отъ ея религіознаго, національнаго или сословнаго характера, повсюду извѣстную сумму правъ, вытекающихъ изъ самой ея природы. Такимъ образомъ, мы приближаемся, хотя медленно, но неукоснительно къ тому идеалу всемірнаго гражданства, о которомъ училъ Кантъ.

Такова господствующая теорія, но мы на ней остановиться не можемъ.

Государства, дѣйствительно, высказываютъ и охраняютъ международныя нормы, но не они творятъ ихъ. Международное право есть продуктъ многовѣковой исторической жизни новѣйшаго человѣчества. Оно коренится въ общемъ *сознаніи* цивилизованныхъ народовъ и вырабатывается ихъ *совмѣстной жизнью*. Если бы государство творило это право оно превратилось бы во внѣшнее государственное право (äusseres Staatsrecht; Droit public externe), какъ его и называютъ многіе ошибочно; но оно имѣетъ собственное, отъ государствъ независимое бытіе. Правительства, высказывая его нормы, то опережаютъ свое время, то обыкновенно отстаютъ отъ него, но мормы его становятся международными лишь подъ условіемъ, чтобы онѣ, соотвѣтствуя идеямъ и потребностямъ даннаго времени, были признаны остальными государствами. Поэтому мы и говоримъ, что въ международной области государства высказываютъ право не отъ своего имени, а лишь въ качествѣ членовъ того высшаго цѣлаго, въ составъ котораго они входятъ и которое называется *международнымъ союзомъ*. Этотъ союзъ и является лицомъ, создающимъ общее для государствъ право. Въ наше время сюда относятся *государства Европы и Америки*, т. е. народы христіанской или европейской цивилизаціи, но по идеѣ и въ дали временъ онъ призванъ обнять *все человѣчество*. Вотъ настоящій и единственный субъектъ международнаго права. Но говоря о человѣчествѣ, мы разумѣемъ эту идею не въ отвлеченномъ смыслѣ философовъ, а въ конкретномъ и историческомъ и добавляемъ: *человѣчество, политически организованное въ государства*, таковъ субъектъ международнаго права; отдѣльныя же государства являются не болѣе, какъ его *носителями, выразителями*.

Лишь эта точка зрѣнія внутренне и принципіально отдѣляетъ международное право отъ государственнаго и возводитъ его на степень совершенно самостоятельной отрасли права. Подобно тому, какъ гражданское право своимъ субъектомъ имѣетъ человѣка, государственное — государство, каноническое — церковь, международное получаетъ особаго, ему свойственнаго, субъекта въ человѣчествѣ.

Изложенная нами теорія отличается отъ господствующей въ слѣдующихъ отношеніяхъ.

1) Она признаетъ въ принципіальномъ отношеніи особый субъектъ для международнаго права—человѣчество, а не отдѣльныя государства. 2) Она въ основаніи не согласна съ воззрѣніемъ на государства въ абсолютномъ смыслѣ, не согласна съ идеей всемогущества государства. 3) Она признаетъ носителями международной защиты и другія общественныя группы, помимо государствъ, такъ что международной охраной должны пользоваться въ предѣлахъ международнаго союза: церкви, различныя общественныя группы, союзы. Этимъ мы не хотимъ сказать, что эти союзы имѣютъ *въ международномъ отношеніи* равное съ государствами значеніе. Прежде всего для отдѣльнаго человѣка, какъ и для группъ, стоитъ государство, но помимо охраны государственной, для нихъ можетъ и должна быть еще охрана международная; въ области международной человѣкъ является субъектомъ права самъ по себѣ, а не только въ качествѣ гражданина того или другого государства.

§ 2. **Признаніе новыхъ государствъ объ измѣненіяхъ ими претерпѣваемыхъ и объ ихъ прекращеніи.** Международное право, изучая отношенія между государствами, должно прежде всего остановиться на *главныхъ моментахъ* ихъ существованія. Исторія показываетъ намъ, что государства, подобно всему живому, подлежатъ закону измѣненія и роста, они возникаютъ, подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ и прекращаются. Это ведетъ въ международной области къ ученіямъ: объ ихъ признаніи, основныхъ правахъ и обязанностяхъ.

Вопросы, когда и какъ возникаютъ новыя государства, не относятся къ международному праву; на нихъ отвѣчаетъ либо право государственное, либо исторія.

Въ различныя историческія эпохи дѣйствіемъ различныхъ причинъ вызываются къ жизни новыя политическія тѣла, но въ предѣлахъ международнаго союза процессъ этотъ совершается однимъ изъ трехъ способовъ: 1) *посредствомъ отдѣленія* областей отъ цѣлаго, съ которымъ они до того были связаны и 2) *посредствомъ сліянія* двухъ или нѣсколькихъ государствъ въ новыя политическія тѣла. Новая исторія представляетъ много любопытныхъ примѣровъ того и другого процесса; мы видимъ отдѣленіе въ 1776 г. Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи, Южно-Американскихъ республикъ отъ Испаніи въ началѣ прошлаго столѣтія, Бельгіи отъ Голландіи въ 30-хъ годахъ, государствъ на Балканскомъ полуостровѣ: Греціи, Румыніи, Сербіи и до нѣкоторой степени Болгаріи отъ Турціи, наконецъ, въ 1861—1865 г. чуть не произошло распаденіе Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ на двѣ половины: Южную и Сѣверную. Съ другой стороны мы видимъ, какъ результатъ сліянія государствъ, образованіе Итальянскаго королевства и Германской имперіи. 3) Третій путь образованія новыхъ государствъ, который не подходитъ подъ перечисленныя двѣ главныя категоріи, состоитъ въ томъ, что извѣстныя колоніи и земли, получившія политическую организацію, будутъ признаны мирно со стороны нѣкоторыхъ державъ или даже всего международнаго союза новыми самостоятельными государствами; это есть путь *международной инвеституры*, признаніе политической самостоятельности за землями, дотолѣ ея не имѣвшими. Таково признаніе въ 1885 г. въ актѣ Берлинскаго конгресса государства Конго самостоятельнымъ со стороны всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Тутъ нѣтъ ни отдѣленія, ни сліянія, а есть признаніе всѣми, какъ бы созданіе новаго политическаго тѣла совокупностью другихъ государствъ.

Указанные различные способы возникновенія государствъ осуществляются то насильственнымъ путемъ, то мирнымъ путемъ договоровъ. Но какъ бы ни возникало государство, оно должно быть признано другими. Многіе отрицаютъ необходимость признанія; для государства, по ихъ мнѣнію, достаточно факта существованія. Главныя основанія своего существованія государство дѣйствительно черпаетъ въ себѣ самомъ, и разъ оно сложилось, то этотъ фактъ, казалось бы не требовалъ никакого подтвержденія, но это разсужденіе было бы только въ томъ случаѣ вѣрнымъ, если бы международный союзъ не составлялъ того высшаго цѣлаго, въ составъ котораго они не могутъ входить безъ согласія его прежнихъ членовъ, разсматривающихъ вопросъ о томъ, способно ли новое государство нести лежащія на немъ права и обязанности. Принципъ этотъ въ 1881 году на Лондонской конференціи формально получилъ признаніе со стороны правительствъ.

Другое заблужденіе относительно признанія состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто здѣсь все зависитъ отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ государствъ, признающихъ или не признающихъ новый политическій организмъ; такъ это бываетъ на практикѣ, гдѣ каждое государство даетъ признаніе вновь возникающему исключительно по своему усмотрѣнію, руководствуясь своими интересами, симпатіями къ вновь возникающему политическому тѣлу, антипатіями къ старому. Интересы и симпатіи отдѣльныхъ государствъ—вотъ пружины, дѣйствующія въ дѣлѣ признанія. Исторія показываетъ намъ, что всего неохотнѣе даютъ признанія старыя государства, отъ которыхъ отдѣляются новыя; другія государства—тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе затрагиваются въ страдательномъ смыслѣ ихъ интересы. Чѣмъ государства болѣе прочны во внутреннемъ политическомъ устройствѣ, чѣмъ они развитѣе и чѣмъ болѣе держаться началъ либеральной политики, тѣмъ скорѣе они даютъ признаніе. И наоборотъ, чѣмъ болѣе они слабы и консервативны, тѣмъ неохотнѣе смотрятъ на возникновеніе въ средѣ своей новыхъ членовъ. Такимъ образомъ, признаніе новаго государства дается, обыкновенно, разновременно. Все это показываетъ, что до сихъ поръ практика управляется не твердыми принципами права, а эластичными соображеніями политики, что до сихъ поръ нѣтъ юридически выработанной теоріи признанія. Эта теорія предполагаетъ два условія: 1) чтобы признаніе давалось по принципамъ, для всѣхъ яснымъ; 2) чтобы оно исходило не отъ отдѣльныхъ государствъ, а отъ всего международнаго союза. Вотъ въ чемъ юридическая теорія признанія должна отличаться отъ настоящей практики. Итакъ, что же такое признаніе? *Подъ признаніемъ слѣдуетъ разумѣть принятіе международнымъ союзомъ въ свою сферу новаго государства на правахъ взаимности и равенства.*

Чрезвычайная трудность примѣненія на практикѣ юридической теоріи признанія заключается въ томъ, что тутъ сталкиваются противоположные и неудобопримиримые интересы троякаго рода: 1) того государства, которое зарождается и требуетъ признанія; 2) интересы того государства, отъ котораго отдѣляется новое; 3) интересы всѣхъ постороннихъ этой борьбѣ государствъ.

Вотъ почему необходимо выработать относительно признанія опредѣленную юридическую теорію, которая будетъ служить компасомъ среди этихъ опасныхъ на практикѣ мелей и скалъ.

Отмѣтимъ прежде всего *отрицательные признаки признанія.*

1) Въ немъ нельзя видѣть ни основанія, ни санкціи суверенитета признаваемаго государства. Каждое государство независимо само по себѣ, и каждый народъ, какъ таковой, черпаетъ въ себѣ самомъ право на независимое духовное и политическое бытіе.

2) Въ признаніи не заключается никакого сужденія о *правомѣрности* возникновенія новаго политическаго тѣла. Постороннія государства не судьи въ этомъ дѣлѣ. Исторія учитъ насъ, что государства возникали нерѣдко путемъ революцій и войнъ *). Поэтому къ переворотамъ такого рода начала легитимизма не примѣнимы. Иное быть можетъ въ будущемъ, когда сложится международная организація и принципъ народовластія получитъ серіозное признаніе на практикѣ.

3) Актъ признанія не гарантируетъ *прочности* признаваемаго государства, еще менѣе обозначаетъ онъ заключеніе съ ними *союза*. На практикѣ, конечно, встрѣчаются уклоненія отъ этого правила. Когда Турція была допущена на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. въ составъ «Европейскаго концерта», ей гарантирована цѣлость и неприкосновенность. Но международному праву чуждо такое смѣшеніе признанія съ гарантіей.

4) Международный союзъ долженъ избѣгать двухъ крайностей: 1) слишкомъ поспѣшнаго признанія новаго государства; въ этомъ можетъ заключаться причина вражды къ старому государству, которое можетъ увидѣть въ такомъ признаніи casus belli. Не надо, напримѣръ, чтобы оно было даваемо во время продолжающейся войны за освобожденіе. Тутъ можетъ быть рѣчь только о признаніи косвенномъ. Такъ, Англія увидѣла casus belli, когда французы въ концѣ прошлаго вѣка поспѣшили не только признать Соед. Штаты, но и заключить союзъ съ ними. Грецію была признана въ 1827 г. Россіей, Франціей и Англіей, когда Турція не думала отъ нея отказываться. Далѣе, Англія въ 1860 году поспѣшила признать королевство Итальянское, когда неаполитанскій король еще не думалъ отрекаться и жилъ въ Гаэтѣ. 2) Другая крайность заключается въ позднемъ признаніи, въ которомъ высказывается враждебность къ новому политическому тѣлу.

Съ положительной же стороны признаніе придаетъ возникающему государству, какъ замѣчено, характеръ болѣе или менѣе сложившейся международной личности, съ которою считаются возможными правильныя международныя сношенія. Давая признаніе, государства должны равно тщательно избѣгать обѣихъ крайностей: слишкомъ поспѣшнаго и слишкомъ поздняго признанія. Въ первомъ лежитъ враждебность по отношенію къ старому государству, отъ котораго новое стремится отдѣлиться **); во второмъ можетъ заключаться нерасположеніе къ новому и неуваженіе къ интересамъ собственныхъ гражданъ, настоятельно требующихъ иной разъ признанія. Чтобы избѣжать по возможности этихъ крайностей, государствамъ слѣдуетъ давать признаніе при существованіи двухъ слѣдующихъ основныхъ условій: 1) когда новое государство дѣй-

*) Любопытные примѣры вполнѣ мирнаго и правомѣрнаго возникновенія государствъ въ новѣйшее время представляютъ республика Либерія, основанная въ 1821 г. и получившая независимость въ 1847 г., а равно государство Конго, признанное въ 1884—85 г.

**) Далеко не всѣ попытки этого рода вѣнчаются успѣхомъ: кромѣ двукратнаго возстанія Польши въ 1830—32 и 1863 гг. вспомнимъ, что Соединенные Штаты колебались относительно признанія Венгріи въ 1848—49 г. и Кубы въ 1860 г. Въ послѣднемъ случаѣ въ пользу признанія высказалась палата представителей, но оно было отклонено сенатомъ и президентомъ.

ствительно сложилось, т.-е. успѣло фактически отвоевать себѣ независимость, установить извѣстное правительство и явиться для посторонних, безпристрастныхъ наблюдателей жизнеспособнымъ; 2) когда оно ясно высказало свое намѣреніе соблюдать существующія нормы международнаго права и лежащія на немъ права и обязанности *).

Но когда считать новое политическое тѣло родившимся?

Практика показываетъ, что старое государство, отъ котораго отдѣлилось новое и которое еще продолжаетъ утверждать о своемъ нарушенномъ правѣ, долго упорствуетъ и не признаетъ новаго государства самостоятельнымъ тѣломъ. Какихъ держаться тутъ правилъ?

Юристы для рѣшенія этого вопроса предлагаютъ обращать вниманіе на обстоятельства, среди которыхъ слагается новое государство и, во всякомъ случаѣ, для того, чтобы государство было признано, не требуется признанія со стороны стараго государства. Напротивъ, признаніе другихъ государствъ можетъ побудить и старое. Достаточно одной борьбы за независимость и достаточно факта отвоеванія новымъ государствомъ права на независимость.

Второй важный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы признаніе исходило отъ международнаго органа. Пока такого органа не существуетъ. Поэтому, отдѣльные члены должны давать признаніе хотя бы на основаніи указанныхъ чисто юридическихъ признаковъ. Но большой шагъ впередъ будетъ сдѣланъ при установленіи международнаго органа, преслѣдующаго данную цѣль. Здѣсь Фіоре высказываетъ такое положеніе: «признаніе новаго государства конференціей или конгрессомъ должно считаться обязательнымъ для всѣхъ государствъ хотя бы въ этомъ признаніи заключалось какъ бы нѣкоторое поощреніе возставшей, отдѣлившейся части государства».

Смотря по *объектамъ* признанія мы различаемъ слѣдующіе ихъ *виды*: признаніе новаго государства (прямое); о чемъ уже достаточно было говорено; признаніе части какого-либо государства, съ оружіемъ отстаивающей свободу—воюющей стороною (признаніе *косвенное* и признаніе новой династіи или же новаго титула).

Здѣсь мы разсмотримъ такъ-называемое косвенное признаніе.

Вопросъ о немъ получилъ животрепещущій интересъ, когда Англія и Франція признали воюющей стороной Южные Штаты, отдѣлившіеся отъ Сѣвера въ 1861—65 гг. Это вызвало негодованіе Вашингтонскаго правительства, но юристы старались тогда доказать, что шагъ, сдѣланный обѣими западными державами, могъ быть оспариваемъ съ точки зрѣнія политики, но никакъ не права.

Теорія косвеннаго признанія покоится на вполнѣ вѣрной идеѣ, что не только войны международныя, но и междуусобныя относятся къ области международнаго права. Послѣднее, какъ увидимъ сейчасъ, выставляетъ нѣкоторые критеріи, дающіе возможность отличить ихъ отъ простыхъ мятежей и разбойническихъ походовъ. Признаніе, о которомъ мы теперь говоримъ, становится необходимымъ, коль скоро въ какомъ-либо государствѣ возстаніе обхватитъ болѣе или менѣе широкую область, такъ что какъ бы раздвоитъ старое государство. Хотя новое государство еще не возникло (вотъ въ чемъ главное отличіе отъ прямого признанія), война

*) Эти условія признанія обстоятельно излагаются въ депешахъ англійскаго правительства, приводимыхъ у Блюнчли.

продолжается, но выступаютъ уже наружу составные элементы и условія каждаго политическаго тѣла. Международное право признано охранять эти элементы слагающагося новаго государства подобно тому, какъ гражданское защищаетъ человѣка въ періодъ его утробной жизни.

Отдѣлившаяся отъ цѣлаго область можетъ быть признана воюющей стороною при слѣдующихъ условіяхъ: а) когда она достигла извѣстной военной организаціи и успѣла установить правительство, хотя бы временное; б) когда она ведетъ войну изъ-за вопросовъ публичнаго права, дѣйствуя какъ бы, по замѣчанію Блюнчли, отъ имени государства, и в) сама соблюдаетъ законы и обычаи войны. Эти черты достаточно ясно указываютъ на различіе повстанцевъ, отъ итальянскихъ, напр., briganti, флибустьеровъ и т. п. шаекъ, которыя, хотя и имѣли нѣкоторую военную организацію, повиновались атаманамъ, но сражались не изъ-за политическихъ идей и дѣйствовали какъ настоящіе головорѣзы.

Послѣдствіями косвеннаго признанія являются: во-первыхъ, обязанность для государствъ, его дающихъ, соблюдать нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ сторонамъ; во-вторыхъ, сторона, признанная воюющею, становится подъ охрану международнаго права, т.-е. получаетъ право совершать всѣ дѣйствія воюющаго государства.

Противъ этой теоріи можно возражать съ точки зрѣнія государственнаго права и порядка, видя въ ней какъ бы поощреніе возставшимъ. Но спокойное ея разсмотрѣніе должно привести насъ къ противоположному выводу. Слѣдуетъ помнить, что возстаніе съ указанными признаками никогда не происходитъ безъ вины самого стараго государства. Просвѣщенная политика его правителей должна всегда умѣть предупреждать подобные перевороты. Для повстанцевъ же старое государственное право рушилось, новое же не успѣло еще сложиться, и они поставлены на *перепутьи между безправіемъ* и защитою, даваемою *международнымъ правомъ*. Примѣненіе къ нимъ нормъ государственнаго или еще болѣе уголовнаго права слишкомъ узко, формально и не соотвѣтствуетъ, обыкновенно, реальной правдѣ событій. Въ интересахъ всѣхъ сторонъ нормы международнаго права являются тутъ наиболѣе справедливыми и человѣчными, скорѣе всего содѣйствуя возстановленію и укрѣпленію мира.

Со стороны *формы* признанія бываютъ *официальныя* и *фактическія*. Первыя состоятъ въ какомъ-либо торжественномъ *заявленіи* со стороны признающаго государства (въ декларацiи, въ дипломатической нотѣ объ этомъ) или прямо въ дѣйствіяхъ, свидѣтельствующихъ о признаніи: открытіе дипломатическихъ сношеній со вновь возникшимъ государствомъ, заключеніе съ нимъ торговыхъ конвенцій и т. п. Это официальное признаніе дается просто безъ оговорокъ (*безусловное*), или же оно бываетъ *условнымъ*, что мы видимъ, наприм., въ актѣ Берлинскаго конгресса (1878 г.), гдѣ признаніе великими державами независимости Сербіи, Румыніи и Черногоріи обусловлено принятіемъ ими принципа религіозной и политической равноправности между всѣми ихъ гражданами. Эта оговорка понятна въ соглашеніяхъ съ народами полуобразованными и не нашей цивилизаціи, но съ точки зрѣнія теоріи условное признаніе должно быть отвергнуто.

Фактическое признаніе состоитъ въ томъ, что государство, не предрѣшая вопроса о формальномъ признаніи новаго, въ силу практическихъ соображеній завязываетъ съ нимъ нѣкоторыя сношенія (напримѣръ, торговыя).

По существующей *практикѣ*, въ виду отсутствія международной организаціи, каждое государство отдѣльно и по своему судитъ о времени и цѣлесообразности признанія новаго государства. При этомъ оно руководствуется своими интересами и симпатіями. Нельзя не видѣть въ этомъ самую слабую сторону всего вопроса о признаніи. Если послѣднее обозначаетъ принятіе новаго члена въ семью народовъ, или въ международный союзъ, то очевидно, обсужденіе и рѣшеніе этого вопроса должно быть общее, коллективное. Оно должно совершаться по твердымъ *принципамъ права* (международнаго), а не по эластичнымъ политическимъ соображеніямъ того или иного правительства. Иногда, въ послѣднее время новыя государства получали признаніе на конгрессахъ и конференціяхъ, и эта форма должна быть признана самой торжественною, но и она имѣетъ значеніе при существующихъ порядкахъ лишь для государствъ, приявшихъ въ нихъ участіе, а не для третьихъ сторонъ.

§ 3. **Основныя права государствъ.** Государства, подобно человѣческой личности, владѣютъ извѣстными правами, которыя либо вытекаютъ изъ самой ихъ природы, либо признаются и устанавливаются ими въ отдѣльныхъ соглашеніяхъ. Отсюда двѣ главныя категоріи этихъ правъ: основныхъ и договорныхъ.

Первыя такъ называются потому, что, будучи выраженіемъ самой природы государствъ, они лежатъ въ основѣ всѣхъ взаимныхъ между ними сношеній. Ихъ называютъ также общими въ томъ смыслѣ, что по идеѣ они въ равной степени общи всѣмъ государствамъ, независимо отъ ихъ политическихъ или историческихъ особенностей. Эти права (вытекая изъ самой природы государства) не нуждаются ни въ какомъ постороннемъ признаніи; они по общему правилу неотчуждаемы и нарушенія ихъ относятся къ самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ, составляя въ большинствѣ случаевъ casus belli. При столкновеніи ихъ съ правами договорными они должны брать верхъ. Наконецъ, они обыкновенно не формулируются, а всегда предполагаются. Въ дѣйствительной жизни, вслѣдствіе политическихъ потребностей государства находятъ себя иногда вынужденными согласиться на ограниченіе или видоизмѣненіе этихъ правъ, но подобныя стѣсненія должны быть всегда на практикѣ толкуемы въ ограничительномъ смыслѣ.

Здѣсь мы остановимся лишь на общихъ правахъ; что касается до договорныхъ, то они установляются, какъ сказано, чаще всего трактатами, но также и обычаями, историческими прецедентами и. т. п. Ученіе о нихъ есть въ сущности все международное право въ его отдѣльныхъ институтахъ.

Писатели различно классифицируютъ основныя права. Возникающія отсюда противорѣчія происходятъ оттого, что, при перечисленіи названныхъ правъ, они не отправляются отъ какого-либо опредѣленнаго, юридическаго принципа и часто смѣшиваютъ точку зрѣнія государственную съ международною. Новѣйшіе интернаціоналисты (Гольцендорфъ, Гарейсъ) къ основнымъ правамъ государствъ относятъ: 1) право самосохраненія; 2) независимости; 3) право на международныя сношенія, и 4) на уваженіе.

Но намъ кажется, что эту классификацію можно упростить, сведя все дѣленіе правъ къ двумъ группамъ: именно, если обратить вниманіе на природу государствъ и ихъ взаимныя отношенія, то мы увидимъ, что, какъ отдѣльный человѣкъ требуетъ свободы, такъ и государство должно

пользоваться свободой въ своей внутренней и внѣшней жизни. Это и есть *суверенитетъ* или верховенство — первое и коренное право государствъ. Но полнота бытія государствъ требуетъ, чтобы они не изолировали себя, а вступали бы въ общеніе съ другими, подобными же имъ, политическими тѣлами. Отсюда второе основное право, право *общенія*. Нѣкоторые противъ этого дуализма правъ государства дѣлаютъ возраженіе, говоря, что всякая наука должна имѣть въ своемъ основаніи одинъ верховный принципъ, а не нѣсколько (Бульмерингъ). Намъ, однако, кажется, что это возраженіе болѣе поражаетъ своею логической стройностью, чѣмъ касается сущности дѣла. Двойственность принциповъ здѣсь только кажущаяся потому, что оба эти принципа соотвѣтствуютъ двумъ сторонамъ жизни одного и того же лица—государства, а именно: внутренней сторонѣ, внутренней независимости государства соотвѣтствуетъ право суверенитета; внѣшней же сторонѣ, выражающейся въ сношеніяхъ съ другими государствами, соотвѣтствуетъ право общенія. Оба эти принципа вытекаютъ изъ природы государства, въ единствѣ котораго и лежитъ единство международнаго права. И какъ безъ принципа суверенитета государство обратилось бы въ тѣло безъ силы или стало бы членомъ федераціи, что бываетъ, но что не необходимо, такъ безъ принципа общенія международное право утратило бы свою реальность и самостоятельность.

Установивъ классификацію правъ государства, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію каждаго права въ отдѣльности.

А. Право суверенитета. *Подъ суверенитетомъ* слѣдуетъ разумѣть *юридическій принципъ самостоятельности и независимости государствъ, какъ въ ихъ внутренней, такъ и во внѣшней жизни.*

По идеѣ каждое государство суверенно, ибо въ существѣ его лежитъ требованіе — быть верховнымъ союзомъ людей, населяющихъ извѣстную территорію. Но въ дѣйствительности, конечно, встрѣчаются многочисленныя уклоненія вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ: то мы видимъ государства зависимыя, суверенитетъ которыхъ является какъ бы умаленнымъ, зависящимъ отъ суверенитета другого верховнаго правительства (сюзерена), то государства бываютъ сложными, когда ихъ законы распредѣляютъ функціи суверенитета между центральнымъ, высшимъ правительствомъ и различными мѣстными правительствами ихъ членовъ. Перваго рода явленія характеризуютъ процессы возникновенія или распаденія политическихъ тѣлъ и по существу ненормальны и преходящи. Напротивъ, примѣры второго рода свидѣтельствуютъ о сложности, а иногда и о высшемъ развитіи политической жизни народовъ.

Въ международномъ правѣ, какъ наукѣ, суверенитетъ, въ качествѣ основного принципа въ жизни государствъ, получилъ ранѣе всего признаніе и обработку. Долго даже на немъ строили всю систему нашей науки. До сихъ поръ писатели, которые отказались отъ этого крайне односторонняго воззрѣнія и присоединяютъ къ суверенитету еще начало общенія, въ сущности отдаютъ постоянно перевѣсъ первому надъ послѣднимъ, что невѣрно и происходитъ отъ устарѣвшаго нынѣ пониманія самаго суверенитета. Дѣло въ томъ, что принципъ этотъ, сообразно съ традиціями неограниченной монархіи, они все еще принимаютъ въ неограниченномъ, абсолютномъ смыслѣ *). Но тогда онъ перестаетъ быть

*) Даже, напримѣръ, Мартенсъ выражается такъ, „абсолютное въ смыслѣ государствен-

принципомъ юридическимъ и ведетъ логически къ выводамъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ держатся новѣйшіе отрицатели международнаго права (Лассонъ и Цорнъ) *).

Ограниченность суверенитета и въ государственномъ отношеніи вытекаетъ изъ относительнаго (а не абсолютнаго характера самого государства, какъ мы говорили выше, и это положеніе наиболѣе подтверждается и разъясняется намъ именно въ международномъ правѣ, которое одно вполнѣ превращаетъ верховенство государствъ въ юридическое понятіе.

Не должно подъ суверенитетомъ разумѣть, читаемъ мы у Блюнчли, абсолютной независимости и свободы государствъ, ибо сами они существа не абсолютныя, а юридически ограниченныя личности. Абсолютизмъ, о которомъ идетъ рѣчь, противорѣчитъ какъ юридической природѣ современнаго конституціоннаго государства, такъ и общему международному порядку. Противъ международнаго права ни одно государство не можетъ ссылаться на свой суверенитетъ, ибо основаніе этого права покоится на самой природѣ человѣчества.

Существо современнаго правового государства, говоритъ Гольцендорфъ, требуетъ, чтобы его верховные правительственные органы въ отношеніи къ народу сами ограничивали себя нормами закона, а съ международной точки зрѣнія само собой понятно, что ни одинъ державный народъ не можетъ относиться къ существамъ ему подобнымъ, т. е. къ другимъ такимъ же народамъ, исключительно по своему усмотрѣнію и произволу. Вотъ почему мы говоримъ, что какъ въ фактическомъ, такъ и въ юридическомъ отношеніяхъ въ самомъ понятіи суверенитета лежитъ уже моментъ его ограниченности, но въ смыслѣ самоограниченности. Только установивъ твердо эту исходную, принципіальную точку зрѣнія, можно понять природу современнаго правового государства, все ученіе о соединеніяхъ государствъ и необходимость завершенія ихъ существованія общею и высшею организаціей международною съ кодексомъ и судомъ во главѣ.

На суверенитетъ нужно смотрѣть, сообразно съ природой государствъ, съ двухъ сторонъ: съ государственной и съ международной. Это ведетъ къ различной классификаціи вытекающихъ изъ него отдѣльныхъ правъ государствъ.

а) Со стороны государственной изъ суверенитета вытекаютъ:

1) Право каждаго государства *избирать себѣ извѣстную политическую форму*, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его историческому прошлому и его политическимъ и національнымъ потребностямъ въ данное время.

Каждое государство является само себѣ судьею. Ни одно государство поэтому не должно вмѣшиваться по этимъ кореннымъ вопросамъ въ дѣла другого. Это самое главное и наиболѣе священное для каждаго народа право жить политически такъ, какъ онъ понимаетъ свое политическое призваніе, свои политическіе идеалы и свое положеніе среди другихъ народовъ. Къ несчастію,—въ дѣйствительной жизни правитель-

---

наго право начало суверенитета опредѣляется въ международномъ общеніи взаимными отношеніями между народами и ими ограничивается".

*) Первый сводитъ все международное право къ внѣшней политикѣ отдѣльныхъ государствъ; второй заявляетъ, будто суверенитетъ и международное право суть два понятія, которыя другъ друга въ принципѣ исключаютъ.

ства очень часто понимаютъ это право совершенно превратно, что ведетъ къ постояннымъ внѣшнимъ вмѣшательствамъ и интервенціямъ одного государства въ дѣла другого. Нечего говорить, что подобное вмѣшательство съ точки зрѣнія права совершенно несостоятельно. Имъ нарушаются основныя права государства. Какъ же, однако, смотрѣть съ точки зрѣнія международнаго права на множество политическихъ формъ, существующихъ въ жизни? Съ точки зрѣнія международныхъ принциповъ здѣсь можно выставить слѣдующія положенія: *различныя политическія формы должны быть признаны равными* потому, что всѣмъ имъ присущи извѣстныя достоинства и извѣстные недостатки. Поэтому: съ одной стороны—необходима смѣна этихъ политическихъ формъ, а съ другой—ихъ хорошія и дурныя стороны могутъ проявляться очень разнообразно, смотря по тому, на какую почву попадаютъ эти формы. Въ силу этого тѣ политическія формы должны быть признаны наилучшими, которыя во 1-хъ, болѣе всего соотвѣтствуютъ желаніямъ и потребностямъ каждаго народа въ данную эпоху, а во 2-хъ, лучше всего обезпечиваютъ общій миръ. Это не значитъ, что въ чистой теоріи всѣ политическія формы представляютъ одну общую массу безъ различія. Мы принимаемъ, что съ точки зрѣнія отвлеченной политической теоріи и съ точки зрѣнія международнаго права лучшей формой является та, которая предоставляетъ своимъ гражданамъ возможность высшей политической свободы и права активнаго участія въ судьбахъ своего отечества. Эти требованія болѣе всего соотвѣтствуютъ чистой идеѣ государства. Но нельзя забыть, что не всѣ народы могутъ ввести у себя сразу политическую форму, удовлетворяющую указаннымъ условіямъ. Во-первыхъ, не всѣ народы доросли до нея; во-вторыхъ, народы вводятъ у себя эту форму постепенно по мѣрѣ воспитанія; въ третьихъ, достигается установленіе этой формы болѣе всего внутренними условіями самого народа: она не можетъ быть имъ навязана искусственно. Вотъ почему мы осуждаемъ политическія интервенціи и не только съ точки зрѣнія международнаго права, но и съ точки зрѣнія политики, которая съ близорукой точки зрѣнія утверждаетъ, что извѣстная политическая форма, принятая у одного народа, требуетъ поддержки и установленія ея у другихъ для того, чтобы достигнуть однообразія. Но это явилось бы политическимъ порабощеніемъ; вотъ почему съ точки зрѣнія международнаго права надо осудить, какъ попытку французской революціи навязать народамъ демократическое правленіе, такъ и провозглашеніе монархическими кабинетами Европы солидарности въ борьбѣ съ прогрессивнымъ движеніемъ послѣднихъ временъ.

2) Изъ принципа суверенитета вытекаетъ *право государствъ на изданіе законовъ и внутреннее управленіе.* Каждое государство издаетъ законы, обязательные для всѣхъ лицъ, живущихъ на его территоріи, какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ. Въ силу этого, никакое дѣйствіе иностранной власти не можетъ получить на чужой территоріи силы безъ согласія правительства этой страны. Поэтому, каждая территорія представляетъ одно политическое и юридическое цѣлое, и всѣ вещи, на ней находящіяся (въ особенности недвижимыя), подчиняются ея законамъ независимо отъ того, кому онѣ принадлежатъ — подданнымъ или иностранцамъ. Иностранныя войска не могутъ безъ разрѣшенія вступать на чужую территорію, хотя бы послѣдняя служила убѣжищемъ извѣстнымъ

преступнымъ лицамъ. Иногда пограничныя власти дозволяютъ другъ другу обоюдный обыскъ, но это должно быть предусмотрѣно соглашеніемъ.

Исключеніемъ изъ этого правила являются случаи, оправдываемые или общимъ международнымъ правомъ, или спеціальными соглашеніями, напр., экстерриторіальностью, даруемой иностраннымъ государямъ, посланникамъ, христіанскимъ консуламъ на востокѣ и пр. Въ силу внѣземельности, лица эти признаются пребывающими на своей территоріи и являются не подвластными законамъ той территоріи, гдѣ они пребываютъ. Затѣмъ, исключеніе составляютъ и различныя международныя повинности, ограничивающія суверенитетъ въ силу обычая и договора.

3) *Право* вступать въ сношеніе съ другими государствами и для этого *назначать особыхъ представителей*, которые являются выразителями воли назначившаго ихъ государства (посланниковъ, консуловъ и проч.). Это такъ-называемое jus legaesentationis.

4) *Право вести войну и заключать міръ.* Но справедливо говоря, съ точки зрѣнія международнаго права, государства должны согласиться ограничить это право ради общей пользы и добра, ради обезпеченія мира. Въ этомъ смыслѣ особенно ясно выражается Фіоре, который говоритъ, что миръ будетъ болѣе обезпеченъ, если государства согласятся ограничить это свое дѣйствительно верховное право — вести войну.

Таковы въ немногихъ словахъ права, вытекающія изъ суверенитета, разсматриваемаго съ точки зрѣнія каждаго отдѣльнаго государства.

б) Съ точки же зрѣнія международной изъ суверенитета вытекаютъ: права на сохраненіе, на развитіе и на равенство.

1) *Право на сохраненіе.* Это право есть коренное право для всего живущаго, а слѣдовательно и для государства. Оно лежитъ въ основаніи всѣхъ его основныхъ правъ. Собственно, внѣ международнаго союза это право является простымъ фактомъ, но на международной почвѣ оно получаетъ юридическое обоснованіе и охрану. Въ юридическомъ смыслѣ право на сохраненіе означаетъ право государства на неприкосновенность и цѣлость всѣхъ составныхъ элементовъ его территоріи, населенія и политическаго строя, а равно и право на защиту отъ опасностей или уже наступившихъ, или только угрожающихъ ему. Для этого государства должны заботиться о поддержаніи и развитіи своихъ военныхъ силъ на сушѣ и на морѣ. Сюда относятся также мѣры къ поднятію военнаго образованія, устройства арсеналовъ, военныхъ крѣпостей, сооруженіе флота, морскихъ портовъ, и т. д. Кромѣ того, могущество государства въ значительной степени можетъ быть подкрѣплено и даже расширено посредствомъ искуснаго заключенія союзовъ. Эти союзы по своей цѣли бываютъ либо охранительные, либо наступательные, либо тѣ и другіе вмѣстѣ (оборонительно-наступательные). По всѣмъ этимъ вопросамъ государства независимы и могутъ руководиться своими интересами подъ условіемъ уваженія чужихъ правъ. Но поскольку законны въ военномъ дѣлѣ оборонительныя мѣры, постольку наступательныя, состоящія въ посягательствѣ на независимость другихъ народовъ, должны быть отвергнуты. Но гдѣ же провести границу между дѣйствіями оборонительными и наступательными? конечно, въ теоріи невозможно установить какія-либо твердыя границы; тутъ дѣло практики, дѣло политики обсуждать мѣры правительствъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, но безспорно, что госу-

дарства могутъ предупреждать угрожающую имъ опасность и несомнѣнно, что предупрежденіе лучше пресѣченія зла, когда оно уже наступило. Здѣсь надо только дѣйствовать съ большой осмотрительностью, ибо злому умыслу здѣсь открываются двери настежь: наступленіе можетъ прикрыться маскою обороны. Во всякомъ случаѣ оборона должна быть понимаема въ юридическомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ военномъ: нападаетъ не тотъ, который первый открываетъ военныя дѣйствія, а тотъ, кто первый вынудилъ принять эти мѣры, нарушивъ права того, кто прибѣгъ къ защитѣ. Вынужденныя дѣйствія—вотъ гдѣ граница между наступленіемъ и обороной. Напримѣръ, иногда бываетъ, что государство вдругъ среди мира начинаетъ вооружаться, стягивать свои войска къ границѣ; въ этихъ случаяхъ остальныя государства, встревоженныя этими мѣрами, имѣютъ право обратиться съ запросомъ къ этому государству, особенно, если эти мѣры выходятъ изъ границъ обыкновенныхъ мѣръ, принимаемыхъ среди глубокаго мира. Въ этихъ случаяхъ отвѣтъ на этотъ запросъ долженъ быть данъ прямой и честный, иначе угрожаемыя государства въ правѣ отвѣчать тѣмъ же самымъ, а отсюда легко могутъ возникнуть натянутость отношеній и даже вспыхнуть война. При спорахъ по поводу отозванія войскъ или уменьшенія ихъ числа, первымъ должно приступить къ тому государству, которое первымъ начало стягивать войска; здѣсь можетъ быть употребленъ и другой способъ разрѣшенія споровъ: правительства могутъ приступить одновременно въ опредѣленный ими срокъ къ отозванію войскъ отъ границъ; въ настоящее время сдѣлать это чрезвычайно легко при существованіи желѣзныхъ дорогъ.

Здѣсь представляется еще другой важный вопросъ: существуетъ-ли для государствъ такъ-называемое право или состояніе крайней необходимости, могущей оправдать нарушеніе правъ другого — jus necessitatis. Еще римляне говорили, что salus populi—suprema lex. Хотя съ одной стороны не слѣдуетъ забывать, что подъ предлогомъ охраненія безопасности государства совершали величайшія насилія и несправедливости, однако, съ другой стороны, нельзя не допустить, что такое состояніе крайней необходимости можетъ наступать. Во всякомъ случаѣ здѣсь должно имѣть въ виду, что состояніе крайней необходимости можетъ считаться оправданнымъ лишь тогда, когда опасность дѣйствительно наступила и что все-таки оно ведетъ къ обязанности вознаградить того, чье право было нарушено. Но нельзя оправдать необходимостью занятіе нейтральной стороны въ видахъ болѣе успѣшныхъ дѣйствій противъ противника или насильственнаго прохода чрезъ ея территорію съ цѣлью напасть на врага. Такимъ нарушеніемъ права было бы, въ случаѣ войны, занятіе нейтрализованныхъ Бельгіи или Швейцаріи со стороны Германіи или Франціи, даже, если бы первыя и согласились на такое занятіе; нейтрализованныя государства не могутъ вступать въ этомъ отношеніи ни въ какое соглашеніе съ другими правительствами; они не могутъ располагать своею территоріей потому, что они нейтральны, во имя блага всѣхъ государствъ. Такимъ образомъ, занятіе этихъ странъ воюющими противниками было бы нарушеніемъ: 1) суверенитета данныхъ земель и 2) общаго положенія международнаго права.

Въ исторіи мы видимъ нерѣдко примѣры ограниченія посредствомъ трактатовъ верховенства государствъ. Трактаты эти бываютъ результатомъ несчастныхъ войнъ и по природѣ преходящи потому что они унизительны для народовъ, задѣваютъ ихъ въ самыхъ священныхъ правахъ

и могутъ считаться какъ бы первымъ шагомъ къ ихъ порабощенію. Таковы ограниченія численности войскъ, срытіе старыхъ крѣпостей и запрещеніе сооруженія новыхъ. Особенно богатъ такими ограничительными условіями Берлинскій трактатъ 1878 года. Иногда подобныя ограниченія, дѣлаются отъ имени международнаго союза въ виду общаго блага; тогда эти ограниченія, особенно среди мира, не могутъ считаться унизительными ни для кого. Напримѣръ, по Лондонскому трактату 1867 г. положено было срыть крѣпости Люксенбурга, что едва не вызвало войны между Франціей и Пруссіей. Подобныя ограничительныя условія желательны относительно всѣхъ міровыхъ дорогъ (Босфоръ и Суэцкій каналъ).

2) *Право на развитіе.* Второе основное право государствъ, также вытекающее изъ ихъ суверенитета, есть право на развитіе. Въ сущности оно неразрывно связано съ правомъ на самосохраненіе, коренясь въ природѣ личности. Для личности существовать, жить—значитъ развиваться, совершенствоваться, т. е. раскрывать тѣ особенности, которыя заложены въ нее самой природою. Государства, будучи личностями, имѣютъ опредѣленную физіономію, могутъ развиваться, совершенствоваться, т. е. проявлять всѣ духовные элементы своего существа.

Переходя на почву болѣе конкретную, почву права, мы скажемъ, что подъ правомъ на развитіе должно разумѣть *право государствъ на преуспѣяніе въ области политической и экономической.* Подробное разсмотрѣніе этого ученія относится къ области политики; право же призвано только указать на его границы и предѣлы осуществленія.

Относительно развитія государствъ *въ политической области* слѣдуетъ замѣтить, что каждое изъ нихъ имѣетъ право на совершеніе тѣхъ реформъ въ своей политической жизни, которыя оно признаетъ необходимыми: такъ они имѣютъ право измѣнять свою политическую форму, соединяться съ другими, сродственными имъ народами, отдѣляться и т. д. Установляемая иногда зависимость одного правительства отъ другого, даже опека, представляютъ не болѣе, какъ уклоненіе отъ суверенитета и строгихъ началъ международнаго права — уклоненіе, могущее найти себѣ объясненіе въ историческихъ условіяхъ того или иного государства.

Такою же свободой пользуются государства и *въ сферѣ экономической.* Здѣсь на нихъ падаетъ забота о развитіи торговли, объ открытіи для нея новыхъ путей и рынковъ, о заведеніи колоній, устройствѣ эмиграціи, о расширеніи и содержаніи въ исправности путей сообщенія и портовъ и допущеніи судоходства по рѣкамъ; сюда же относятся рѣшенія вопросовъ объ учрежденіи порто-франко и всѣхъ прочихъ сложныхъ вопросовъ таможенной политики.

Къ сожалѣнію, государства узко понимаютъ свои экономическіе интересы: въ своей хозяйственной политикѣ они придерживаются системы протекціонизма; многіе отождествляютъ даже эту систему съ патріотизмомъ. Система эта смѣнила предшествовавшую ей систему свободной торговли. Эта послѣдняя господствовала въ западной Европѣ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія и вела къ заключенію между государствами коммерческихъ трактатовъ и договорныхъ тарифовъ, которыми и опредѣлялись ихъ торговыя отношенія. Впрочемъ, Россія и Сѣв. Штаты были искони враждебны этой системѣ и держались протекціонизма, идеи котораго съ франкфуртскаго мира 1871 г. получили въ Европѣ снова очень

большое распространеніе. Въ Германіи ихъ поборникомъ явился князь Бисмаркъ, а во Франціи — Тьеръ и его единомышленники. Понемногу примѣръ увлекъ и остальныя правительства, такъ что за традиціи свободной торговли, и то не всегда, послѣдовательно стоятъ еще пока Англія, Бельгія и Швейцарія.

Протекціонизмъ въ связи съ той цѣлью, которую онъ преслѣдуетъ, называется еще охранительной системою. Мы понимаемъ тѣ серіозные мотивы, которые заставляютъ правительства обратиться иной разъ къ нему. Имѣются въ виду или фискальные интересы, или правительства думаютъ съ помощью его лучше всего охранить національную промышленность отъ иностранной конкурренціи, обезпечивъ за ней внутренніе рынки. Однимъ изъ способовъ достиженія при протекціонизмѣ намѣченныхъ цѣлей являются, въ противоположность договорнымъ тарифамъ при системѣ свободной торговли, тарифы независимые или автономные, издаваемые правительствами односторонне, подобно законодательнымъ актамъ. Эти тенденціи сами по себѣ серіозны и при извѣстныхъ условіяхъ справедливы, но должно помнить, что онѣ по существу своему временны и, доведенныя до крайности, несправедливы и опасны.

При ближайшемъ разсмотрѣніи обѣихъ экономическихъ системъ, какъ съ національной, такъ и международной точекъ зрѣнія, мы должны отдать предпочтеніе системѣ свободной торговли, понимаемой въ раціональномъ и умѣренномъ смыслѣ. Съ точки зрѣнія собственнаго національнаго благосостоянія не слѣдуетъ забывать, что фискальныя цѣли охранительной системы представляютъ не болѣе, какъ палліативъ при современныхъ чудовищныхъ размѣрахъ расходовъ на военное дѣло; сколько бы не увеличивали таможенные доходы, сколько бы не измыслили новыхъ налоговъ, все это непроизводительно поглотитъ милитаризмъ, въ самыхъ корняхъ подкашивая народное благосостояніе. Съ какою преступной легкостью заключаются въ наши дни новые военные займы, предоставляя потомству разсчитываться за всѣ ошибки нашей близорукой и безумной политики. Съ уничтоженіемъ милитаризма ненужны были бы фискальныя пошлины протекціонизма.

Вторая задача протекціонизма—охрана національнаго труда. Нельзя утверждать, будто послѣдній поддерживается главнымъ образомъ столь искусственной и внѣшней мѣрою, каковы высокія пошлины на иностранные товары. Окрѣпшая вполнѣ и развившаяся промышленность не должна бояться никакой конкурренціи. Но протекціонизмъ не въ состояніи, кромѣ того, удовлетворить интересамъ различныхъ классовъ населенія и различныхъ областей одного и того же государства. Онъ питаетъ антагонизмъ какъ въ національной, такъ и въ международной жизни. Округа земледѣльческіе, въ избыткѣ производящіе хлѣбъ, нерѣдко нуждаются въ заграничныхъ рынкахъ; напротивъ, мѣстности фабричныя и промышленныя требуютъ высокихъ пошлинъ, чтобы безъ соперничества сбывать свои издѣлія въ странѣ. Напр., Сѣв. Штаты держатся чрезвычайно высокихъ ввозныхъ пошлинъ и въ то же время вынуждены отправлять огромныя количества хлѣба на европейскіе рынки. Интересы земледѣльческой Венгріи и промышленной Австріи діаметрально противоположны.

Наконецъ, охранительныя пошлины не могутъ абсолютно предохранить страну отъ наплыва иностранныхъ товаровъ; это дѣлается только тайными, обходными путями и ведетъ къ широкому развитію контрабандной торговли. Отсюда нескончаемыя пререканія съ сосѣдями. Вслѣдствіе

высокихъ пошлинъ потребители осуждаются или на пріобрѣтеніе худшихъ товаровъ, или на большія издержки сравнительно съ дѣйствительной стоимостью. Наконецъ, въ природѣ этихъ пошлинъ лежитъ требованіе ихъ постояннаго возвышенія. Національная промышленность, разъ къ нимъ привыкшая, будетъ все считать себя недостаточно огражденной и требовать отъ правительствъ—то увеличенія пошлинъ, то распространенія ихъ на новыя отрасли народнаго труда. Вопросъ представляется еще болѣе серьезнымъ съ точки зрѣнія международной. Тутъ вполнѣ подтверждается вѣрность изреченія: summum jus—summa injuria. Дѣло въ томъ, что государство, которое только по собственному усмотрѣнію то повышаетъ, то понижаетъ свои тарифы, дѣйствуетъ, конечно, вполнѣ правомѣрно, но такія повышенія и пониженія тарифа могутъ задѣвать интересы другихъ государствъ, которыя, въ свою очередь, могутъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ тарифамъ, и вотъ начинается тарифная война между народами, война экономическая, глухая, не признанная, но тѣмъ не менѣе неумолимая при сохраненіи внѣшнихъ признаковъ мира.

Нѣкоторые утверждаютъ, будто эта экономическая борьба вполнѣ совмѣстима съ политическимъ миромъ, но это совершенно невѣрно. Если при тарифной войнѣ нѣтъ кровопролитныхъ сраженій, то они ежеминутно могутъ возникнуть изъ нея. Экономическая рознь въ сильной степени увеличиваетъ антагонизмъ между государствами. Справедливо называетъ одинъ талантливый публицистъ Швейцаріи—Дрозъ такое состояніе Европы экономической анархіей. Охарактеризовавъ его мѣткими чертами, онъ ставитъ на видъ противорѣчіе, сказывающееся въ политикѣ европейскихъ государствъ, которыя на берлинской конференціи 1885 года торжественно провозгласили для экваторіальной Америки начала свободной торговли и судоходства, а между тѣмъ у себя дома всячески стараются провести экономическое разобщеніе и обособленіе. Поэтому онъ предлагаетъ, чтобы они, наконецъ, признали свою экономическую взаимную солидарность и въ видахъ добрыхъ между собою отношеній, а равно общаго мира, согласились облагать иностранные товары пошлиною, не превышающей 10% ихъ цѣны, за исключеніемъ тѣхъ только предметовъ, которые представляютъ фискальный интересъ, напр., спиртъ, табакъ и т. д. Затѣмъ, желательно, чтобы были свободны отъ пошлинъ или облагались невысоко всѣ предметы первой необходимости для населенія, а также сырье для фабрикъ и разныхъ отраслей промышленности. При этомъ авторъ оговаривается, что идеаломъ экономическихъ сношеній народовъ надо признать свободу обмѣна, понимаемую, конечно, въ умѣренномъ и относительномъ смыслѣ. Народы должны дорасти до нея постепенно и добровольно усвоить себѣ ея начала.

Дрозъ дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ и мечтаетъ объ установленіи между государствами (конечно, Европы) экномической уніи, въ родѣ такихъ союзовъ по телеграфному и почтовому дѣлу. Не посягая на независимость отдѣльныхъ государствъ, осуществленіе этой идеи ввело бы съ общаго согласія въ экономическую политику нѣкоторыя общія правила; это обстоятельство, въ свою очередь, укрѣпило бы миръ экономическій и вмѣстѣ съ нимъ и политическій *).

---

*) Нельзя обойти молчаніемъ двухъ крупныхъ попытокъ, сдѣланныхъ государствами на нашихъ глазахъ въ дѣлѣ приближенія къ указанной уніи. Въ концѣ 1889 г. въ Вашингтонѣ состоялся такъ называемый панамериканскій конгрессъ. На этомъ конгрессѣ присутствовали

Мы отступили нѣсколько отъ нашей задачи, но поступили такъ въ виду жгучести вопроса, разобраннаго нами. На первомъ планѣ тутъ должны работать юристы и экономисты; юристы не могутъ молчать тамъ, гдѣ дѣло касается общаго мира.

Государства, сказали мы выше, могутъ свободно развивать всѣ свои духовныя, политическія и экономическія силы. Пока дѣло идетъ объ ихъ внутреннемъ развитіи, никто не въ правѣ останавливать его или препятствовать ему, но писатели колеблются въ своихъ мнѣніяхъ, когда рѣчь заходитъ не объ ихъ внутреннемъ развитіи, а о расширеніи владѣній (о присоединеніи новыхъ территорій, колоній и т. д.). Могутъ ли государства, угрожаемыя ростомъ одного изъ нихъ, воспротивиться этому росту силою и, въ случаѣ крайности, первыми объявить ему войну? Въ виду таинственности и лживости политики, тутъ, конечно, болѣе всего умѣстны мѣры предупрежденія и система искусно составленныхъ союзовъ. Возможность нападенія еще не составляетъ само по себѣ юридическаго основанія для войны: война является законнымъ способомъ обороны только въ случаѣ нарушенія права.

Рѣшеніе этого вопроса можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) стремленіе къ всемірному могуществу съ чьей бы то ни было стороны составляетъ посягательство на свободу и независимость всѣхъ остальныхъ народовъ и даетъ имъ право обороны или войны противъ того, кто его проявляетъ; 2) энергично должно быть осуждено всякое незаконное расширеніе территоріи, но нельзя не признать законность такихъ расширеній, которыя совершаются мирно, сообразно съ принципами международной справедливости и съ согласія заинтересованныхъ сторонъ.

3) *Право на равенство.* Право на равенство есть 3-е право, вытекающее изъ суверенитета. Фактически государства чрезвычайно отличаются другъ отъ друга: они не равны по величинѣ, могуществу, богатству, политическому строю и всему своему духовному развитію. Это является основаніемъ ихъ политическаго неравенства, которое, оказываясь на каждомъ шагу въ жизни, проявляется въ ихъ дѣеспособности. Но нельзя это неравенство возводить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, въ юридическій принципъ. Подобно тому, какъ люди при всемъ разнообразіи ихъ способностей и общественнаго положенія равны передъ закономъ, такъ и государства въ области международнаго права равны между собою въ качествѣ самостоятельныхъ духовныхъ единицъ, т. е. народовъ, въ нихъ живущихъ и черезъ нихъ дѣйствующихъ. Собственно, принципъ равенства между государствами вытекаетъ изъ того начала взаимности, которое управляетъ внѣшними сношеніями государствъ. Само собою разумѣется, что это начало примѣнимо лишь между народами европейской культуры: государства, только отчасти вошедшія въ международный союзъ, пользуются равенствомъ съ остальными его членами постольку, поскольку ихъ внутреннее развитіе дѣлаетъ возможнымъ эту взаимность. Въ силу начала взаимности и вытекающаго

представители отъ пятнадцати американскихъ республикъ: на конгрессѣ должна была быть установлена экономическая унія между этими государствами. Попытка эта не удалась, такъ какъ Соединенные Штаты добивались закрытія съ помощью высокихъ таможенныхъ пошлинъ всѣхъ рынковъ Новаго Свѣта для европейскихъ товаровъ, а это было бы выгодно однимъ только С. Штатамъ. Такіе еще пан-американскіе конгрессы были въ Мексикѣ и Ріо-Жанейро. Болѣе успѣха стремленіе къ экономической уніи имѣло въ Европѣ: въ 1891 г. Германія, Австрія, Италія, Швейцарія и Бельгія заключили между собою торговые договоры съ значительными выгодами для подданныхъ.

изъ него права на равенство, ни одно государство не можетъ требовать правъ или привиллегій, въ которыхъ оно отказываетъ другимъ. На этомъ основаніи каждое государство имѣетъ право наравнѣ съ другими принимать участіе въ общихъ дѣлахъ; каждому въ международномъ союзѣ слѣдуетъ представить только одинъ голосъ; при чемъ должно отвергнуть принятую въ нѣкоторыхъ сложныхъ государствахъ систему усиленныхъ голосовъ или, наоборотъ, дробей и долей ихъ, смотря по могуществу ихъ членовъ. Далѣе, принципъ равенства требуетъ устраненія всякаго преобладанія одного члена международнаго союза надъ другимъ, и если на практикѣ установляется такое преобладаніе, то оно есть всегда результатъ конкретныхъ отношеній между сторонами, которое не подрываетъ общаго правила и, какъ исключеніе, должно быть трактуемо въ ограничительномъ смыслѣ. Поэтому, при установленіи международной организаціи требуется допускать въ составъ ея представителей всѣхъ государствъ съ равными голосами. Это не значитъ, что слабыя государства наравнѣ съ могущественными принимаютъ одинаковое активное участіе въ рѣшеніи международныхъ дѣлъ; дѣеспособность государствъ не равна, потому что не равны ихъ политическія силы, но при обсужденіи этихъ дѣлъ имъ долженъ быть данъ такой же голосъ, какъ и всѣмъ остальнымъ государствамъ. Фактически руководительство въ международныхъ дѣлахъ всегда принадлежало великимъ державамъ. До послѣдняго времени наиболѣе важныя политическія дѣла въ Европѣ рѣшалъ совѣтъ великихъ державъ, называвшійся по числу ихъ пентархіей; нынѣ совѣтъ этотъ обратился въ шестидержавіе, такъ какъ къ нему присоединилась Италія. Несмотря на то, что почти вся политическая и военная сила принадлежитъ этимъ шести державамъ (Россія, Германія, Англія, Франція, Австрія и Италія), онѣ не могутъ по своему произволу распоряжаться судьбами другихъ, слабѣйшихъ государствъ иначе, какъ при слѣдующихъ условіяхъ: а) съ согласія самихъ слабѣйшихъ государствъ, и б) дѣйствуя строго въ предѣлахъ международнаго права. Большее равенство между великими державами и остальными существуетъ при обсужденіи вопросовъ соціальныхъ и культурныхъ. Тутъ нерѣдко установлялись между ними общія соглашенія и, какъ увидимъ ниже, даже союзы.

Фактическое неравенство государствъ установило между ними извѣстную іерархію. Въ силу обычаевъ, трактатовъ и подъ давленіемъ иной разъ обстоятельствъ, государства стали различаться какъ по своему политическому значенію, такъ и по носимому ихъ правителями титулу. Международная вѣжливость внесла въ эти различія множество оттѣнковъ и разнообразныхъ формъ, выражающихся въ сношеніяхъ и встрѣчахъ ихъ представителей.

Эти различія въ почетѣ играли громадную роль въ эпоху процвѣтанія въ Европѣ абсолютизма и господствовавшаго тогда при дворахъ этикета. Нерѣдко возникали между представителями различныхъ державъ оживленные споры о первенствѣ или предсѣданіи (droit de préséance). Все это сильно измѣнилось въ наше время, но еще и теперь государства дѣлятся на государства, пользующіяся *королевскими почестями* и не пользующіяся ими. Государствами съ королевскими почестями называются тѣ, представители которыхъ носятъ высшіе титулы, имѣютъ особые гербы и различныя церемоніальныя отличія которыя имѣютъ право назначать дипломатическихъ агентовъ перваго класса, т. е. пословъ. Къ этимъ государствамъ относятся всѣ тѣ, во главѣ которыхъ

стоятъ императоры, короли курфюрсты и великіе герцоги. Прежде сюда же причислялись папы, Германскій союзъ и курфюрсты. Представители этихъ государствъ пользовались всегда высшимъ почетомъ и правомъ предсѣдательства. Впрочемъ королевскими почестями, пользовались не однѣ только монархіи: почести эти всегда принадлежали также и могущественнымъ республикамъ. Такъ и въ наше время почести эти принадлежатъ Франціи, Соедин. Штатамъ и Швейцаріи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что эти отличія по рангу не должны ослаблять высшаго юридическаго начала — равенства всѣхъ народовъ.

Б. Право общенія. Вторымъ основнымъ правомъ государствъ въ международномъ союзѣ является *право общенія.*

Подъ нимъ мы разумѣемъ *юридическій принципъ сношеній между государствами*, не случайныхъ и временныхъ, а *правильныхъ, покоящихся на началахъ равенства и взаимности и болѣе или менѣе организованныхъ.* Если суверенитетъ есть юридическій принципъ государствъ, то общеніе обозначаетъ юридическій же принципъ ихъ взаимныхъ сношеній или солидарности. Послѣднее начало не отрицаетъ перваго, но въ качествѣ коренного и высшаго принципа всего международнаго права умѣряетъ его практическія проявленія и ставитъ его въ юридическія рамки. Не безъ основаній поэтому его называютъ иногда принципомъ объективнымъ, вытекающимъ изъ всего строя международной жизни, въ противоположность суверенитету—принципу субъективному, коренящемуся въ природѣ и волѣ отдѣльныхъ государствъ.

Слѣдуетъ строго отличать общеніе отъ сношеній вообще. Писатели позитивисты, упускающіе это изъ вида, говорятъ о существованіи права общенія во всѣ эпохи исторіи и у всѣхъ народовъ. Но это грубое заблужденіе; сношенія между народами дѣйствительно существовали, но эти сношенія далеко не были тѣмъ, что въ наше время понимается подъ международнымъ правомъ общенія. Внѣшнія сношенія народовъ XVII ст. отличались крайне субъективнымъ характеромъ; временныя и случайныя— они возникали и исчезали исключительно по волѣ сторонъ, которыя, кромѣ своихъ личныхъ выгодъ, ничего другого не признавали. Но главное, эти сношенія не вытекали изъ общаго провосознанія, а также изъ опредѣленныхъ общихъ имъ всѣмъ интересовъ; безъ этихъ же условій немыслимо правильное международное общеніе. Вотъ почему мы говоримъ, что сношенія между народами, существовавшія съ давнихъ поръ, не есть общеніе въ современномъ смыслѣ этого слова, а представляютъ собою лишь наиболѣе юную и несовершенную форму его.

Общеніе есть средній, строго юридическій выводъ между двумя противоположными воззрѣніями, существовавшими до него у народовъ на ихъ взаимныя отношенія: между ихъ изолированностью, съ одной стороны, и стремленіемъ къ взаимному порабощенію съ другой. Принципъ общенія, уважая индивидуальныя особенности и независимость отдѣльныхъ народовъ, соединяетъ ихъ на равныхъ правахъ въ одно гармоническое цѣлое, скрѣпленное юридическими началами.

Въ наукѣ общеніе получило признаніе и обработку, сравнительно говоря, недавно, а именно не ранѣе 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія и болѣе всего благодаря стараніямъ нѣмецкихъ юристовъ. До этого времени международное право строили исключительно на идеѣ суверенитета государствъ. Кальтенборнъ, указавъ на всю односторонность этого воз-

зрѣнія на международное право, первый прибавилъ къ суверенитету, какъ субъективному началу, другое высшее—начало общенія, называемое имъ объективнымъ. Затѣмъ, Р. Моль въ превосходной монографіи ставитъ разработку этого принципа главной задачею нашей науки, а Залѣнискій сдѣлалъ попытку выяснить его экономическую сторону и отношеніе къ суверенитету. Кромѣ того Бульмерингъ и Ѳ. Мартенсъ говорятъ о немъ также болѣе или менѣе обстоятельно. Новѣйшіе нѣмецкіе писатели разумѣютъ его подъ рубрикой «право государства на сношенія», которое они также причисляютъ къ основнымъ правамъ. Несмотря на все это, принципъ общенія далеко не получилъ еще въ нашей наукѣ того преобладающаго значенія, которое ему должно принадлежать. Писатели какъ-будто все еще боятся отвести ему первенствующее въ принципіальномъ отношеніи мѣсто передъ суверенитетомъ и предоставляютъ его по старымъ привычкамъ послѣднему.

Чтобы понять, какъ слѣдуетъ, принципъ общенія, его должно изучать съ трехъ различныхъ сторонъ: съ исторической, теоретической или философской и практической.

Фазисы историческаго развитія общенія. Историческое разсмотрѣніе общенія чрезвычайно важно и относится собственно къ исторіи международныхъ сношеній, но и мы не можемъ обойти его молчаніемъ: оно даетъ намъ возможность лучше понять этотъ принципъ. Исторія приводитъ насъ къ двумъ выводамъ: 1) общеніе не есть измышленіе теоріи, а есть продуктъ всей исторической жизни новѣйшаго человѣчества, и 2) оно послѣдовательно прошло черезъ нѣсколько стадій развитія, прежде чѣмъ стало слагаться въ самостоятельный принципъ *права* и притомъ международнаго, какъ его нейтральная и верховая идея.

Ранѣе всего общеніе зародилось между народами Европы въ области *религіи*. Еще въ средніе вѣка, въ періодъ феодализма, когда отсутствовала государственная власть въ современномъ значеніи, христіанская церковь явилась первымъ и сильнымъ элементомъ, связавшимъ народы Европы въ одно цѣлое. Не зная національныхъ или иныхъ земныхъ границъ, она неустанно проповѣдывала въ эти грубые вѣка разъединенія и вражды объ единствѣ и братствѣ людей. Папство сдѣлалось величавымъ внѣшнимъ выраженіемъ этой идеи единства. То же сказалось въ международныхъ церковныхъ собраніяхъ (соборахъ), въ введеніи канонического права, какъ особой цѣльной системы права, исходившаго отъ церкви и, наконецъ, въ крестовыхъ походахъ, которые впервые объединили лицъ разныхъ сословій и національностей одною, общею для всѣхъ, религіозною цѣлью.

Почти въ то же время *торговля* была второю связующей силою. Не находя себѣ защиты отъ территоріальныхъ властей, подвергаясь, напротивъ, повсюду нападеніямъ какъ на сушѣ, такъ на и морѣ, торговые люди должны были сами позаботиться о своей безопасности. Въ городахъ возникли ихъ союзы, которые скоро вышли за предѣлы тогдашнихъ политическихъ или, вѣрнѣе, феодальныхъ единицъ. Могущественнѣйшій изъ этихъ союзовъ Ганза былъ государствомъ своего рода съ федеративными формами; но существовали и многіе другіе подобные союзы. Всѣ они держались помимо всякой, правительственной власти, дѣйствіями торговыхъ сословій, самостоятельно вели войны, заключали договоры, такъ что жизнь ихъ весьма интересна и съ международной точки зрѣнія. Въ этой области экономическихъ интересовъ сложилось болѣе

всего путемъ обычая и практики морское и торговое право, имѣвшее международное значеніе и дошедшее до насъ въ различныхъ сборникахъ, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется consolato del mare.

За религіею и торговлею слѣдуетъ *политика*. Еще въ періодъ Германско-Римской имперіи европейскіе народы соединялись нѣкоторыми общими, но весьма слабыми узами, носившими, впрочемъ, характеръ порабощенія единой монархической власти. Лишь къ концу среднихъ вѣковъ происходитъ ослабленіе этой власти и образованіе новыхъ политическихъ тѣлъ, не только вступившихъ въ постоянныя взаимныя сношенія, но и сознавшихъ себя членами одного политическаго цѣлаго, получившаго характерное названіе «системы политическаго равновѣсія». Явились органы для этихъ внѣшнихъ сношеній и на общихъ собраніяхъ стали рѣшаться дѣла, болѣе или менѣе общія для народовъ нашего континента. Общеніе, существовавшее въ средніе вѣка на религіозной почвѣ, теперь перешло въ почву политическую и стало связывать уже государства и ихъ гражданъ.

Мало-по-малу принципъ общенія началъ освобождаться отъ неустойчивыхъ политическихъ расчетовъ и слагаться въ *настоящую систему права*—это четвертый и высшій фазисъ его развитія. Предшествующія ему сношенія, вызывающіяся религіозными, торговыми или политическими интересами, вовсе имъ не упраздняются, но дополняются и скрѣпляются болѣе дѣйствительной охраною права. Въ общемъ можно сказать, что этотъ фазисъ наступилъ съ французской революціей и характеризуетъ наше время, но еще далекъ отъ завершенія. Въ общемъ ходѣ его развитія, какъ въ развитіи всѣхъ великихъ идей и учрежденій, замѣчаются сильныя колебанія между движеніями поступательными и попятными. Какъ бы то ни было, но общеніе въ сферѣ *права* обусловливается двумя основными чертами: 1) выдѣленіе изъ политики нѣкоторыхъ твердыхъ *юридическихъ нормъ*, пользующихся общимъ признаніемъ и авторитетомъ (подъ политикой мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ совокупность политическихъ правилъ) и 2) установленіемъ особыхъ чисто *международныхъ органовъ и союзовъ*. Въ настоящее время общеніе оказываетъ огромное вліяніе на всѣ отрасли государственной дѣятельности (законодательную, административную и судебную), а посредствомъ союзовъ объединяетъ даже и самыя государства, хотя и въ тѣсной сферѣ опредѣленныхъ, конкретныхъ интересовъ съ соціальнымъ характеромъ. Союзы эти напоминаютъ аналогичное явленіе среднихъ вѣковъ, но есть между ними и важное различіе: тогда они возникали вслѣдствіе слабости и даже отсутствія государственной власти по иниціативѣ частныхъ лицъ, сословій и городовъ, а теперь сами государства, могущественныя и организованныя, вступаютъ по отдѣльнымъ вопросамъ въ союзы между собою, понимая, что этимъ путемъ они полнѣе и скорѣе удовлетворятъ интересамъ своихъ гражданъ, нежели односторонними законами и мѣропріятіями. Разобщенныя глубоко по политическимъ вопросамъ, они въ сферѣ соціальныхъ интересовъ соглашаются какъ бы составить одну территорію, управляемую однообразными нормами. Такими являются союзы: почтовый, телеграфный, промышленный, литературный и т. д. Число ихъ призвано расти, а собственная ихъ организація крѣпнуть и развиваться.

Но и независимо отъ этихъ союзовъ, мы видимъ, что государства силою вещей приводятся къ тому убѣжденію, что исполненіе лежащихъ

на нихъ задачъ требуетъ, чтобы они оказывали другъ другу содѣйствіе. Замыкаясь только въ предѣлахъ своей территоріи и игнорируя сосѣдей, они тяжко погрѣшали бы прежде всего противъ собственныхъ гражданъ. Интересы самосохраненія, торговли и научнаго образованія вынуждаютъ народъ вступать въ сношенія другъ съ другомъ, и чѣмъ эти сношенія правильнѣе и организованнѣе, т. е. болѣе облечены въ форму *правового общенія*, тѣмъ болѣе выигрываетъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Каждое государство, напр., заинтересовано въ томъ, чтобы подданные его могли посѣщать учебныя заведенія, научныя и художественныя сокровищницы другихъ государствъ, участвовать на международныхъ съѣздахъ различнаго рода и т. д. Борьба со многими общественными бѣдствіями (эпидеміями, эпизоотіями, голодомъ и т. д.) ведется отдѣльными правительствами тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ дружнѣе ему помогаютъ другія. То же слѣдуетъ сказать о регулированіи переселенческаго дѣла, о болѣе успѣшномъ отправленіи правосудія и т. д. Все это требуетъ международныхъ трактатовъ и учрежденій, число которыхъ и умножается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Учреждаются международныя комиссіи по нѣкоторымъ спеціальнымъ отраслямъ управленія (рѣчныя, парижская метрическая комиссія, санитарная инспекція въ Константинополѣ).

Обращаясь отъ управленія къ области законодательной, мы замѣчаемъ здѣсь аналогичное явленіе: съ одной стороны, не только растетъ число трактатовъ, но и умножаются нормы положительнаго международнаго права, а съ другой—все большее и большее число этихъ нормъ входитъ въ законы различныхъ государствъ. Это далеко не изъ послѣднихъ гарантій прочности международнаго права. Брюссельская конференція сдѣлала извѣстныя постановленія, изложенныя ею въ особой деклараціи, которая, какъ извѣстно, не была признана правительствами, но начала, ею провозглашенныя, приняты позднѣе въ законахъ нѣкоторыхъ правительствъ. Въ Англіи до акта натурализаціи 1870 года господствовалъ въ теченіе многихъ столѣтій взглядъ, что граждане никогда не могутъ выйти изъ ея подданства, такъ, что тысячи англичанъ, эмигрировавшихъ въ Америку и другія страны и тамъ натурализовавшихся, продолжали считаться въ Англіи ея подданными и, въ случаѣ войны, подвергались опасности быть судимыми, какъ измѣнники. Съ другой стороны, иностранцы, какъ бы долго они ни находились въ Англіи, всегда оставались для англійскаго суда и закона иностранцами. Нечего говорить, какъ это противорѣчитъ международному общенію, будучи уродливымъ проявленіемъ территоріальнаго верховенства. И вотъ, по закону 1870 года каждому англичанину дозволено отказаться отъ подданства Англіи, а иностранцамъ послѣ пятилѣтняго пребыванія въ предѣлахъ англійской территоріи предоставлено право принимать англійское подданство. Другой характерный примѣръ представляетъ гражданское уложеніе Италіи 1865 года. Мы видимъ тутъ замѣчательную попытку изложенія въ отдѣльныхъ статьяхъ закона тѣхъ началъ частнаго международнаго права, которыя, вытекая изъ принципа общенія, основывались до этого на теоріи юристовъ и судебной практикѣ. Русскій законъ еще въ прошлое царствованіе уровнялъ въ гражданскомъ отношеніи иностранцевъ съ природными подданными (за нѣкоторыми исключеніями), но все еще не регулировалъ сообразно съ принципами общенія выходъ изъ русскаго подданства.

Но и этого мало; юристы уже давно мечтаютъ о возможности *об-*

щаго международнаго законодательства по такимъ вопросамъ, которые, возникая изъ мирового торговаго оборота, не отмѣчены узко національнымъ характеромъ и могутъ удобно подлежать однообразной кодификаціи. Этому сочувствуютъ и нѣкоторыя правительства: въ 1878 году Германія выступила съ предложеніемъ ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ объ изданіи общаго вексельнаго устава. Германія въ 1874 году предложила издать общій законъ относительно исполненія рѣшеній иностранныхъ гражданскихъ и коммерческихъ судовъ. Оба предложенія, говоритъ Мартенсъ, были приняты весьма сочувственно большинствомъ державъ и, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ получатъ практическое осуществленіе. Швейцарія взяла на себя инціативу въ международномъ регулированіи нѣкоторыхъ частей фабричнаго законодательства.

Въ сферѣ судебной власти также замѣчено усиленіе общенія между современными государствами. Ни одно изъ нихъ не можетъ, хотя бы на своей территоріи, игнорировать ни законовъ, ни дѣйствій иностранныхъ государствъ; приходится съ ними постоянно считаться и даже обращаться къ содѣйствію иноземныхъ судовъ и властей. Это вытекаетъ изъ широкаго развитія современнаго гражданскаго оборота. Часто приходится для лучшаго констатированія вины какого-либо преступника обращаться къ иностраннымъ судамъ съ просьбами объ отобраніи или свидѣтельскихъ показаній, или о сообщеніи другихъ какихъ-либо свѣдѣній и т. п. Правительства соглашаются между собою относительно опредѣленныхъ случаевъ и формъ прямыхъ сношеній между ихъ судами. Отъ этого только болѣе обезпечивается внутренній порядокъ и уваженіе къ закону на территоріяхъ контрагентовъ. Правительства заключаютъ между собою многочисленныя конвенціи о выдачѣ преступниковъ; такъ, преслѣдованіе виновнаго, успѣвшаго скрыться на иностранную территорію, становится возможнымъ лишь съ вѣдома и содѣйствія властей этой территоріи. Судамъ одного государства часто приходится примѣнять законы другого по поводу тяжебныхъ дѣлъ между иностранцами или между ними и своими подданными. Если происходитъ столкновеніе между иноземнымъ закономъ и мѣстнымъ, неразрѣшимое съ точки зрѣнія суверенитета даннаго государства, суды по необходимости примѣняютъ начала частнаго международнаго права, которое такъ же, какъ и публичное, все покоится на началѣ общенія.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ принципъ общенія содѣйствуетъ урегулированію сношеній не только между государствами, но и ихъ подданными. Различныя общественныя группы, общины, торговыя компаніи и т. п., законно существующія въ своей странѣ, получаютъ право на признаніе и содѣйствіе своимъ интересамъ и въ другихъ государствахъ. Говоря иначе, въ качествѣ юридическихъ лицъ, имъ дозволяется и тамъ владѣть имуществомъ, защищать свои права въ судебномъ порядкѣ, имѣть своихъ агентовъ и т. д.

Итакъ, историческое разсмотрѣніе общенія показываетъ намъ, что оно постепенно расширяется на новыя области жизни и внутренно все крѣпнетъ. Будучи продуктомъ не отвлеченной теоріи, а дѣйствительной жизни, оно имѣетъ *глубокія разумныя основанія*, раскрытіе которыхъ составляетъ задачу *теоріи*.

Разумныя основанія принципа общенія. Общеніе вытекаетъ изъ самой природы государства, какъ физической матеріальной, такъ и духовной. Страны различаются между собою чрезвычайно по тѣмъ дарамъ, кото-

рыми надѣлила ихъ природа. Разныя мѣстности производятъ различные продукты; многіе изъ нихъ, недостающіе въ одной странѣ, изобилуютъ въ другой. Отсюда вытекаетъ необходимость и полезность обмѣна, а слѣдовательно и общенія между народами. Съ развитіемъ культуры потребности людей становятся болѣе многочисленными и искусственными, а земля, между тѣмъ, истощается; въ однѣхъ странахъ часто не хватаетъ земли для населенія, а въ другихъ, наоборотъ, не хватаетъ рукъ для обработки ея. Въ странахъ бѣдныхъ землею развивается обрабатывающая промышленность, а въ странахъ богатыхъ ею — добывающая; такимъ образомъ, хозяйства этихъ странъ взаимно дополняютъ другъ друга и взаимно необходимы другъ другу; отсюда государства вынуждаются къ постояннымъ между собою сношеніямъ. Понемногу національныя хозяйства находятъ себѣ дополненіе и расширеніе въ *идеѣ мірового хозяйства*. Экономическая зависимость народовъ другъ отъ друга усиливается, становится и въ этой области необходимымъ раздѣленіе труда между отдѣльными политическими единицами; необходимымъ же является правильный обмѣнъ продуктовъ ума и труда, а послѣдній немыслимъ безъ юридическаго международнаго порядка.

На этой идеѣ *общей экономической солидарности народовъ* покоится общеніе, какъ на твердой естественной скалѣ.

Другое основаніе принципа общенія, не менѣе важное, чѣмъ физическія особенности государствъ, это ихъ духовная природа. Современная наука справедливо признаетъ государства за личности живущихъ въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствующихъ народовъ. Но никакая личность не можетъ жить обособленно, внѣ общенія и содѣйствія другихъ ей подобныхъ личностей. Право, регулирующее отношенія между личностями вообще регулируетъ ихъ и между государствами и опредѣляетъ ихъ совмѣстное бытіе. Но такое совмѣстное бытіе не обозначаетъ поглощенія одной личности другою; полному уподобленію ихъ и слитію въ одну массу нельзя сочувствовать: случись это съ государствами, тогда исчезло бы и самое международное право. Личность, индивидуальность есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ исторіи человѣчества; народы, какъ политическія личности, одарены извѣстными способностями и имѣютъ каждый свою опредѣленную задачу въ великой семьѣ человѣчества. Въ этомъ отношеніи правы націоналисты, когда они съ удареніемъ говорятъ о самобытныхъ, индивидуальныхъ дарахъ народовъ, но они не правы, когда обостряютъ эти особенности до какой-то принципіальной между ними вражды. Поэтому намъ кажутся печальнымъ заблужденіемъ мысли Данилевскаго (Россія и Европа) о неотразимой будто бы борьбѣ (въ смыслѣ истребительной войны) между Россіею, какъ представительницею славянскаго культурнаго типа, и Европою, составляющею германо-романскій типъ. Объяснить этотъ взглядъ можно только тѣмъ, что Данилевскій, очевидно, и понятія не имѣетъ о международномъ правѣ. Личности призваны, по свидѣтельству исторіи и по требованію разума, не къ изолированности и не къ взаимному истребленію (ибо тогда онѣ перестали бы быть нравственными единицами), а къ взаимной помощи и восполненію другъ друга. Въ древности и въ средніе вѣка, когда разобщеніе и враждебность возводились въ законъ внѣшнихъ сношеній, это до такой степени противорѣчило природѣ человѣка, что за отсутствіемъ правильныхъ сношеній они устанавливались насильственнымъ путемъ; война понижала воздвигавшіяся китайскія стѣны, клала свою печать на

торговлю и, такимъ образомъ, приводила народы, хотя насильственно, въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, устанавливала между ними нѣкоторое общеніе. Въ наше время общеніе сдѣлалось кореннымъ принципомъ международнаго права и призвано устанавливать сношенія между народами мирными и нравственными путями.

Практическіе выводы. Изъ вышесказаннаго вытекаютъ весьма важные практическіе выводы: 1) *ни одно государство не имѣетъ права совершенно изолировать себя или другое государство отъ остальныхъ:* Этимъ оно поставило бы себя внѣ международнаго права и, доводя идею своего суверенитета до послѣдней крайности, погрѣшило бы противъ своей природы. Иное дѣло временное закрытіе какой-нибудь границы въ силу необходимости (въ случаяхъ войны, возстаній, эпидемій) или прекращеніе также на время сношеній съ какимъ-либо отдѣльнымъ государствомъ большей частью вслѣдствіе непризнанія совершившихся въ немъ политическихъ переворотовъ. Такъ, Екатерина II я не хотѣла нѣкоторое время поддерживать сношенія съ Франціей послѣ казни Людовика XVI. Такого рода перерывы въ сношеніяхъ не должны подрывать принципа общенія.

2) Въ силу же принципа общенія государства *не въ правѣ не допускать иностранцевъ на свои территоріи.* Смотря по своимъ экономическимъ или политическимъ потребностямъ, правительства придерживаются различныхъ системъ. Такъ мы видимъ, что иногда правительства совершенно закрывали свою территорію для иностранцевъ. Допетровская Россія по общему правилу была закрыта для иностранцевъ. Иногда, наоборотъ, правительства вызываютъ къ себѣ иностранцевъ, поощряя ихъ различными льготами, давая преимущества однимъ иностранцамъ передъ другими. Съ точки зрѣнія международнаго права слѣдуетъ замѣтить, что наиболѣе справедливымъ является одинаковое обращеніе съ иностранцами всѣхъ національностей и уравненіе ихъ въ гражданскомъ правѣ съ природными подданными; политическія же права не должны быть имъ предоставлены. Изъ этого общаго правила допускаются изъятія, но они должны быть мотивированы и состоять въ согласіи съ международнымъ правомъ. Допуская иностранцевъ на свою территорію, государства имѣютъ двоякаго рода обязанности: а) радѣя о пользѣ своихъ гражданъ, они должны слѣдить, чтобы иностранцы не эксплоатировали мѣстное населеніе, и б) они должны слѣдить за тѣмъ, чтобы иностранцы не угрожали безопасности другихъ сосѣднихъ государствъ. Это относится особенно къ Швейцаріи, которая славится своимъ правомъ убѣжища. Право убѣжища необходимо получаетъ въ предѣлахъ международнаго права извѣстныя юридическія границы. Отсюда необходимость надзора и контроля надъ иностранцами.

3) Ни одно государство не должно *лишать* другое *пользованія путями сообщенія и тѣми удобствами, которыя вытекаютъ изъ его географическаго положенія.* Первое право въ прежнее время называлось jus transitus или passagii innoxii; въ настоящее время оно никѣмъ не оспаривается. Нарушеніе этого права вело бы къ насильственному обособленію государства. Но если нельзя съ точки зрѣнія международнаго права обособлять себя, то еще менѣе можно дѣлать это съ другими. Поэтому государства, отрѣзанныя другими отъ морей, имѣютъ естественное право требовать себѣ отъ сосѣдей свободнаго доступа къ нимъ (таковы Швейцарія, Боливія и Парагвай); они могутъ имѣть свой торговый флотъ и свои стоянки на нихъ, такъ какъ моря и океаны суть достояніе всего

человѣчества. Относительно выгодъ, связанныхъ съ географическимъ положеніемъ страны, надо имѣть въ виду совмѣстное владѣніе или, по крайней мѣрѣ, пользованіе рѣками, озерами, общими нѣсколькимъ государствамъ; ни одно изъ нихъ не должно лишать другія государства возникающихъ отсюда выгодъ (относительно рыболовства и сообщеній) или производить какія бы то ни было работы безъ согласія прочихъ сосѣдей. Изъ начала равенства, подкрѣпляемаго принципомъ общенія, вытекаетъ требованіе одинаковаго для всѣхъ пользованія океаномъ и его сокровищами, а равно всѣми путями сообщенія, признаваемыми нынѣ международными.

4) Общеніемъ требуется, чтобы государства по возможности *не препятствовали взаимной, свободной торговлѣ*. Каждое изъ нихъ, руководствуясь собственными потребностями, заботится о мѣрахъ для охраны національной промышленности и для оживленія торговли: но эти мѣры не должны превращаться въ совершенный запретъ иностраннаго ввоза.

5) Нѣкоторыя формы торговыхъ сношеній, прямо осужденныя положительнымъ международнымъ правомъ (торговля неграми и подобная ей куліями) должны встрѣчать противодѣйствіе со стороны всѣхъ государствъ не только въ предѣлахъ ихъ территорій, но и повсюду, съ правомъ привлеченія виновныхъ къ отвѣту, къ какой бы національности они ни принадлежали. Словомъ, общеніе со стороны его практическаго примѣненія можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ: оно призвано всячески содѣйствовать *свободѣ движенія лицъ, вещей и идей по всему земному шару*.

Общеніе, какъ принципъ юридическій, не можетъ быть абсолютнымъ; точно также, какъ и принципъ суверенитета, оно подлежитъ ограниченіямъ. Прежде всего общеніе умѣряется сообразно общей справедливости, требующей устраненія неравенства положенія въ союзѣ: государство не обязано поддерживать сношенія, которыя представляютъ ему однѣ только тягости, а всѣ выгоды падаютъ на другое государство. Другое ограниченіе вытекаетъ изъ принципа самосохраненія, въ силу котораго государство можетъ отклонить сношенія, которыя поставили бы его въ зависимость отъ другихъ государствъ. Тутъ общеніе, въ свою очередь, умѣряется суверенитетомъ, подобно тому, какъ суверенитетъ умѣряется общеніемъ.

Итакъ, общеніе есть правовой порядокъ сношеній между государствами. Оно нисколько не отнимаетъ у нихъ обязанности заботиться о благѣ и безопасности собственныхъ гражданъ: самодѣятельность есть первое условіе для развитія индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ; но общеніе указываетъ на необходимость для послѣднихъ въ области права, какъ и въ мірѣ нравственномъ, оказывать другъ другу содѣйствіе.

Вопросъ о международной организаціи. Общеніе получитъ точное и вполнѣ юридическое выраженіе лишь тогда, когда введена будетъ *международная организація*. Существующіе въ настоящее время международные органы очень несовершенно соотвѣтствуютъ этой идеѣ, будучи органами главнымъ образомъ внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ. Организація же, о которой мы говоримъ, должна, не подрывая самостоятельности народовъ, создать для ихъ общей жизни такую форму, которая представила бы ихъ объединеніе не въ политическомъ отно-

шеніи. Организація эта не можетъ быть сколкомъ съ какой-бы то ни было формы внутренне-государственнаго быта, но, сообразно съ сложными потребностями и условіями международнаго союза, она должна выработаться изъ жизни самаго этого союза. На это нужно много времени и усилій; дѣло науки прокладывать для нея пути въ сознаніи и жизни народовъ. Справедливо видятъ въ этомъ высшую конечную проблему международнаго права, какъ науки. Только при существованіи правильной международной организаціи общіе интересы государствъ и самый миръ между ними получаютъ должное признаніе и охрану, тогда только будетъ найдено гармоническое соотношеніе между суверенитетомъ и общеніемъ, независимостью и солидарностью народовъ—этими двумя коренными идеями государственнаго и международнаго права.

§ 4. **Измѣненія, претерпѣваемыя государствами.** Государства, какъ было сказано выше, суть организмы и, какъ таковые, подвергаются всякаго рода измѣненіямъ. Измѣненія эти можно свести къ двумъ группамъ: а) измѣненіямъ политическимъ и б) территоріальнымъ. Къ первой группѣ относятся *перемѣны, касающіяся политическаго строя государства.* Мѣняются не только отдѣльныя лица, династіи, но и формы правленія. Общее правило при всѣхъ этихъ перемѣнахъ то, что онѣ не вліяютъ на юридическія отношенія государствъ, въ которыя вступили они до перемѣнъ. Правило это логически вытекаетъ изъ представленія о государствѣ, какъ международной личности. Государство, какъ международная личность, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Впервые принципъ исторической и юридической непрерывности государства-личности былъ провозглашенъ голландскимъ писателемъ Бинкгукомъ. Торжественно признанъ былъ этотъ принципъ въ протоколахъ лондонской конференціи 1831 г. по случаю отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи.

Трактаты, заключенные государствомъ, не теряютъ своей обязательности, несмотря ни на какіе внутренніе перевороты. Если бы обязательства, въ которыя вступило государство, теряли свою силу вмѣстѣ съ перемѣною правителей, династій или формъ правленій, то это было бы отличное средство погашать тягостныя для народа обязательства.

Государство обязано соблюдать договоры, заключенные какъ законнымъ правительствомъ, такъ и правительствомъ, узурпировавшимъ власть. Для международнаго права безразлично, законно ли правительство съ точки зрѣнія государственнаго права или незаконно; представителемъ народа оно считаетъ то правительство, которое фактически въ данную минуту обладаетъ верховной властью въ государствѣ. Съ точки зрѣнія международнаго права фактическое правительство законно, если не нарушаетъ основныхъ началъ международнаго права, и незаконно, если нарушаетъ ихъ.

Положенія, указанныя относительно политическихъ перемѣнъ государства, не суть достояніе только теоріи, но съ давнихъ поръ признаются на практикѣ. Во время англійской революціи въ XVII вѣкѣ Кромвель и принцъ Оранскій признали договоры короля Карла. Первая французская республика не считала себя свободной отъ обязательствъ, принятыхъ на себя Людовикомъ XVI и его предшественниками. Конечно, въ международной практикѣ бывали случаи, представлявшіе собою исключеніе изъ указаннаго общаго положенія, но они встрѣчали энер-

гичный отпоръ со стороны международнаго союза. Такъ, напримѣръ, когда министръ иностранныхъ дѣлъ второй французской республики Ламартинъ торжественно объявилъ въ декларации, что республика не признаетъ постановленій вѣнскаго трактата, то великія державы выразили энергичный протестъ по этому поводу и Франція должна была уступить.

Исключеніе изъ общаго правила относительно обязательности договоровъ, независимо отъ измѣненій, претерпѣваемыхъ государствомъ, составляютъ, во-первыхъ,—соглашенія между правителями, носящія личный характеръ, во-вторыхъ, обязательства правительствъ, не получившихъ международнаго признанія. Какъ на примѣръ личныхъ соглашеній между отдѣльными правителями можно указать на соглашенія между Людовикомъ XIV и Яковомъ II Стюартомъ или на договоръ между Наполеономъ III и Максиміліаномъ по поводу поддержанія престола послѣдняго.

Съ другой стороны обязательства, принятыя на себя Костюшкою въ 1794 г. и Кошутомъ въ 1849 г., потеряли силу вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ, такъ какъ партіи, въ глазахъ которыхъ они стояли, не получили международнаго признанія. Но когда Гессенскій курфюрстъ отказался отъ договоровъ, заключенныхъ его предшественникомъ, королемъ Вестфальскимъ, узурпировавшимъ власть, великія державы потребовали ихъ исполненія, такъ какъ правительство Вестфальскаго короля было признано международнымъ союзомъ.

Вторая группа измѣненій, претерпѣваемыхъ государствомъ, обнимаетъ собою *территоріальныя измѣненія*. Государства то лишаются какой-либо части своей территоріи, то присоединяютъ къ ней земли иного государства. При территоріальныхъ измѣненіяхъ, какъ и при политическихъ, весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ о вліяніи этихъ измѣненій на государство, какъ международную личность. По общему правилу государство остается тою же личностью, съ тѣми же правами и обязанностями, какія принадлежали ему до территоріальныхъ измѣненій. Правило это признано не только теоріей, но и практикой международныхъ отношеній XIX вѣка.

Пруссія по тильзитскому миру 1807 г. лишилась цѣлой трети своихъ владѣній; однако, съ одной стороны, это не помѣшало ей остаться независимымъ государствомъ и королевствомъ, а съ другой—не освободило ее отъ обязательствъ, заключенныхъ ею до мира. Королевство Саксонское потеряло въ 1815 г. на вѣнскомъ конгрессѣ половину своихъ владѣній; Австрія потеряла свои богатѣйшія провинціи Ломбардію и Венецію; первую въ 1859 году, вторую въ 1866 году. Значительныя территоріальныя измѣненія потерпѣла Турція и другія государства Балканскаго полуострова по берлинскому договору въ 1878 году.

Утрачиваются государствами территоріи или вслѣдствіе внѣшней несчастной войны или путемъ внутренней междуусобной. Въ первомъ случаѣ, территорія переходитъ къ побѣдившему государству, во второмъ отдѣлившаяся территорія или образуетъ новое государство или присоединяется къ одному изъ существующихъ.

При переходѣ территорій отъ одного государства къ другому весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, переходятъ ли вмѣстѣ съ территоріей права и обязанности одного государства къ другому и если переходятъ, то въ какихъ размѣрахъ. По общему правилу всѣ обяза-

тельства, спеціально лежавшія на утраченной или отдѣлившейся территоріи, переходятъ къ новому государству. Обязательства эти могутъ быть раздѣлены на мѣстныя и личныя. *Мѣстными обязательствами* называются такія, которыя прикрѣплены къ самой отходящей территоріи, которыя возникаютъ, напримѣръ, изъ частно-правовыхъ владѣній прежняго государства въ данной мѣстности. Когда, напримѣръ, Германія по Франкфуртскому трактату приняла на себя всѣ желѣзныя дороги въ Эльзасъ-Лотарингіи, то она приняла вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ лежавшія на нихъ долговыя обязательства. Подъ *личными обязательствами* разумѣются такія обязательства, въ силу которыхъ населеніе утраченной территоріи можетъ требовать отъ новаго государства соблюденія тѣхъ своихъ правъ, которыми оно пользовалось въ старомъ государствѣ. Эти обязательства не имѣютъ большого значенія: государства соблюдаютъ ихъ обыкновенно только въ томъ случаѣ, если они не противорѣчатъ интересамъ народа.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, должны ли утраченныя или отдѣлившіяся области участвовать въ уплатѣ общаго государственнаго долга своего прежняго отечества или нѣтъ. Обращаясь къ трактатамъ, заключавшимся по поводу территоріальныхъ измѣненій, слѣдуетъ замѣтить, что они въ этомъ отношеніи колеблются, хотя замѣчается болѣе рѣшительная тенденція въ пользу уплаты. Нельзя не признать переложеніе части государственнаго долга на отходящую территорію вполнѣ справедливымъ, такъ какъ утраченная или отдѣлившаяся область несомнѣнно пользовалась выгодами этого долга до отдѣленія. Бельгія въ 1830 году при отдѣленіи отъ Голландіи обязалась выдавать ей ежегодно по пяти милліоновъ франковъ въ уплату государственнаго долга, накопившагося за періодъ времени отъ Вѣнскаго конгресса до 1830 года. Хотя сумма, которую обязалась уплачивать Бельгія, не велика, но важно уже то обстоятельство, что былъ признанъ принципъ участія отошедшей области въ уплатѣ общаго государственнаго долга прежняго государства. По Цюрихскому трактату Сардинія обязалась уплатить часть Австро-Ломбардскаго долга потому, что къ ней была присоединена Ломбардія—богатѣйшая провинція Австрійской монархіи. По Берлинскому трактату Болгарія, Сербія и Черногорія обязались уплатить часть турецкаго долга. Однако, нужно замѣтить, что возложеніе на отходящую территорію части государственнаго долга справедливо въ томъ только случаѣ, если она пользовалась выгодами общаго государственнаго долга. Вопросъ о томъ, какія начала должны быть положены въ основаніе разверстки государственнаго долга, есть дѣло практическаго обсужденія. Юристы утверждаютъ, что при такой разверсткѣ должны быть приняты во вниманіе величина отходящей территоріи, ея экономическое благосостояніе, численность, населенія и т. д. Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что должна быть произведена по возможности оцѣнка той пользы, которую извлекла изъ общаго государственнаго долга отходящая область.

Иногда области переходятъ отъ одного правительства къ другому на извѣстныхъ условіяхъ. Условія эти заключаются съ государствомъ, пріобрѣтающимъ область, или съ государствомъ, отъ котораго эта область отходитъ, или съ ея населеніемъ. Условія эти заносятся въ трактаты по обычной терминологіи дипломатовъ на «вѣчныя времена». Нарушеніе этихъ условій, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, дѣлаетъ недѣй-

ствительнымъ право государства на пріобрѣтенную область, но ученіе новѣйшихъ писателей несогласно съ этимъ взглядомъ на условія соединительнаго акта. Профессоръ Мартенсъ слѣдующимъ образомъ аргументируетъ для оправданія нарушенія этихъ условій: онъ указываетъ на то, что само населеніе своимъ поведеніемъ иногда даетъ законный поводъ для нарушенія названныхъ условій; кромѣ того, все въ мірѣ подчинено закону развитія; не могутъ оставаться неизмѣнными никакіе законы и договоры; они должны соотвѣтствовать потребностямъ даннаго времени и общества, но общество развивается, развиваются и потребности его такъ, что если бы законы оставались неизмѣнными, то они, очевидно, вызвали бы застой въ общественной жизни. Нельзя отрицать вѣрности взгляда профессора Мартенса,—этотъ взглядъ справедливъ, какъ общее начало; спорятъ о тѣхъ конкретныхъ условіяхъ, при которыхъ правительства получаютъ право на измѣненіе договоровъ и присоединительныхъ актовъ.

Разбираемый нами вопросъ имѣетъ особое практическое значеніе для Россіи. По Ништадскому миру Швеціи отдала Россіи Остзейскій край, но на условіяхъ, въ которыхъ выговаривались привиллегіи для дворянства и духовенства этого края. Въ послѣднее время въ виду преобразованій, производимыхъ нашимъ правительствомъ въ этомъ краѣ, дворянство и духовенство, требуя неприкосновенности своихъ правъ и привиллегій, не разъ ссылались на постановленія этого древняго соединительнаго акта

§ 5. Прекращеніе существованія государствъ. Въ этомъ параграфѣ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ о прекращеніи бытія государствъ и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя оно влечетъ за собою.

Прежде всего мы должны указать тѣ способы, которыми прекращается жизнь государственнаго организма. Мы не будемъ останавливаться на элементарныхъ явленіяхъ изъ этой области, такъ какъ они въ наше время почти совершенно невозможны, хотя о нихъ и упоминаютъ нѣкоторые интернаціоналисты (Гефкенъ, Гарейсъ). Такъ, напримѣръ, существованіе государства прекратится, если его территорія будетъ затоплена; это, напримѣръ, можетъ случиться тогда, если государство расположено на островѣ. То же самое произойдетъ, если вымретъ все населеніе или будетъ уничтожено непріятелемъ, или уведено въ плѣнъ, какъ это сдѣлали, напр., ассиріяне по отношенію къ евреямъ. Наконецъ, государственная организація можетъ распасться путемъ анархіи. Всѣ указанныя способы смерти государства, за исключеніемъ развѣ послѣдняго, совершенно немыслимы въ наше время среди цивилизованныхъ народовъ.

Здѣсь надо разсмотрѣть тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собою смерть государства и, главнымъ образомъ, вопросъ о томъ, существуетъ ли преемство или наслѣдованіе въ отношеніи государствъ. По этому вопросу имѣется нѣсколько теорій.

Гарейсъ отвергаетъ преемство, какъ общее правило. Оно, по его мнѣнію, нарушаетъ суверенитетъ государствъ. «Нельзя» говоритъ онъ, «заставлять государства принимать на себя обязательства, которыя могутъ даже противорѣчить ихъ интересамъ. Другое дѣло, если государство соглашается на преемство, тогда на него переходятъ не только права, но и обязанности, лежащія на изчезнувшемъ государствѣ». Теорія эта несостоятельна, такъ какъ основаніе преемства лежитъ въ между-

народномъ правѣ, а международное право преслѣдуетъ интересы не одного какого-либо государства, а всѣхъ государствъ, всего международнаго союза.

Ривье отличаетъ частно-правовыя отношенія отъ публично-правовыхъ. Первыя переходятъ на преемника. Ко вторымъ онъ относитъ: а) договоры о службѣ, судоходствѣ, выдачѣ преступниковъ и т. д.; всѣ принадлежащія къ этой группѣ юридическія отношенія государства, предполагающія продолженіе его существованія, исчезаютъ вмѣстѣ съ его политическою *личностью*; б) другія публично-правовыя же отношенія тѣсно связаны съ самой *территоріею*. Къ нимъ относятся международныя повинности, лежащія на территоріи, акты объ опредѣленіи границъ и проч.; всѣ подобнаго рода юридическія отношенія переходятъ на новое государство.

И дѣйствительно, возможно ли, чтобы государство исчезло цѣликомъ безъ всякаго слѣда? Оно исчезаетъ, какъ политическая международная личность, но его основные элементы остаются и переходятъ на другое государство, наслѣдующее ему. Тутъ повторяется великій космическій законъ, что въ природѣ ничего не пропадаетъ, что матерія остается, измѣняются только формы. Вотъ почему намъ кажется наиболѣе правильнымъ взглядъ Мартенса.

Мартенсъ полагаетъ, что всѣ международныя права и обязанности, лежавшія на умершемъ государствѣ, должны переходить къ его преемникамъ. Но это преемство не вліяетъ на наслѣдующіе государство, какъ на международную личность; оно остается тѣмъ же субъектомъ международнаго права; ему долженъ принадлежать только одинъ голосъ при рѣшеніи международныхъ вопросовъ. Затѣмъ, наслѣдующее государство принимаетъ на себя всѣ обязательства умершаго безъ соображенія актива наслѣдства съ его пассивомъ. Это послѣднее обстоятельство рѣзко отличаетъ наслѣдованіе по международному праву отъ наслѣдованія по гражданскому.

Все наслѣдство Мартенсъ дѣлитъ на: а) обязательства и трактаты; б) публичныя имущества (пути сообщенія, общественныя учрежденія и т. д.); в) имущества фиска или государственныя имущества, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (капиталы, домены и т. д.).

Трактаты и обязательства переходятъ на наслѣдующее государство всѣ безъ исключенія. Публичныя имущества также передаются по наслѣдству, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что новое государство можетъ пользоваться ими только въ духѣ и направленіи стараго. Наконецъ, государственныя имущества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова переходятъ въ полную собственность новаго государства и оно можетъ пользоваться ими по своему усмотрѣнію.

Практика международныхъ отношеній, вопреки теоріи Гарейса, постоянно признавала и признаетъ преемство между государствами. Когда итальянскій король прекратилъ существованіе Папской области въ 1870 г., онъ принялъ на себѣ всѣ обязательства, заключенныя папою, какъ свѣтскимъ государемъ.

Если существуетъ преемство между физическими и юридическими лицами въ гражданскомъ правѣ, то оно должно существовать и по отношенію къ международнымъ личностямъ въ международномъ правѣ. Могутъ исчезать договоры, тѣсно связанные съ умершимъ государствомъ,

какъ политическою личностью, но всѣ остальные договоры и обязательства переходятъ на новое государство.

Если государство достается нѣсколькимъ преемникамъ, то дѣлается разверстка правъ и обязательствъ исчезнувшаго государства на основаніи общихъ юридическихъ началъ. Основное правило при разверсткѣ таково: сначала дѣлять главное, потомъ второстепенное; затѣмъ, принимается во вниманіе величина присоединяемой области, количество населенія, его податная способность и т. д. Когда въ 1797 году былъ положенъ конецъ существованію Польши, какъ самостоятельнаго государства, произошла разверстка ея между Россіей, Австріей и Пруссіей. Въ 1815 г. отошла къ Россіи и остальная часть Польши (герцогство Варшавское).

ГЛАВА II.

Государственная территорія и международные пути сообщенія *).

§ 1. **Государственная территорія.** *Опредѣленіе.* Государственная территорія и населеніе—необходимыя условія существованія государства, какъ члена международнаго союза и вопросъ о государственной территоріи имѣетъ огромное значеніе въ сферѣ международныхъ отношеній. Важность этого вопроса обусловливается съ одной стороны тѣмъ, что госуд. территорія имѣетъ большое вліяніе на направленіе политики даннаго государства. Такъ, если государство не достигло своихъ такъ называемыхъ естественныхъ границъ, то оно обыкновенно стремится къ ихъ достиженію, такъ какъ стратегія всегда утверждала, что безопасность государства можетъ быть наилучше ограждена лишь въ томъ случаѣ, когда государство опирается на свои естественныя границы, каковыми признаются горныя цѣпи, моря, рѣки, степи. (Стремленіе Московскаго государства къ морю для безпрепятственныхъ сношеній съ Зап. Европой). Съ другой стороны предѣлами государственной территоріи *опредѣляются предѣлы верховной государственной власти въ международной сферѣ.*

Подъ государственной территоріей разумѣется пространство земли воды, и воздуха, подчиненное исключительно верховной власти одного даннаго государства—его территоріальной власти, которая выражается въ верховномъ исключительномъ господствѣ его надъ опредѣленной территоріей и надъ всѣмъ тѣмъ, что на ней находится и въ вытекающемъ отсюда исключительномъ правѣ распоряженія ею, поскольку сама же государственная власть не ограничиваетъ этого своего права въ пользу другихъ государствъ, въ интересахъ международнаго общенія. Государство имѣетъ надъ территоріею право верховнаго господства въ публичноправовомъ смыслѣ, изъ чего проистекаютъ юридическія послѣдствія: права на пріобрѣтеніе и отчужденіе территоріи (при извѣстныхъ условіяхъ), право на ограниченіе своего территоріальнаго верховенства въ интересахъ другихъ государствъ, наконецъ—право государства на распространеніе своей власти и контроля надъ всѣми предметами и лицами, нахо-

*) Взято изъ курса лекцій пр. доцента В. А. Уляницкаго, читаннаго въ Московскомъ университетѣ въ 1896—1897 г.

дящимися на территоріи, т. е. права *территоріальнаго верховенства сводятся къ совокупности публичныхъ правъ*, а не частной собственности (не dominium, а imperium).

Главное различіе между imperium и dominium состоитъ въ томъ, что частноправовый dominium состоитъ подъ охраной публично-правового imperium'а. Государство и само можетъ имѣть, кромѣ общаго территоріальнаго imperium'а еще и dominium, по началамъ частнаго права на извѣстныя части государственной территоріи наравнѣ съ частными лицами (государствен. домены), и такимъ образомъ, можетъ быть частнымъ собственникомъ. Но по отношенію къ частнымъ имуществамъ, находящимся въ предѣлахъ территоріальной власти государства, послѣднему принадлежитъ лишь верховное право покровительства и распоряженія въ сферѣ публичнаго права (imperium), но не собственность по началамъ частнаго права. Поэтому, при смѣнѣ территоріальной власти (переходъ территоріи къ другому государству) владѣльческія права частныхъ лицъ остаются неприкосновенными. Государство въ качествѣ верховнаго блюстителя государственныхъ и общественныхъ интересовъ, имѣетъ на имущество своихъ подданныхъ и иностранцевъ, владѣющихъ недвижимыми имуществами въ его предѣлахъ, лишь право распоряженія (dominium eminens) ради соображеній общественной пользы (право экспропріаціи) или необходимости, напр., уничтожить частную собственность съ вознагражденіемъ собственника или даже безъ вознагражденія. Изъ общаго понятія территоріальной власти государствъ вытекаетъ не только право распоряженія ея тѣми землями, которыя, входя въ составъ территоріи, не принадлежатъ никому—не освоены или покинуты владѣльцами, но и право присвоенія ихъ на правахъ частной собственности. Поэтому, присвоеніе незанятыхъ земель безъ разрѣшенія государства не должно имѣть мѣста; такія безхозяйныя вещи (res nullius) которыя, по ученію римскихъ юристовъ, принадлежатъ въ собственность первому ими завладѣвшему, въ сущности не безхозяйны,—какъ часть государственной территоріи, онѣ принадлежатъ прежде всего территоріальной власти, отъ которой уже зависитъ опредѣлить, на какихъ условіяхъ она согласна предоставить ихъ во владѣніе частныхъ лицъ.

Въ отличіе отъ частной собственности, государственная территорія *недѣлима и неотчуждаема* по началамъ частнаго права. Этотъ принципъ недѣлимости и неотчуждаемости установился одновременно съ централизаціей государственной власти на рубежѣ новаго времени и среднихъ вѣковъ и служитъ однимъ изъ характерныхъ свойствъ новаго взгляда на государство, смѣнившаго средневѣковой, отождествлявшій территоріальную государственную власть и право собственности монарха на государственную территорію. Вмѣстѣ съ этимъ средневѣковымъ патримоніальнымъ (вотчиннымъ) взглядомъ на государственную территорію отвергнуты и частно-правовые способы пріобрѣтенія и отчужденія ея (по завѣщанію, дарѣнію, наслѣдованію и т. д.). Такимъ образомъ принципъ недѣлимости и неотчуждаемости является однимъ изъ спутниковъ признанія національнаго единства государствъ, ибо территорія подобно населенію есть главная матеріальная основа государства. Тѣсная связь между государствомъ и территоріей проявляется и въ томъ, что составъ территоріи — компактность, сплоченность или же раздробленность ея— нисколько не вліяетъ на самый принципъ единства территоріальной власти: всѣ территоріальныя владѣнія государства гдѣ бы они не находи-

лись, разсматриваются какъ одно цѣлое, ибо подчинены одной общей имъ государственной власти.

Границы государства. Границы государственной территоріи, обозначая физическіе предѣлы господства территоріальной власти и дѣйствія законовъ страны, указываютъ, гдѣ начинается власть одного государства и кончается—другого. Слѣдовательно, уже съ точки зрѣнія внутренняго управленія нельзя не желать такого разграниченія между государствами, которое не возбуждало бы сомнѣній. Еще болѣе необходимымъ представляется оно для мирныхъ и правильныхъ сношеній между народами, ибо пограничныя столкновенія вызываемыя неопредѣленностью границъ, не только порождаютъ недоразумѣнія между государствами, но и служатъ тормозомъ, препятствующимъ развитію международныхъ пограничныхъ оборотовъ.

По своему характеру границы бываютъ: естественныя, или физическія и договорныя (условныя, искусственныя).

А) Подъ *естественными* границами надлежитъ разумѣть такія, которыя опредѣляются топографическимъ очертаніемъ страны (горы, моря, рѣки, степи, озера).

Въ положительномъ международномъ правѣ господствуетъ слѣдующія начала, примѣняемыя къ естественнымъ границамъ: 1) относительно *морскихъ границъ* принято, какъ общее правило, что прибрежныя государства простираютъ свою власть надъ моремъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла съ берега. Это начало формулируется афоризмомъ, который еще въ XVIII в. высказанъ Бинкерсгукомъ: «terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis» или «quousque mari a terra imperari potest». Но, такъ какъ пушечный выстрѣлъ въ виду постоянныхъ усовершенствованій въ артиллеріи является мѣрой весьма неопредѣленной, то государства въ силу соглашеній между собою устанавливаютъ обыкновенно морскую границу въ 3—5 морскихъ англійскихъ миль отъ берега.

2) Второй естественной границей считаются *рѣки и озера.* Если рѣкою раздѣляются государства, то за пограничную линію между ними принимается *средина тальвега, т.-е. фарватера* рѣки съ цѣлью возможности пользованія рѣкою обоими пограничными государствами. Если рѣка измѣняетъ русло, то границею считается средина стараго русла. Фарватеромъ опредѣляется и принадлежность прибрежнымъ государствамъ *рѣчныхъ острововъ.*

3) Если государства отдѣляются другъ отъ друга *горами,* то границею считается хребтовая линія, или линія водораздѣла.

4) Наконецъ, *степи* стѣсняютъ сообщеніе между государствами и въ этомъ отношеніи могутъ и въ наше время считаться естественными границами.

Б) *Искусственныя,* договорныя границы, опредѣляются *путемъ соглашенія* государствъ, въ демаркаціонныхъ актахъ. Внѣшними знаками такихъ границъ служатъ столбы, рвы, плавучія бочки и т. д. Точное опредѣленіе границы и, въ особенности, поддержаніе знаковъ, по которымъ она можетъ быть распознаваема, имѣютъ весьма важное значеніе, такъ какъ изъ-за нея возможны споры и столкновенія между населеніемъ и пограничными властями сосѣднихъ государствъ.

Государственныя границы являются результатомъ либо полюбовнаго соглашенія государствъ, либо войны, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ воля побѣдителя, а въ основаніе разграниче-

нія и приведенія пограничной черты кладется обыкновенно *теорія естественныхъ границъ* (особенно горы, рѣки и живыя урочища).

Въ виду искусственности существующей нынѣ системы государственныхъ границъ, за послѣднее время публицисты занялись изысканіемъ раціональныхъ принциповъ разграниченія. Въ числѣ попытокъ этого рода заслуживаетъ вниманія теорія нѣмецкаго публициста *Штернгга*, который требуетъ, чтобы при разграниченіи государствъ соблюдались такъ называемыя имъ *соціальныя границы*, опредѣляемыя экономическими особенностями ихъ населенія. «Нельзя, по его мнѣнію, отдѣлять отъ территоріи государства какую-нибудь часть, составляющую съ нею одну хозяйственную единицу, ибо каждая область должна представлять извѣстное экономическое цѣлое съ точки зрѣнія производства и потребленія; соотвѣтственно этому должны быть установляемы границы между государствами. Взаимное тяготѣніе областей и ихъ населенія, обусловливаемое главнымъ образомъ экономическими и матеріальными интересами, постоянно проявляется въ исторіи».

Подобныя теоріи исходятъ изъ сознанія необходимости разумныхъ началъ въ политикѣ государства, а не случайностей, какія неизбѣжны даже при соблюденіи принципа такъ называемыхъ естественныхъ границъ. Существуютъ еще теоріи *національныхъ* и естественныхъ границъ, но возводить ихъ въ безусловный политическій принципъ врядъ ли возможно, потому что на практикѣ возможны злоупотребленія ими. Обращаясь къ критикѣ теоріи границъ, слѣдуетъ замѣтить, что:

1) *Договорныя границы* искусственны; будучи въ большинствѣ случаевъ результатомъ войнъ, онѣ обусловливались преимущественно усмотрѣніемъ и требованіями побѣдителей.

2) Въ пользу *естественныхъ границъ* говорятъ, что, достигнувъ ихъ, государства теряютъ побужденія къ дальнѣйшему расширенію. На это отвѣтъ: естественная граница—понятіе субъективное и теорія естественныхъ границъ всегда служила удобнымъ орудіемъ для завоевателей и захватовъ. (Польша считала своей естественной границей Днѣпръ и Зап. Двину; Франція — Рейнъ; необходимость «округленія» границъ — постоянный мотивъ въ войнахъ XVII — XVIII в.). Ни рѣки, ни даже горныя цѣпи не всегда раціональныя границы; ихъ значеніе только стратегическое. Державы балканскихъ хребтовъ отдѣлили Болгарію отъ Восточной Румеліи,—дѣленіе, неимѣвшее никакого политическаго смысла; съ другой стороны Румынія и Добруджа хотя и раздѣлены Дунаемъ, но составляютъ одно національное цѣлое.

Рѣки въ особенности никогда не служили естественными преградами, раздѣлявшими народы. Напротивъ, разселеніе народовъ по бассейнамъ главныхъ рѣкъ прямо показываетъ, что они уже издавна были средствомъ сближенія между людьми; еще болѣе рельефно выступаетъ такой ихъ характеръ въ томъ фактѣ, что относительно пограничныхъ рѣкъ пограничныя государства издавна вступаютъ въ соглашенія касательно свободы судоходства по нимъ обоюдныхъ подданныхъ, а въ новѣйшее время судоходныя рѣки, протекающія въ предѣлахъ нѣсколькихъ государствъ, признаются *международными*, т. е. открытыми для судоходства всѣхъ народовъ. Рѣки имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для торговли: онѣ часто служатъ торговыми путями для нѣсколькихъ государствъ. Въ виду этого заинтересованныя государства, чтобы обезпечить свободное плаваніе по такимъ рѣкамъ, входятъ между собою въ

соглашенія, издаютъ сообща постановленія, запрещающія перегораживать ихъ плотинами, искусственно измѣнять теченіе, возводить всякія вообще сооруженія, могущія препятствовать свободѣ плаванія по нимъ, и т. д. Въ виду всего этого терминъ *естественной* границы приложимъ къ рѣкамъ лишь въ физическомъ топографическомъ смыслѣ. Все сказанное о рѣкахъ можно приблизительно сказать и относительно озеръ.

Впрочемъ отсутствіе естественныхъ границъ, на которыя твердо бы опирался территоріальный составъ государства, въ исторіи неоднократно проявлялось весьма невыгодными политическими послѣдствіями (отсутствіе естественныхъ границъ у Польши со стороны Германіи и Россіи; то же у Россіи въ средней Азіи).

3) Поправкою къ теоріи естественныхъ границъ является теорія *границъ національныхъ*. Но и эта теорія шатка вслѣдствіе шаткости самаго понятія національности и возможности злоупотребленія имъ (напр., опредѣленіе національности по языку). Пангерманизмъ и панславизмъ, понимаемые въ узкомъ смыслѣ политическаго объединенія всѣхъ германскихъ или славянскихъ народностей независимо отъ ихъ политическихъ, культурныхъ и историческихъ традицій — являются крайнимъ уродливымъ проявленіемъ этой теоріи.

4) Наконецъ, въ теоріи *соціальныхъ границъ* правильна и справедлива лежащая въ ней основная мысль, но ее портитъ односторонность экономическаго матеріальнаго основанія. Въ вопросѣ о разграниченіи государствъ и народовъ должны имѣть одинаковую цѣну и культурныя, историческія и политическія условія, являющіяся факторами въ процессѣ объединенія разрозненныхъ національностей или же въ ихъ смѣшанной группировкѣ въ отдѣльныхъ политическихъ организмахъ. Естественнымъ слѣдствіемъ раздѣленія территоріи, представляющей собою одну хозяйственную единицу должно быть уничтоженіе благосостоянія края, не оправдываемое мудрою политикою, а насильственно раздѣленныя части исторически, политически и культурно сплоченнаго государства (напр., Швейцарія) всегда будутъ стремиться къ своему возсоединенію и подавать поводъ къ столкновеніямъ, опаснымъ для международнаго мира.

Способы пріобрѣтенія территоріальныхъ владѣній. Старинные писатели установили дѣленіе способовъ пріобрѣтенія территоріальныхъ владѣній, слѣдуя системѣ римскаго и гражданскаго права, на *первоначальное* (acquisitio originaria) и *производные* (acquisitio derivativa); изъ нихъ первые даютъ государству возможность пріобрѣсти территорію безъ отнятія ея у другого государства, а вторые—даютъ пріобрѣтеніе одному государству съ ущербомъ для другого, теряющаго часть свой территоріи по договору (необходимый признакъ послѣднихъ — договоровъ). *Къ первоначальнымъ способамъ пріобрѣтенія* относятся:

а) *Приращеніе*, т.-е. измѣненіе физическаго очертанія поверхности государственной территоріи, производящее приращеніе ея. Этотъ способъ пріобрѣтенія не имѣетъ большого практическаго значенія. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда государственная территорія увеличивается приращеніемъ, могутъ служить начала, принятыя въ гражданскомъ правѣ (res accessoria sequitur suam principalem). Къ такимъ случаямъ относятся поднятіе морского дна, образованіе на рѣкѣ острова и намывъ (alluvio). Всѣ подобнаго рода естественныя приращенія составляютъ собственность прибрежнаго государства. Приращеніе территоріи можетъ быть также результатомъ человѣческаго труда, съ помощью, напр., такихъ

работъ, которыя издавна ведутся въ Голландіи съ цѣлью осушенія земли, покрытой озерами и морскими водами. (Споръ С. Шт. съ Англіею за наносный островъ въ устьѣ р. Миссисипи, «открытый» англичанами, окончился торжествомъ С. Штатовъ).

b) *Давность* (usucapio). Не всѣ писатели признаютъ этотъ способъ пріобрѣтенія территоріи и во всякомъ случаѣ формулируютъ его весьма неопредѣленно. Международно-правовая давность есть *фактическое безспорное долговременное* владѣніе—фактическая основа территоріальнаго состава всѣхъ государствъ. Будучи основано лишь на фактическихъ отношеніяхъ, давностное владѣніе не можетъ служить противовѣсомъ договорнымъ соглашеніямъ: оно можетъ быть титуломъ пріобрѣтенія правъ лишь при отсутствіи другихъ юридическихъ титуловъ. На практикѣ титулъ давности чаще всего примѣнялся для завладѣнія колоніальныхъ территорій.

c) *Завладѣніе* (occupatio) есть присвоеніе никому не принадлежащей земли, т.-е. *земли, несостоящей подъ властію другихъ цивилизованныхъ государствъ, вовсе незаселенной или заселенной низшими расами.* Особенное значеніе этотъ способъ пріобрѣтенія получаетъ въ XV и XVI вѣкахъ, когда совершались самыя замѣчательныя открытія новыхъ земель. Съ 1878 г. колонизаторскія стремленія европейскихъ народовъ возродились съ новою силою и выразились въ образованіи европейцами огромнаго государства въ Африкѣ—Конго, въ знаменитомъ спорѣ Германіи съ Испаніей изъ-за Каролинскихъ острововъ, въ занятіи Германіей нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана, и наконецъ, въ размежеваніи между европейскими зап. державами огромныхъ пространствъ центр. Африки [1]). Наукою и актами *Берлинской конференціи* 1885 г. и *Брюссельской*—1891 года выработаны слѣдующія главныя условія завладѣнія, какъ способа пріобрѣтенія новыхъ территоріальныхъ владѣній: 1) *объектомъ* завладѣнія могутъ быть только земли *ненаселенныя и незанятыя*, или же *населенныя дикими, варварскими племенами*, т.-е. такія, которыя не получили еще характера государственныхъ территорій. Поэтому завладѣніе не примѣняется къ землямъ Европы, Америки и къ тѣмъ частямъ Азіи, гдѣ народы уже живутъ государственной жизнью; при занятіи занятыя земли предполагаются находящимися во владѣніи населенія на правахъ частной собственности. Присвоеніе совершается иногда съ вознагражденіемъ населенія; правительство С. Штатовъ, напр. пріобрѣтаетъ территорію индѣйцевъ покупкою. Новѣйшія пріобрѣтенія Франціи и Германіи въ Африкѣ совершены путемъ договоровъ съ туземными владѣтелями о ихъ подчиненіи или же объ уступкѣ ими извѣстныхъ верховныхъ правъ (напр. протекторатъ Франціи надъ Мадагаскаромъ).

2) Завладѣніе *дѣйствительно* только тогда, когда занятіе данной территоріи исходитъ отъ *должностного лица* или отъ *военной экспедиціи государства*, желающаго присоединить себѣ данную территорію. Если-же занятіе совершается неоффиціальнымъ путемъ, а совершаетъ его частное лицо въ пользу какого-либо государства, то для международнаго признанія такого занятія необходимо утвержденіе его со стороны правительства этого государства.

---

[1]) Въ промежутокъ времени съ 1884 до 1896 г. Англія увеличила свои колоніальныя владѣнія на 2599 т. англ. кв. миль, Франція—на 2522 т., Германія — на 1023 т., Бельгія—на 1000 т. и Италія—на 500 т. англ. кв. миль.

Колонизаціонная оккупація частными лицами и компаніями можетъ впрочемъ служить основаніемъ возникновенію новыхъ государствъ. Такимъ образомъ, напр., возникла основанная американскимъ филантропическимъ обществомъ республика Либерія въ 1847 г.; въ новѣйшее время (1885 г.) Конгское государство основано международною ассоціаціею для колонизаціи и коммерческой эксплуатаціи центральной Африки по р. Конго.

3) Завладѣніе становится *юридическимъ актомъ*, когда есть corpus и animus possidendi, т.-е. когда государство *фактически* выразитъ свое намѣреніе подчинить своей власти данную территорію и пользоваться ею. Внѣшнимъ выраженіемъ такого намѣренія служитъ водруженіе государственнаго флага или герба, *фактическое занятіе* территоріи и установленіе на ней извѣстнаго порядка и управленія (это условіе формулировано уже въ XVIII в. Бинкерсгукомъ, выразившимъ его въ формулѣ: cura et cultura agri).

4) *Предѣлы завладѣнія* опредѣляются *предѣлами фактическаго распространенія власти* государства на занятой имъ территоріи и фактической возможностью для государства поддерживать въ ней свой авторитетъ. Только дѣйствительное завладѣніе создаетъ для государства извѣстныя права и налагаетъ на другія государства соотвѣтственныя обязанности. Поэтому, неправильно мнѣніе Блюнчли, что оккупантъ въ правѣ считать своими владѣніями не только дѣйствительно занятые имъ пункты, но и всѣ земли, которыя вмѣстѣ съ этими пунктами «по самой природѣ своей» составляютъ одно органическое цѣлое (напр. бассейнъ рѣки, устье которой занято извѣстнымъ государствомъ).

5) Держава, занявшая извѣстную область съ цѣлью завладѣнія, обязана сообщить это дипломатическимъ путемъ другимъ государствамъ. Въ этомъ *дипломатическомъ извѣщеніи* (acte de notification) должны быть приблизительно означены границы завладѣваемой области.

Производными способами пріобрѣтенія называются тѣ, посредствомъ которыхъ одно государство пріобрѣтаетъ *отъ другого* часть его территоріи, свободно или принужденно ради государственныхъ цѣлей имъ уступаемую. Добровольныя уступки территоріи широко практиковались въ средніе вѣка и даже до XVIII ст., когда, вслѣдствіе смѣшенія частно-правовыхъ и государственныхъ понятій, монархи смотрѣли на государственныя владѣнія, какъ на свою вотчину. Отдача территорій въ даръ, обмѣнъ ихъ на другія владѣнія, продажа или назначеніе въ приданое были тогда самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. «Счастливые» австрійскіе браки вошли даже въ пословицу. Въ современныхъ государствахъ государственная территорія не признается болѣе собственностью государя; она есть нераздѣльная собственность всего народа и можетъ быть отчуждена не иначе, какъ на основаніи закона. (Принципъ неотчуждаемости государственной территоріи провозглашенъ впервые французскою революціонною конституціею 1791 г.). Въ государствахъ съ представительнымъ образомъ правленія для уступки владѣній необходимо согласіе палатъ.

Общій признакъ всѣхъ производныхъ способовъ пріобрѣтенія заключается во *взаимномъ соглашеніи*, въ договорѣ между государствами пріобрѣтающимъ и отчуждающимъ извѣстную территорію. Всѣ производные способы пріобрѣтенія государственной территоріи можно раздѣлить на *двѣ группы:*

Къ первой относятся способы пріобрѣтенія, носящіе *частно-правовой* характеръ; сюда принадлежатъ: купля-продажа, мѣна, дареніе, наслѣдство, приданое (tu felix, Austria—nube). Ко второй группѣ относятся способы пріобрѣтенія, имѣющіе *государственный* характеръ; сюда относятся: завоеваніе, занятіе вслѣдствіе войны, передача по судебному (третейскому) приговору и мирная передача по политическимъ соображеніямъ.

1) Изъ первыхъ способовъ купля-продажа встрѣчается и теперь, но лишь весьма рѣдко и, притомъ—при совершенно исключительныхъ случаяхъ, когда отчуждаемая область не связана органически съ государствомъ. Такъ, въ 1848 г. Россія продала С. Штатамъ колонію Россъ, а въ 1867 г. свои владѣнія въ С. Америкѣ за 7,200,000 долларовъ, Данія имъ же продала острова св. Ѳомы и св. Іоанна, а Наполеонъ I—Луизіану и т. д. Мѣна иногда практикуется для исправленія (округленія) границъ. Въ 1875 г. Россія обмѣнялась съ Японіею Курильскими островами за Сахалинъ. Всѣ остальные способы пріобрѣтенія, относящіеся къ первой группѣ, давно уже отошли въ область минувшаго.

2) О способахъ пріобрѣтенія, относящихся ко второй группѣ можно замѣтить, что а) *добровольная уступка* (мирная передача) въ настоящее время случается рѣдко и, притомъ, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она не нарушала правъ третьихъ государствъ и чтобы воля сторонъ была ясно выражена. Такимъ путемъ Греція пріобрѣла отъ Англіи Іоническіе острова въ 1863 г.; Франція получила по Туринской конвенціи Ниццу и Савойю въ 1860 г.; Россія въ 1795 г. пріобрѣла Курляндское герцогство.

b) *Третейскіе судебные приговоры* могутъ передать извѣстную территорію отъ одного государства къ другому лишь въ томъ случаѣ, когда между государствами возникаетъ споръ о владѣніяхъ или границахъ, и когда спорящія стороны, не желая рѣшать дѣло войной, соглашаются подчиниться рѣшенію третейскаго суда. Такъ было, напр., въ знаменитомъ спорѣ между Испаніею и Германіею о Каролинскихъ островахъ, разрѣшенномъ папою въ 1886 году въ пользу Испаніи.

c) *Завоеваніе* (debellatio). Это — древнѣйшій и донынѣ наиболѣе часто примѣняемый способъ пріобрѣтенія; осужденный впервые французской революціей въ конституціи 1791 г., категорически высказавшейся противъ правомѣрности всякихъ завоеваній, онъ съ постепеннымъ развитіемъ принципа національности встрѣчаетъ все болѣе и болѣе противниковъ. Теоретики изыскиваютъ способы къ устраненію несправедливостей и неудобствъ, возникающихъ изъ права завоеванія и одинъ изъ такихъ способовъ видятъ въ формальномъ согласіи населенія отчуждаемой территоріи, выраженномъ въ формѣ плебисцита, т.-е. всеобщей подачи голосовъ всѣмъ правоспособнымъ населеніемъ по вопросу о завоеваніи.

За необходимость плебисцита приводятъ слѣдующіе доводы: это есть одно изъ требованій европейской цивилизаціи и прогресса международныхъ отношеній. Безвозвратно миновало то время, когда государи произвольно распоряжались достояніемъ народовъ и своими подданными, когда ихъ личная воля была единственнымъ закономъ для государства. При настоящемъ уровнѣ европейской культуры немыслимо, чтобы населеніе какой-либо территоріи разсматривалось, какъ стадо, которое можно уступить другому государству вмѣстѣ съ землею помимо его воли и согласія. Поэтому необходимо предоставить самому населенію отчуждаемой

области высказаться, — желаетъ ли оно присоединенія къ чужому государству? Если большинство голосовъ отвѣтитъ отрицательно, то такое присоединеніе не должно имѣть мѣста. Однако эти доводы, несмотря на ихъ очевидную убѣдительность, встрѣчаютъ и возраженія. Такъ напр. профессоръ Мартенсъ говоритъ, что для признанія законности пріобрѣтенія территоріи завоеваніемъ нужны лишь: 1) точно и опредѣленно выраженное въ мирномъ договорѣ согласіе на уступку; 2) фактическая покорность населенія, живущаго въ передаваемой территоріи; 3) фактическое завладѣніе пріобрѣтаемой территоріей, которое доказывается занятіемъ ея и подчиненіемъ ея управленію пріобрѣтающаго государства.

На основаніи фактовъ изъ новѣйшей практики можно думать, что и правительства раздѣляли эти соображенія. Такъ, плебисцитъ имѣлъ мѣсто при передачѣ Ниццы и Савойи Франціи въ 1860 г., при передачѣ Англіею Іоническихъ острововъ Греціи въ 1863 г., 5 ст. Пражскаго договора 1866 г., отмѣненная въ 1878 г.. постановляла, что Пруссія не присоединитъ къ себѣ сѣверной части Шлезвига противъ воли его населенія, выраженной плебисцитомъ (Венеція 1866 г., Римъ 1870 г.). Однако новѣйшіе трактаты,—Франкфуртскій договоръ 1871 г. и Берлинскій трактатъ 1878 года не требовали плебисцита. Плебисцитъ не былъ примѣненъ, ни въ отношеніи Эльзаса и Лотарингіи, ни при присоединеніи Бессарабіи къ Россіи.

Противъ необходимости плебисцита проф. Мартенсъ приводитъ слѣдующія доводы: 1) обращеніе къ плебисциту есть не болѣе, какъ комедія, ибо государства обращались къ нему лишь въ томъ случаѣ, когда въ его результатѣ не было никакого сомнѣнія или когда они вынуждались къ тому обстоятельствами, а это доказываетъ, что государства еще не сознаютъ необходимости положить плебисцитъ въ основу своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Но противъ этого можно возразить, что разъ обращеніе къ плебисциту будетъ возведено въ принципъ, то за правильнымъ примѣненіемъ его на практикѣ можно установить международный контроль. 2) «Нѣтъ, по мнѣнію проф. Мартенса, и юридическаго основанія для установленія правила о необходимости обращаться въ такихъ случаяхъ къ плебисциту, ибо всякій трактатъ, заключенный компетентною властью, въ томъ числѣ и трактатъ объ уступкѣ территоріи, обязателенъ для *всего* государства и часть государства не можетъ противъ этого протестовать; это основной принципъ современнаго публичнаго права и онъ не терпитъ никакихъ исключеній. Поэтому населеніе уступаемой территоріи должно подчиниться своей судьбѣ, а не въ правѣ противопоставлять свою волю рѣшенію государственной власти и компрометировать судьбу *всего* государства». Но это соображеніе основано на принципѣ цѣлесообразности, а не справедливости. «Наконецъ, воюющая съ успѣхомъ сторона можетъ *заставить* населеніе дать благопріятный ей отвѣтъ, для чего будетъ вести военныя дѣйствія не только противъ войскъ, но и противъ мирнаго населенія». На это мы можемъ замѣтить, что обязательность трактатовъ для всего населенія есть основаніе во всякомъ случаѣ формальное, а не юридическое, а возможность примѣненія насилія завоевателемъ никакъ не можетъ считаться юридическимъ доводомъ противъ плебисцита. Переходъ населенной части одного цивилизованнаго государства къ другому, чтобы быть процессомъ юридическимъ, долженъ происходить извнутри этой части, напр.,—путемъ національнаго движенія и т. п., а не извнѣ. Возможны и завоеванія, но они должны имѣть

оправданіе въ національныхъ и экономическихъ мотивахъ, а не въ желаніи получить вознагражденіе и призрачномъ правѣ на него. Такимъ образомъ доводы проф. Мартенса и его оппозиція противъ необходимости плебисцита въ случаѣ перехода населенной территоріи отъ одного цивилизованнаго государства къ другому цивилизованному государству — неосновательны.

Изъ числа другихъ возраженій *противъ* необходимости плебисцита укажемъ еще на возраженія бельгійскаго публициста Роленъ-Жэкмена. Онъ также признаетъ право завоеванія, хоть и съ ограниченіями. Въ сферѣ международныхъ отношеній, по его мнѣнію, народы всегда отвѣтственны за своихъ правителей, а потому государство, несправедливо напавшее на другое, нарушаетъ этимъ его права, а потому послѣднее получаетъ право на *наказаніе* напавшаго и на *вознагражденіе* отъ него— денежное или территоріальное. Но, если признать справедливость этого положенія, то позволительно спросить,—кто же тотъ судья, который будетъ рѣшать вопросъ о справедливости или несправедливости сдѣланнаго нападенія, и затѣмъ, о соразмѣрности наказанія винѣ? А во-вторыхъ, одержавшее верхъ государство всегда предписываетъ условія мира побѣжденному, руководствуясь не правомъ, а *произволомъ* побѣдителя, который не всегда бываетъ правою стороною. Однако, сознавая повидимому шаткость выставленной имъ теоріи, при которой территорія отдѣляется отъ населенія и оцѣнивается лишь какъ матеріальный объектъ, Роленъ-Жэкменъ смягчаетъ ее оговоркою, что завоеваніе между цивилизованными государствами не должно основываться на голомъ фактѣ силы: одна сила не создаетъ права; право завоеванія должно быть мотивированнымъ стратегическими соображеніями, военною необходимостью, духовнымъ сродствомъ населеній и пр. Этимъ положеніемъ оправдывается слѣдовательно отнятіе Германіею у Франціи Эльзаса и Лотарингіи, ибо князь Бисмаркъ не разъ заявлялъ на весь міръ, что оно обусловлено было соображеніями чисто стратегическими, что этого требовалъ графъ Мольтке, который указывалъ на то, что безъ Меца Германія не можетъ быть обезпечена отъ нападенія и вторженія французовъ. Но эти же стратегическія соображенія могутъ быть приведены теперь и французами, такъ какъ они оказываются лишенными важнаго стратегическаго оборонительнаго пункта, а слѣдовательно стратегич. соображенія оправдывали бы теперь ихъ желаніе и стремленіе во что бы ни стало вернуть себѣ Эльзасъ и Лотарингію, а также оправдываютъ и ихъ *право* на возвращеніе этихъ провинцій, ибо къ первому доводу они могутъ прибавить еще и другой — опереться на духовное сродство и національныя стремленія и симпатіи ихъ населенія, которое, безъ сомнѣнія на сторонѣ Франціи. Такимъ образомъ, принявъ это положеніе, мы попадемъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго не представляется никакого выхода. Вообще, право завоеванія имѣло основаніе въ періодъ формаціи государствъ, при господствѣ идей военной славы и могущества; тутъ имѣли основаніе и мотивы самозащиты. Теперь же теорія права завоеванія является не болѣе, какъ возведеніемъ на степень теоріи фактовъ конкретной дѣйствительности: случаевъ самозащиты (не рѣдко даже фиктивной), вознагражденій за нарушенное право и убытки и стратегической обороны и предупрежденія нападенія и т. д., между тѣмъ какъ въ наше время территоріальный составъ государствъ постепенно получаетъ не случайный, а юридически разумный національный характеръ. Что же касается стратегическихъ мо-

тивовъ завоеванія, которыми такъ дорожатъ защитники этой теоріи, то противъ нихъ нѣкоторые публицисты (Selosse) справедливо замѣчаютъ, что та же цѣль достижима и безъ завоеванія: разоруженіемъ и срытіемъ крѣпостей, воспрещеніемъ возводить новыя, ограниченіемъ числа войскъ, временно-военною оккупацію и т. п.

Всѣ вышеприведенныя соображенія должны убѣдить насъ въ безусловной необходимости плебисцита. Въ пользу этого говоритъ юридическое сознаніе нашего времени объ органической связи между территоріею и ея населеніемъ, сознаніе о необходимости признанія за населеніемъ правъ самостоятельности въ отношеніи къ государству, составнымъ элементомъ котораго оно является. Государство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано источникомъ и носителемъ всѣхъ правъ народа,—оно не творитъ ихъ, а лишь охраняетъ эти права.

Совершенно непонятно, почему противники плебисцита такъ горячо возстаютъ противъ него: для государства, органически сплоченнаго, плебисцитъ не опасенъ, а въ разрозненномъ государствѣ отпаденіе его отдѣльныхъ частей совершается не вслѣдствіе плебисцита, а вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Плебисцитъ есть существенная поправка къ такъ называемому праву завоеванія. Невозможно принимать въ расчетъ случаи примѣненія плебисцита, какъ политической искусственной уловки,— такъ напр. при уступкѣ Ниццы и Савойи, симпатіи которыхъ были на сторонѣ Италіи. Тутъ заранѣе приняты были нужныя мѣры, чтобы исходъ голосованія не оказался противнымъ присоединенію ихъ къ Франціи, — такіе случаи, какъ искаженіе правильнаго принципа, ничего не доказываютъ; подобныя искаженія вездѣ возможны, какъ возможны и мѣры для ихъ предупрежденія.

Не допуская плебисцита, международная практика и теорія вынуждены были однако дать косвенное признаніе правамъ населенія, предоставленіемъ ему индивидуальнаго, а не коллективнаго, какъ при плебисцитѣ, *права избранія подданства* (option). Населенію предоставляется остаться подъ властью или того государства, къ которому отходитъ территорія, или того, отъ котораго она отходитъ, но это право выбора подданства присвояется *индивидуально* каждому совершеннолѣтнему правоспособному гражданину уступаемой территоріи: каждый вотпруетъ лишь за себя и за свою семью. Уже въ XVII и XVIII вѣкахъ встрѣчаются примѣры предоставленія такого права выбора, а въ новѣйшее время оно уже считается общепризнаннымъ. Во всякомъ мирномъ трактатѣ мы находимъ оговорку, что лица, живущія на территоріи, уступаемой однимъ государствомъ другому, могутъ до извѣстнаго срока оставить ее, даже съ сохраненіемъ правъ на свои движимыя имущества. Этотъ льготный срокъ длится обыкновенно отъ 1 до 3 лѣтъ и считается всегда со дня ратификаціи трактата. Наиболѣе широко поставлено это право (option) во франко-итальянскомъ Цюрихскомъ трактатѣ 1860 г. Тутъ право выселенія было предоставлено не только совершеннолѣтнимъ и правоспособнымъ, но также и всѣмъ несовершеннолѣтнимъ, которые могли воспользоваться этимъ правомъ въ теченіи года по достиженіи ими совершеннолѣтія. Гораздо уже оно поставлено во Франкфуртскомъ договорѣ 1871 г. между Франціей и Германіей, статья 2-я котораго предоставляла это право жителямъ Эльзаса и Лотарингіи только до 1 го Октября 1871 г.,—и въ Константинопольскомъ трактатѣ 1879 г., который предоставилъ жителямъ турецкихъ областей, отошедшихъ къ Россіи, на осно-

ваніи Берлинскаго трактата (1878 г.), трехгодичный срокъ, въ теченіе котораго они могли свободно удаляться изъ этихъ областей, но подъ условіемъ отчужденія ихъ недвижимой собственности. Право выбора, надо замѣтить, нисколько не исправляетъ права завоеванія, потому что при нынѣшнихъ международн. отношеніяхъ никому не запрещается переходить въ другое государство, принимать другое подданство. Обыкновенно и практикуется обязательное выселеніе лицъ, остающихся въ прежнемъ подданствѣ, вслѣдствіе опасенія оставлять въ завоеванномъ краѣ враждебные элементы; но и за ними всегда признается право сохранять за собою принадлежащую имъ въ завоеванномъ краѣ недвижимую собственность.

г) *Ограниченія территоріальной власти государствъ (международныя повинности).* Территорія составляетъ одинъ изъ матеріальныхъ элементовъ понятія о государствѣ. Территоріальная власть государства понимается какъ *полное неограниченное право послѣдняго на все владѣемое имъ пространство земли, воздуха и воды. Но въ интересахъ правильнаго международнаго общенія*, для осуществленія общихъ культурныхъ задачъ или особенныхъ цѣлей, это всецѣлое право государства можетъ *подвергаться ограниченіямъ* въ пользу другихъ государствъ; такія ограниченія (въ силу особыхъ договоровъ) въ теоріи именуются международными сервитутами (servitutes juris gentium). Названіе это возникло вслѣдствіе стремленія публицистовъ подводить нормы международнаго права подъ нормы гражданскаго права, хотя эти ограниченія верховной территоріальной власти государства во многихъ случаяхъ и не подходятъ подъ понятіе сервитутовъ частнаго права. Поэтому, теорію эту умѣстно было бы излагать въ ученіи о верховныхъ правахъ государства вообще. Впрочемъ, по конструкціи своей нѣкоторыя изъ ограниченій территоріальной власти государства могутъ быть разсматриваемы аналогично съ частно-правовыми сервитутами.

Ограниченія территоріальной власти имѣютъ двоякое основаніе: *одни вытекаютъ изъ физическаго сосуществованія и ближайшаго сосѣдства государствъ, другія устанавливаются трактатами ради особыхъ цѣлей общенія.* Тѣ и другія коренятся въ необходимости ограничить безусловную верховную территоріальную власть государства *для достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ международнымъ общеніемъ.* Это единственно разумное основаніе для существованія трактуемыхъ ограниченій. Иногда ограниченія устанавливаются и въ силу другихъ основаній, болѣе случайнаго характера,—стратегическихъ, политическихъ и т. п. соображеній. Но они вслѣдствіе этого, обыкновенно, оказываются непрочны и подвергнутое имъ государство стремится обыкновенно къ устраненію таковыхъ ограниченій, такъ что послѣднія представляютъ лишь историческіе примѣры, но не могутъ быть принимаемы какъ теоретически обоснованные институты международнаго права. Ограниченія территоріальной власти государствъ, обусловливаемыя физическимъ ихъ существованіемъ, называются *естественными международными повинностями* (servit. juris gent. naturales). Сюда относятся обязанность государства не измѣнять естественнаго теченія судоходной рѣки, не загромождать ея фарватеръ постройками, мѣшающими судоходству. Этого рода повинности, хотя и имѣющія свои основанія въ самомъ физическомъ существованіи государствъ, не подразумѣваются однако, а должны быть обоснованы международн. соглашеніями для своей международной обязательности. Ограни-

ченія, основанныя на трактатахъ, такъ называемыя *договорныя повинности*—servitutes juris gentium voluntariae—могутъ быть: 1) *отрицательныя*, когда государство отказывается отъ полнаго осуществленія своей территоріальной власти, или 2) *положительныя*, когда государство допускаетъ другое къ отправленію тѣхъ или другихъ функцій территоріальной власти на своей территоріи.

Субъектомъ повинностей можетъ быть *только государство. Объектомъ* ихъ служатъ *права верховенства*, осуществляемыя государствомъ въ предѣлахъ своей территоріи, реальныя права его и государственная собственность, но не частныя права и не частная собственность. Такъ какъ *ограниченія верховной государственной власти* возможны въ примѣненіи ко всѣмъ проявленіямъ этой власти, то они могутъ быть болѣе или менѣе обширны, причемъ государственная власть иногда ограничивается до такой степени, что ея существованіе въ предѣлахъ извѣстной территоріи становится фиктивнымъ. Берлинскій конгрессъ 1878 г. установилъ нѣсколько случаевъ такого полнаго ограниченія территоріальной власти Турціи. По конвенціи, заключенной Турціей и Англіей передъ самымъ съѣздомъ Берлинскаго конгресса (1878 г.), Турція уступила Англіи *островъ Кипръ* въ полное ея административное управленіе, но за Турціей остался суверенитетъ по отношенію къ острову. *Боснія и Герцеговина* отданы въ управленіе Австро-Венгріи, суверенитетъ султана выражается только въ томъ, что онъ признанъ въ постановленіяхъ Берлинскаго конгресса (фикція), фактическое же осуществленіе суверенитета принадлежитъ Австріи; Австрія вводитъ тамъ свою администрацію, вѣдаетъ экономическое и финансовое управленіе, а закономъ 1881 г. тамъ введена Австріею и воинская повинность для населенія, что уже совершенно несовмѣстимо съ суверенными правами султана. Нѣсколько болѣе ограничены права Австро-Венгріи относительно Ново-Базарскаго санджака (на югѣ Герцеговины), а именно: Австрія получила отъ Турціи только право введенія туда своего гарнизона и право пользованія путями сообщенія. Въ 1881 г. былъ заключенъ трактатъ между Франціей и *Тунисомъ*, по которому Тунисъ обязывался всѣ заключенные имъ договоры предъявлять на утвержденіе Франціи, которая, въ свою очередь, можетъ вводить тамъ свое военное и финансовое управленіе. Почти такое же положеніе занимаетъ нынѣ *Египетъ*, хотя по отношенію къ нему право Англіи не формулировано такъ точно, какъ въ предыдущихъ случаяхъ.

Такого рода ограниченія верховной государственной власти, конечно, являются лишь переходною стадіею, дипломатическимъ средствомъ, чтобы замаскировать намѣреніе державъ относительно перехода территоріи одного въ пользу другого. Тунисъ, вѣроятно, со временемъ сдѣлается колоніей Франціи, а Боснія и Герцеговина—Австрійскими провинціями.

Къ менѣе значительнымъ ограниченіямъ государственнаго суверенитета надо отнести *временную оккупацію* той или другой территоріи извѣстнаго государства. Примѣръ: оккупація Молдавіи и Валахіи русскими войсками въ 1830 и 31 гг., причемъ въ нихъ введена была русская администрація и финансовое управленіе.

Помимо такой формы ограниченій государственнаго суверенитета, въ которую облекается фактическій переходъ суверенитета отъ одного государства къ другому, мы встрѣчаемъ въ международной практикѣ еще различныя формы *частныхъ ограниченій*. Какъ мы уже замѣтили, они

могутъ быть отрицательныя, выражающіяся формулой *in non faciendo*, или положительныя, выражающіяся формулой *in patiendo*. Къ числу *отрицательныхъ* повинностей относятся:

1) *Ограниченія военныхъ силъ государства*, напр. числа войска, запрещеніе сооруженія новыхъ крѣпостей, содержанія военныхъ судовъ и т. п. Примѣрами подобнаго рода богаты *Парижскій трактатъ* 1856 г. и особенно *Берлинскій* 1878 г. Въ силу Парижскаго трактата Россія лишена была права держать вооруженный флотъ въ Черномъ морѣ, возводить на немъ крѣпости и т. п. (это ограниченіе отмѣнено въ 1871 г.), а въ силу Берлинскаго трактата Россія обязывалась держать въ Батумѣ порто-франко и не обращать эту гавань въ военный портъ (отъ этого обязательства Россія отказалась въ 1886 г.). Затѣмъ, по Берлинскому же трактату Болгарское княжество должно было срыть старыя крѣпости по Дунаю и не сооружать новыхъ; Черногорія не должна воздвигать никакихъ укрѣпленій на р. Баянѣ и содержать военныя суда въ Адріатическомъ морѣ, и т. п.

2) Ограниченіе *регальныхъ правъ* государства. Напр., по Берлинскому трактату Болгарія лишена была права взимать транзитныя пошлины съ товаровъ.

3) Ограниченіе *судебной власти* государства въ отношеніи иностранцевъ. Примѣръ подобныхъ ограниченій представляютъ договоры европейскихъ государствъ съ восточными (т. наз. *капитуляціи*, въ силу которыхъ подданные европейскихъ державъ въ предѣлахъ Турціи, Персіи и Китая подлежатъ суду своихъ консуловъ.

Нѣкоторые ученые (Блюнчли, Мартенсъ) относятъ сюда же упомянутый выше *законъ о гарантіяхъ* 1871 г., изданный итальянскимъ правительствомъ. Завоевавъ и присоединивъ къ итальянскому королевству Римъ, итальянское правительство добровольно согласилось на существенныя ограниченія своихъ верховныхъ правъ въ области суда и полиціи относительно Ватикана (резиденція папы) въ видахъ огражденія независимости папы, какъ главы католической церкви. Въ силу этого закона папа признается какъ бы сувереномъ, пользующимся всѣми почестями государей: дворецъ его и всѣ зданія, которыя занимаютъ лица, служащія при папскомъ дворѣ, пользуются правомъ внѣземельности; никакое должностное лицо итальянскаго правительства не можетъ войти въ Ватиканъ безъ особаго разрѣшенія папы; въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ папа пользуется полною самостоятельностью и неприкосновенностью; онъ аккредитуетъ при иностранныхъ дворахъ своихъ представителей (нунціевъ) и при немъ состоятъ особые дипломатическіе представители державъ, въ томъ числѣ и Россіи.

Къ числу ограниченій *положительныхъ* относятся: 1) *право предпринимать на территоріи другого государства извѣстныя правительственныя дѣйствія* ради политическихъ цѣлей, напр., *проводить войска* черезъ чужую территорію. Такъ, въ 1833 г. между Россіей и Австріей, вслѣдствіе борьбы, которую они вели съ польскими повстанцами, заключена была конвенція, въ которой постановлялось, что если одной изъ договаривающихся сторонъ необходимо для успѣха своихъ дѣйствій противъ мятежныхъ поляковъ перевести войска на территорію другой, то такой переходъ позволителенъ. Сюда должно быть отнесено и право пользованія путями сообщенія въ другомъ государствѣ или *право прохода вообще* (droit de passage), особенно часто практиковавшееся между герман-

скими государствами до объединенія Германіи, и право на занятіе при извѣстныхъ, предусмотрѣнныхъ въ трактатѣ обстоятельствахъ, чужой территоріи или отдѣльныхъ пунктовъ, напр. крѣпостей.

2) Право предпринимать на чужой территоріи извѣстныя правительственныя дѣйствія ради общихъ всѣмъ государствамъ *культурныхъ интересовъ*. Сюда относится право распространять свою *судебную, полицейскую или финансовую власть* на территоріи другого государства, право *преслѣдованія дезертировъ* на чужой территоріи, право установленія почтовой и телеграфной регаліи или учрежденій, полезныхъ для торговли (примѣръ—договоры Россіи съ Хивой и съ Бухарой 1873 г.).

Устанавливаются повинности или договоромъ, въ силу формальнаго соглашенія государствъ, вынужденнаго или добровольнаго, или же вслѣдствіе незапамятной давности, когда государства молчаливо допускаютъ и несутъ извѣстный сервитутъ.

Какъ реальное вещное право, сервитуты съ переходомъ территорій *переходятъ* отъ одного государства на другое, а не прекращаются. *Прекращаются* же они или по взаимному соглашенію заинтересованныхъ государствъ, или вслѣдствіе отказа пользоваться сервитутомъ, или уничтоженіемъ объекта повинности или, наконецъ, истеченіемъ срока, если сервитутъ былъ срочный.

По мѣрѣ развитія у государствъ сознанія необходимости международнаго общенія, должно расти и сознаніе о необходимости ограниченій ихъ неограниченной территоріальной власти, или иначе—международныхъ повинностей. Къ числу такихъ обязательствъ, *вытекающихъ изъ природы географическаго положенія* государствъ, слѣдуетъ отнести право судоходства по международнымъ рѣкамъ. Такія ограниченія верховной государственной власти въ видѣ напр., правилъ, устанавливаемыхъ международными — желѣзнодорожными, почтово-телеграфными и др. конвенціями, должны умножаться по мѣрѣ развитія у государствъ сознанія необходимости постояннаго развитія международнаго общенія.

Къ числу международныхъ повинностей на ряду съ разнородными мѣрами, принимаемыми нынѣ въ виду облегченія международнаго общенія (телеграфныхъ и почтовыхъ сообщеній и т. п.), принадлежитъ облегченіе *международнаго рѣчного судоходства*.

§ 2. **Международное рѣчное право.** Въ древнія времена и въ средніе вѣка рѣки разсматривались, какъ исключительная собственность тѣхъ государствъ, по территоріи которыхъ онѣ протекали, а такъ какъ рѣки служили путями торговыхъ сношеній, то государства пользовались ими съ фискальными цѣлями. Рѣчное судоходство отягощалось разнообразными пошлинами, которыя особенно многочисленны были во время феодализма, когда каждый феодальный владѣлецъ старался пользоваться для себя всѣми возможными выгодами въ этомъ отношеніи, вынуждая судоходцевъ къ принудительнымъ остановкамъ, къ платежу пошлинъ за пропускъ и т. п. По мѣрѣ усиленія въ народахъ и правительствахъ сознанія необходимости свободнаго международнаго общенія, усиливается вмѣстѣ съ тѣмъ и представленіе о рѣкѣ, какъ о необходимомъ пути свободнаго международнаго общенія—сначала для прибрежныхъ къ ней государствъ, а затѣмъ,—и для всѣхъ народовъ.

Изрѣдка попадаются въ XVII — XIX в. международные договоры о свободѣ рѣчного судоходства, но это отдѣльныя государства, *прибрежныя* къ извѣстной рѣкѣ, вступали лишь въ соглашенія *между собою*

относительно свободы судоходства для *своихъ подданныхъ* по пограничной рѣкѣ. Таковъ былъ, между прочимъ, договоръ Россіи со Швеціею 1810 г. въ Торнео, въ силу котораго судоходство по пограничнымъ между этими государствами рѣкамъ и озерамъ признавалось свободнымъ отъ всякихъ платежей за самое *право* судоходства. Защитницею свободы рѣчного судоходства для государствъ, *чрезъ владѣнія которыхъ* протекаетъ судоходная рѣка, явилась Франція, провозгласившая этотъ принципъ въ примѣненіи къ судоходству по Шельдѣ (декретъ Конвента 1792 г.) и проводившая его въ своихъ договорахъ. Затѣмъ, *общій принципъ о свободѣ международнаго судоходства* установленъ былъ впервые въ *Парижскомъ трактатѣ* 1814 г. между Франціей и союзными противъ нея державами и, наконецъ, на общеевропейскомъ *Вѣнскомъ конгрессѣ* 1815 г.— Именно, было опредѣлено, что судоходныя рѣки, *протекающія черезъ территорію* нѣсколькихъ государствъ *или раздѣляющія ихъ* и служащія имъ границею, должны считаться *международными* рѣками и торговое судоходство на нихъ отъ того пункта, гдѣ такая рѣка становится судоходною, и до ея устья должно быть для торговли свободнымъ отъ всякихъ стѣсненій. Самый *фактъ* судоходства по международнымъ рѣкамъ не долженъ служить основаніемъ для взиманія пошлинъ. Относительно порядка судоходства по такимъ рѣкамъ должны быть выработаны обязательныя *на всемъ пространствѣ рѣки однообразныя* и сколь возможно благопріятныя для торговли всѣхъ народовъ *правила* и установленъ однообразный неизмѣнный и независимый отъ свойства товаровъ *тарифъ*. Затѣмъ предлагались правила о содержаніи бичевниковъ и о поддержаніи (помощью рѣчной техники) судоходности рѣки. Требовалось далѣе, чтобы устранены были всѣ *пошлины*, взимавшіяся отдѣльными прибрежными государствами *въ свою пользу* за перегрузку и *принудительныя остановки* въ пути. Всѣ эти пошлины, надо замѣтить, въ большихъ размѣрахъ практиковались до Вѣнскаго конгресса на Рейнѣ, гдѣ существовалъ даже родъ заставъ, у которыхъ происходило «принудительное причаливаніе» судовъ съ цѣлью взиманія пошлинъ. Вѣнскій конгрессъ постановилъ, что эти обязательныя остановки должны быть устранены, и государства имѣютъ право взимать извѣстные поборы *только на покрытіе расходовъ* по содержанію и улучшенію судоходности рѣки. Эти постановленія Вѣнскаго конгресса представляютъ собою *точку отправленія всего позднѣйшаго международнаго рѣчного права*.

Правила, выработанныя особою комиссіею Вѣнскаго конгресса относительно свободы международнаго судоходства *по Рейну*, должны были, на основаніи постановленія конгресса, примѣняться не только къ международной его части, т. е. отъ Страсбурга до голландской границы, но и къ той части его, которая протекала черезъ территорію одной только Голландіи (рукавъ Ваалъ) «до впаденія рѣки въ море—jusqu'a la mer. Основываясь на буквальномъ смыслѣ этого постановленія, голландское правительство объявило, что, такъ какъ Рейнъ не впадаетъ въ море, а наиболѣе судоходный рукавъ его находится въ предѣлахъ Голландіи, то оно сохраняетъ право установлять какіе угодно порядки и денежные сборы для судовъ, проходящихъ въ море (dans la mer) по Ваалу. Другія державы протестовали противъ такого толкованія, но споръ окончился лишь въ 1831 г., когда вслѣдствіе Майнцской конвенціи съ прирейнскими государствами Голландія согласилась принять обязательность свободнаго

международнаго судоходства по Рейну и для судоходства по Ваалу, а рукава Рейна—Лекъ и Ваалъ—признаны его продолженіями.

Установивъ основныя положенія свободы международныхъ рѣкъ и порядка судоходства по нимъ, Вѣнскій конгрессъ разрѣшилъ однако это дѣло только съ принципіальной стороны. Международный союзъ великихъ державъ установилъ только общіе принципы, которые онъ считалъ необходимыми для свободы международнаго рѣчного судоходства и обязательными для государствъ, по территоріи которыхъ рѣка протекаетъ. Ближайшая же детальная регламентація этого дѣла была предоставлена этимъ государствамъ. Устранить прибрежныя государства отъ вліянія на протекающую по нимъ часть рѣки невозможно, и международный союзъ призналъ потому за прибрежными государствами право судебной и полицейской юрисдикціи на часть международной рѣки, протекающую по ихъ территоріи, ограничивъ лишь ихъ права на эксплуатацію рѣки. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь ограниченіе верховнаго права государства въ интересахъ международнаго общенія. Въ этомъ необходимомъ согласованіи правъ прибрежнаго государства съ интересами международнаго общенія и заключается вся суть международнаго рѣчного права.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какъ организуется администрація, вѣдающая наблюденіе за международнымъ судоходствомъ.

Для регламентированія тѣхъ правилъ, которыя должны были быть соблюдаемы при судоходствѣ по Рейну, была составлена такъ-называемая *Центральная комиссія* изъ представителей *прибрежныхъ* къ Рейну государствъ. Она должна была наблюдать за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для судоходства по Рейну и вѣдать верховный контроль надъ низшими органами. Центральная комиссія создана была въ правилахъ 1815 г., какъ *коллегіальное* учрежденіе, дѣйствующее самостоятельно, но являющееся вмѣстѣ съ тѣмъ *коллективнымъ органомъ* тѣхъ государствъ, которыя имѣютъ въ ней своихъ представителей. Она является связующимъ звеномъ между этими государствами по вопросамъ судоходства. Предсѣдатель избирается самою комиссіею изъ ея среды безъ особенныхъ правъ. Кромѣ этой комиссіи были учреждены далѣе *инспектора* для наблюденія за рѣчнымъ судоходствомъ. Въ отличіе отъ комиссіи, контролю которой они подлежали, инспектора имѣютъ полицейскій надзоръ за правильностью движенія судовъ по рѣкѣ, за чистотою фарватера и т. д. Они назначаются отъ отдѣльныхъ прибрежныхъ государствъ. Съ 1868 г. ихъ *компетенція* простирается лишь на часть рѣки, протекающую черезъ территорію *назначившаго ихъ государства*. Такимъ образомъ, предполагалось въ лицѣ этихъ инспекторовъ сочетать интересы, которые каждое отдѣльное прибрежное государство имѣетъ въ отношеніи судоходства по Рейну, съ интересами, которые общи имъ всѣмъ. Сюда конечно относилось право полицейскаго надзора за рѣкою. Этотъ надзоръ былъ установленъ по началу, общему для всего теченія рѣки. Цѣль его съ одной стороны—охраненіе безопасности, съ другой—охраненіе судоходности и способы движенія по рѣкѣ (незасореніе, правильность движенія судовъ, сигналы и т. д.). На первыхъ мѣрахъ преимущественно отражается вліяніе прибрежныхъ государствъ. Вторыя-же мѣры входятъ въ область коллективныхъ интересовъ.

На первыхъ порахъ постановленія Вѣнскаго конгресса были примѣнены къ *Рейну* и его притокамъ, къ *Нѣману* и *Вислѣ* и къ р. *По*.

Дополнительныя къ Вѣнскому акту постановленія о Рейнѣ были установлены прибрежными государствами въ конвенціяхъ 1831 и 1868 годовъ, причемъ въ 1831 г. въ силу *Майнцской* конвенціи правила о судоходствѣ распространены были на устья Рейна и на рукава его, а въ силу *Мангеймской* конвенціи 1868 года отмѣнено было взиманіе пошлинъ прибрежными государствами на содержаніе учрежденій, полезныхъ для судоходства. Теперь, начиная съ 1868 года, пошлины эти взимаются въ *общую кассу*, которая служитъ для расходовъ по рѣчному судоходству.

Въ силу правилъ о свободѣ всеобщаго плаванія по международнымъ рѣкамъ, прибрежныя государства обязаны содержать дороги для бечевниковъ, очищать рѣку для предупрежденія препятствій судоходству, не взимать пошлинъ за складку товаровъ, за пристань или вынужденное причаливаніе, а только имѣютъ право взимать извѣстную пошлину съ судна на покрытіе расходовъ по облегченію и улучшенію судоходства. Точно также и въ весьма немногочисленныхъ, впрочемъ, международныхъ соглашеніяхъ относительно рыболовства на международныхъ рѣкахъ постановляется, чтобы рыболовные снаряды и тѣ учрежденія и зданія, которыя устраиваются съ этой цѣлью по берегамъ международныхъ рѣкъ, не мѣшали бы свободѣ плаванія.

Постановленія Вѣнскаго конгресса о международныхъ рѣкахъ были *распространены Парижскимъ конгрессомъ 1856 г. и на судоходство по Дунаю.* До того времени относительно судоходства по Дунаю было только соглашеніе между Россіей и Австріей—договоръ 1840 г. о свободѣ судоходства по этой рѣкѣ на основаніи принциповъ, выраженныхъ въ Вѣнскомъ трактатѣ. Затѣмъ, Парижскій трактатъ внесъ въ вопросъ о судоходствѣ по *Нижнему Дунаю* новый принципъ. Онъ поставилъ Дунай подъ *коллективный контроль* европейскихъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ. Учреждена была такъ-называемая *европейская Дунайская комиссія* изъ делегатовъ всѣхъ державъ, подписавшихъ трактатъ (въ томъ числѣ и Россіи). Эта Дунайская комиссія была учреждена на двухлѣтній срокъ спеціально для надзора и руководства техническими работами относительно углубленія фарватера Дуная въ устьяхъ его (отъ Исакчи до Чернаго моря) и въ особенности по углубленію и расчисткѣ Сулинскаго гирла, которое въ то время изъ всѣхъ дунайскихъ рукавовъ признавалось наиболѣе удобнымъ для судоходства. Расходы на эти работы должны были быть покрываемы изъ пошлинъ, взимаемыхъ съ судовъ, входящихъ изъ моря въ Дунай; размѣръ ихъ устанавливался международной комиссіей. Эта комиссія учреждена была, какъ сказано, *на 2 года*, т. е. на срокъ, предположенный конгрессомъ для окончанія работъ по расчисткѣ устьевъ Дуная. По истеченіи этого срока, временная европейская комиссія должна быть закрыта и на ея мѣсто вступить, въ качествѣ *постоянной*,—комиссія *прибрежныхъ* государствъ.

Эта «постоянная» комиссія составлена была изъ делегатовъ *прибрежныхъ государствъ*—Австріи, Баваріи, Турціи и Вюртемберга, при участіи комиссаровъ отъ трехъ придунайскихъ княжествъ. Эта комиссія должна была разработать и составить *правила рѣчного судоходства и полиціи для всего Дуная.* Европейская комиссія спеціально завѣдывала *устьями* Дуная и судоходствомъ въ этихъ устьяхъ; «постоянная» же комиссія должна была выработать правила для судоходства по *всему* Дунаю и устранять препятствія, которыя встрѣчало бы примѣненіе постановленій Вѣнскаго акта для судоходства по всему Дунаю, исполнить

нужныя по теченію всего Дуная работы и, по упраздненіи европейской комиссіи, наблюдать за содержаніемъ въ исправности Дунайскихъ гирлъ и за соблюденіемъ установленныхъ для судоходства по нимъ правилъ (т. е. работъ и сооруженій, произведенныхъ европейскою комиссіей). Но въ дѣйствительности дѣйствія этой комиссіи ограничились изданіемъ (въ 1857 г.) акта о дунайскомъ судоходствѣ, который однако, вслѣдствіе разногласія между державами не былъ ими ратификованъ, послѣ чего комиссія эта *de facto* упразднилась.

Что же касается европейской комиссіи, то закрытіе ея въ силу международныхъ конвенцій все отсрочивалось. Выработанный ею для судоходства и полиціи въ Нижнемъ Дунаѣ *уставъ* (1860 г.) утвержденъ былъ подписаннымъ державами въ Галацѣ въ 1865 г. международнымъ актомъ, подробно опредѣлившимъ условія этого судоходства и организацію международной полиціи *на Нижнемемъ Дунаѣ*, поставившимъ персоналъ комиссіи и ея работы и учрежденія на Дунаѣ—плотины, бакены, маяки, спасательныя учрежденія и пр.—*подъ охрану международнаго права* и признавшимъ ихъ *нейтрализованными*, т. е. неприкосновенными въ военное время. Затѣмъ, по мѣрѣ возобновленія полномочій европейской комиссіи, предѣлы юрисдикціи ея все болѣе расширились. Какъ мы замѣтили, первоначально юрисдикція ея простиралась отъ Чернаго моря до Исакчи; Берлинскій трактатъ (1878 г.) распространилъ ее до Галаца, а Лондонская конвенція 1883 г.—*до Браилова*. На Лондонской конференціи 1883 г., продолжившей полномочія этой комиссіи на 21 годъ (до 1904 г.), постановлено вмѣстѣ съ тѣмъ, что по истеченіи этого срока, она еще будетъ продолжать свое существованіе трехлѣтними сроками до тѣхъ поръ, пока какая-либо держава не заявитъ, что она имѣетъ возраженія противъ дальнѣйшаго существованія комиссіи и требуетъ какихъ нибудь измѣненій относительно ея юрисдикціи, и тогда должна быть созвана международная конференція для обсужденія этого новаго вопроса. Берлинскимъ трактатомъ европейская Дунайская комиссія была *объявлена совершенно независимой отъ территоріальной власти прибрежныхъ государствъ*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно—на практикѣ даже болѣе, чѣмъ это необходимо въ интересахъ свободы международнаго судоходства,—европейской комиссіей ограничивались и права верховенства прибрежныхъ государствъ. Поэтому въ 1883 г. по настоянію Россіи и Румыніи, права европейской комиссіи были ограничены относительно *Килійскаго рукава*, берега котораго принадлежатъ отчасти Россіи, отчасти же Россіи и Румыніи. Въ силу этого Россія и Румынія настояли на томъ, чтобы этотъ Килійскій рукавъ былъ изъятъ изъ-подъ фактическаго контроля европейской комиссіи и чтобы въ тѣхъ частяхъ, гдѣ онъ протекаетъ одновременно по русской и румынской территоріи, уставы дѣйствующіе на Сулинскомъ рукавѣ, находящемся въ завѣдываніи европейской комиссіи, приводились въ исполненіе и примѣнялись подъ наблюденіемъ русскаго и румынскаго делегатовъ. Затѣмъ, Россія и Румынія въ предѣлахъ Килійскаго рукава имѣютъ право устанавливать денежные сборы, устраивать пристани и всякія рѣчныя учрежденія, подъ однимъ только условіемъ, сообщать планы этихъ построекъ и другихъ сооруженій къ свѣдѣнію европейской комиссіи для удостовѣренія того, что эти учрежденія не будутъ ничѣмъ препятствовать свободѣ судоходства.

На Лондонской конференціи 1883 г. сдѣлана была попытка возро-

жденія *постоянной* Дунайской комиссіи подъ новымъ названіемъ *смѣшанной Дунайской комиссіи*, изъ делегатовъ Австріи и придунайскихъ княжествъ—Болгаріи, Румыніи и Сербіи; предсѣдательство въ этой коммиссіи предоставлялось австрійскому делегату и сверхъ того для работъ въ комиссіи привлекались на шестимѣсячные сроки по одному члену отъ тѣхъ державъ, которыя не имѣютъ своихъ представителей въ Смѣшанной Комиссіи. Основаніе, на коемъ для Австріи предоставлялось предсѣдательство въ комиссіи по судоходству въ той части Дуная, которая вовсе не омываетъ австрійскихъ владѣній, такъ какъ компетенція смѣшанной Комиссіи простирается только *отъ Желѣзныхъ воротъ и до Браилова*—основаніе это чисто политическое, такъ какъ Австрія стремится по возможности поддерживать свое вліяніе на Дунаѣ, держать Дунай подъ своимъ контролемъ. Противъ этого постановленія Лондонской конференціи о правѣ Австріи на предсѣдательство протестовала Румынія, и поэтому постановленія конференціи о смѣшанной прибрежной комиссіи донынѣ не приведены въ исполненіе.

Особая организація надзора за свободою международнаго судоходства по нижнему Дунаю,—учрежденіе европейской Дунайской комиссіи,—объясняется общимъ направленіемъ Парижскаго трактата 1856 г, который имѣлъ въ виду одну главную цѣль: поставить балканскія дѣла подъ контроль Европы въ предупрежденіе усиленія на Балканскомъ полуостровѣ вліянія Россіи и возможности политическаго преобладанія Россіи на Дунаѣ. Но въ основаніи этихъ постановленій все-таки лежитъ идея усиленія вліянія международнаго союза надъ правами территоріальнаго верховенства прибрежныхъ государствъ,—идея вполнѣ соотвѣтствующая развитію въ новѣйшія времена началъ международнаго общенія, которыя и должны стоять выше территоріальнаго верховенства отдѣльныхъ государствъ, поскольку дѣло идетъ объ огражденіи общихъ всему международному союзу интересовъ *).

Особые договоры о свободѣ международнаго судоходства существуютъ между Россіей, Австріей и Турціей—о судоходствѣ *по Пруту* (1866 г.), Россіи съ Австріей о судоходствѣ по *Днѣстру* и Россіи съ Австріей и Пруссіей—о судоходствѣ *по Нѣману и Вислѣ* (1815, 1818 и 1825 г.). Этими договорами установлена свобода судоходства *взаимныхъ подданныхъ* по этимъ рѣкамъ. Регламентъ судоходства по Пруту во многомъ заимствованъ изъ регламента нижнедунайскаго: для производства гидротехническихъ работъ на Прутѣ и для надзора за судоходствомъ учреждена смѣшанная комиссія изъ делегатовъ прибрежныхъ державъ.

Въ новѣйшее время признаны международными рѣками р. *Св. Лаврентія* въ Сѣверной, *Парана* и *Уругвай* въ Южной Америкѣ; въ Азіи—*Карунъ* (въ Персіи) и въ Африкѣ *Конго* и *Нигеръ*. Сверхъ того бразильскимъ закономъ 1866 г. рѣка *Амазонка* (національная) объявлена открытою для судоходства всѣхъ народовъ. Такимъ образомъ, Бразилія какъ бы намѣтила путь для дальнѣйшаго развитія междун. рѣчного права—для признанія междун. характера за рѣками, хотя и національными, но имѣющими міровое значеніе.

Въ заключеніе намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о *Бер-*

*) Объ интересахъ Россіи въ этомъ вопросѣ см. нѣсколько совершенно справедливыхъ замѣчаній у Даневскаго. Пособіе къ изученію междунар. пр., II, стр. 53—54.

линской конференціи 1885 г., установившей правила судоходства по рѣкамъ *Конго и Нигеру*. Конференція эта провозгласила начало свободы торговли въ бассейнѣ и устьяхъ Конго, распространивъ этотъ бассейнъ далеко за географическіе его предѣлы (на весь такъ назыв. экономическій бассейнъ Конго) для всѣхъ европейцевъ и туземцевъ на началахъ полнаго равенства; пошлины допускаются только взимаемыя на пользу самаго судоходства. Для огражденія этихъ началъ и для постояннаго надзора за ихъ исполненіемъ, а равно для поддержанія судоходности рѣки организована особая *международная комиссія* судоходства по Конго» (по примѣру Дунайской комиссіи). Свобода судоходства распространяется и на время войны (за исключеніемъ военной контрабанды).

§ 3. **Морское право.** До сихъ поръ мы разсматривали вопросы международнаго права, касающіеся территоріи государственной, т. е. подлежащей верховной власти одного государства. Мы видѣли, что *въ интересахъ международнаго* общенія, въ интересахъ междун. союза это исключительное верховенство государства подвергается иногда болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ. Въ этихъ же интересахъ изъемлются, въ силу современнаго международнаго права изъ подъ исключительной власти отдѣльныхъ государствъ, окружающія сушу водныя пространства океановъ, морей и нѣкоторыхъ ихъ частей. Эти водныя пространства составляютъ въ полномъ смыслѣ слова *международную территорію,* состоящую въ общемъ пользованіи подданныхъ всѣхъ государствъ.

а) *Открытое море.* Принципъ свободы *океана* и *открытаго моря* т. е. частей океана, находящихся съ нимъ въ непосредственной связи, установился не ранѣе XVII вѣка. Хотя уже римское право причислило море къ числу res omnium communia, однако въ средніе вѣка не было приморской державы, которая не предъявляла-бы притязаній на исключительное господство на прилегающихъ къ ея владѣніямъ моряхъ и частяхъ океана, а иногда даже на неприлегающихъ, но на которыя государство въ силу тѣхъ или иныхъ соображеній считало себя въ правѣ предъявлять притязанія на исключительное право пользованія. Такъ Венеція предъявляла притязанія на исключительное пользованіе Адріатическимъ моремъ, Швеція на Балтійское море, Турція на Черное и Мраморное, Испанія и Португалія на Атлантическій и Индійскій океаны.

Объявивъ свое господство на томъ или другомъ морѣ, государства либо совершенно запрещали иностраннымъ судамъ доступъ въ него, либо требовали подчиненія ихъ своей юрисдикціи и подвергали ихъ произвольнымъ стѣсненіямъ. Особенно усилились эти притязанія морскихъ державъ въ XVI—XVII в., когда послѣ открытія Америки и морского пути въ Индію явилась для нѣкоторыхъ болѣе сильныхъ на морѣ державъ возможность извлекать огромные барыши отъ исключительной эксплуатаціи своихъ заморскихъ колоній. На присвоеніе себѣ и своимъ подданнымъ исключительнаго права колоніальнаго судоходства и торговли съ устраненіемъ конкуренціи другихъ народовъ направлены были всѣ усилія морскихъ державъ. Въ наиболѣе жесткой формѣ это стремленіе проявилось въ морской политикѣ Англіи, вызвавшей этимъ энергическій отпоръ со стороны Голландіи и ея ученыхъ публицистовъ. Въ появившемся въ 1609 г. сочиненіи *Гуго Гроція* «Mare liberum» впервые сгруппированы были въ стройную систему всѣ общепризнанные нынѣ доводы въ пользу

свободы моря, какъ наиболѣе удобнаго пути для международныхъ сношеній.

Противъ Гроція выступилъ въ 1635-мъ году англичанинъ *Сельденъ* въ своемъ сочиненіи «Mare clausum», гдѣ онъ доказывалъ, что море можетъ быть разграничено географическими и математическими линіями, а потому и подлежать освоенію. Но теорія Сельдена, опиравшаяся на притязанія Англійскаго правительства на господство надъ окружающими Англію морями, не встрѣтила поддержки со стороны публицистовъ другихъ государствъ, заинтересованныхъ въ свободѣ морскихъ сношеній, и съ конца XVIII вѣка, благодаря отчасти блестящей защитѣ принципа свободы моря, представленой голландцемъ *Бинкерсгукомъ* въ сочиненіи его: De dominio maris (1762 г.) принципъ этотъ получаетъ всеобщее признаніе. Въ настоящее время, по справедливому замѣчанію Блюнчли: «современное международное право не допускаетъ закрытія для всемірнаго оборота такихъ морей, которыя естественно соединены съ океаномъ, хотя бы всѣ берега этихъ морей составляли собственность одного государства». Открытое море общедоступно и не подчинено ничьей отдѣльной государственной власти, хотя бы она фактически и имѣла возможность предписывать здѣсь законъ другимъ государствамъ.

Открытымъ моремъ общедоступнымъ для народныхъ сношеній признается громадное, представляющее собою нѣчто цѣлое, пространство воды, окружающее твердую землю, т. е. *океанъ и всякое море, непосредственно съ нимъ соединенное.* На этомъ основаніи признаются открытыми моря: Балтійское, Адріатическое, Мраморное, Черное. По мнѣнію проф. Мартенса, Азовское море «скорѣе» закрытое, въ виду отдаленной связи его съ океаномъ, его размѣровъ и принадлежности его береговъ и входа въ него—Россіи. Карское море открытое, такъ какъ непосредственно связано съ Сѣвернымъ океаномъ.

Въ противоположность этимъ открытымъ морямъ считаются *закрытыми* или *внутренними* тѣ, которые *не имѣютъ сообщенія съ океаномъ*, но по своему составу представляютъ собою моря, а не озера. Таковы Мертвое море въ Азіи, принадлежащее Турціи, Аральское море, принадлежащее Россіи, и Каспійское море. Хотя послѣднее омываетъ и русскія, и персидскія владѣнія, но пользованіе этимъ моремъ принадлежитъ обоюднымъ подданнымъ только для торговаго судоходства. Что же касается военнаго, то по *Туркменчайскому договору* 1828 г. постановлено, что «какъ издревле одни военныя суда подъ россійск. военнымъ флагомъ могли имѣть плаваніе на этомъ морѣ, то по сей причинѣ предоставляется и подтверждается имъ и нынѣ сіе прежнее исключительное право, съ тѣмъ, что кромѣ Россіи никакая другая держава не можетъ имѣть на Каспійскомъ морѣ судовъ военныхъ».

Главнымъ юридическимъ основаніемъ признанія свободы открытаго моря служитъ сознанная цивилизованными государствами необходимость ея для развитія международныхъ оборотовъ: принципъ свободы моря вытекаетъ изъ общности и солидарности интересовъ всѣхъ народовъ. Въ силу современнаго международнаго права, открытое море не можетъ состоять ни въ собственности, ни во владѣніи, ни подъ продолжительнымъ государственнымъ господствомъ какой-либо державы и потому пользованіе имъ никакому государству, въ лицѣ его подданныхъ, не можетъ быть въ мирное время никѣмъ запрещаемо или затрудняемо.

Изъ принципа свободы открытаго моря вытекаютъ слѣдующія юридическія послѣдствія:

1) Открытыя моря *свободны для судоходства и эксплоатаціи* (рыбная ловля) всѣхъ народовъ на основаніи полнаго равенства между ними: въ открытомъ морѣ всѣ флаги равны.

2) Въ открытомъ морѣ *нѣтъ мѣста государственному управленію*, государственной *судебной власти*, государственной *полиціи* отдѣльнаго государства относительно пользованія моремъ подданными другого государства. Поэтому ни одна держава не имѣетъ права остановки, *обыска* (т. е. освидѣтельствованія груза) или *осмотра* (т. е. освидѣтельствованія корабельныхъ бумагъ) въ открытомъ морѣ иностранныхъ судовъ и права взимать *сборы или пошлины* на судоходство въ открытомъ морѣ. Государство не въ правѣ требовать платежей (если это не было условлено договоромъ) даже за сооруженія, сдѣланныя имъ для пользы судоходства.

3) Поэтому суда, плавающія въ открытомъ морѣ, подлежатъ лишь юрисдикціи государственной и судебной власти и законамъ той страны, къ которой принадлежатъ,—они считаются какъ бы отторгнутыми *частями своего отечества*. Поэтому юридическія сдѣлки и преступныя дѣянія совершенныя на кораблѣ (военномъ или коммерческомъ—безразлично) въ открытомъ морѣ, подчиняются исключительно законамъ государства, которому принадлежитъ судно.

4) Отсюда дальнѣйшіе два принципа: a) всякое государство *отвѣтственно за дѣйствія своихъ подданныхъ* въ открытомъ морѣ, и b) государства *обязаны заботиться*, чтобы морскія сношенія, рыболовство и другіе промыслы, производимые ихъ подданными въ открытомъ морѣ, совершались правильно и безобидно для другихъ народовъ.

Въ виду всего этого особое значеніе имѣетъ вопросъ объ опредѣленіи *національности корабля*. Она опредѣляется законами государства, которому принадлежитъ судно, причемъ законодательства придаютъ, обыкновенно, главное значеніе національному составу экипажа. По законамъ Франціи и Англіи требуется, чтобы судно принадлежало подданному и чтобы $^3/_4$ экипажа судна были подданные; по нашимъ законамъ—чтобы судохозяинъ, капитанъ и $^1/_4$ экипажа были русскіе. Внѣшнимъ образомъ національность судна выражается *національнымъ флагомъ*, — военнымъ или торговымъ, — и подтверждается *корабельными бумагами*, въ которыхъ значится національность и размѣръ судна, составъ его экипажа, время и мѣсто его отправленія и назначенія, характеръ груза. Пользованіе чужимъ національнымъ флагомъ допускается только съ особаго разрѣшенія чужого государства (у насъ—съ разрѣшенія Императора).

Свобода моря не означаетъ однако, что открытое море находится внѣ права и юридической охраны. Такъ какъ свобода и безопасность морскихъ сношеній представляетъ интересъ всѣхъ государствъ, то морское судоходство *подчиняется общему надзору международнаго союза*, выражающемуся въ международныхъ соглашеніяхъ касательно порядка пользованія моремъ и охраны свободы и безопасности судоходства въ немъ. Такъ, по взаимному соглашенію государствъ установлены правила о предупрежденіи столкновеній между рыболовами въ открытомъ морѣ, о взаимной помощи при кораблекрушеніяхъ и въ случаѣ опасности, о предупрежденіи столкновеній судовъ въ морѣ и т. п. Эти правила устанавливаются частью обычаемъ, частью національными законодательствами

государствъ, частью, наконецъ, международными трактатами (напр. конвенція 1882 г. въ Гаагѣ между Англіею, Германіею, Франціею, Даніею, Голландіею и Бельгіею о рыболовствѣ въ Сѣверномъ морѣ и добавочная 1887 г, о запрещеніи плавучихъ кабаковъ въ этомъ морѣ). Ради интересовъ морской полиціи, въ силу международныхъ соглашеній допускаются и отступленія отъ принципа неприкосновенности судовъ въ открытомъ морѣ т. е. запрещенія осмотра или обыска кораблей чужого государства, а именно относительно судовъ, подозрѣваемыхъ въ морскомъ разбоѣ или въ торговлѣ невольниками.

Еще съ начала этого столѣтія Европейскія державы выступили въ защиту *правъ негровъ*. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Англійскому правительству. Оно заявило на Вѣнскомъ конгрессѣ, что державы обязаны принять общія мѣры «для полной и окончательной отмѣны зла, которое такъ долго опустошало Африку, унижало Европу и печалило человѣчество»; по его настояніямъ на конгрессѣ подписана была декларація державъ о неотложной необходимости скорѣйшаго прекращенія торга неграми, а *договоръ* 1841 года, заключенный Англіей, Австріей, Пруссіей, Россіей и Франціей (которая потомъ отказалась), опредѣлилъ тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для дѣйствительнаго прекращенія негроторговли. Онѣ сводятся къ слѣдующему: 1) военнымъ крейсерамъ, плавающихъ около Африканскихъ береговъ дозволяется останавливать и подвергать осмотру подозрительныя суда; 2) судно, задержанное съ неграми, должно быть отведено въ портъ того государства, подъ флагомъ котораго оно плавало, и здѣсь негроторговецъ подвергается опредѣленному судомъ наказанію черезъ повѣшеніе, а судно конфискуется и изъ стоимости его выплачивается опредѣленное вознагражденіе крейсеру, 3) торгъ невольниками приравнивается къ морскому разбою. Притязаніе Англіи, которая не удовлетворялась правомъ осмотра, а требовала себѣ права обыска, вызвало протестъ Франціи и С. Штатовъ и всѣ послѣдующіе договоры о противодѣйствіи негроторговли устанавливаютъ лишь права осмотра бумагъ, признавая неправильность ихъ основаніемъ для обыска и захвата судна.

Несмотря, однако, на противодѣйствіе негроторговлѣ вышеупомянутыми договорами, она продолжала существовать въ Африкѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Азіи. Поэтому, на *Берлинской конференціи* 1885 г. уполномоченные четырнадцати государствъ снова обсуждали вопросъ о болѣе дѣйствительныхъ способахъ борьбы съ негроторговлею; тогда было указано на необходимость сосредоточить усилія на уничтоженіи самаго *источника зла рабовладѣнія*. Поэтому съ 1885 г. усилія Англійскаго, Германскаго и другихъ правительствъ направлены къ тому, чтобы трактатами и военными мѣрами пресѣчь эту торговлю и побудить туземныхъ владѣтелей къ отказу отъ рабовладѣнія. Вскорѣ однако выяснилось потребность въ новомъ международномъ собраніи съ цѣлью обсужденія дальнѣйшихъ общихъ мѣръ къ борьбѣ съ рабовладѣніемъ. Въ 1890 г. состоялась *Брюссельская конференція*, постановленія которой, надо полагать, будутъ болѣе дѣйствительны въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ. Актъ, принятый державами, участвовавшими на этой конференціи, запрещаетъ безусловно ввозъ оружія во всѣ области Африки, гдѣ производится охота на невольниковъ. Кромѣ того, государства должны принять въ своихъ колоніяхъ слѣдующія мѣры: увеличеніе войска, укрѣпленій сооруженіе шоссейныхъ дорогъ, рельсовыхъ путей, учрежденіе пароходства

на рѣкахъ, устройство телеграфныхъ линій, запрещеніе ввоза спиртныхъ напитковъ, т. е. совокупность мѣръ, помогающихъ фактическому завладѣнію и правильному управленію колоніальными владѣніями Африки. *Для надзора же за берегами Африки* установлено право осмотра кораблей.

Въ видѣ исключенія дозволяется также кораблямъ *воюющихъ державъ* останавливать *нейтральныя суда въ открытомъ морѣ* для удостовѣренія въ ихъ національности и соблюденіи ими обязанностей нейтралитета.

Мы замѣтили выше, что негроторговля приравнивается въ силу международныхъ соглашеній морскому разбою. *Морскимъ равбойникомъ* или пиратомъ называется тотъ, кто, *не имѣя на то полномочія отъ государства,* насильно захватываетъ въ открытомъ морѣ суда, съ намѣреніемъ завладѣть находящимся на нихъ чужимъ имуществомъ. Каждое военное судно всякаго государства уполномочивается задерживать виновныя въ разбоѣ въ открытомъ морѣ или подозрѣваемыя въ этомъ суда, обыскивать ихъ и, въ случаѣ справедливости подозрѣнія, приводить въ портъ своего отечества. Такое судно конфискуется, а экипажъ предается суду. По нашимъ законамъ виновные въ морскомъ разбоѣ подвергаются каторжной работѣ до 15 лѣтъ.

Особое юридическое положеніе занимаютъ въ международной сферѣ береговыя моря и территоріальныя.

б) **Береговое море.** *Подъ береговымъ моремъ разумѣется та часть моря, которая омываетъ владѣнія прибрежнаго государства.* Она признается собственностью этого государства, считается продолженіемъ прибрежной территоріи и подлежитъ его власти: 1) вслѣдствіе требованій безопасности государства отъ внезапныхъ нападеній извнѣ и 2) требованія необходимаго для него таможеннаго, полицейскаго и санитарнаго надзора надъ судами, пребывающими въ береговыхъ водахъ; наконецъ, 3) для жителей морского берега исключительная власть прибрежнаго государства обезпечиваетъ возможность существованія рыболовствомъ, т. к. рыболовство въ предѣлахъ берегового моря признается привилегіею подданныхъ прибрежнаго государства.

Въ силу господства прибрежнаго государства надъ береговымъ моремъ, его законамъ, суду и распоряженіяхъ подчинляется все, что находится и что совершается въ предѣлахъ этого моря. Всѣ таможенныя, административныя и полицейскія мѣры*), имъ установленныя, обязательны для иностранныхъ кораблей и ихъ экипажа, пребывающихъ въ этой чертѣ. Преступленія, совершенныя иностранцами въ портахъ государства преслѣдуются и наказуются по его законамъ**). Сдѣлки, въ которыя они вступаютъ между собою или съ туземными подданными во время пребыванія въ водахъ государства, вѣдаются мѣстнымъ судомъ. Словомъ, для этихъ лицъ и для ихъ юридическихъ отношеній законъ прибрежнаго государства столь же обязателенъ, какъ обязателенъ вообще территоріальный законъ для всѣхъ иностранцевъ на чужой территоріи.

На основаніи консульскихъ конвенцій и трактатовъ о торговлѣ и мореплаваніи обыкновенно дисциплинарная власть надъ экипажемъ судна

---

*) Напр. о стоянкѣ, о соблюденіи сигналовъ, о бросаніи якоря, о вывѣшиваніи страженныхъ фонарей, о карантинѣ и т. п.

**) Впрочемъ, при исполненіи своихъ судебныхъ или административныхъ обязанностей относительно иностраннаго судна мѣстныя власти обязаны по общепринятому обычаю увѣдомить объ этомъ консула того государства, флагъ котораго носитъ судно.

предоставляется капитанамъ и шкиперамъ и ихъ національнымъ консуламъ относительно проступковъ, совершенныхъ на самомъ суднѣ. Проф. Мартенсъ справедливо замѣчаетъ, однако, что такія постановленія должны быть толкуемы въ ограничительномъ смыслѣ. Такія дѣйствія, которыми нарушается безопасность и порядокъ порта, всегда могутъ быть преслѣдуемы со стороны мѣстныхъ властей. Исключеніе изъ подсудности мѣстной территоріальной, власти составляютъ *военные корабли.* На основаніи обычая, коренящагося какъ въ уваженіи къ представляемой ими независимости ихъ государствъ, такъ и въ соображеніи, что военная дисциплина даетъ достаточныя гарантіи уваженія ими мѣстныхъ законовъ и соблюденія ими порядка, они освобождаются отъ мѣстной полицейской и судебной власти относительно порядка на самомъ кораблѣ (въ случаѣ же противозаконныхъ дѣйствій экипажа противъ другихъ кораблей или населенія можно принять соотвѣтствующія мѣры). Такое же исключеніе дѣлается для кораблей монарховъ и пословъ, и, на основаніи спеціальныхъ трактатовъ, для почтовыхъ пароходовъ (пакетботовъ) и для судовъ, исполняющихъ правительственныя порученія (напр., транспортъ ссыльныхъ на корабляхъ нашего добровольнаго флота). Для военныхъ кораблей существуетъ правило, что они могутъ входить въ иностранный портъ только съ разрѣшенія того государства чей портъ. Въ наши порты допускается не болѣе 3-хъ военныхъ кораблей одного государства. Для входа военнаго корабля въ коммерческій портъ особаго разрѣшенія не требуется: командиръ лишь сообщаетъ мѣстному начальству о предположенномъ срокѣ пребыванія въ портѣ и о числѣ команды. Для предупрежденія возможности столкновеній между экипажемъ корабля и мѣстными жителями принято за правило, чтобы лица команды отпускались на берегъ безъ оружія, или чтобы за исключеніемъ офицеровъ никто на берегъ не отпускался. Относительно преступленій, совершенныхъ внѣ военнаго корабля, на берегу, принято различать, *находится ли лицо на берегу по служебной надобности*,—тогда дѣйствуютъ тѣ правила, которыя основываются на принципѣ экстерриторіальности (въ силу дипломатическихъ соглашеній); *если же лицо отправилось на берегъ по своимъ частнымъ дѣламъ*, то оно подвергается отвѣтственности передъ мѣстнымъ судомъ. Это признаніе за военными кораблями экстерриторіальнаго характера простирается до такой степени, что имъ предоставляется право покровительства, убѣжища для преступниковъ. Но въ виду того, что уголовныя преступленія имѣютъ общій интересъ, въ международной практикѣ принято, что уголовные преступники не должны имѣть убѣжища на кораблѣ.

Необходимо замѣтить, что власть прибрежнаго государства надъ береговымъ моремъ не должна быть понимаема въ смыслѣ полнаго исключенія этихъ водъ изъ числа естественныхъ артерій межд. оборотовъ. Только англійское законодательство ставитъ безусловнымъ принципомъ, что всѣ суда, находящіяся въ предѣлахъ территоріальныхъ водъ Англіи (3 мили отъ берега) подчиняются суду и законамъ Англіи. Что же касается другихъ государствъ, то они признаютъ, что, если какое-либо купеческое судно только проходитъ черезъ линіи ихъ берегового или территоріальнаго морей, то не становится еще чрезъ это подсуднымъ прибрежнымъ властямъ; для такой подсудности необходимо, чтобы судно продлило здѣсь свое пребываніе, бросило якорь или приступило къ разгрузкѣ товаровъ.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, власть прибрежнаго государства надъ береговымъ и территоріальными морями должна разсматриваться не какъ право собственности, частнаго владѣнія, но какъ право верховенства государства, оправдываемаго интересами государственными и международными.

Въ виду широкихъ правъ, которыми пользуется государство въ отношеніи берегового моря, чрезвычайно важно опредѣлить *предѣлы* его: гдѣ оканчивается власть прибрежнаго государства и начинается открытое море? Понятно само собою, что насколько свобода открытаго моря составляетъ общій интересъ всѣхъ государствъ, настолько же отдѣльныя государства бываютъ заинтересованы въ возможно большемъ расширеніи своего берегового моря. Поэтому, и до настоящаго времени нѣкоторыя государства объявляютъ береговыми такія пространства, которыя въ дѣйствительности переходятъ уже въ открытое море, и тѣмъ стѣсняютъ его свободу. При опредѣленіи границъ берегового моря теорія междун. права со времени Бинкерсгука (XVIII в.) исходитъ изъ того положенія, что власть прибрежнаго государства, какъ было указано выше, кончается тамъ, гдѣ она фактически не можетъ быть поддержана: terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis. Отсюда на практикѣ установилось общее правило: граница береговыхъ водъ должна опредѣляться пушечнымъ выстрѣломъ съ берега. А такъ какъ такой масштабъ представляетъ величину весьма измѣнчивую, то въ настоящее время большинство трактатовъ, заключенныхъ государствами, принимаютъ *за крайнюю черту берегового моря линію, простирающуюся на 3 англ. морскихъ мили (1 геогр. миля) отъ максимальнаго предѣла отлива.* Это опредѣленіе принято и внутренними законодательствами разныхъ западно-европейскихъ государствъ. Такъ англійскій законъ 1878 г. Territorial Waters Jurisdiction Act ограничиваетъ пространство береговой юрисдикціи королевства на 3 англійскихъ мили. «*Правила о призахъ и репризахъ*» 1869 г. опредѣляютъ, что «подъ именемъ свободнаго моря должно разумѣть воды, находящіяся подъ пушечными выстрѣлами береговыхъ батарей или отстоящія отъ берега на разстояніи трехъ морскихъ миль».

в) **Территоріальное море:** Территоріальнымъ моремъ называютъ *заливы, рейды, бухты и вообще морскія воды, окруженныя территоріей какого-либо государства.* Такія воды должны считаться подъ властью прибрежнаго государства на тѣхъ же основаніяхъ и въ виду тѣхъ же соображеній, на какихъ береговое море признается подлежащимъ юрисдикціи прибрежнаго государства. Но необходимо, чтобы заливы, бухты, рейды были дѣйствительно окружены владѣніями одной державы. Поэтому, если даже входъ въ заливъ находится подъ властью одного государства (т. е. оба берега его принадлежатъ одному государству и онъ не шире двухъ пушечныхъ выстрѣловъ или 6 миль), а надъ остальнымъ побережьемъ господствуетъ другая держава, то господствующее надъ входомъ государство не имѣетъ права собственности надъ всѣмъ заливомъ.

На этомъ основаніи къ территоріальнымъ морямъ можно причислить *Рижскій заливъ* (Россія). Зюдерзее (Голландія), море между Англіей и островомъ Уайтомъ. Во время владычества Швеціи надъ Финляндіей Ботническій заливъ былъ территоріальнымъ моремъ этой державы. Проф. Мартенсъ причисляетъ къ территоріальнымъ морямъ и Финскій заливъ, хотя нѣкоторые писатели не безъ основанія не признаютъ его территоріальнымъ въ виду, главнымъ образомъ, его размѣровъ.

г) **Проливы**. Въ видахъ безпрепятственнаго пользованія проливами, государства издавна и много разъ вступали между собою въ соглашенія, въ особенности относительно проливовъ, соединяющихъ открытыя моря, для опредѣленія надъ ними власти прибрежныхъ государствъ. Въ современной теоріи и практикѣ установились слѣдующія начала, опредѣляющія власть прибрежнаго государства надъ проливами. Если проливъ находится подъ пушечными выстрѣлами одного и того же государства, то считается подъ властью послѣдняго и разсматривается, какъ его территоріальное владѣніе. Если же проливъ раздѣляетъ два государства и имѣетъ не болѣе 6-ти англ. миль, то граница между ними опредѣляется линіей, проводимой черезъ средину пролива. На этомъ основаніи Мессинскій проливъ принадлежитъ Италіи, а проливъ Керченскій считается принадлежащимъ Россіи. Но надо различать проливы, соединяющіе открытыя моря и открытыя съ закрытымъ. Проливъ, которымъ *соединяются открытыя моря*, долженъ быть свободенъ для коммерческихъ судовъ всѣхъ государствъ, независимо отъ того, окружаютъ ли его владѣнія одного государства или нѣсколькихъ. Только военнымъ судамъ можетъ быть запрещенъ проходъ, если того требуетъ безопасность государства, владѣющаго проливомъ. Напротивъ, проливъ, *ведущій въ закрытое море*, подчиняется неограниченной власти прибрежнаго государства. Такъ, Англія считаетъ проливы св. Георгія и Сѣверный каналъ и Ирландское море своими территоріальными водами. Это различіе является естественнымъ послѣдствіемъ свободы открытыхъ морей. Въ теченіе долгаго времени Данія заявляла притязанія на *Зундскій проливъ* и взимала высокія пошлины со всѣхъ проходящихъ черезъ него кораблей; такъ какъ эти пошлины стѣсняли свободу судоходства между открытыми морями, то по почину Вашингтонскаго правительства европейскія державы по Копенгагенскому трактату 1857 г. выкупили Зундскую пошлину за 30 милл. датск. марокъ, а Данія обязалась за это содержать маяки и другія учрежденія, необходимыя для безопасности прохода черезъ проливъ.

Относительно *Босфора и Дарданелъ* (тоже окруженныхъ сполна турецкими территоріями) надо замѣтить, что еще съ XVIII вѣка Европейскія государства стараются добиться права свободнаго плаванія по этимъ проливамъ. Особенно важно было добиться разрѣшенія судоходства черезъ проливы для Россіи, послѣ того какъ въ концѣ XVIII в. ей удалось утвердится на Черномъ морѣ. Россія и не замедлила достигнуть свободы торговаго судоходства черезъ проливы какъ для себя, такъ и для другихъ державъ. Но въ виду принадлежности обоихъ проливовъ Турціи и въ виду того, что на Босфорѣ стоитъ самая столица Турецкой имперіи, Порта рѣшительно отказывала въ разрѣшеніи военнаго иностраннаго судоходства черезъ нихъ. Противъ этого запрещенія западныя державы никогда не возражали и, между прочимъ, это право Порты закрывать проливы для военныхъ кораблей признано было въ договорѣ Турціи съ Англіею 1809 г. Однако въ 30-хъ годахъ вопросъ о проливахъ былъ вновь поднятъ. По поводу возмущенія египетскаго паши Мегмета-Али противъ Турціи, Порта заключила съ Россіею союзъ (Ункіаръ-Скелесскій договоръ 1833 г.), въ силу котораго Россія обязывалась къ военной помощи Турціи, а Турція открывала проливы для русскихъ военныхъ судовъ, оставляя въ силѣ запрещеніе доступа въ нихъ для судовъ другихъ державъ. Это возбудило опасенія и недовольство западныхъ державъ и въ силу *Лондонской конвенціи* 1841 г. державы, въ томъ

числѣ и Россія, обязались соблюдать издавна установленное султаномъ правило, что Босфоръ и Дарданеллы должны быть въ мирное время закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ государствъ безъ различія; султанъ удерживалъ за собою право лишь разрѣшать проходъ черезъ проливы легкимъ военнымъ судамъ, судамъ состоящимъ на службѣ посольствъ и сторожевымъ судамъ, въ нижнемъ Дунаѣ. Это постановленіе 41 года повторяется затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ договорахъ Россіи и европейскихъ государствъ съ Портою. Болѣе серьезное исключеніе сдѣлано лондонскою конвенціей 1871 года: султану предоставлено право открывать оба пролива въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ съ нимъ державъ въ видахъ обезпеченія исполненія постановленій парижскаго трактата 1856 г. Въ 1895 г., во время армянскихъ безпорядковъ султанъ далъ свое согласіе державамъ на увеличеніе числа ихъ стаціонеровъ въ Константинополѣ ради безопасности ихъ дипломатическихъ миссій; разрѣшилъ онъ и Россіи провести отрядъ въ 600 человѣкъ къ острову Криту, подвергшемуся въ 1897 г. мирной блокадѣ. Въ 1902 г. Россія получила отъ султана согласіе на проходъ черезъ проливы 4-хъ торпедныхъ лодокъ по пути изъ Кронштадта въ Ливадію, гдѣ онѣ предстали на Высочайшій смотръ. Это разрѣшеніе султана вызвало, однако, протестъ англійскаго посла въ Константинополѣ, въ январѣ 1905 г. заявившаго, что Англія усматриваетъ въ этомъ нарушеніе международныхъ трактатовъ и при случаѣ предоставляетъ себѣ право потребовать отъ Порты и для своего военнаго флота такой же привилегіи, какая была ею дана для флота русскаго.

д) **Международные каналы**, *Панама и Суэцъ*. Вторая половина прошлаго столѣтія была свидѣтельницей предпріятія двухъ большихъ искусственныхъ соединеній морей, изъ которыхъ одно—Суэцкій каналъ—было счастливо доведено до конца, другое же, болѣе важное, прорытіе Панамскаго черешейка, которое Бентамъ хотѣлъ поручить всемірной компаніи, пріостановилось въ слѣдствіе злоупотребленій администраціи и дурного управленія работами; но въ самое послѣднее время работы возобновились.

17 (29) октября 1888 г. *въ Константинополѣ* былъ подписанъ державами и Турціею договоръ, которымъ опредѣляется юридическое положеніе Суэцкаго канала, какъ мірового, для всѣхъ открытаго пути сообщенія. Въ этомъ договорѣ, съ общаго согласія, приняты слѣдующія начала: морской Суэцкій каналъ, *въ военное и мирное время*, долженъ быть *всегда свободнымъ* и открытымъ для всѣхъ торговыхъ и военныхъ судовъ, безъ различія флаговъ. Договаривающіяся державы обязуются, ни въ военное, ни въ мирное время, не вредить свободному пользованію каналомъ. Каналъ никогда не будетъ подвергаться блокадѣ. Державы обязуются охранять и не наносить вреда матеріальной части канала, учрежденіямъ, постройкамъ, работамъ на каналахъ морской и прѣсной воды. Такъ какъ морской каналъ долженъ оставаться открытымъ въ военное время, какъ свободный проходъ также и для судовъ воюющихъ сторонъ, то въ немъ и входныхъ къ нему портахъ, равно какъ и на пространствѣ трехъ миль (морскихъ) отъ этихъ гаваней *не должно дѣйствовать военное право*, не должны производиться никакія непріязненныя дѣйствія, особенно-же не должны имѣть мѣста никакія дѣйствія, могущія нанести вредъ свободному судоходству. Никакія военныя суда державъ не должны *останавливаться* въ каналѣ; это дозволяется имъ только въ гаваняхъ Портъ-Саидъ и Суэцъ, но не больше, какъ по два

отъ каждой державы и не долѣе 24 часовъ. Проходъ же ихъ черезъ каналъ долженъ совершаться въ возможно короткій срокъ. Между выходомъ одного военнаго судна изъ входныхъ гаваней и выходомъ другого, принадлежащаго противной сторонѣ, долженъ пройти промежутокъ времени въ 24 часа. Въ военное время воюющія стороны не могутъ высаживать или брать въ каналѣ и его входныхъ портахъ ни войскъ, ни снарядовъ, ни военныхъ матеріаловъ. Наблюденіе за приведеніемъ договора въ исполненіе возлагается на акредитованныхъ въ Египтѣ дипломатическихъ агентовъ договаривающихся сторонъ, которые должны, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, собираться для этого въ правильныя конференціи. Предложеніе Франціи учредить особую наблюдательную комиссію въ качествѣ постояннаго международнаго органа не было принято.

То же, вѣроятно, пройзойдетъ въ будущемъ и относительно Панамскаго канала, имѣющаго соединить Атлантику съ Тихимъ океаномъ и получить громадное всемірное значеніе для торговли и мореплаванія. Но пока о немъ не имѣется еще международнаго соглашенія и коллективной его гарантіи; впрочемъ, Соединенные Штаты и Англія (наиболѣе заинтересованные) заключили въ 1850 году конвенцію (Бульверъ-Клэйтонскую), въ которой обѣ державы заранѣе отказываются отъ всякихъ «особенныхъ правъ» на Панамскій каналъ и отъ попытокъ создать себѣ на немъ «привилегированное положеніе», объявляютъ каналъ путемъ морскихъ сообщеній «для блага всего человѣчества», и на «правахъ полнаго равенства для всѣхъ», а потому нейтральнымъ на случай войны между ними; оба государства обязуются «сообща защищать его безопасность и нейтралитетъ». Нынѣ эта конвенція отмѣнена. С. Штаты заключили съ республикой Панамой въ 1903 г., договоръ, который имъ предоставилъ верховенство надо всѣмъ каналомъ и надъ береговой полосою вдоль него, шириною въ 10—12 миль.

ГЛАВА III.

Положеніе частныхъ лицъ въ международной сферѣ*).

§ 1. **Значеніе подданства въ международныхъ отношеніяхъ.** Международное право, какъ высшая форма общенія людей, выработанная цивилизованными народами подъ вліяніемъ сознанія необходимости *правильныхъ*, т. е. упорядоченныхъ и строго. регулированныхъ взаимныхъ сношеній, основано въ сущности на всестороннемъ, точно выраженномъ или же предполагаемомъ *соглашеніи извѣстной группы государствъ, состоящихъ на одномъ приблизительно уровнѣ культуры* и поэтому *солидарныхъ* между собою, относительно примѣненія въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ одинаковыхъ или однородныхъ правовыхъ и культурныхъ нормъ. *Взаимность есть основаніе международнаго права* и правильныхъ международныхъ отношеній, какъ было уже сказано выше. Только подъ условіемъ взаимнаго соглашенія фактическія отношенія обращаются въ правильныя юридическія. Эта взаимность имѣетъ мѣсто и въ *отношеніяхъ государствъ къ ихъ подданнымъ въ международной сферѣ*. Самыя эти отношенія вытекаютъ *изъ признанія взаимной равноправности* госу-

*) Изъ курса пр.-доц. В. А. Уляницкаго, 1896—1897 гг.

дарствъ, ихъ независимости и изъ *потребности* правильнаго взаимнаго общенія. *Таково единственное юридическое основаніе правового положенія отдѣльнаго лица въ средѣ международной.* Въ настоящее время, по общему правилу, иностранцы пользуются тѣми же гражданскими правами, какія предоставлены собственнымъ подданнымъ государства. Иностранцу предоставляется государствомъ пользованіе гражданскими правами для того, чтобы по принципу взаимности его подданнымъ предоставлено было пользованіе такими-же правами въ отечествѣ этого иностранца, такъ какъ въ противномъ случаѣ не имѣло бы никакого разумнаго основанія уравненіе иностранцевъ, не несущихъ никакихъ обязанностей по отношенію къ государству, пользующихся всѣми благами государственной жизни и свободныхъ отъ многихъ тягостей ея (напр. воинской повинности) съ подданными, которые ради государственной охраны ихъ безопасности, гражданскихъ правъ и интересовъ несутъ различныя обязанности и жертвы относительно отечественнаго государства. *Въ области международнаго правового общенія юридическое положеніе лица обусловливается, такимъ образомъ, юридической принадлежностью его къ извѣстному государству на правахъ подданства ему.*

Каждое государство въ международныхъ отношеніяхъ пользуется суверенитетомъ территоріальнымъ и суверенитетомъ личнымъ въ отношеніяхъ къ своимъ подданнымъ. Первый заключается въ томъ, что государству, какъ было сказано выше, принадлежитъ исключительно верховенство и независимость въ предѣлахъ своей территоріи, что никакая другая государственная власть здѣсь недѣйствительна. *Независимость въ отношеніи населенія состоитъ въ правѣ государства на самостоятельное регулированіе своихъ юридическихъ отношеній къ лицамъ*, живущимъ въ его предѣлахъ, будутъ-ли это подданные или иностранцы. Относительно иностранцевъ эта независимость государства смягчается требованіями международнаго общенія, сознаніе необходимости котораго постепенно усиливалось въ международныхъ отношеніяхъ и въ настоящее время возведено въ принципъ. Но условія пріобрѣтенія и потери подданства опредѣляются самимъ государствомъ, потому что подданство предполагаетъ особыя политическія, юридическія и нравственныя связи государства съ лицомъ—подданнымъ. По общему правилу, *подданство возможно только одному государству* *). Поэтому переходъ въ подданство другого государства (натурализація, укорененіе), по общему правилу, влечетъ

*) Обязанности, возлагаемыя государствомъ на лицо вслѣдствіе подданническихъ отношеній во многихъ случаяхъ бываютъ такого рода, что исключаютъ всякую возможность служенія двумъ государствамъ, — напр. обязанности по отбыванію воинской повинности. Если-бъ даже допустить возможность для лица быть *de jure* подданнымъ двухъ государствъ, то *de facto* онъ можетъ нести обязанности только по отношенію къ одному,—къ тому, въ предѣлахъ и подъ властью котораго онъ въ данный моментъ пребываетъ, а отсюда возможность для него самыхъ непріятныхъ послѣдствій въ случаѣ, напр. войны. Впрочемъ, нѣкоторыя законодательства допускаютъ возможность двойного подданства.—Точно такъ-же недопустимо съ точки зрѣнія права и *безподданство*. При установившемся въ современномъ государствѣ принципѣ гражданской равноправности подданныхъ и иностранцевъ, безподданные, эти международна бродяги (vagabonds internationaux), по мѣткому опредѣленію Лорана, пользующіеся правами и свободные отъ обязанностей, налагаемыхъ подданствомъ, являлись-бы какимъ-то особымъ привиллегированнымъ сословіемъ въ государствѣ. Сверхъ того, въ настоящее время, когда во многихъ государствахъ (Франція, Италія, Бельгія, Голландія, Швеція, и др.) личный статутъ иностранца, т. е. его дѣеспособность, семейное наслѣдственное право,—опредѣляется въ междун. сферѣ его національнымъ закономъ, а не мѣстожительствомъ (domicile), явленіе безподданства или двуподданства особенно нежелательно въ интересахъ правового порядка въ общественныхъ отношеніяхъ.

потерю прежняго. Вопросъ о перемѣнѣ подданства извѣстному государству и объ утратѣ его относится къ области международнаго права, такъ какъ связанъ съ измѣненіями юридическаго положенія лица въ международной сферѣ.

Отношеніе подданства лица къ извѣстному государству обусловливается не однимъ только пребываніемъ этого лица въ предѣлахъ территоріи даннаго государства,—подданные и за границею пользуются защитою отечества и его заграничныхъ органовъ (консуловъ, дипломат. агентовъ) и въ извѣстныхъ отношеніяхъ подлежатъ дѣйствію отечественныхъ законовъ. Отношеніе это основано на извѣстныхъ *юридическихъ связяхъ* между подданнымъ и государствомъ, выражающихся цѣлымъ рядомъ специфическихъ взаимныхъ правъ и обязанностей ихъ. Въ виду признаваемой правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ необходимости международнаго общенія, выражающагося и въ признаніи за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ права на свободу передвиженія, *значеніе физической, территоріальной связи подданнаго съ государствомъ необходимо должно было умалиться въ наше время, а юридическій моментъ этой связи, наоборотъ,—усилиться* вмѣстѣ съ развитіемъ значенія личности гражданина, какъ дѣятельнаго фактора въ жизни государства.

Поэтому, первымъ будетъ подлежать нашему разсмотрѣнію вопросъ о юридическомъ значеніи переселеній подданныхъ одного государства въ другое въ области международныхъ отношеній, о томъ вліяніи, какое оказываетъ переселеніе на юридическое положеніе лица въ международной сферѣ. Необходимость правильнаго международнаго общенія и конкретныя жизненныя условія, вызывающія фактическія перемѣны въ составѣ населенія государства вслѣдствіе переселеній отдѣльныхъ его гражданъ, вызвали необходимость государственнаго и международнаго регулированія вопросовъ, касающихся этихъ переселеній, поскольку послѣднія влекутъ за собою измѣненіе подданническихъ отношеній переселенца.

Отсюда два рода вопросовъ: 1) о выселеніи изъ государства (эмиграція) и о переселеніи въ государство (иммиграція), и 2) объ условіяхъ, установляемыхъ государствомъ для затрудненія или же облегченія ихъ.

§ 2. **Эмиграція, отказъ отъ подданства и утрата его.** Разсматривая *эмиграцію, какъ выселеніе* подданнаго изъ отечества *безъ намѣренія возвратиться* въ него и разсматривая это явленіе въ жизни различныхъ народовъ съ исторической точки зрѣнія, можно констатировать фактъ, что какъ самая эмиграція, такъ и ограничительныя, вообще говоря, мѣры, принимавшіяся обыкновенно до самаго послѣдняго времени государствами въ видахъ противодѣйствія ей, вызывались и служили всегда *выраженіемъ внутреннихъ экономическихъ и политическихъ* условій и порядковъ государственной жизни европейскихъ народовъ. Экономическія условія, условія соціальнаго (религіознаго и культурнаго) и политическаго строя во всѣ времена вызывали въ тѣхъ или другихъ личностяхъ стремленіе искать лучшихъ, болѣе легкихъ или симпатичныхъ условій внѣ отечества; съ другой стороны, подъ вліяніемъ господствующихъ соціальныхъ и политическихъ взглядовъ, лежавшихъ въ основѣ всего государственнаго строя средневѣковыхъ государствъ и монархій дореволюціоннаго періода, какъ-то: фискальнаго взгляда на подданныхъ, значенія, которое придавалось количеству населенія, наконецъ, прикрѣпле-

нія населенія къ землѣ,—выработалась цѣлая система государственныхъ мѣръ относительно эмиграціи, направленныхъ къ принудительному закрѣпленію существующихъ между государствомъ и подданными отношеній въ формѣ ли совершеннаго воспрещенія выселеній, или же въ видѣ установленія крайне стѣснительныхъ для выселенцевъ условій (денежныхъ вычетовъ, какъ бы въ возмѣщеніе государству убытковъ отъ переселенія, gabella emigrationis, detractus personalis).

Новые взгляды на отношенія гражданина къ государству (въ особенности договорная теорія возникновенія государствъ) и на права человѣка, провозглашенные публицистикой и философіей XVIII в. и новыя экономическія теоріи (особенно Ад. Смита) разрушили старыя понятія, господствовавшія въ дореволюціонный періодъ. Какъ во многихъ другихъ вопросахъ, законодательство первой французской революціи и здѣсь прокладываетъ путь новымъ взглядамъ въ практическую жизнь. Французская конституція 1791 г. провозглашаетъ принципъ свободы переселеній. Враждебная Франціи дѣятельность эмигрантовъ временно парализуетъ примѣненіе этого принципа и даже вызываетъ опять поворотъ къ старымъ порядкамъ. Но въ новѣйшее время, когда правительственныя сферы и народное сознаніе вполнѣ освоились съ болѣе правильнымъ взглядомъ на задачи государства и отношеніе его къ подданнымъ, измѣнились и получили раціональную постановку и взгляды законодательства на эмиграцію. За исключеніемъ Россіи, всѣ современныя цивилизованныя государства признаютъ, что *право переселенія есть неотъемлемое право каждаго гражданина* и что *каждый гражданинъ свободенъ выйти изъ подданства.* Существующіе еще въ нѣкоторыхъ государствахъ пробѣлы и недомолвки восполняются международными договорами.

Впрочемъ, само собою разумѣется, что эмиграція съ обоюднаго соглашенія, такъ сказать, государства и подданнаго обставляется и въ наше время *извѣстными условіями, коренящимися въ ихъ взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ:* государство требуетъ отъ выселенца предварительнаго исполненія имъ лежащихъ на немъ относительно государства въ моментъ эмиграціи обязанностей. Такъ большинствомъ европейскихъ законодательствъ запрещается эмиграція гражданина, неотбывшаго воинской повинности; съ другой стороны, несоблюденіе выселяющимися постановленныхъ въ законѣ для свободнаго выселенія условій, признается дѣяніемъ преступнымъ. Нужно однако замѣтить, что даже *неразрѣшенная эмиграція* еще не влечетъ за собою неизбѣжно измѣненія подданническаго и гражданскаго положенія эмигранта: она можетъ имѣть послѣдствіемъ извѣстныя, невыгодныя для него послѣдствія (лишеніе извѣстныхъ правъ въ видѣ наказанія), *но не влечетъ сама по себѣ измѣненія подданнической связи.* Совершена ли она прямо *съ намѣреніемъ не возвратиться* въ отечество (cum animo non revertendi) или же лишь *безъ опредѣленнаго намѣренія вернуться* (sine animo revertendi), во всякомъ случаѣ, по общему правилу, самый *фактъ* эмиграціи до формальнаго перехода эмигранта въ другое подданство производитъ лишь временную *фактическую* пріостановку нормальныхъ подданническихъ отношеній и связей эмигранта съ его отечествомъ, и возстановленіе ихъ всегда считается во власти эмигранта, такъ какъ въ силу общепринятой практики всякое государство обязано принимать обратно своихъ подданныхъ. Поэтому, напр., хотя по Германскому закону 1870 года, 10-лѣтнее отсутствіе за границей влечетъ за собою утрату германскаго подданства

отсутствующимъ, но, если онъ не перешелъ въ это время въ чужое подданство, его подданническія отношенія *могутъ быть* возстановлены *даже безъ возвращенія* его на родину, въ силу простого заявленія его объ этомъ, а въ случаѣ его *возвращенія*, ему *не можетъ быть отказано* въ этомъ возстановленіи подданства.

Въ законодательной практикѣ отдѣльныхъ государствъ возможны, конечно, отступленія. Такъ, Россія не признаетъ своими подданными лицъ, выселившихся sine animo revertendi. Напр., *партія саратовскихъ колонистовъ въ* 1877—78 гг. переселилась въ Бразилію, желая избѣжать воинской повинности; но потомъ они рѣшили возвратиться. По дорогѣ они остановились въ Гамбургѣ, не имѣя средствъ ѣхать далѣе въ Россію. Возникъ вопросъ, кто долженъ помогать имъ возвратиться? Россія отказалась отъ помощи, ссылаясь на утрату ими русскаго подданства, вслѣдствіе того, что колонисты выѣхали изъ нея sine animo revertendi. Германское правительство также не считало себя обязаннымъ содержать ихъ на свой счетъ и доставило ихъ на русскую границу, послѣ чего они водворены были на старыхъ мѣстахъ.

Итакъ, *фактическій перерывъ нормальныхъ подданническихъ отношеній вслѣдствіе одного факта эмиграціи, самъ по себѣ не признается вообще достаточнымъ юридическимъ основаніемъ для прекращенія юридическихъ подданническихъ отношеній*. Кромѣ указанныхъ выше основаній здѣсь имѣютъ мѣсто и соображенія практической политики: въ международныхъ отношеніяхъ, говоритъ проф. Мартенсъ, не должно быть состоянія *безподданства*. Каждое лицо должно знать, какіе законы опредѣляютъ его юридическое положеніе и какое правительство обязано, при надобности, оказать ему помощь и покровительство. Съ другой стороны, необходимо устранить возможность пользоваться выгодами государственной жизни, не неся никакихъ обязанностей ни относительно страны, въ которой лицо живетъ, ни по отношенію къ своей родинѣ.

Фактъ эмиграціи получаетъ юридическое значеніе въ международной сферѣ *лишь въ связи* съ государственными постановленіями *объ утратѣ* правъ подданства, *объ исключеніи* изъ него или *отказѣ* отъ него. Подъ извѣстными, отечественнымъ законодательствомъ эмигранта предписанными условіями (паспортныя записки въ консульскія *матрикулы*, т. е. списки подданныхъ) онъ можетъ всю жизнь оставаться подданнымъ своего отечества, даже не бывая въ немъ, но за то, съ другой стороны, утрата подданства вслѣдствіе *отказа* отъ него *въ связи съ переходомъ* эмигранта въ чужое подданство имѣетъ своимъ *необходимымъ* юридическимъ *послѣдствіемъ удаленіе* изъ предѣловъ прежняго отечественнаго государства. Утрата подданства или отказъ отъ него, выражающійся въ выдѣленіи лица изъ юридическаго государственнаго организма и въ прекращеніи подданническихъ юридическихъ отношеній между ними, *необходимо сопровождается* предшествующимъ или послѣдующимъ выселеніемъ такого лица изъ предѣловъ отечественнаго государства. Такъ, германское законодательство, во избѣжаніе фиктивнаго увольненія изъ подданства, предписываетъ, чтобы получившій увольненіе отъ германскаго подданства гражданинъ обязательно выселился изъ Германіи въ 6-ти мѣсячный срокъ. *Выходъ изъ подданства безъ эмиграціи, но съ принятіемъ* подданства другого государства возможенъ лишь (для женъ и дѣтей) въ случаѣ возстановленія подданства или измѣненія его въ связи съ брачнымъ и семейнымъ положеніемъ, или же при перемѣнѣ

территоріальной государственной власти вслѣдствіе перехода территоріи къ другому государству.

Кромѣ *отказа* (добровольнаго отъ подданства государству), возможна *утрата* его (невольная). *Невольная утрата подданства* наступаетъ, *въ силу закона*, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) какъ послѣдствіе *семейнаго положенія*: жена при бракѣ переходитъ въ подданство государству, которому принадлежитъ ея мужъ (Св. Зак. IX, 1028); дѣти малолѣтнія слѣдуютъ подданству отца *). 2) Въ видѣ *наказанія*: при вступленіи лица на иностранную государственную (особенно военную) *службу* безъ согласія отечественнаго правительства (Германія, Италія, Франція, Венгрія и др.). Юридическая связь между подданнымъ и государствомъ выражается въ извѣстныхъ обоюдныхъ обязанностяхъ (напр.—защита отечества). Нарушеніе этихъ обязанностей само по себѣ признается достаточнымъ для разрыва отношеній подданства, а поступленіе на службу другого государства будетъ нарушеніемъ упомянутыхъ обязанностей. Впрочемъ нужно замѣтить, что вступленіе на иностранную государственную службу въ огромномъ большинствѣ случаевъ *обусловливается* натурализаціей, а въ Германіи, напр., ipso facto влечетъ ее за собой. 3) Вслѣдствіе *эмиграціи* sans esprit de retour (Франція до 1889 г., Австрія, Бельгія) или *пребыванія внѣ отечества въ теченіе свыше указаннаго отечественнымъ законодательствомъ срока* (обыкновенно—10 лѣтъ) лицо также утрачиваетъ подданство (Германія **), Венгрія); по австрійскому закону доказательствомъ эмиграціи признается переходъ въ другое подданство. Признаніе указанныхъ условій выѣзда изъ отечества условіемъ утраты подданства, *независимо* отъ пріобрѣтенія новаго, неизбѣжно должно вести къ случаямъ безподданства, къ неопредѣленности правъ и обязанностей лица въ международномъ оборотѣ ***). 4) Тоже явленіе имѣетъ мѣсто и въ случаѣ *перехода лица въ чужое подданство*. Совмѣщеніе подданства двумъ государствамъ невозможно. Современное международное право ставитъ необходимымъ условіемъ правомѣрнаго добровольнаго выхода изъ подданства переходъ въ новое подданство: добровольная и полная натурализація дѣеспособнаго (по законамъ его отечества) лица въ иностр. государствѣ, ео ipso влечетъ за собою утрату его прежняго подданства, а первоначальное подданство ни въ какомъ случаѣ *не утрачивается* до пріобрѣтенія новаго. Принципъ этотъ провозглашенъ былъ впервые французскою конституціею 1791 г., и усвоенъ былъ затѣмъ большинствомъ законодательствъ (онъ не принятъ въ Германіи и Россіи). Только при этомъ условіи возможно предупрежденіе появленія двуподданства****). Условія натурализаціи, влекущей за собою утрату подданства

---

*) По русск. законамъ (Св. Зак. IX, 1015) натурализація не распространяется на дѣтей, рожденныхъ до натурализаціи отца или матери-вдовы.

**) Какъ мы уже замѣтили выше, германсвій законъ 1870 г. устанавляетъ въ этомъ случаѣ собственно не безповоротную потерю подданства, а только предположеніе объ ней, которое всегда можетъ быть устранено опровергающимъ его заявленіемъ заинтересованнаго лица.

***) Относительно 2-го и 3-го условій нужно однако замѣтить, что въ новѣйшихъ законодательствахъ о подданствѣ замѣчается похвальная тенденція къ сокращенію числа условій, влекущихъ за собою утрату подданства безъ пріобрѣтенія новаго. Такъ французскій законъ 1889 г. въ видахъ предупрежденія безподданства отмѣнилъ одно изъ условій прекращенія подданства.—выселеніе sans esprit de retour.

****) Нѣкоторыя законодательства (Германское, Австрійское, С. Штатовъ) сохраняютъ подданство за гражданами, натурализованными въ другихъ государствахъ и так. обр. открываютъ возможность совмѣщенія различныхъ подданствъ.

по французскому законодательству: чтобы она была полная, добровольная, чтобы лицо было юридически дѣеспособнымъ и чтобы натурализація не была совершена in fraudem legis, напр., для уклоненія отъ воинской повинности *), для полученія развода за границей и т. п. Въ новѣйшее время заключено значительное число международныхъ трактатовъ (между прочимъ въ 1894 г. конвенція между Россіею и Германіею), коими договаривающіяся стороны обязуются принимать къ себѣ тѣхъ изъ бывшихъ своихъ подданныхъ, которые, утративъ свое первоначальное подданство, не пріобрѣли новаго **). Какъ выходъ изъ подданства, такъ и *утрата* (невольная) подданства не должны быть признаваемы до перехода лица въ другое подданство ***). 5) *Переходъ государственной территоріи* подъ власть другого государства, вслѣдствіе завоеванія или уступки, для оставшагося въ предѣлахъ ея населенія, влечетъ утрату прежняго подданства. Такой утратѣ не подвергаются лица, которыя воспользуются предоставляемымъ въ такихъ случаяхъ, для всѣхъ желающихъ, правомъ оптированія (jus optionis) въ пользу сохраненія подданства отечественному государству. Однако, въ такомъ случаѣ, эти лица должны выселиться изъ перешедшей во власть другого государства области.

Русское законодательство. Ст. 325 Улож. о Наказ. гласитъ: «кто, отлучаясь изъ отечества, войдетъ въ иностранную службу безъ позволенія правительства, или вступить въ подданство иностранной державы, то за сіе нарушеніе вѣрноподданническаго долга и присяги подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изъ предѣловъ отечества изгнанію, или, въ случаѣ самовольнаго потомъ возвращенія въ Россію, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе». Вслѣдствіе неудачной редакціи этой статьи, казалось-бы, что наше законодательство не допускаетъ выхода изъ русскаго подданства и признаетъ безусловно преступнымъ вступленіе въ чужое подданство. Въ дѣйствительности однако это не совсѣмъ такъ. Если принять во вниманіе, что 325 ст. помѣщена въ IV раздѣлѣ въ главѣ VII, озаглавленной: «*о недозволенномъ* оставленіи отечества», то изъ этого ясно, что всѣ статьи этой главы устанавливаютъ наказуемость предусматриваемыхъ ими дѣяній лишь подъ условіемъ совершенія ихъ *безъ дозволенія.* Въ этомъ же смыслѣ разъяснена эта статья и Кас. Деп. Правит. Сената. Такимъ образомъ, ст. 325 Улож. о Нак. установляетъ наказуемость только *недозволеннаго* выхода изъ русскаго подданства, а въ учрежденіи Комитета министровъ (ст. 32, прим. 2) намѣченъ и самый порядокъ испрошенія дозволенія и на выходъ изъ подданства. По изд. 1886 г. прошеніе о томъ подается министру внутр. дѣлъ, который пред-

---

*) Уклоненіе отъ воинской повинности признается преступленіемъ, наказуемымъ уголовнымъ закономъ. Наказанію за него можетъ быть подвергнуто въ случаѣ возвращенія на родину и лицо, вышедшее съ этою цѣлью изъ подданства. По Итальянскому закону утрата подданства не освобождаетъ отъ обязанности военной службы. По французскому закону натурализація за-границей француза, подлежащаго воинской повинности влечетъ за собой утрату французскаго подданства въ томъ только случаѣ, если она была разрѣшена французскимъ правительствомъ.

**) По германскому военному закону 1874 г. даже *уволенный* изъ германск. подданства, но не пріобрѣвшій новаго, по возвращеніи въ отечество разсматривается, какъ германскій подданный.

***) По справедливому замѣчанію Коркунова не должно быть собственно *выхода* изъ подданства, а непремѣнно *переходъ*; нельзя допускать *утраты* или *оставленія* подданства, а только *перемѣну*. Вмѣсто увольненія изъ подданства слѣдовало бы установить только дозволеніе на переходъ въ иностранное подданство и прекращеніе подданства связать съ укорененіемъ въ иностранномъ государствѣ.

ставляетъ его чрезъ Комитетъ министровъ на Высочайшее разрѣшеніе; а по изд. 1892 г. «Министру внутреннихъ дѣлъ, при представленіяхъ въ Комитетъ министровъ объ увольненіи изъ подданства Россіи, предоставлено, присовокуплять удостовѣреніе, что къ испрашиваемому увольненію не встрѣчается препятствій по уставу о воинской повинности». На основаніи послѣдней редакціи можно бы было предположить, что рѣшеніе вопроса зависитъ отъ Комитета министровъ, но такъ какъ по ст. 59 Учр. Ком. Мин. «никакое заключеніе Комитета не приводится въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока оно не разсмотрѣно Государемъ Императоромъ и не удостоено Высочайшаго утвержденія», то въ сущности выходъ изъ подданства возможенъ лишь съ Высочайшаго разрѣшенія. Затѣмъ въ силу ст. 3 Уст. о Воинск. Пов., увольненіе лицъ мужского пола, имѣющихъ отъ роду болѣе 15 лѣтъ допускается «лишь по совершенномъ отбытіи ими воинской повинности или же по вынутіи жеребья, освобождающаго ихъ отъ военной службы». Наконецъ, лицамъ, оставившимъ подданство Россіи и выѣхавшимъ изъ ея предѣловъ, воспрещенъ обратный пріѣздъ въ качествѣ иностранныхъ подданныхъ до истеченія пятилѣтняго срока со дня выѣзда ихъ за границу.—Вопросъ о вліяніи увольненія изъ русскаго подданства на семью уволеннаго совершенно не затронутъ нашимъ законодательствомъ. Сверхъ того, наше законодательство объ утратѣ подданства не удовлетворяетъ основного требованія современнаго права, что, опредѣляя порядокъ оставленія подданства, государство и въ своихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ международнаго союза должно стремиться къ тому, чтобы его подданные, эмигрирующіе изъ отечества, не оказались въ положеніи двуподданныхъ или безподданныхъ.

Всѣ подобные виды утраты подданства вступаютъ въ полную силу и дѣйствіе лишь въ международной сферѣ, внѣ предѣловъ отечественнаго государства; поэтому устанавливающіе ихъ національные законы и распоряженія, для того, чтобы быть дѣйствительными, должны быть осуществимы въ международной сферѣ, безусловное значеніе и силу они имѣютъ лишь въ томъ случаѣ, когда не затрогиваютъ свободу воли другого государства. Поэтому, а также въ виду указанныхъ уже соображеній: 1) что въ международной жизни всякое лицо предполагается находящимся въ подданствѣ извѣстному государству, 2) что утрата подданства получаетъ въ международной сферѣ дѣйствительное значеніе лишь въ моментъ принятія лицомъ новаго подданства, 3) что никакое государство не обязано принимать у себя подданныхъ чужого государства, недобровольно въ него переселяющихся,—въ виду этихъ соображеній, а также основного принципа современныхъ междун. отношеній—суверенитета государствъ, *обязанность государства принимать своихъ подданныхъ должна быть признана безусловно въ международной сферѣ*, а съ другой стороны, юридическая сила экспатріаціи обусловливается принятіемъ исключеннаго изъ подданства лица въ число гражданъ другого подданства. Хотя нѣкоторыя государства и признаютъ возможность для своихъ гражданъ утраты ихъ подданства или исключенія изъ него, однако, нельзя навязывать другому государству обязанности принимать у себя такихъ, лишенныхъ правъ отечественнаго гражданства лицъ. (Поэтому же всѣ почти современныя цивилизованныя государства отказались отъ практиковавшагося въ старыя времена *изгнанія* своихъ подданныхъ, какъ политической карательной мѣры).

§ **3. Иммиграція и натурализація.** Эмиграціи и выходу изъ поддан-

ства соотвѣтствуетъ въ обратномъ порядкѣ иммиграція и принятіе подданства (натурализація). Подобно тому, какъ эмиграція не соотвѣтствуетъ простому выбытію изъ отечества, а предполагаетъ намѣреніе не возвращаться въ него, такъ и понятіе иммиграціи не тождественно съ пребываніемъ въ предѣлахъ неотечественнаго государства. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, моментомъ, опредѣляющимъ юридическій характеръ пребыванія лица въ чужомъ государствѣ, является прежде всего личная воля, *намѣреніе* лица (его animus). Лицо вступаетъ въ государство либо *фактически*, становясь вслѣдствіе этого въ подчиненіе лишь территоріальному верховенству государства на положеніи иностранца, либо оно вступаетъ въ *органическую связь* съ нимъ всѣмъ своимъ юридическимъ существомъ, становится органическимъ членомъ государства и подчиняется въ своемъ правовомъ положеніи всему политическому и юридическому строю и порядку этого государства.

Въ исторіи случаи иммиграціи мы видимъ съ давнихъ временъ, но случаи принятія иммигрантовъ въ число гражданъ государства являются лишь какъ рѣдкія исключенія: государства подъ вліяніемъ меркантильной политики охотно принимали богатыхъ иммигрантовъ или такихъ, которые могли оказать пользу государственной промышленности, а государства военныя—людей, способныхъ къ военной службѣ, но такое допущеніе и даже поощреніе иммиграціи не отождествлялось съ предоставленіемъ иммигрантамъ правъ гражданства (служилые иноземцы Московскаго государства). Иммигрантъ лишь сливался съ массой столь же безправнаго, какъ и онъ, населенія. Даже особаго юридическаго акта принятія иммигранта въ составъ государства не требовалось въ эту эпоху господствующаго феодальнаго принципа территоріальной власти (jus soli),—вслѣдствіе территоріальнаго принципа власти, верховныя права территоріальнаго господина распространялись безраздѣльно и на территорію, и на ея населеніе, какъ туземное, такъ и пришлое (подъ условіемъ лишь разрѣшенія на поселеніе). По мѣрѣ усиленія государственнаго монархическаго принципа и образованія сплоченныхъ государственныхъ организмовъ, мы видимъ зародыши юридическаго опредѣленія отношеній иммигранта къ представителю и главѣ государства (а, слѣдовательно, и къ государству). Таковы старыя французскія lettres de naturalité или lettres de déclaration de naturalité. Въ Россіи пріѣзжавшіе по вызову правительства переселенцы должны были приносить присягу въ подданствѣ, но за то получали особыя привилегіи въ видѣ льготъ отъ податей и разнаго рода повинностей и т. д. Но и здѣсь еще нельзя признать актовъ правильнаго, юридически организованнаго въ государственномъ и международномъ смыслѣ *перехода* отдѣльныхъ лицъ изъ одного подданства въ другое въ международной сферѣ. Для того, чтобы натурализація могла получить указанный нами смыслъ и характеръ, необходимо было, чтобы общія понятія права гражданства и подданства, т.-е. не только фактической, но и юридической принадлежности извѣстнаго лица къ извѣстному государству, вполнѣ выработались въ жизни и сознаніи всѣхъ государствъ международнаго союза; это было необходимо уже въ виду указанной нами тѣсной связи между институтомъ натурализаціи и вопросомъ о подданствѣ. Дѣйствительно, лишь по мѣрѣ вымиранія феодальныхъ и вотчинныхъ принциповъ территоріальной власти, коммунальнаго и провинціальнаго строя общественной и государственной организаціи, идея гражданства и подданства по-

степенно развивается и переходитъ отъ узкой идеи территоріально-вотчиннаго подчиненія общиннаго или провинціальнаго гражданства къ высшему типу, основы которому положены французской революціей,—къ типу, отвѣчающему взглядамъ и потребностямъ современной государственной и международной жизни. Со второй половины нынѣшняго вѣка мы уже находимъ въ законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ цѣлый рядъ законоположеній, на основаніи которыхъ въ большинствѣ государствъ международнаго союза регулируется *юридическій* переходъ изъ одного подданства въ другое.

Вопросъ натурализаціи, какъ и подданства, есть вопросъ преимущественно внутренняго государственнаго и административнаго права; международнаго же права онъ касается постольку, поскольку вліяетъ на юридическое положеніе лица въ международной сферѣ. Натурализація иностранцевъ допускается подъ извѣстными, конечно, условіями, всѣми современными государствами. Такъ какъ отношеніе подданства сопряжено съ извѣстными взаимными правами и обязанностями государства и его подданнаго, то отсюда очевидно, что *для установленія* такого отношенія необходимымъ условіемъ является *взаимное соглашеніе сторонъ*. Подобно тому, какъ государство не имѣетъ права принуждать пребывающаго на его территоріи иностранца вступить въ подданническія къ себѣ отношенія, точно также иностранецъ не имѣетъ права требовать отъ государства, въ которомъ онъ пребываетъ, чтобы оно приняло его въ число своихъ подданныхъ. Можно указать лишь весьма немного случаевъ, когда, въ силу принятой законодательной практики, пріобрѣтеніе подданства происходитъ *помимо непосредственной воли сторонъ*, преимущественно въ силу общепринятыхъ принциповъ семейнаго права. Такъ женщина, при *вступленіи въ бракъ*, переходитъ въ подданство государству, которому принадлежитъ мужъ. (Но измѣненіе имъ подданства послѣ брака не вліяетъ необходимо на подданство жены). Несовершеннолѣтнія *дѣти* слѣдуютъ подданству родителей: рожденныя въ законномъ бракѣ—подданству отца, въ незаконномъ—матери. То же правило распространяется на усыновленныхъ. Впрочемъ, какъ-бы въ видѣ поправки, нѣкоторыя законодательства допускаютъ возвращеніе въ прежнее подданство, напримѣръ, вдовы, утратившей его вслѣдствіе брака съ иностранцемъ, въ случаѣ возвращенія ея на родину. Такое правило имѣетъ мѣсто въ законодательствѣ Россіи, Франціи, Голландіи. Допускается также возвращеніе въ прежнее подданство достигшихъ совершеннолѣтія дѣтей лица, перемѣнившаго подданство во время ихъ малолѣтства (Франція) и т. п.

Какъ уже было замѣчено, государство не можетъ быть обязано принять въ составъ своихъ подданныхъ иностранца, вслѣдствіе лишь заявленнаго послѣднимъ желанія вступить въ подданство ему,—такъ какъ съ переходомъ въ подданство иностранецъ пріобрѣтаетъ *право* на *пребываніе* въ государствѣ и на его *защиту*, то государство вольно принять его или отказать въ пріемѣ, какъ это принято въ законодательствѣ Германіи, Австріи, Венгріи и Россіи. Тѣмъ не менѣе, возможны и ограниченія этого права государства, прежде всего въ силу его же собственнаго законодательства или *самоограниченія воли*. Такъ во французскомъ и англійскомъ законодательствахъ донынѣ признается принципъ jus soli въ томъ смыслѣ, что за всякимъ ребенкомъ, рожденнымъ на французской или англійской территоріи (или кораблѣ), признается *право* на французское

или англійское подданство по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Или ребенку, отецъ котораго перемѣнилъ подданство, предоставляется, иногда, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, возвратиться въ подданство отечественнаго государства. Далѣе, на основаніи субъективнаго права, иностранецъ можетъ требовать принятія въ подданство государства вслѣдствіе порученной *ему должности на государственной* или военной *службѣ*, какъ это узаконено во Франціи и Германіи, или же на основаніи долговременнаго (въ теченіе указаннаго закономъ срока) пребыванія въ государствѣ. Это послѣднее условіе субъективнаго права на натурализацію, впрочемъ, выходитъ изъ употребленія въ новѣйшихъ европейскихъ законодательствахъ. Наконецъ, государство обязано признавать подданныхъ себѣ *населеніе пріобрѣтенной* имъ мирнымъ или военнымъ путемъ *территоріи*, т.-е. всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя по рожденію или пребыванію въ этой территоріи, находились до присоединенія ея въ подданническихъ отношеніяхъ къ уступившему ее государству. Съ другой стороны, и населеніе такой территоріи переходитъ de jure въ подданство пріобрѣтающаго государства, за исключеніемъ лицъ, воспользовавшихся правомъ выбора подданства (option) для того, чтобы сохранить старое подданство съ обязательствомъ, впрочемъ, выселиться изъ уступленной его отечественнымъ государствомъ территоріи.

Если въ указанныхъ случаяхъ натурализація въ смыслѣ принятія иностранца въ составъ государственныхъ подданныхъ является какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшаго юридическаго положенія иностранца, за то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ оно обставляется различными, опредѣленными законодательствомъ принимающаго государства, условіями. Большинство европейскихъ законодательствъ ставятъ пріемъ иностранца въ подданство государства *въ зависимость отъ слѣдующихъ условій*:

1) отъ *личнаго* юридическаго, соціальнаго и экономическаго *положенія* иностранца: отъ его возраста и юридической дѣеспособности, отъ его экономической самостоятельности (т.-е. возможности содержать себя на собственныя средства своимъ трудомъ), отъ его юридической и нравственной безупречности (судебной неопороченности) и т. п.

2) отъ *пребыванія или переселенія*, или же *хозяйственнаго обзаведенія* (établissement) въ предѣлахъ принимающаго государства въ теченіе извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго, законами его опредѣленнаго времени. Это условіе встрѣчается въ большинствѣ законодательствъ (Франціи, Англіи, Бельгіи, Италіи, Россіи), различающихся лишь сроками. Иногда самое поселеніе съ цѣлью послѣдующей натурализаціи обусловливается предварительнымъ разрѣшеніемъ властей (въ Россіи и Франціи),—въ такомъ случаѣ теченіе назначеннаго для натурализаціи срока поселенія считается лишь со времени офиціальнаго разрѣшенія такого поселенія. Эти сроки по общепринятой практикѣ могутъ быть сокращаемы въ уважительныхъ случаяхъ. Германія и Австрія не опредѣляютъ срока обязательнаго поселенія натурализуемаго.

3) Пріемъ иностранца въ подданство ставится въ зависимость отъ государственныхъ *отношеній иммигранта къ его отечественному государству*. Это условіе встрѣчается сравнительно рѣже въ законодательной практикѣ. Лишь немногія законодательства, (напримѣръ, Швейцарское и Венгерское) и немногіе международные трактаты требуютъ, для разрѣшенія иностранцу натурализаціи, документальнаго свидѣтельства объ увольненіи его изъ подданства отечественному государству или объ отбы-

тіи имъ воинской повинности въ своемъ отечествѣ. Въ Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи это условіе не требуется. Германія, хотя и выдаетъ увольнительныя свидѣтельства своимъ эмигрирующимъ подданнымъ, но отъ иммигрирующихъ иностранцевъ требуетъ ихъ, подобно Австріи въ томъ только случаѣ, когда имѣетъ съ ихъ отечествомъ картель о дезертирахъ (т. е. договоръ о непринятіи дезертировъ). Между Австріей и Германіей существуетъ зато взаимное соглашеніе о непріемѣ въ подданство обоюдныхъ неуволенныхъ подданныхъ. Наконецъ, Англія, Швеція, Испанія не признаютъ свою натурализацію дѣйствительной по отношенію къ прежнему отечеству натурализованнаго, если по его законамъ она не признается дѣйствительной; напр., русскій подданный, натурализованный въ Англіи безъ разрѣшенія со стороны Россіи на такую натурализацію, не пользуется защитой англійскихъ законовъ, если онъ возвратится на жительство въ Россію.

4) Наконецъ, принятіе въ подданство зависитъ отъ соблюденія со стороны натурализуемаго извѣстныхъ *формальностей, символически закрѣпляющихъ юридическое отношеніе* новаго подданства: принесенія присяги на подданство (въ Россіи, Италіи, Австріи, Франціи и Англіи), или принятія документа о натурализаціи (въ Германіи и Бельгіи), или отреченія отъ прежняго подданства (въ С. Штатахъ) и т. п.

Лишь вслучаѣ удовлетворенія иммигрантомъ требуемыхъ законодательствомъ принимающаго государства условій, онъ формально принимается въ подданство *компетентными государственными органами.* Въ этомъ отношеніи въ государственной практикѣ существуетъ *три системы:* а) производство по вопросамъ о принятіи въ подданство предоставляется исключительной *компетенціи исполнительной власти;* этотъ порядокъ принятъ въ Россіи, Германіи, Австро-Венгріи и Франціи; б) или натурализація совершается *законодательнымъ порядкомъ* для каждаго отдѣльнаго лица,—въ Бельгіи, Голландіи и Румыніи; в) или, наконецъ, право натурализаціи принадлежитъ *законодательной и исполнительной власти сообща.* Въ пользу второй и третьей системы приводится то соображеніе, что вступленіе иностранца въ число членовъ государства возможно лишь съ согласія организованнаго представительства этого государства, т. е. народнаго представительства.

Обращаясь къ *юридическимъ послѣдствіямъ натурализаціи* и къ установляемымъ ею юридическимъ отношеніямъ между натурализованнымъ и принявшимъ его государствомъ, нужно замѣтить, что натурализація не всегда имѣетъ *непосредственнымъ* послѣдствіемъ уравненіе натурализованнаго съ природными гражданами государства, т. е. гражданами, пользующимися всѣми политическими и гражданскими правами, установленными для нихъ отечественнымъ законодательствомъ. Въ этомъ отношеніи въ современныхъ европейскихъ законодательствахъ мы видимъ *три системы:*

1) Вслѣдствіе натурализаціи натурализованный пріобрѣтаетъ ipso jure *полную равноправность* съ природными гражданами государствъ. Эта система практикуется въ Германіи, Австріи, Франціи и Россіи.

2) Вступленіе натурализованнаго *въ гражданскую полноправность совершается постепенно,* въ зависимости отъ особыхъ условій. Напр., въ С. Штатахъ натурализованный пріобрѣтаетъ политическія права только по истеченіи извѣстнаго времени, въ продолженіи котораго лицо пребываетъ въ званіи гражданина. Подобное правило тамъ имѣетъ дѣйствіе и по отношенію къ природнымъ гражданамъ: требуется пребываніе

въ теченіе 7 лѣтъ въ предѣлахъ Штатовъ для того, чтобы лицо могло быть избрано въ депутаты совѣта для избранія въ сенаторы, и никогда натурализованный не можетъ быть избранъ въ президенты.

3) *Натурализація совершается постепенно*, въ видѣ цѣлаго ряда актовъ, постепенно расширяющихъ правоспособность натурализованнаго и завершающихся предоставленіемъ ему гражданскаго полноправія и равноправности съ природными гражданами. Такая постепенность натурализаціи практикуется въ Англіи, Бельгіи, Италіи и Даніи (2 степени), Испаніи (4 степени). Въ Англіи различается натурализація въ силу особаго парламентскаго акта, при которой натурализованный получаетъ всю полноту политической правоспособности: право назначенія въ палату лордовъ, въ тайный совѣтъ, въ высшія придворныя должности,—отъ натурализаціи административнымъ путемъ, на основаніи закона о натурализаціи 1870 г. (Сверхъ того особое положеніе, среднее между положеніемъ иностранца и натурализованнаго, даетъ денизація (denization); она не сообщаетъ политическихъ правъ и не обусловливается выходомъ изъ отечественнаго подданства). Въ Бельгіи и Италіи различается полная (большая) и малая (ординарная) натурализаціи; только первая сообщаетъ натурализованному всѣ политическія и гражданскія права природнаго подданнаго. Она дается за особенныя заслуги. Тѣ же двѣ степени съ тѣмиже послѣдствіями существовали и во Франціи до 1867 г.

Натурализація въ Россіи опредѣлена *закономъ* 1864 г. (Св. Зак. IX, 1010—1031), значительно затруднившимъ натурализацію иностранцевъ въ Россіи *). Натурализація имѣетъ личный характеръ (какъ во Франціи, Бельгіи) съ тѣмъ лишь изъятіемъ, что она распространяется сама собою и на жену натурализуемаго; дѣти же его, рожденныя до натурализаціи, могутъ быть приняты въ русское подданство только по собственному ихъ желанію по достиженіи ими совершеннолѣтія. Главное условіе для натурализаціи въ русскомъ подданствѣ—*предварительное пятилѣтнее водвореніе* въ Россіи съ вѣдома и разрѣшенія губернатора причемъ срокъ водворенія считается только со времени полученія водворительнаго свидѣтельства. Самое продолжительное пребываніе въ Россіи, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, безъ полученія водворительнаго свидѣтельства отъ мѣстнаго губернатора,не даетъ права на укорененіе.Безусловно не допускается натурализація замужнихъ женщинъ отдѣльно отъ мужей (Св. Зак. IX ст. 1014). По истеченіи пятилѣтняго срока водворенія, иностранцу

*) Наше законодательство объ условіяхъ подданства до изданія закона 1864 г. руководствовалось господствовавшимъ въ прежнія времена взглядомъ на всякое увеличеніе количества населенія, какъ на безусловную выгоду для государства. Поэтому, для полученія иностранцемъ русскаго подданства законъ не ставилъ никакихъ ограничительныхъ условій: не требовалось ни матеріальной обезпеченности и судебной неопороченности, ни опредѣленной продолжительности пребыванія въ Россіи. Вступленіе въ подданство совершалось принятіемъ присяги, къ которой иностранцы приводилась властью губернскаго правленія. Распространеніе или нераспространеніе натурализаціи на дѣтей зависѣло отъ усмотрѣнія натурализуемаго. Сверхъ того, натурализуемые пользовались особыми преимуществами сравнительно съ коренными подданными: имъ однимъ предоставлялось право свободнаго выхода изъ русскаго подданства, а Уставъ о податяхъ предоставлялъ имъ свободу отъ платежа подушной въ теченіе двухъ лѣтъ. Законъ 10 февр. 1864 г. составляетъ первый шагъ къ нѣкоторому ограниченію свободы доступа въ русское подданство. Ограниченіе это явилось логическимъ слѣдствіемъ реформъ того времени: освобожденіе крестьянъ, судебная и земская реформы доставили всѣмъ русскимъ гражданамъ извѣстныя публичныя права, а вслѣдствіе этого явилась необходимость болѣе разборчиваго отношенія къ натурализуемымъ въ Россіи иностранцамъ.

предоставляется право подать министру внутреннихъ дѣлъ просьбу о натурализаціи, причемъ онъ долженъ представить удостовѣреніе о водвореніи и свидѣтельство объ образѣ жизни. Въ просьбѣ можетъ быть отказано безъ объясненія причинъ. Пятилѣтній *срокъ* *словъ пребыванія сокращается или* совершенно *не требуется* въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) для лицъ, въ какомъ-либо отношеніи полезныхъ или оказавшихъ Россіи особенныя заслуги; 2) для совершеннолѣтнихъ дѣтей натурализующихся въ Россіи иностранцевъ и для иностранцевъ, родившихся и воспитанныхъ въ Россіи *) или хотя и родившихся за-границей, но получившихъ образованіе въ русскихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: они имѣютъ право быть допущенными губернскимъ правленіемъ къ принесенію присяги на подданство въ теченіе года по достиженіи совершеннолѣтія **); 3) всегда могутъ быть приняты въ русское подданство иностранцы, состоящіе на русской государственной службѣ, и 4) русскія подданныя, бывшія въ замужествѣ за иностранцами (и ихъ дѣти по достиженіи совершеннолѣтія) могутъ, по расторженіи брака или овдовѣвъ, вернуться въ русское подданство; онѣ обязательно принимаются безъ всякихъ формальностей и условій, установленныхъ для натурализаціи иностранцевъ (Св. Зак. IX, 1026). Во всѣхъ другихъ случаяхъ присяга составляетъ необходимое условіе для дѣйствительности натурализаціи. Натурализованный въ Россіи иностранецъ получаетъ всѣ гражданскія и политическія права и обязанности природнаго русскаго подданнаго (IX, 1030) ***). О прекращеніи прежняго подданства нашъ законъ ничего не говоритъ. Если иностранецъ, испрашивающій натурализацію, подданный государства, съ которымъ Россія имѣетъ конвенцію объ исполненіи взаимными подданными воинской повинности, то онъ обязанъ представить удостовѣреніе отъ надлежащаго начальства, что повинность эта имъ отбыта или что онъ отъ нея свободенъ. Иностранцы, не пользующіеся правами привилегированныхъ сословій (дворянства, почетнаго гражданства, купечества) по укорененіи обязаны приписаться къ сельскому или городскому обществу ****).

---

*) Относительно дѣтей, рожденныхъ отъ русской подданной въ иностранномъ государствѣ не имѣется никакихъ указаній.

**) Слѣд. по мииованіи призывного возраста.

***) Закономъ 1864 г. прекращено право, предоставлявшееся прежде натурализованнымъ оставлять русское подданство. (Св. Зак. XIV, уст. пасп. 486).

****) Наше законодательство опредѣляетъ только порядокъ вступленія въ подданство иностранцевъ и вовсе не касается условій возможнаго установленія подданства рожденіемъ и узаконеніемъ. Между тѣмъ съ изданіемъ закона 1891 г. о правѣ узаконенія, дѣтей, прижитыхъ до брака ихъ родителей, вопросъ о возможномъ (вслѣдствіе опредѣленія подданства дѣтей по подданству родителей) вліяніи узаконенія на измѣненіе подданства узаконяемыхъ дѣтей можетъ, по справедливому замѣчанію Коркунова, вызвать немало затрудненій. Такъ какъ въ законѣ 1891 г. нѣтъ никакихъ оговорокъ относительно мѣста рожденія узаконяемыхъ и относительно добрачной національности ихъ матери, то слѣдуетъ признать за русскими подданными право узаконить своихъ дѣтей, прижитыхъ до брака съ ихъ матерью, хотя бы внѣ Россіи и хотя бы отъ иностранной подданной. А если такъ, то узаконеніе оказывается однимъ изъ способовъ сообщенія русскаго подданства иностранцамъ.—Но кромѣ того является и еще болѣе затруднительный вопросъ: могутъ ли, основываясь на законѣ 1891 г. иностранцы узаконить своихъ прижитыхъ въ Россіи и отъ русской подданной дѣтей, и тѣмъ самымъ переводить ихъ въ иностранное подданство? Этотъ вопросъ возникъ уже въ нашей судебной практикѣ и московскимъ окружнымъ судомъ и судебною палатою рѣшенъ былъ отрицательно, но рѣшеніе это сенатъ призналъ неправильнымъ, ссылаясь на то, что по 995 ст. IX т. иностранцы, находясь въ Россіи, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ, подлежатъ дѣйствію русскихъ законовъ, а слѣд. и законъ 1891 г. распространяется и на иностранцевъ. (Критику этого рѣшенія Сената см. въ ст. Коркунова въ Ж. Мин. Юст. 1895 г. № 10 стр. 82 сл.).

Разрѣшеніе вопросовъ, возникающихъ изъ перемѣны гражданиномъ подданническихъ отношеній къ своему отечеству не рѣдко осложняется и затрудняется на практикѣ различіемъ, а иногда и прямымъ противорѣчіемъ принциповъ, принятыхъ въ этомъ отношеніи различными законодательствами, такъ какъ всякій casus перемены подданства необходимо распадается на двѣ части (выходъ и вступленіе), изъ коихъ каждая подчиняется въ дѣйствительности, т. е. на практикѣ, законодательству другого самостоятельнаго государства. Неизбѣжныя при существующемъ нынѣ разногласіи законодательствъ, въ случаѣ строгаго ихъ примѣненія, коллизіи эти устраняются въ наше время въ большинствѣ случаевъ при помощи международныхъ конвенцій и соглашеній, иногда значительно отступающихъ отъ принятыхъ внутренними законодательствами договаривающихся сторонъ принциповъ.

Въ виду невыгоднаго вліянія *коллизіи законодательствъ* на юридическое положеніе лица, наука международнаго права пытается принципіально разрѣшить эти возможныя противорѣчія путемъ разрѣшенія вопроса о томъ, какое законодательство должно быть принимаемо въ международной сферѣ за критерій правомѣрности акта, измѣняющаго подданническія отношенія лица. Вопросъ этотъ разрѣшается нѣкоторыми писателями такимъ образомъ, что они отдаютъ преимущество одной которой-нибудь сторонѣ акта. *Чаще всего преимущество они отдаютъ натурализаціи*, а выходу изъ подданства придаютъ второстепенное значеніе, ссылаясь на принципъ свободы эмиграціи.

Въ случаѣ конфликта между условіями, какія ставитъ отечественное законодательство эмигранта для выхода изъ подданства и правами, созданными для него законодательствомъ новаго отечества, служащій объектомъ этого конфликта фактъ перемѣны подданства можетъ разсматриваться съ троякой точки зрѣнія и соотвѣтственно этому создать для заинтересованнаго лица трояке, мѣстными условіями опредѣляемое юридическое положеніе.

1) Если выселившееся вопреки (съ нарушеніемъ) условіямъ и ограниченіямъ отечественнаго законодательства, и слѣдовательно *не вышедшее правомѣрнымъ путемъ* изъ подданства лицо остается безвыѣздно въ предѣлахъ новаго своего отечества и если перемѣна подданства окончательно совершена въ международной сферѣ вступленіемъ такого лица *въ полное подданство* новому государству, то натурализованное такимъ образомъ лицо вступаетъ всѣмъ своимъ юридическимъ существомъ, со всѣми своими правами и обязанностями, въ полное подчиненіе законодательству и юридическому строю своего новаго отечества. Международный характеръ института натурализаціи ничѣмъ не отражается на его новомъ подданническомъ юридическомъ положеніи.

2) Если у натурализованнаго лица имѣются еще *извѣстныя юридическія отношенія къ отечественному государству* (обязаности по отбыванію воинской повинности, семейныя отношенія, отношенія по опекунству или попечительству и т. п.), то совершенная *съ нарушеніемъ отечественнаго законодательства* натурализація въ чужомъ государствѣ не оказываетъ никакого вліянія *на личныя права и обязанности* натурализованнаго *въ его отечественномъ государствѣ*: натурализація съ точки зрѣнія послѣдняго считается какъ-бы не существующею. Лицо остается попрежнему подчиненнымъ *личному суверенитету* отечественнаго государства, законодательство послѣдняго остается гоеподствующимъ крите-

ріемъ его гражданскаго положенія и въ *случаѣ возвращенія* его въ прежнее отечество, первоначальныя юридическія отношенія между нимъ и отечественнымъ государствомъ возстановляются со всѣми ихъ временно пріостановленными послѣдствіями.

3) Наконецъ, если такое лицо, находящееся въ сомнительномъ подданствѣ, вступитъ *въ предѣлы третьяго государства* и его правовой сферы, то вопросъ о его подданствѣ будетъ зависѣть исключительно отъ юридическихъ взглядовъ, принятыхъ этимъ государствомъ. Это государство рѣшаетъ вопросъ о томъ, признаетъ ли оно такое эмигрировавшее изъ отечества лицо окончательно утратившимъ свое первоначальное подданство и правильно натурализованнымъ въ другомъ государствѣ, или же нѣтъ. Рѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ можетъ имѣть для заинтересованнаго лица весьма важное значеніе по отношенію къ его семейнымъ и имущественнымъ правамъ, въ примѣненіи къ нему торговыхъ или таможенныхъ правъ, въ вопросѣ о выдачѣ, выселеніи изъ предѣловъ государства и т. п.

§ 4) Юридическія отношенія находящагося за границею подданнаго къ отечественной государственной власти.

Мы уже замѣтили, что физическое удаленіе подданнаго изъ отечественнаго предѣла не измѣняетъ само по себѣ юридическаго его положенія, какъ подданнаго,—*юридическая связь* между подданнымъ и отечественнымъ государствомъ прекращается лишь съ установленіемъ новой юридической связи подданнаго съ другимъ государствомъ. Поэтому, и по удаленіи изъ предѣловъ отечества подданный остается подчиненнымъ отечественной государственной власти, личному верховенству ея,—взаимныя ихъ права и обязанности въ существѣ своемъ не измѣняются. Между прочимъ, подданный подчиняется всѣмъ законамъ и распоряженіямъ отечественнаго государства, въ особенности, въ сферѣ личныхъ его правъ. Но, такъ какъ положеніе лица, находящагося въ международномъ оборотѣ, опредѣляется не только отечественными его законами, но и принципами международнаго общенія, то *повиновеніе отечественному праву* имѣетъ здѣсь мѣсто постольку, *поскольку фактически возможно и совмѣстно* съ существующими въ мѣстѣ его пребыванія и обязательными для иностранцевъ законами.

Эта обязанность повиновенія отечественному государству подданныхъ, пребывающихъ внѣ отечества, признана и международнымъ правомъ и санкціонирована цѣлымъ рядомъ конвенцій. Такъ, изъ международнаго признанія обязательности правильнаго отбыванія отечественной воинской повинности подданными возникъ рядъ международныхъ конвенцій и картелей *о выдачѣ дезертировъ*, причемъ иностранное государство оказываетъ даже содѣйствіе отечественному къ привлеченію подданныхъ послѣдняго къ отбыванію воинской повинности. Сюда же относится отчасти и практикуемое всѣми государствами запрещеніе подданнымъ вступать въ службу иностраннаго государства безъ разрѣшенія отечественнаго правительства. Впрочемъ, по общему правилу иностранное государство не вмѣшивается въ отношенія государства къ его подданнымъ и потому не обязано содѣйствовать принужденію къ исполненію послѣдними ихъ обязанностей относительно отечественнаго *).

*) Напр. въ случаѣ вызова иностранца отечественнымъ государствомъ для отбыванія воинской повинности и т. п. если нѣтъ особаго соглашенія.

Обязанности повиновенія подданныхъ, пребывающихъ за границею, отечественному государству соотвѣтствуетъ обязанность отечественнаго государства *оказывать имъ защиту* и *принять ихъ обратно* въ случаѣ желанія подданныхъ вернуться въ отечество. Та и другая обязанность государства служитъ выраженіемъ и является послѣдствіемъ существующей между нимъ и подданнымъ юридической связи. Охраною своихъ подданныхъ въ чужихъ государствахъ, содѣйствіемъ ихъ интересамъ въ сферѣ междун. общенія государство оказываетъ услугу интересамъ всего человѣчества, такъ какъ этимъ содѣйствіемъ оно способствуетъ укрѣпленію въ междун. общеніи идеи международной солидарности интересовъ. Государства отказываютъ въ своемъ покровительствѣ лишь такимъ своимъ подданнымъ, которые своимъ поведеніемъ оказались бы недостойными его или, вслѣдствіе правонарушенія, утеряли бы право на него.

Обязанность защиты государствомъ своихъ подданныхъ, находящихся за границею, прекрасно формулирована Блюнчли. Онъ различаетъ два случая:

1) если *само чужое государство нарушило* по отношенію къ нимъ *правила международнаго права*: напр., обращаетъ иностранцевъ въ рабство, принуждаетъ къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія, отнимаетъ имущество, нарушаетъ заключенные для защиты торговли и иностранцевъ трактаты и т. п.

2) и если это государство *не защитило ихъ противъ оскорбленій или посягательства на ихъ права со стороны третьихъ лицъ*, хотя оно само непосредственно и невиновато въ этомъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ,—говоритъ Блюнчли,—отечество оскорбленнаго въ правѣ требовать отъ чужого государства прекращенія несправедливостей, удовлетворенія и вознагражденія обиженныхъ и, если нужно, то гарантій противъ подобныхъ злоупотребленій на будущее время. Но особеннаго вниманія и осторожности заслуживаетъ второй изъ указаныхъ случаевъ. Если лицо оскорбляется въ своей личности или имуществѣ не самимъ государствомъ, т. е. его органами (чиновниками) или народомъ, поощряемымъ къ этому самимъ правительствомъ, а частными лицами, на которыхъ исключительно и падаетъ вина правонарушенія (напримѣръ разбойниками), то отечество оскорбленныхъ съ своею защитою отступаетъ на второй планъ и о возстановленіи нарушеннаго права и о наказаніи виновныхъ должно озаботиться то государство, въ предѣлахъ котораго совершено правонарушеніе. Такъ какъ этому государству принадлежитъ *исключительная* юрисдикція на своей территоріи, то оно можетъ запретить чужому государству несвоевременное вмѣшательство въ устройство своего юридическаго порядка. Поэтому подданный чужого государства долженъ, если онъ оскорбленъ или потерпѣлъ убытки, обратиться съ просьбою о защитѣ *прежде всего* къ властямъ государства, въ которомъ живетъ. Только тогда, когда ему будетъ *отказано въ защитѣ*, а не ранѣе, онъ можетъ просить о вмѣшательствѣ своего отечества. Здѣсь слѣдуетъ остерегаться двухъ крайностей: во 1-хъ, той, чтобы чужеземные подданные не оставались за границей безъ всякой защиты отъ притѣсненій и злоупотребленій и, во 2-хъ, той, чтобы государство не дозволяло себѣ неумѣстнаго вмѣшательства въ юридич. порядокъ и администрацію другого ради своихъ подданныхъ, часто взывающихъ къ дипломатической помощи тамъ, гдѣ они, наравнѣ съ другими частными лицами, имѣютъ право лишь на обыкновенную юриди-

ческую защиту мѣстныхъ властей. Въ такомъ излишнемъ усердіи защищать своихъ подданныхъ нерѣдко основательно упрекали Англію. Въ первомъ случаѣ рискуетъ безопасность частныхъ лицъ за границей; во второмъ—опасность угрожаетъ принципу равноправности и юридич. самостоятельности государствъ. Никакое государство не обязано безусловно принять иностранца, но, разъ допустивши его на свою территорію, оно *обязано уважать въ его лицѣ члена другого государства.* Еще въ XVIII в. извѣстный публицистъ Ваттель формулировалъ признанный уже тогда международною практикою основанный на юридическомъ равенствѣ всѣхъ цивилизованныхъ, стоящихъ въ международномъ общеніи, государствъ принципъ, что, какъ скоро государство принимаетъ иностранца, оно тѣмъ самымъ обязывается защищать его наравнѣ съ своими собственными подданными и предоставлять ему полную, насколько это зависитъ отъ него, безопасность.

Что касается обычныхъ *способовъ защиты подданныхъ* въ чужомъ государствѣ, то сюда относятся въ постепенной градаціи: дипломатическіе запросы, представленія, репрессаліи, реторсіи, военныя экзекуціи, наконецъ — въ крайнихъ случаяхъ — война, причемъ государственными агентами для принятія этихъ мѣръ (кромѣ войны) являются консулы и дипломатическіе агенты. Отказъ въ правосудіи признавался законнымъ поводомъ къ войнѣ публицистами XVI и XVII в. Актъ о натурализаціи 1868 г. Соедин. Штатовъ угрожаетъ реторсіями за оскорбленіе американскихъ гражданъ *).

Такимъ образомъ, резюмируя все сказанное о взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ подданнаго, находящагося внѣ отечества, и его отечественнаго государства, мы можемъ сказать, что *обязанностью повиновенія* подданнаго отечественному законодательству и государственной власти и *обязанностью* послѣднихъ *охранять права* подданныхъ за границею ограничиваются эти взаимныя отношенія. Государство не имѣетъ непосредственной юрисдикціи надъ своими подданными, находящимися въ другомъ государствѣ, если только послѣднее не предоставляетъ ему, въ видѣ исключенія, этого права; напр., дипломатическіе агенты (посланники и послы) пользуются въ извѣстныхъ предѣлахъ юрисдикціею надъ соотечественниками; договорами европейскихъ государствъ съ мусульманскими и другими полуцивилизованными государствами установ-

*) Часто вызывали защиту государства коммерческія и финансовыя предпріятія его подданныхъ и, въ особенности, случаи несостоятельности какого-либо государства въ уплатѣ процентовъ и погашеніи долга по заключеннымъ имъ внѣшнимъ займамъ (такіе случаи были съ Турціей, Египтомъ). Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы бумагъ, выпущенныхъ иностраннымъ государствомъ, нерѣдко настаивали предъ своими правительствами о вмѣшательствѣ въ ихъ пользу не только дипломатическимъ путемъ, но даже мѣрами принужденія. По одному изъ такихъ требованій англійское правительство въ 1818 г. высказало мнѣніе, что отдавая свои капиталы иностранному правительству съ цѣлью финансовой спекуляціи, заинтересованныя лица должны имѣть въ виду рискъ, присущій всякой финансовой спекуляціи независимо отъ контрагентовъ. Такого же взгляда держится и французское правительство; ни Англія, ни Франція не считаютъ себя обязанными заступаться за своихъ подданныхъ, которые ввѣрили свои капиталы чужому государству и потерпѣли отъ его банкротства Такъ напр.—фирма Беринъ въ 1890 г. потерпѣла банкротство оттого, что потеряла свои капиталы отъ банкротства Аргентинской республики; Англія, однако, отказалась защищать Беринга. Также въ случаѣ коммерческихъ предпріятій, устраиваемыхъ подданными въ чужомъ государствѣ (сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, постройка заводовъ) они вызываютъ дѣятельное заступничество своего правительства только въ томъ случаѣ, если интересы подданныхъ будутъ нарушены вопреки законамъ той страны.

лено право юрисдикціи въ пользу консуловъ и дипломатическихъ агентовъ европейскихъ державъ.

§ 5. **Юридическія отношенія иностранца къ чужому государству, въ предѣлахъ котораго онъ пребываетъ.** Отношенія эти опредѣляются степенью международнаго общенія этого государства, а, такъ какъ международное общеніе развивалось исторически, то чѣмъ далѣе пойдемъ въ глубь временъ, тѣмъ рѣзче различіе въ положеніи иностранцевъ сравнительно съ подданными государства.

а) Враждебность, политическая, культурная и религіозная исключительность и замкнутость, характеризующія международныя отношенія государствъ, особенно древняго міра, влекли за собою совершенное закрытіе иностранцамъ доступа въ предѣлы государства: вслѣдствіе религіозной нетерпимости или изъ политическ. опасеній, заставлявшихъ смотрѣть на иностранца, какъ на человѣка вреднаго, опаснаго, нѣкоторыя древнія теократіи, Китай и другія государства дальнаго Востока запрещали доступъ къ себѣ.

б) Вторую стадію международныхъ отношеній представляютъ фактическія, неразвитыя и нерегулированныя сношенія. Въ этой стадіи иностранцы допускаются въ чужое государство, но занимаютъ въ немъ *исключительное* положеніе. Либо ограничено ихъ полноправіе, либо они ставятся въ обособленное положеніе, либо, напротивъ, имъ предоставляются исключительныя льготы, при помощи коихъ они привлекаются къ общенію или даже къ переселенію. Въ случаяхъ, когда они пользуются лишь *терпимостью*, мы видимъ крайнее ограниченіе ихъ правъ; для нихъ необходима охрана боговъ или церкви (какъ въ средніе вѣка), потому что самъ по себѣ иностранецъ не пользуется признаніемъ своей личности. *Обособленіе* иностранцевъ ведетъ къ признанію личной системы правъ, примѣнявшейся особенно въ средніе вѣка. Наконецъ, *исключительное льготное положеніе*, обусловленное вліяніемъ тѣхъ или другихъ особенностей государства, вызванныхъ историческими, географическими, экономическими и духовными условіями жизни народа или политическими соображеніями, создаетъ для иностранцевъ особое привилегированное положеніе. Такъ, подъ вліяніемъ сознанія обусловленной историческими условіями культурной отсталости Московскаго государства и его безсилія собственными средствами наверстать потерянное, русское правительство въ эпоху преобразованій призываетъ иностранцевъ, привлекаетъ ихъ къ переселенію въ Россіи обѣщаніемъ и предоставленіемъ различныхъ льготъ и привилегій. Изъ желанія увеличить населеніе имперіи и усилить экономическія средства страны (культурой пустопорожнихъ земель) въ XVIII в. Екатерина II привлекла въ Россію колонистовъ, предоставляя имъ селиться въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Россіи и, притомъ, пользоваться еще нѣкоторыми льготами по отбыванію воинской повинности, по платежу налоговъ, религіозной свободой и даже самоуправленіемъ.

в) Дальнѣйшее развитіе международныхъ сношеній и укрѣпленіе сознанія ихъ необходимости и пользы вызываетъ ихъ регулированіе; являются международныя соглашенія объ охранѣ иностранцевъ, прежде всего, въ той сферѣ, въ которой необходимость и польза общенія всего сильнѣе чувствуется,—въ сферѣ торговыхъ сношеній (договоры о безопасности и свободѣ торговли даже на случай войны). Это уже переходная ступень къ третьему періоду международныхъ отношеній — международ-

ному общенію, къ третьему фазису въ развитіи правъ иностранцевъ—къ *международному признанію правъ личности иностранца даже независимо отъ государства*, которому онъ принадлежитъ (уничтоженіе droit d'aubaine et de détraction, т. е. права государства на извѣстную часть наслѣдства, остающагося по смерти иностранца, со временъ французской революціи 1790 г.).

Съ точки зрѣнія современнаго политическаго правосознанія очевидно, что какъ совершенное недопущеніе иностранцевъ на государственную территорію и ихъ безправіе, такъ и предоставленіе имъ особыхъ льготъ, особо привилегированнаго, даже сравнительно съ подданными, положенія, представляютъ собою два явленія, одинаково ненормальныхъ. Въ крайнемъ случаѣ, они могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, считаться лишь цѣлесообразными, какъ политическое средство, какъ временная *политическая мѣра*, не имѣющая ничего общаго съ правомъ.

Такимъ образомъ, наука международнаго права можетъ считаться лишь съ принятою *въ наше время* у цивилизованныхъ государствъ Европы *практикою* положительнаго государственнаго и международнаго права, т. е. установленною внутренними законодательствами и трактатами, въ особенности о торговлѣ и мореплаваніи. Основные общепринятые принципы этой практики выработались *на основаніи двухъ началъ*, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатывались всѣ вообще институты международнаго права: началъ *государственнаго суверенитета* и *международнаго общенія*.

Съ точки зрѣнія современной государственной практики, чисто-физическое вступленіе иностранца въ предѣлы чужого государства, въ сферу его территоріальной власти, безусловно подчиняетъ его этой территоріальной власти. Объясняется это, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ силу современнаго политическаго правосознанія цивилизованныхъ народовъ существованіе государственнаго организма предполагаетъ наличность извѣстныхъ общественныхъ отношеній, лежащихъ въ основѣ этого политическаго организма. Поэтому, вступленіе лица въ это политическое организованное общество естественно предполагаетъ извѣстныя условія. Подъ вліяніемъ все болѣе развивающагося сознанія необходимости и пользы международнаго общенія значительно облегченъ нынѣ доступъ иностранцамъ въ чужое государство, но основной принципъ отъ этого не измѣняется,—иностранецъ все-таки не входитъ органически въ общественно-политическій организмъ чужого государства, онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ членъ этого государства, и остается въ немъ на положеніи *гостя*. Отсюда, прежде всего, то необходимое различіе между подданнымъ и иностранцемъ, что первый имѣетъ *естественное право пребывать* въ предѣлахъ своего государства *и возвращаться* въ него, а государство *обязано принять его*, между тѣмъ какъ допущеніе иностранца въ предѣлы государства въ качествѣ гостя зависитъ отъ воли и усмотрѣнія государственной власти. Въ прежнія времена право государства на недопущеніе иностранцевъ признавалось безусловно; въ настоящее время нѣкоторые публицисты (напр.: Блюнчли, Моль) совершенно отрицаютъ право на безусловное запрещеніе доступа иностранцамъ, но и эти публицисты признаютъ, однако, право государства на запрещеніе доступа *отдѣльнымъ* иностранцамъ (даже по политическимъ соображеніямъ, по мнѣнію Блюнчли). Въ дѣйствительности, основной принципъ государственнаго суверенитета въ этомъ отношеніи остается въ полной

силѣ и въ настоящее время, но подъ вліяніемъ признанія всѣми цивилизованными государствами необходимости международнаго общенія принципъ этотъ практикою и международными соглашеніями (торговыми и др. трактатами) настолько *ограниченъ*, что безусловное недопущеніе иностранцевъ цивилизованнымъ государствомъ представляется совершенно немыслимымъ и невозможнымъ. Замѣтимъ, что относительно нѣкоторыхъ государствъ Востока (напр. Китая) европейскія государства силою добились допущенія ихъ гражданъ.

Впрочемъ въ разсматриваемомъ нами вопросѣ слѣдуетъ различать 2 случая: 1) *свободу въѣзда* въ извѣстное государство и 2) *свободу поселенія* въ немъ. Всѣ международные трактаты признаютъ общій принципъ свободы въѣзда, поселенія и выѣзда иностранцевъ. Но на практикѣ эта свобода нѣсколько суживается. Право въѣзда или доступа иностранца въ цивилизованное государство подвергается иногда незначительнымъ ограниченіямъ лишь для *отдѣльныхъ* лицъ изъ соображеній политическихъ, полицейскихъ (напр. для нищихъ, преступниковъ, анархистовъ и т. п.). Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ ограниченіе его мыслимо только ради политическихъ и санитарныхъ цѣлей (въѣздъ изъ зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями мѣстностей) *). *Болѣе значительнымъ ограниченіемъ* подчиняется право иностранца на *поселеніе* въ чужомъ государствѣ и на участіе, такимъ образомъ, въ его культурной и экономической жизни; такъ какъ въ этомъ случаѣ иностранецъ становится въ извѣстныя общественныя, юридическія и даже политическія отношенія къ государству и его подданнымъ, такъ какъ онъ вступаетъ, по крайней мѣрѣ частью, въ органическую связь съ государствомъ и его населеніемъ, то въ этомъ случаѣ невозможно отрицать право государства на опредѣленіе этихъ отношеній къ чуждому ему въ другихъ отношеніяхъ лицу— иностранцу. Обыкновенно условіями допущенія иностранца къ поселенію ставятся: экономическая самостоятельность, нравственная (судебная) безупречность и т. п., предъявленіе удостовѣренія отечественныхъ властей (Legitimationspapier), санитарнаго паспорта и т. п. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ, сверхъ этого, требуется еще спеціальное правительственное разрѣшеніе на поселеніе (autorisation à etablir le domicile во Франціи, Баваріи, Бельгіи). По *русскому законодательству*, иностранцы всѣхъ вообще націй имѣютъ право свободнаго пріѣзда и пребыванія въ Россіи, а равно и выѣзда изъ оной, на основаніи правилъ, установленныхъ въ уст'вѣ о паспортахъ (Св. Зак. IX ст. 991), но иностранцы изъ евреевъ не допускаются къ переселенію въ Россію или вступленію въ россійское подданство (ст. 992).

Принципъ допускаемыхъ международнымъ правомъ стѣсненій въ этомъ отношеніи таковъ: *равенство въ отношеніи государства ко всѣмъ чужимъ народамъ съ исключеніемъ національныхъ, индивидуальныхъ преимуществъ.*

Мы замѣтили выше, что пока юридическая связь подданства между гражданиномъ и государствомъ не порвана, гражданинъ обязанъ повиновеніемъ отечественному государству, а послѣднее въ свою очередь обязано оказывать ему защиту, и что эти отношенія между гражданиномъ и его отечественнымъ государствомъ исключаютъ всякое вмѣша-

*) Германск. законъ 1888 г. о паспортахъ для въѣзда въ Эльзасъ и Лотарингію.

тельство посторонняго государства. Но международное право допускаетъ исключеніе изъ этого нормальнаго положенія; именно, оно допускаетъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ *защиты чужимъ государствомъ подданнаго противъ его отечественнаго государства*,—въ силу признаваемаго международнымъ правомъ *права убѣжища для политическихъ преступниковъ* и въ силу современныхъ трактатовъ о выдачѣ преступниковъ. Принципъ невыдачи государственныхъ преступниковъ до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія былъ общепризнаннымъ, какъ въ теоріи, такъ и въ международной практикѣ, онъ сохраняется въ силѣ и въ настоящее время относительно лицъ, виновныхъ лишь въ *государственныхъ преступленіяхъ*, т. е. такихъ, въ которыхъ преступникъ, имѣя умыселъ ниспровергнуть или измѣнить существующій государственный или соціальный строй, пользуется для достиженія этой цѣли чисто политическими средствами, хотя и недозволенными законодательствомъ страны, но *несоставляющими преступленій противъ общаго права*. Такъ какъ международный союзъ государствъ одинаково признаетъ всякія формы государственнаго устройства, такъ какъ самыя эти формы въ отдѣльныхъ государствахъ подвергаются измѣненіямъ и потому не могутъ претендовать на абсолютную ихъ международную охрану, такъ какъ, поэтому, лицо, признаваемое преступникомъ въ данномъ государствѣ вслѣдствіе установленнаго въ этомъ государствѣ политическаго строя, не можетъ считаться таковымъ въ государствѣ, которое само пользуется или стремится къ осуществленію политическихъ идеаловъ, вызвавшихъ преслѣдованіе противъ этого лица въ его отечествѣ, такъ какъ, такимъ образомъ, дѣяніе политическаго преступника, представляя опасность лишь для мѣстнаго юридическаго порядка того отечественнаго государства, а не для общаго юридическаго порядка, подобно преступленіямъ противъ общаго права, которыя представляютъ абсолютную опасность при *всякомъ* юридическомъ и политическомъ строѣ, то въ виду всѣхъ этихъ соображеній принципъ невыдачи чисто политическихъ преступниковъ сохраняется въ полной неприкосновенности и современнымъ международнымъ положительнымъ правомъ *). Но съ другой стороны, преступленія противъ общаго права (убійство, поджогъ и т. п.), совершенныя хотя бы подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ и цѣлей и не во время возстанія или междоусобной войны, ни въ какомъ случаѣ не могутъ претендовать на международную охрану.

Большая часть современныхъ международныхъ договоровъ о выдачѣ преступниковъ содержитъ постановленіе, что лицо, выданное отечественному государству за совершенное имъ обыкновенное преступленіе, не подлежитъ въ государствѣ, которому оно выдано, суду и наказанію за совершенное имъ ранѣе его выдачи политическое преступленіе или проступокъ, или дѣяніе, имѣющее связь съ такимъ (политическимъ) преступленіемъ или проступкомъ; оно не подлежитъ также суду и наказанію за преступленіе или проступокъ, непредусмотрѣнный договоромъ о выдачѣ и неупомянутый въ требованіи о выдачѣ. (Договоры Германіи съ Италіею 1871 года, Россіи съ Австріею 1874 года, съ Бельгіею 1872 года, съ Англіею 1886 года—выдача допускается только за общія преступле-

*) Особое мѣсто занимаютъ, конечно, преступленія противъ общаго права, совершенныя во время возстанія или междоусобной войны и, притомъ, какъ послѣдствія несомнѣнно политическаго преступленія.

нія, съ Италіею 1871 г., съ Пруссіею 1855 г. и съ Баваріею 1885 г.—выдача за преступленія противъ особы государя и членовъ его семейства и за общія преступленія, хотя бы совершенныя съ политическою цѣлью; съ Люксембургомъ 1892 г.—выдача допускается лишь при совершеніи общаго преступленія противъ государя или членовъ его дома; съ С.-Штатами 1887 и 1893 г.—выдача допускается только при убійствѣ, покушеніи или соучастіи въ убійствѣ государя или главы государства или членовъ ихъ семействъ; то же въ договорѣ съ Нидерландами 1893 г.; съ Швейцаріею 1873 г.—выдача допускается только за общія преступленія).

Юридическое отношеніе иностранца къ чужому государству естественно прекращается съ прекращеніемъ основныхъ элементовъ этого отношенія: 1) *съ прекращеніемъ пребыванія* иностранца въ предѣлахъ территоріальной власти чужого государства, или же 2) *съ прекращеніемъ согласія чужого государства* на продолженіе этого отношенія. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, физическое удаленіе иностранца является, впрочемъ, необходимымъ условіемъ прекращенія правоотношенія. Въ первомъ случаѣ оно будетъ добровольное, во второмъ—принудительное.

Право *добровольнаго* безпрепятственнаго *удаленія* иностранца изъ чужого государства не можетъ быть оспариваемо, и въ настоящее время признается всѣми законодательствами. Но подобно тому, какъ государство имѣетъ право требовать отъ своихъ подданныхъ при удаленіи ихъ изъ отечества очищенія себя отъ всякихъ лежащихъ на нихъ повинностей, точно такое-же право принадлежитъ ему и относительно удаляющихся изъ его предѣловъ иностранцевъ.

§ 6. **Права и обязанности иностранца въ чужомъ государствѣ.** Въ силу международныхъ договоровъ иностранецъ либо *уравнивается въ правахъ съ подданными* государства, либо иностраннымъ подданнымъ предоставляются права, признаваемыя государствомъ за *«наиболѣе благопріятствуемыми имъ народами»* (nation la plus favorisée—обычное мѣрило правъ иностранныхъ подданныхъ въ трактатахъ). Подъ уравненіемъ иностранцевъ съ подданными подразумѣвается лишь уравненіе въ общихъ гражданскихъ правахъ, но не *публичныхъ*. Ограниченіе это не требуетъ особаго поясненія,—оно вытекаетъ изъ самаго понятія государственнаго союза, какъ особаго національно-политическаго организма, предполагающаго особыя юридическія, историческія и политическія связи между подданными и государствомъ, несуществующія и невозможныя внѣ подданническихъ отношеній. Между тѣмъ, какъ называемыя общегражданскія права коренятся *въ личности человѣка*, признаваемой всѣми цивилизованными народами независимо отъ принадлежности лица къ тому или другому государственному союзу. Въ отличіе отъ политической правоспособности степень гражданской правоспособности подданныхъ находится, обыкновенно, въ зависимости не столько отъ индивидуальнаго политическаго строя государства, сколько отъ степени его культурнаго развитія, отъ степени близости его къ типу современнаго цивилизованнаго государства, а этотъ типъ все болѣе обобщается, все болѣе приближаются къ нему и уравниваются между собою современныя государства. Поэтому, съ точки зрѣнія современнаго международнаго права, личность человѣка и присущія ей основныя, такъ сказать, права пользуются охраною государства независимо отъ того, будетъ ли лицо природный подданный его или иностранецъ. Поэтому, за иностранцами признается право

совершать всякаго рода юридическія сдѣлки, дозволяемыя и природнымъ подданнымъ,—вступать въ бракъ, владѣть движимымъ и недвижимымъ имуществомъ *), пріобрѣтать и отчуждать его всѣми закономъ дозволяемыми способами, заниматься торговлею и промышленностью, имѣть заводы, фабрики и т. п. При этомъ иностранецъ наравнѣ съ подданными государства пользуется, конечно, охраною своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ предъ мѣстными судами и властями, а отсюда, изъ этой защиты, оказываемой государствомъ иностранцу, возникаютъ извѣстныя обязательства послѣдняго по отношенію къ этому государству.

Укажемъ нѣкоторыя частности.

Относительно *уголовной юрисдикціи* государства иностранецъ, пребывающій на его территоріи, вполнѣ приравнивается къ подданному. Въ области уголовнаго права дѣйствуетъ территоріальный принципъ,—*иностранецъ судится по законамъ и судебнымъ порядкамъ мѣста его пребыванія.*

Въ области *частнаго права и гражданскаго судопроизводства* до новѣйшихъ временъ права иностранцевъ значительно ограничивались и лишь за послѣднее время путемъ международныхъ договоровъ—торговыхъ, о брачномъ правѣ, о судебной помощи, объ исполненіи судебныхъ приговоровъ чужого государства, о правѣ бѣдности и т. п.—цивилизованныя государства стремятся сгладить существующія еще къ невыгодѣ иностранцевъ отличія въ ихъ положеніи отъ положенія туземцевъ и уравнять права всѣхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ государства. Примѣръ: отмѣна cautio judicatum solvi (обезпеченіе иска залогомъ) въ видѣ условія, обязательнаго только для иностранцевъ**). Впрочемъ, это уравненіе ставится, обыкновенно, въ зависимость отъ условія *взаимности*, лежащаго вообще въ основаніи всего международнаго договорнаго права; условіе это, конечно, примѣнимо и въ обратномъ смыслѣ возмездія (реторсіи). Такъ, по французскому законодательству «Code Napoléon» иностранцу предоставляется пользованіе въ предѣлахъ Франціи такими гражданскими правами, какія обезпечены договорами за французами въ иностранномъ государствѣ (въ отечествѣ иностранца). Такимъ образомъ, французское законодательство разсматриваетъ уравненіе иностранца съ подданнымъ въ области частнаго права, какъ особую милость, а не какъ право. Голландское законодательство 1838 г. признало уже эту равноправность иностранцевъ съ подданными, но съ сохраненіемъ за государствомъ права дѣлать исключенія изъ нея, хотя взаимности оно и не требуетъ. Наконецъ, итальянскій кодексъ 1866 г. провозглашаетъ принципъ безусловной равноправности: «иностранецъ пользуется равными гражданскими правами съ подданнымъ». Этотъ принципъ принятъ и институтомъ международнаго права на Оксфордской сессіи 1880 г.

---

*) За послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ замѣчается тенденція къ нѣкоторому ограниченію гражданскихъ правъ иностранцевъ. Такъ въ Россіи, въ Мексикѣ и въ С.-Штатахъ иностранцы ограничены въ правѣ владѣнія недвижимостью. Но эти ограниченія объясняются соображеніями земельной политики и, слѣд., имѣютъ чисто политическій характеръ. Въ Англіи до 1870 г. и въ С.-Штатахъ съ 1887 запрещается пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ иностранцами, а въ Норвегіи по закону 1888 г. пріобрѣтеніе ихъ допускается только съ разрѣшенія правительства.

**) Во Франціи cautio jud. solvi въ началѣ 1895 г. возстановлена, но дѣйствіе этого отвода устраняется по началу взаимности, то же въ Германіи; въ Австріи, Англіи и Швейцаріи такой отводъ существуетъ, но въ видѣ общей мѣры, а не направленной исключительно противъ иностранцевъ.

Наконецъ, въ области *административнаго* (полицейскаго) права, обязательныя для подданныхъ распоряженія территоріальной власти въ видахъ народнаго благосостоянія, полиціи безопасности и народнаго здравія, призрѣнія бѣдныхъ и т. п. обязательны и для иностранцевъ, пребывающихъ въ предѣлахъ государства, если имъ не предоставлены въ этомъ отношеніи особыя привилегіи. Зато на иностранцевъ распространяются и выгоды, устанавливаемыя въ пользу населенія этими распоряженіями (напр., германское законодательство признаетъ обязательное для государства вспомоществованіе недостаточнымъ иностранцамъ).

Наибольшее значеніе для иностранцевъ, пребывающихъ въ чужомъ государствѣ, представляетъ, обыкновенно, *право торговли и промысловъ*. Это право, поэтому, регулируется, обыкновенно, международными договорами о торговлѣ и судоходствѣ, не исключающими, впрочемъ, возможности особыхъ административныхъ распоряженій территоріальной власти. По общему правилу, относительно права торговли и промысловъ иностранцы уравниваются съ подданными, т. е. не облагаются никакими особыми сборами. Исключеніе дѣлается обыкновенно лишь относительно двухъ промысловъ: каботажнаго судоходства и рыбной ловли. *Каботажъ*, т. е. судоходство побережное изъ порта въ портъ одного государства и въ предѣлахъ одного моря, предоставляется, обыкновенно, исключительно подданнымъ, хотя, въ виду взаимности, нѣкоторыя государства разрѣшаютъ его подданнымъ тѣхъ государствъ, которыя въ свою очередь разрѣшаютъ его ихъ подданнымъ. *Рыболовство* въ территоріальныхъ и внутреннихъ водахъ также разрѣшается, обыкновенно, лишь подданнымъ.

Относительно *политич.* правъ: права сходокъ и собраній, свободы слова и печати иностранцы изъ политич. соображеній, обыкновенно, ограничиваются сравнительно съ туземцами.

Въ области *финансовой* они, напротивъ, уравниваются,—это, впрочемъ, вполнѣ справедливо въ виду все болѣе укрѣпляющейся равноправности иностранцевъ съ подданными: пользуясь юридической защитой и другими выгодами государственной охраны своей личности и имущества, они должны участвовать наравнѣ съ подданными и въ матеріальныхъ жертвахъ на государственную администрацію, т. е. относительно платежа установленныхъ податей и налоговъ. Но такъ какъ иностранцы освобождаются отъ воинской повинности государству, то нѣтъ основаній подвергать ихъ и налогамъ и сборамъ, связаннымъ съ этою повиностью и вообще носящимъ политическій характеръ (чрезвычайные военные налоги, принудительные займы, военныя реквизиціи и т. п.).

Во всѣхъ вопросахъ признаваемой государствомъ правоспособности иностранцевъ и государственной охраны ихъ, господствующій, общепризнанный принципъ—это *равноправность всѣхъ иностранцевъ въ государствѣ независимо отъ принадлежности къ той или другой національности*, признаніе за ними наивысшей мѣры правъ, допускаемой государствомъ для иностранныхъ подданныхъ (nation la plus favorisée).

Исключительное положеніе занимаютъ въ силу международной практики и права иностранцы, за которыми признается *право внѣземельности* или экстерриторіальности. Право это установлено историческими традиціями, обычаями и договорами на основаніи взаимныхъ соглашеній государствъ для коронованныхъ особъ и ихъ семействъ, для дипломатическихъ агентовъ, акредитованныхъ къ тому государству, въ которомъ они пре-

бываютъ, и для военныхъ кораблей и войскъ въ чужихъ водахъ и на чужой территоріи.

Особое положеніе и особыя отношенія устанавливаются также между государствомъ и пребывающими на его территоріи иностранцами въ томъ случаѣ, когда послѣдніе нашли въ этомъ государствѣ убѣжище въ качествѣ *политическихъ эмигрантовъ* изъ своего отечества. Въ силу господствующей международной практики всякое государство имѣетъ право давать у себя убѣжище такимъ иностранцамъ, насколько оно не обязано противнымъ въ силу особыхъ договоровъ, такъ называемыхъ *договоровъ о выдачѣ*. Но, оказывая политическому эмигранту убѣжище и защиту, государство принимаетъ на себя нѣкоторую нравственную обязанность по отношенію къ отечеству эмигранта. Именно, оно не должно допускать, чтобы иностранцы-эмигранты пользовались этимъ убѣжищемъ и безопасностью своею отъ преслѣдованія отечественной государственной власти для совершенія непріязненныхъ дѣйствій противъ своего отечественнаго государства, съ которымъ пріютившее ихъ государство находится въ мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ; оно не должно, напр., допускать на своей тирриторіи составленія иностранцами заговора противъ отечественнаго правительства, дѣятельной агитаціи съ цѣлью нарушенія въ ихъ отечествѣ существующаго государственнаго строя и т. п. Поэтому, особенно въ случаяхъ политическихъ неурядицъ въ сосѣднемъ государствѣ и въ случаѣ, если государство дало у себя убѣжище политическимъ эмигрантамъ изъ этого государства, принявшее ихъ государство обязано принять мѣры къ пресѣченію ихъ враждебной противъ отечества дѣятельности. Съ этою цѣлью государство въ подобныхъ случаяхъ требуетъ удаленія ихъ внутрь страны отъ границъ того государства, которому иностранцы угрожаютъ, или даже прямо интернируетъ ихъ, назначаетъ имъ опредѣленныя мѣста для ихъ свободнаго пребыванія. Если-же эта мѣра оказывается почему-либо недостаточною, (напр. изъ интереса самосохраненія государства, сохраненія мирныхъ отношеній съ сосѣднимъ государствомъ), то государство можетъ прибѣгнуть даже къ изгнанію подобныхъ иностранцевъ изъ предѣловъ своей территоріи. Въ этомъ случаѣ государство поступаетъ согласно тому же принципу, на основаніи котораго нейтральное государство не пропускаетъ черезъ свою территорію войскъ воюющихъ державъ, а въ случаѣ вступленія ихъ на его территорію, обезоруживаетъ ихъ.

Въ силу дѣйствующаго русскаго законодательства положеніе иностранцевъ въ Россіи опредѣляется слѣдующимъ образомъ *).

1) Иностранцы имѣютъ свободный *пріѣздъ въ Россію*, если они для пропуска въ Имперію снабжаны паспортами отъ россійскихъ посольствъ, миссій или консульствъ, при иностранныхъ державахъ находящихся. Паспорты на въѣздъ въ Россію не выдаются: a) лицамъ, коимъ поименно воспрещенъ правительствомъ въѣздъ въ наши предѣлы; b) лицамъ, коихъ, по собственнымъ свѣдѣніямъ посольствъ, миссій и консульствъ, они имѣютъ основательную причину признавать неблагонадежными, и c) цыганамъ, шарманщикамъ, разносчикамъ аптечныхъ матеріаловъ, гипсовыхъ фигуръ и вообще людямъ праздношатающимся. Кромѣ того, воспрещенъ въѣздъ въ предѣлы Россіи евреямъ, не имѣющимъ средствъ къ существо-

*) См. Мышъ „Объ иностранцахъ въ Россіи“ 1888 г.

ванію. Духовные-же выходцы изъ Турціи, кромѣ паспорта отъ пребывающаго въ Константинополѣ русскаго посла, должны имѣть дозволеніе на жительство и переѣзды въ Имперіи отъ Св. Синода.

2) *Пребываніе* иностранцевъ въ Россіи не ограничено ни мѣстомъ, ни срокомъ. Исключеніе изъ сего установлено только для выходцевъ изъ Кореи, Китая и для евреевъ. Первымъ воспрещено селиться въ пограничныхъ съ Кореею и Китаемъ мѣстностяхъ (изъ соображеній политическихъ—безопасности нашей азіатской границы). Пребываніе же иностранцевъ-евреевъ ограничено общей чертой осѣдлости евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ иностранцевъ-евреевъ, которые получили установленное разрѣшеніе на производство въ Россіи торговли, а равно иностранныхъ банкировъ и главъ значительныхъ торговыхъ домовъ.

3) Въ Россійской имперіи *имѣютъ дѣйствіе только русскіе законы.* Иностранные законы примѣняются лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: a) когда актъ совершенъ въ иностранномъ государствѣ по существующимъ тамъ законамъ и несходно съ обрядами совершенія подобныхъ актовъ въ Россіи, и b) къ наслѣдованію въ движимыхъ имуществахъ послѣ подданныхъ тѣхъ государствъ, съ которыми заключены конвенціи о наслѣдствахъ (заключены: съ Германіею, Испаніею, Италіею, Швеціею, Франціею).

4) *Судебныя рѣшенія* иностранныхъ судовъ не имѣютъ исполнительной силы въ Россіи при отсутствіи по сему предмету трактата съ правительствомъ той державы, гдѣ рѣшеніе постановлено.

5) Находясь въ Россіи, иностранцы лично и по имуществу подлежатъ дѣйствію россійскихъ законовъ и пользуются общею ихъ защитою и покровительствомъ. Они, поэтому, пользуются свободою вѣры, могутъ вступать во всякіе договоры и обязательства, завѣщать свое имущество иностранцамъ или русскимъ подданнымъ, пріобрѣтать наслѣдство по закону и завѣщанію на основаніи общихъ правилъ, для коренныхъ подданныхъ дѣйствующихъ, усыновлять подкидышей или не помнящихъ родства, получать отъ русскаго правительства привилегіи на изобрѣтенія и открытія и проч. Впрочемъ, право на пріобрѣтеніе въ собственность, владѣніе или пользованіе покупкою, по наслѣдству или найму недвижимыхъ имуществъ въ губерніяхъ, перечисленныхъ Высочайшимъ указомъ 14 марта 1887 г., именно—въ губерніяхъ западной полосы Россіи внѣ портовыхъ и городскихъ поселеній, воспрещено (по политическимъ соображеніямъ). Также воспрещено пріобрѣтеніе иностранцами недвижимыхъ имуществъ въ Туркестанскомъ краѣ и ограничено право пріобрѣтенія ими земельной собственности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крымскаго полуострова. Иностранцамъ воспрещено также завѣдываніе недвижимыми имуществами въ качествѣ управляющихъ или повѣренныхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

6) Въ отношеніи права на производство *торговли и промысловъ* аренды и устройства фабрикъ и заводовъ, иностранцы, кромѣ евреевъ сравнены съ природными подданными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отраслей промышленности, предоставленныхъ исключительно русскимъ подданнымъ. Сюда относятся: a) производство золотого и вообще горного промысла на материкѣ Приморской области и принадлежащихъ къ ней островахъ и на о. Сахалинѣ; b) судоходство по Каспійскому морю; c) каботажное судоходство, т. е. перевозъ товаровъ или пассажировъ изъ одного русскаго порта въ другой, на томъ же морѣ лежащій; d) долж-

ность шкиперовъ. Въ нѣкоторыя лоцманскія общества и артели грузовщиковъ принимаются лишь русскіе подданные.

7) Иностранцы пользуются правомъ *судебной защиты*, въ качествѣ истца или отвѣтчика, наравнѣ съ русскими подданными. Но въ отношеніи исцовъ принято *) правило, въ силу котораго привлеченный иностранцемъ къ суду отвѣтчикъ можетъ предъявить противъ истца-иностранца, несостоящаго въ русской службѣ и невладѣющаго въ Россіи недвижимвстью. отводъ объ обезпеченіи судебныхъ издержекъ (cautio judicatum solvi) на случай отказа въ искѣ. Въ силу Высоч. утвер. 11 марта 1896 г. мнѣнія Государ. Совѣта статья 571 Уст. Гражд. Судопр. дополнена вторымъ примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія: «означенный въ п. 5 сей ст. отводъ не можетъ быть предъявляемъ противъ подданныхъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ по закону или на основаніи заключенныхъ съ Россіею трактатовъ или конвенцій *) русскіе подданные освобождены отъ представленія обезпеченій издержекъ по дѣлу и тѣхъ убытковъ, которые можетъ понести отвѣтчикъ».

Относительно иностранныхъ акціонерныхъ обществъ гражданскій кассаціонный департаментъ Сената разъяснилъ, что они, въ качествѣ истцовъ, не могутъ пользоваться у насъ правомъ судебной защиты, если по этому предмету не заключено конвенціи между Россіею и правительствомъ того государства, гдѣ акціонерное общество учреждено. (Такія конвенціи заключены: съ Франціею, Австріею, Германіею, Бельгіею, Италіею и Греціею).

8) Согласно принятому повсемѣстно правилу и нашъ законъ запрещаетъ принимать иностранцевъ, не вступившихъ въ русское подданство, на *государственную службу*. Впрочемъ, изъ этого правила допущены исключенія; такъ, иностранцы могутъ быть принимаемы въ службу ученую и учебную, а также по искусственной части вѣдомствъ горнаго, монетнаго и соляного (механиковъ, мастеровъ, художниковъ). Недоступны иностранцамъ и должности по выборамъ,—городскимъ, земскимъ, и т. п., за исключеніемъ должностей членовъ комитета по бракованію товаровъ при Петербургскомъ портѣ, Петербургскаго биржевого комитета и должностей биржевыхъ и корабельныхъ маклеровъ и диспашеровъ при Одесскомъ портѣ.

9) Въ отношеніи *уголовной отвѣтственности*, иностранцы, находясь въ Россіи, подлежатъ общеустановленнымъ законамъ. Но для нихъ существуетъ и особое наказаніе—высылка за границу по судебному приговору. Иностранцы могутъ быть подвергнуты высылкѣ за границу и въ административномъ порядкѣ, если поведеніе ихъ неодобрительно. Въ томъ и другомъ случаѣ высылка производится по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ.

---

*) Уст. гражд. судопр. ст. 571, п. 5.

**) По договору Россіи съ *Швейцаріею* 1872 г., съ *Германіею* 1894 г. и *Даніею* 1895 г. обоюдные подданные должны имѣть свободный доступъ къ судамъ и пользоваться въ судебныхъ дѣлахъ тѣми-же правами и преимуществами, какъ и туземные подданные. *Франція* заключила съ Россіею въ 1896 г. соглашеніе о взаимномъ освобожденіи русскихъ и французскихъ истцовъ отъ обязанности cautio judicatum solvi. См. по этому вопросу статью Энгельмана „Отводъ по обезпеченію истцомъ-иностранцемъ издержекъ по дѣлу и убытковъ отвѣтчика“ (въ Ж. Мин. Юст. 1896 г., № 10).

*) [illegible] отводъ убытковъ, понесенныхъ [illegible] суда или [illegible] за границу [illegible].

Принудительное удаленіе иностранца возможно въ двухъ видахъ: 1) *выдачи* и 2) *изгнанія*. Различіе между этими двумя видами удаленія то, что при выдачѣ всегда имѣются въ виду интересы юридическаго строя другого государства, и потому она предполагаетъ *непремѣнно взаимное соглашеніе* двухъ государствъ въ области ихъ государственно-правового строя или международнаго правового порядка (выдача политическихъ или обыкновенныхъ преступниковъ), между тѣмъ какъ изгнаніе обусловливается лишь *индивидуальными соображеніями*, потребностями и мотивами изгоняющаго государства. Потому выдача иностранца (отечественному государству) совершается лишь въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ международною практикою случаяхъ и только по требованію заинтересованнаго государства. Право и обязанность выдачи иностранца опредѣляется и внутренними законодательствами государствъ, причемъ, правительство изгоняющаго государства предполагается дѣйствующимъ по собственной иниціативѣ; международной обязанности изгнанія не существуетъ и трудно представить себѣ ея возможность. (Споръ Германіи съ Швейцаріею относительно Ausweisungspflicht и Ausweisungsrecht на основаніи германо-швейцарскаго Niederlassungsvertrag въ 1889 году).

Съ юридической точки зрѣнія принципіальная основа права изгнанія та-же, что и права государства на недопущеніе иностранца въ свои предѣлы. Точно также, какъ иностранецъ не можетъ претендовать на безусловное право допущенія его въ чужое государство, онъ не можетъ претендовать и на безусловное право пребыванія въ этомъ государствѣ. Въ этомъ отношеніи формальное право государства безусловно. Отечественному государству иностранца можетъ въ случаѣ несправедливаго или слишкомъ жестокаго, по его мнѣнію, примѣненія этого права другимъ государствомъ принадлежать лишь право на репрессивныя или реторсіонныя мѣры. Въ случаѣ примѣненія права изгнанія къ иностранцамъ въ значительныхъ размѣрахъ и несмотря на существующіе у государства съ ихъ отечествомъ договоры, регулирующіе юридическое положеніе и взаимное общеніе ихъ взаимныхъ подданныхъ, отечественное изгнанныхъ государство можетъ, конечно, потребовать объясненія мотивовъ такого мѣропріятія со стороны изгнавшаго государства. Впрочемъ, въ международной практикѣ признаются достаточными мотивами изгнанія иностранцевъ: соображеніе внѣшней безопасности, изгнаніе въ видѣ репрессаліи или реторсіи, опасность, представляемая иностранцемъ для государственнаго порядка, нарушеніе иностранцемъ государственныхъ интересовъ и, наконецъ, изгоняются, обыкновенно, нищіе, безпаспортные бродяги *). Эти мотивы допускаютъ и иные публицисты, напр. Holtzendorff. Впрочемъ, постановленія внутреннихъ законодательствъ по вопросу объ изгнаніи иностранцевъ чрезвычайно разнообразны. (См. у Bulmerincq, Völkerrecht, § 36, стр. 238 сл.).

Оно можетъ быть послѣдствіемъ судебнаго рѣшенія; это наиболѣе правомѣрный видъ примѣненія права изгнанія. Въ Голландіи, въ Австріи высылка иностранца является всегда необходимымъ слѣдствіемъ обвинительнаго противъ него судебнаго приговора по уголовному дѣлу. Далѣе, высылка можетъ быть постановлена высшею административною властью государства. Наконецъ, въ видѣ реторсіи или репрессаліи она можетъ

*) Конвенціи о взаимной высылкѣ подданныхъ послѣдней категоріи у Россіи съ Австріей, Германіей и Швеціей.

быть постановлена только высшею правительственною государственною властью.

Необходимое условіе права высылки иностранца—чтобъ онъ не былъ приравненъ къ подданнымъ относительно права пребыванія въ государствѣ; въ противномъ же случаѣ,—если это право гарантировано ему государственнымъ законодательствомъ—право государства на изгнаніе иностранца естественно ограничивается (напр. въ Бельгіи: относительно иностранца, которому разрѣшено пребываніе или если онъ женатъ на бельгійкѣ и имѣетъ дѣтей отъ нея, рожденныхъ въ Бельгіи; тоже относительно иностранца, рожденнаго въ Бельгіи и имѣющаго право просить о принятіи въ бельгійское подданство и т. п. Это послѣднее ограниченіе имѣетъ мѣсто и во Франціи, Италіи и Голландіи).

Болѣе частое примѣненіе изгнанія въ наше время является послѣдствіемъ болѣе широкой свободы доступа иностранцамъ въ чужое государство.

ГЛАВА IV.

Международные договоры.

§ 1. **Понятіе. Основаніе обязательной силы международныхъ договоровъ.** Юридическія отношенія между государствами, какъ членами международнаго союза, устанавливаются посредствомъ договоровъ или обязательствъ. Международныя обязательства, облекаются большею частію въ форму трактатовъ. Трактатъ есть договоръ, заключаемый между отдѣльными государствами для опредѣленія ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Duorum vel plurium in idem consensus. Въ этомъ отдѣлѣ международное право наиболѣе соприкасается съ частнымъ; и общія начала послѣдняго относительно обязательствъ приложимы и къ нашему предмету, конечно, не безъ нѣкоторыхъ существенныхъ различій, вытекающихъ уже изъ самой природы международнаго права. На такое различіе намъ слѣдуетъ уже указать при самомъ началѣ. Договоры гражданскіе получаютъ свою высшую санкцію въ законѣ извѣстнаго государства. Этого положительнаго авторитета въ международномъ правѣ нѣтъ. Откуда же береть начало обязательная сила международныхъ договоровъ?

Контрагенты здѣсь—юридическія личности, вполнѣ другъ отъ друга независимыя и не признающія надъ собою никакого положительнаго закона. Писатели далеко несогласны между собою относительно этого важнаго пункта: одни выводятъ обязательную силу договоровъ изъ требованій пользы (Бентамъ), другіе—изъ предписаній разума, какъ его постулатъ (Кантъ). Но понятіе о «пользѣ» слишкомъ эластично;—о «разумѣ» же очень отвлеченно и допустимо развѣ въ области чистаго умозрѣнія. Гефтеръ основываетъ обязательную силу договоровъ на добровольномъ согласіи контрагентовъ: ein Vertrag an sich setzt nur durch die Einheit des Willens ein Recht и прибавляетъ: folglich auch nur so lange diese Einheit dauert. Но и это мнѣніе не вѣрно: оно даетъ объективнымъ началамъ международнаго права слишкомъ тѣсное, субъективное основаніе: одна свобода воли, говоритъ Блюнчли, не дѣлаетъ еще договоры обязательными на томъ основаніи, что тогда всякій актъ воли

создавалъ бы право (so müsste alles Gewollte Recht sein). Если consensus творитъ обязательства, то всякое измѣненіе въ немъ, или dissensus разрушалъ бы ихъ.

Поэтому необходимо признать, что обязательная сила договоровъ вытекаетъ изъ *верховнаго закона общежитія*. Воля государствъ творитъ право, но эта воля вторичный, а не первичный источникъ права. Она сама дѣйствуетъ и проявляется въ предѣлахъ того юридическаго порядка (gemeinsame Rechtsordnung), который основывается не на произволѣ субъектовъ права, а на ихъ единой и неизмѣнной природѣ. *Обязательность договоровъ вытекаетъ* прямо и съ логическою необходимостью *изъ основныхъ положеній права, обезпечивающаго мирное сожитіе народовъ*. На этомъ основаніи уже древніе говорили:—Pacta sunt servanda. Ein Mann ein Wort и т. п.

§ 2. **Основныя условія международныхъ договоровъ**. Основныя условія международныхъ договоровъ касаются трехъ пунктовъ: 1) субъектовъ; 2) объектовъ, или содержанія и 3) формы, какъ совершенія, такъ и утвержденія, или ратификаціи договоровъ.

1) Кто можетъ заключать международные договоры?

Очевидно, отвѣтъ на это одинъ: заключать договоры можетъ только каждое государство, отдѣльно и самостоятельно существующее. Государства полусамостоятельныя и вассальныя только отчасти пользуются этимъ правомъ. Договоры главнаго государства (сюзерена) часто и для нихъ обязательны. Члены союзнаго государства обыкновенно лишены права заключать договоры: оно принадлежитъ союзу, но въ союзѣ государствъ каждый членъ въ этомъ отношеніи свободенъ, на сколько это, однако, не противорѣчитъ цѣлямъ цѣлаго союза. Въ первомъ отношеніи достаточно указать на штаты Сѣверо-Американскіе и кантоны Швейцаріи по конституціи 74 года: во второмъ—на отдѣльныя нѣмецкія государства по союзному акту 1815 года. Иногда и государства вполнѣ самостоятельныя ограничиваютъ себя въ свободѣ заключать трактаты: это бываетъ при союзахъ, опредѣляющихъ болѣе или менѣе тѣсно сферу ихъ политической дѣятельности.

Самостоятельность есть единственное условіе компетенціи для заключенія трактата: всѣ остальныя условія, опредѣляющія фактически государства, не измѣняютъ ея: какъ, напр., религія, форма правленія, могущество и т. д. Уже Гроцій доказываетъ, что въ заключеніи договоровъ могутъ дѣйствовать и государства нехристіанскія, а Ваттель говоритъ: La loi naturelle seule regit les traités des nations; la difference de religion y est absolument étrangere.

Но государства, какъ личности юридическія, нуждаются въ представителяхъ, которые дѣйствуютъ отъ ихъ имени: вопросъ о томъ, кому непосредственно предоставляется власть заключать трактаты, рѣшается по началамъ государственнаго, а не международнаго права. Общее положеніе здѣсь слѣдующее: власть эта принадлежитъ только дѣйствительному представителю государства, кто бы онъ ни былъ, значитъ и узурпатору. Въ неограниченныхъ монархіяхъ это право принадлежитъ государю, въ республикахъ—президенту, сенату или исполнительному совѣту. Трактатъ, недѣйствительный въ этомъ отношеніи по началамъ государственнаго права, не дѣйствителенъ и въ международной сферѣ. Поэтому, должно обращаться каждый разъ къ конституціи извѣстной страны, если необходимо рѣшить вопросъ, кто въ ней имѣетъ

право заключать договоры. Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ президентъ можетъ только тогда заключать трактатъ, когда $^2/_3$ голосовъ въ сенатѣ изъявятъ на то свое согласіе. По современной конституціи Германской имперіи (отъ 16 апрѣля 71-го г.) заключеніе трактатовъ предоставлено императору, но не иначе, какъ съ согласія союзнаго совѣта и утвержденія рейхстагомъ. Въ конституціонныхъ монархіяхъ трактаты, чтобы были дѣйствительны, должны быть контрасигнованы отвѣтственнымъ министромъ, иногда утверждены палатою.

Въ республикахъ главѣ исполнительней власти (президенту) принадлежитъ какъ бы неполная власть вступать въ международные договоры. Для этого требуется предварительное согласіе какого либо органа законодательной власти (напримѣръ, сената).

Нѣкоторыя конституціи требуютъ утвержденія палатъ для трактатовъ, возлагающихъ на государство финансовыя обязательства, или требующія уступки территорій, а для остальныхъ предписываютъ только сообщеніе ихъ палатамъ.

Если требуется утвержденіе палатъ, договоры, заключенные безъ этого условія, недѣйствительны не только съ государственной, но и съ международной точки зрѣнія. Вопросъ же о простомъ сообщеніи ихъ палатамъ не имѣетъ значенія для ихъ дѣйствительности. Но нѣтъ нужды, чтобы трактаты совпадали съ внутренними законами государствъ. Они не дѣлаются отъ этого недѣйствительными, хотя суды лишаются возможности ихъ прилагать, когда рѣчь заходитъ, напримѣръ о правахъ частныхъ лицъ. Государство, заключившее такой договоръ, можетъ привлечь къ отвѣтственности лицъ, сдѣлавшихъ это, но оно остается отвѣтственнымъ предъ другимъ контрагентомъ. Верховный судъ Нью-Іорка высказалъ даже мысль, что трактатъ, несогласный съ извѣстнымъ закономъ государства, равносиленъ отмѣнѣ этого закона. Во всякомъ случаѣ, говоритъ Фіоре, для государства, заключающаго договоръ, изъ послѣдняго тѣмъ самымъ вытекаетъ обязательность согласовать съ нимъ свои законы.

Иногда бываетъ, что отъ имени государства заключаетъ договоръ лицо, неуполномоченное на это отъ своего отечества. По аналогіи римскаго права такое лицо называется sponsor, а обязательства, имъ заключаемые, sponsiones. Такія sponsiones государство не обязываютъ до тѣхъ поръ, пока оно ихъ само не утвердитъ, но и sponsor, если только онъ дѣйствовалъ добросовѣстно и безъ злого умысла, ни къ чему не обязывается: онъ можетъ лишь стараться о полученіи ратификаціи со стороны своего государства для веденныхъ имъ переговоровъ, но, въ случаѣ неуспѣха, не подлежитъ отвѣтственности. Въ Римѣ, наоборотъ, sponsor отвѣчалъ своею личностью за исполненіе договора и, если послѣдній не утверждался, sponsor выдавался головою (Регулъ). Въ критическія минуты такія sponsiones бываютъ необходимы: знаменитый примѣръ въ новѣйшей исторіи представляетъ конвенція генерала Іорка отъ 30 го декабря 1812 г., не только заключенная, но и приведенная въ исполненіе безъ полномочія. Прусскій корпусъ самовольно отдѣлился отъ главной арміи Франціи и занялъ нейтральныя квартиры. Чрезвычайныя обстоятельства вполнѣ оправдали впослѣдствіи умное распоряженіе Іорка.

Наконецъ, трактаты получаютъ обязательную силу подобно договорамъ въ гражданскомъ правѣ только тогда, когда лица, ихъ заключавшія, дѣйствовали свободно, а не подъ вліяніемъ принужденія, обмана

или заблужденія. Но въ международной сферѣ вопросъ этотъ усложняется соображеніемъ о томъ, могутъ-ли государства дѣйствовать подъ вліяніемъ принужденія, и насколько тогда обязательны договоры? Фіоре отвѣчаетъ категорически: всякій договоръ, заключенный народомъ подъ вліяніемъ насилія, ео ipso недѣйствителенъ. Мнѣніе это очевидно крайнее и очень опасное, потому что оно узаконяетъ войны и дѣлаетъ дѣйствительное ихъ окончаніе возможнымъ лишь подъ условіемъ полнаго порабощенія противника. Всѣ мирные трактаты оно превращаетъ въ самыя неопредѣленныя и шаткія перемирія. Во второмъ изданіи своего международнаго права Фіоре, однако, говоритъ, что нравственное давленіе на государство (вслѣдствіе, напримѣръ, войны) не можетъ считаться основаніемъ для оспариваемости трактата, ибо въ дѣйствительности всегда будетъ трудно доказать, что нравственное насиліе, съ одной стороны, было непреодолимо и безъ достаточнаго юридическаго основанія, а съ другой— будто бы не было возможности ему противостоять. Въ этихъ случаяхъ справедливо говорили римляне: quamvis coactus voluit, attamen voluit. Иначе стали бы немыслимы мирные договоры между народами и войны оканчивались бы всегда совершеннымъ порабощеніемъ или истребленіемъ слабѣйшей стороны.

Довольно темно и неопредѣленно рѣшаетъ этотъ вопросъ Гефтеръ: не всякое принужденіе, говоритъ онъ, и насиліе ведетъ къ недѣйствительности договоровъ, но лишь такое насиліе, которое способно сломить самую сильную волю и прямо угрожаетъ физическому или нравственному существованію государства, такъ что долгъ самосохраненія вынуждаетъ уступить.

Гораздо рѣзче и послѣдовательнѣе выражается Блюнчли: въ частномъ правѣ угроза и принужденіе уничтожаютъ силу договора, но въ международномъ — существуетъ предположеніе, что государства сами собою всегда дѣйствуютъ свободно, если только ихъ уполномоченные дѣйствуютъ лично свободно. Поэтому, обязательны и тѣ договоры, которые заключило государство, принужденное къ тому войною или силою обстоятельствъ. Иногда самые коллегіальные органы верховной власти могутъ быть настолько въ состояніи несвободы, что трактаты, ими утвержденные, вслѣдствіе этого не дѣйствительны. Такъ, польскій сеймъ, въ послѣдніе дни республики, долженъ былъ утверждать договоры въ то время, какъ войска окружали залы его засѣданій.

2. Другія условія дѣйствительности договоровъ относятся къ ихъ *объекту или содержанію*. Гефтеръ называетъ это justa causa договоровъ. Предметомъ (causa) международныхъ обязательствъ можетъ быть все, что только принадлежитъ къ области международныхъ отношеній и оборотовъ. Само собою разумѣется, что каждое государство можетъ обязываться только относительно тѣхъ вещей и правъ, которыя состоятъ въ его власти и распоряженіи. Общее положеніе здѣсь состоитъ въ томъ, что трактатъ не можетъ заключать въ себѣ такихъ условій, которыя противны нравственности и справедливости. Какъ часть нравственности право не можетъ предписывать безнравственнаго. При этомъ, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что понятія народовъ о нравственности мѣняются и совершенствуются по мѣрѣ ихъ развитія. Поэтому, по воззрѣніямъ современнаго человѣчества недѣйствительными слѣдуетъ признать трактаты, которые захотѣли бы: a) узаконить невольничество, осужденное уже почти всѣми государствами; b) или которые объявили бы

безправными иностранцевъ; c) хотѣли бы воспрепятствовать свободнымъ сношеніямъ народовъ между собою по международной территоріи, т. е. ограничить принципъ свободы морей и международныхъ рѣкъ; d) недѣйствительны трактаты, стѣсняющіе свободу вѣроисповѣданій, какъ она признана на вестфальскомъ и вѣнскомъ конгрессахъ, или узаконяющіе религіозное преслѣдованіе; e) трактаты, имѣющіе цѣлью универсальное владычество извѣстнаго государства; f) вообще нарушающіе права третьей стороны или направленные къ порабощенію другого государства способнаго къ жизни.

Новый договоръ не долженъ противорѣчить старому, еще неотмѣненному.

Наконецъ, всѣ договоры заключаются въ предположеніи знаменитой оговорки: rebus sic stantibus. Это—одинъ изъ самыхъ темныхъ и щекотливыхъ вопросовъ договорнаго права. Трактаты, обыкновенно, заключаются на вѣчныя времена. Но это—пустая и опасная фраза. Противорѣчіе уже скрывается въ прилагательномъ «вѣчный», приложенномъ къ слову «время». Какъ историческія формы проявленія права, договоры, по самой своей природѣ, вѣчными быть не могутъ. Государства обязываются договорами въ виду извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, и договоры обязательны, когда они согласны съ послѣдними. Поэтому, существенное измѣненіе во взаимномъ положеніи сторонъ прекращаетъ между ними трактаты, исполненіе которыхъ является невозможнымъ или опаснымъ. Австрія отказалась отъ конкордата 1855 г. вслѣдствіе провозглашенія папою Піемъ IX въ 1870 г догмата о непогрѣшимости римскаго первосвященника.

Поэтому, «на вѣчныя времена» въ сущности должно обозначать: *пока времена и обстоятельства, существенно не измѣнились.* Каждый договоръ заключается при извѣстныхъ условіяхъ, измѣненіе въ которыхъ естественно ведетъ къ измѣненію, прямо или косвенно, самого договора. Вотъ смыслъ оговорки: rebus sic stantibus.

Исчислить всѣ частные случаи, когда rebus mutatis, договоры измѣняются, невозможно, здѣсь требуется прежде всего bona fides, ибо невѣрность даннымъ обѣщаніямъ чрезвычайно подрываетъ кредитъ государства. Даже отжившія формы договоровъ, говоритъ Бернеръ, заслуживаютъ того уваженія, которое оказывается высокому покойнику. Иногда договоры становятся невыносимыми вслѣдствіе происшедшихъ перемѣнъ въ конституціи. Тутъ государственное право приходитъ въ столкновеніе съ международнымъ. Какъ поступить въ такихъ случаяхъ? Требовать, чтобы договоры абсолютно задерживали политическую жизнь народовъ, невозможно. Въ случаѣ ихъ коллизіи съ основными государственными законами они дѣлаются невыполнимыми. Обязательная сила договоровъ, говоритъ Блюнчли, должна, однако, уступить основному праву государства на его существованіе и необходимое развитіе. Въ прусскомъ манифестѣ 9 октября 1806 г. эта мысль выражена такъ: Vor allen Tractaten haben die Nationen ihre Rechte.

3. Переходимъ теперь къ *формамъ совершенія договоровъ* и разсмотримъ этотъ вопросъ сперва съ внутренней, а потомъ съ внѣшней стороны.

a) Для того, чтобы договоръ вступилъ въ силу, былъ совершенъ, требуются два основныхъ условія: 1) намѣреніе одной стороны, ясно выраженное, принять на себя извѣстное обязательство по такому то или

такому предмету; и 2) другая сторона должна также ясно и несомнѣнно принять обѣщаніе первой.

Изъ этихъ двухъ основоположеній легко вывести дальнѣйшія послѣдствія: всякое одностороннее обѣщаніе (pollicitatio) не даетъ еще другой сторонѣ право требовать исполненія этого обѣщанія, даже если бы обѣщаніе было дано торжественнымъ образомъ и уже приступлено отчасти къ его исполненію. Иногда до заключенія самого договора стороны опредѣляютъ въ предварительномъ соглашеніи основанія, на которыхъ онѣ хотятъ заключить этотъ договоръ (pactum de contrahendo). Это есть обѣщаніе. Вообще, покуда договоръ находится въ формѣ предварительныхъ совѣщаній, онъ не имѣетъ никакой юридической обязательности. Договоръ не возникаетъ еще также въ томъ случаѣ, если идутъ только предварительные переговоры, хотя и приведшіе уже къ соглашенію сторонъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ. Если въ трактатѣ нѣсколько постановленій главныхъ и дополнительныхъ, между собою связанныхъ и отдѣльныхъ — необходима заключительная декларація или протоколъ, констатирующіе согласіе сторонъ на счетъ всего договора.

Молчаніе одной стороны при извѣстныхъ дѣйствіяхъ другой также не выражаетъ еще формальнаго согласія первой и не можетъ считаться договоромъ, ибо молчаніе въ юридическомъ отношеніи обозначаетъ только склонность, готовность къ чему-либо, но никакъ не твердое намѣреніе, которое одно, если ясно выражено, даетъ начало договорамъ. Наконецъ, и такъ называемые предположительные договоры или презумптивныя конвенціи—когда одна сторона дѣйствуетъ на основаніи какого-либо юридическаго принципа, предполагая, что и другая сторона будетъ дѣйствовать согласно съ этимъ принципомъ—не создаютъ договоръ въ прямомъ смыслѣ, но остаются въ области факта. Словомъ, пока обѣ стороны явно и формально не выразили свою волю, договоры обязательной силы не имѣютъ.

б) Съ внѣшней стороны относительно формы совершенія трактатовъ должно замѣтить слѣдующее: международные договоры могутъ быть совершены въ любой формѣ, ясно выражающей волю контрагентовъ. Обыкновенно, письменная форма предпочитается и надо сказать, что она наиболѣе удобная. Нейронъ и Шмальцъ требуютъ ее даже безусловно, но съ этимъ не согласуются практика и большинство писателей по нашему предмету. Мартенсъ говоритъ, что словесная форма вполнѣ возможна для международныхъ договоровъ, но конституціонные порядки въ современныхъ государствахъ мало для нея благопріятны. Одно изъ внѣшнихъ формальныхъ условій состоитъ въ провѣркѣ полномочій лицъ, которымъ поручено вести переговоры.

Въ прежнія времена договоры получали свою обязательную силу не сами по себѣ, а отъ религіи. Они ставились подъ особое покровительство боговъ. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ въ томъ отношеніи, что договоръ, обыкновенно, начинается словами: «Во имя святой и нераздѣльной Троицы», а если заключаются съ мусульманами—словами: «Во имя Всемогущаго Бога». Затѣмъ, во введеніи обозначаются имена государей, вступающихъ въ договоръ и уполномоченныхъ, заключающихъ его. Самый corpus scripturae излагается по статьямъ: сначала идутъ общія обязательства, потомъ частныя, средства исполненія, обезпеченія и т. п. Статьи обозначаются числами. Наконецъ, слѣдуютъ под-

писи уполномоченныхъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединяются ратификаціи.

Послѣ общихъ статей помѣщаются иногда статьи отдѣльныя и секретныя. Послѣднія не допускаются по американскому законодательству. Всѣ международные договоры пишутся въ настоящее время на французскомъ языкѣ.

Актъ договора копируется въ нѣсколькихъ экземплярахъ, instruments, по числу договаривающихся сторонъ.

Для обязательной силы договора не требуется его обнародованіе, хотя опубликованные трактаты скорѣе выполняются, чѣмъ тайные. Въ конституціонныхъ государствахъ договоры не подлежатъ публикаціи ранѣе утвержденія ихъ палатами. У насъ всѣ трактаты публикуются во всеобщее свѣдѣніе Правительствующимъ Сенатомъ точно такъ же, какъ законы. Секретныя статьи и договоры не публикуются, но и они должны быть сообщены всѣмъ лицамъ и мѣстамъ, которыхъ могутъ касаться.

4. *Ратификація или утвержденіе.* Договоры совершаются уполномоченными государствъ, дѣйствующими по инструкціямъ своихъ правительствъ. Но они вступаютъ вполнѣ въ силу лишь съ момента ихъ торжественнаго утвержденія (ратификаціи) верховною властію. Въ ратификаціи лежитъ окончательная провѣрка договора. Вопросъ о ней имѣетъ огромное не только юридическое, но и политическое значеніе и не мало занималъ публицистовъ. Впрочемъ, мнѣнія послѣднихъ о ней довольно разнообразны.

Въ гражданскомъ правѣ дѣйствія повѣреннаго въ предѣлахъ его довѣренности обязательны для вѣрителя. Но эта аналогія неприложима къ международному праву, гдѣ дѣло идетъ не о частныхъ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, а великихъ вопросахъ государственной жизни. Гроцій дѣлаетъ различіе между тайными инструкціями (arcana mandata) и явными (instrumentum procuratorium). Государь обязанъ подтвердить то, что совершено его уполномоченнымъ согласно съ его явными инструкціями. Ваттель того мнѣнія, что въ международныхъ дѣлахъ весьма опасно давать кому бы то ни было безграничныя полномочія, и что въ силу этого договоры недѣйствительны до ратификаціи, но что отказъ въ ней необходимо предполагаетъ самыя серьезныя основанія. Мартенсъ допускаетъ, что для обязательности договора ратификація настолько же необходима, насколько необходима санкція для закона. Но едва-ли можно съ нимъ согласиться, когда онъ далѣе утверждаетъ, что въ исключительныхъ случаяхъ право ратификаціи можетъ быть поручено извѣстнымъ лицамъ, или особымъ повѣреннымъ. Такъ, напримѣръ, во время войны главнокомандующему дается иногда полномочіе не только на самостоятельное заключеніе картелей, но предварительнаго мира, даже право привести предположенныя мирныя условія въ исполненіе, не дожидаясь утвержденія государя.

Кромѣ того санкція договоровъ ввѣряется иногда правителямъ дальнихъ и пограничныхъ провинцій (у насъ туркестанскій генералъ-губернаторъ пользуется этимъ правомъ въ отношеніи договоровъ съ средне-азіатскими властями, а въ Англіи вице-король Остъ-Индіи). Нѣтъ надобности въ ратификаціи, когда въ неограниченныхъ монархіяхъ государи сами непосредственно заключаютъ другъ съ другомъ договоръ. (Въ этой формѣ заключили между собой весьма важный, оборонитель-

ный и наступательный союзъ Екатерины II и Іосифъ II, обмѣнявшись письмами въ 1781 г.).

Витонъ допускаетъ отказъ въ ратификаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда уполномоченные не дѣйствовали согласно съ своими предписаніями и кромѣ того, когда 1, выполненіе договора невозможно по физическимъ или нравственнымъ причинамъ; 2, когда окажется такое заблужденіе, что договоръ самъ по себѣ можетъ считаться не состоявшимся и 3, когда между заключеніемъ договора и его ратификаціею совершаться важныя перемѣны въ обстоятельствахъ. Гефтеръ считаетъ ратификацію простымъ подтвержденіемъ того, что уполномоченный не преступалъ данныхъ ему инструкцій. Отказъ въ ратификаціи, даже если послѣдняя уже послѣдовала отъ одной стороны, подрываетъ кредитъ поступающаго такъ государства, но составляетъ въ сущности не правонарушеніе, а просто не совсѣмъ ловкій поступокъ (eine Incorrectheit). Отказъ въ ратификаціи, по Мартенсу, необходимъ въ слѣдующимъ случаяхъ: 1, когда уполномоченные, подписавшіе договоръ, превысили свои полномочія; 2, когда окажется что подписаніе его было результатомъ насилія надъ волей уполномоченныхъ лицъ или состоялось вслѣдствіе ихъ обмана или ошибки; 3, когда компетентное государственное учрежденіе (парламентъ, конгрессъ, государственный совѣтъ) не дастъ согласія на принятіе договора. При этомъ вполнѣ софистично его мнѣніе, что если верховная власть утвердитъ договоръ безъ спроса такого компетентнаго учрежденія, то другой контрагентъ имѣетъ право требовать его исполненія; 4, когда произошло существенное измѣненіе въ обстоятельствахъ, при которыхъ договоръ подписанъ (напримѣръ, лишеніе престола государя, отъ имени котораго велись переговоры, уничтоженіе самаго предмета договора и т. п.). Причины отказа хорошо перечисляются, какъ мы видѣли у Витона, но ихъ можно привести къ тому общему началу, что договоры, заключенные къ явному вреду государства, могутъ быть справедливо лишаемы ратификаціи.

Что касается до значенія ратификаціи, то лишь она сообщаетъ вполнѣ законную силу трактату. Но обыкновенно обязательность договора начинается съ момента его подписанія уполномоченными, а не утвержденія его верховною властью Ratihabitio retro trahitur ad initium negotii. Этого мнѣнія держатся большинство публицистовъ: Гефтеръ, Витонъ, Бернеръ и Блюнчли. Положеніе это, говоритъ послѣдній, вытекаетъ изъ того соображенія, что обыкновенно всѣ отношенія контрагентовъ опредѣляются уже къ моменту подписанія договора, а обмѣнъ ратификацій слѣдуетъ позже и не въ одно время. Капустинъ держится противоположнаго мнѣнія: если не существуетъ спеціальныхъ условій, говоритъ онъ, то каждое государство имѣетъ право считать трактатъ обязательнымъ для себя только съ того времени и въ той формѣ, въ какой онъ ратификованъ верховною властью. Также говоритъ Мартенсъ: до своего утвержденія международный договоръ есть не болѣе, какъ проектъ обязательства или простое обѣщаніе, неимѣющее юридической силы, и поэтому, его дѣйствіе должно начинаться только съ момента ратификаціи. Этого мнѣнія держится и Фіоре. Стороны могутъ признать договоръ обязательнымъ и съ момента его подписанія.

Практика также колеблется между этими двумя мнѣніями, болѣе, однако, придерживаясь перваго. Въ 1-ой статьѣ парижскаго трактата 1856 г. сказано: Il y aura à dater du jour de l'échange des ratifica-

tions du présent traité, paix et amitié etc. То же самое встрѣчаемъ въ базельскомъ мирѣ 1795 г. Напротивъ, въ конвенціи Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи съ Турціею отъ 15 го іюля 1840 г. для спасенія послѣдней отъ Мегмета-Али, въ особомъ протоколѣ четырехъ державъ сказано, что всѣ мѣры, обозначенныя во 2-й статьѣ конвенціи, должны быть приведены въ исполненіе немедленно, не дожидаясь ратификаціи. Эти мѣры состояли въ движеніи войскъ и флотовъ для защиты Константинополя.

§ 3. **Обезпеченіе договоровъ.** Хотя простой, безыскусственный голосъ совѣсти предписываетъ даже необразованному человѣку свято блюсти разъ данное слово (pacta sunt servanda и fides etiam hosti servanda), но сильные политическіе интересы весьма часто побуждаютъ государства къ нарушенію заключенныхъ ими договоровъ. Поэтому съ давнихъ поръ практика старалась обезпечить договоры различными способами. Исчислимъ вкратцѣ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Присяга государей была обыкновеннымъ способомъ обезпеченія трактатовъ въ средніе вѣка и въ XVI и XVII столѣтіяхъ, Такъ присягою были подтверждены мадридскій договоръ между Франциской I и Карломъ V 1526 г.; миръ въ Камбре 1529 г.; въ Шато-Камбрези 1559 г.; мюнстерскій—1648 г.; пиринейскій—1659 г.; рейсвикскій—1697 г. и т. д. Послѣдній примѣръ такой присяги мы встрѣчаемъ въ 1777 г. по поводу трактата между Франціей и Швейцаріей въ Солотурнѣ. Значеніе присяги въ средніе вѣка сильно было поколеблено папами, присвоившими себѣ право освобождать отъ нея государей и нерѣдко за деньги. Такъ, Юлій II освободилъ отъ присяги Фердинанда Католика. Левъ X и Климентъ VII дозволили Франциску I нарушить мадридскій договоръ. Это заставило многихъ государей оговариваться, что они не будутъ обращаться къ папамъ съ просьбами объ освобожденіи ихъ отъ присяги. Впрочемъ, присяга не придаетъ договорамъ собственно юридическаго освященія и безъ нея они одинаково обязательны для контрагентовъ. Какъ чисто религіозный обрядъ, присяга можетъ связывать только лица, которыя ее принесли, но не государство, какъ юридическую личность.

2. Закладъ и залогъ (оккупація) чаще всего употребляются при трактатахъ денежныхъ. Заклады вещей (движимости) съ цѣлью обезпечить исполненіе договора встрѣчались рѣдко (закладъ Польшею своихъ коронныхъ брилліантовъ Пруссіи). Залогъ же состоитъ въ занятіи войсками одного государства части территоріи другого, пока послѣднее не исполнитъ своего обязательства. Обычай давать залогъ съ теченіемъ времени вывелся, потому что государства не допускали овладѣнія заложенною провинціею въ случаѣ неисполненія обязательствъ. Одинъ изъ послѣднихъ примѣровъ залога между государствами представляетъ Пруссія въ 1808 г.: она отдала Франціи свои крѣпости Штетинъ, Кюстринъ и Глогау въ обезпеченіе уплаты 140 милліоновъ франковъ.

Часто правительства предоставляютъ частнымъ лицамъ, своимъ кредиторамъ въ видѣ залога тотъ или другой источникъ государственныхъ доходовъ, обезпечивающій исправное погашеніе займа и уплату %. Такими залогами пользуются, напримѣръ, англійскіе и французскіе кредиторы Турціи и Египта.

Юридическія отношенія между государствами—залогодателемъ и залогосодержателемъ, не вполнѣ подходятъ подъ понятіе о залогѣ въ гражданскомъ правѣ. Различіе выражается какъ въ предметѣ, такъ и

дѣйствіи этого рода обязательствъ. Предметомъ международнаго залога является территорія государства, а не частная собственность. Затѣмъ, тогда какъ въ частно-правовыхъ отношеніяхъ просроченный залогъ обыкновенно, подлежитъ продажѣ; въ отношеніяхъ международныхъ, въ случаѣ неисполненіи обязательствъ, заложенная (занятая) территорія присоединяется къ владѣніямъ оккупанта.

3. *Заложники* (otages, Geiseln) употреблялись также въ средніе вѣка и до XVIII столѣтія. Теперь же употребляются только въ военное время и въ отношеніяхъ съ полуобразованными народами. Послѣдній примѣръ ихъ относится къ 1748 г., когда въ обезпеченіе ахенскаго мира Англія отправила во Францію заложниками—лордовъ Суссекса и Каткарта. Они жили въ Парижѣ совершенно свободно и черезъ годъ возвратились въ отечество. Въ заложники, обыкновенно, избирались высокопоставленныя лица. Они ограничиваются, во время задержанія, въ своей личной свободѣ, но не отвѣчаютъ, если отечество ихъ не выполнитъ договора, своимъ имуществомъ или жизнію. Поэтому, всякая строгость противъ нихъ неумѣстна. Если они умираютъ во время своего задержанія, отечество ихъ не обязано поставить новыхъ заложниковъ, ибо этого рода обезпеченіе договоровъ есть личное и съ самими личностями естественно прекращающееся. *).

4. *Гарантія договоровъ*; (поручительство); такъ называются особыя условія въ договорахъ, въ силу которыхъ одно государство принимаетъ на себя обязательство подать другому помощь въ случаѣ нарушенія гарантируемаго трактата. Вопросъ о гарантіяхъ весьма важенъ и сложенъ на практикѣ; онъ вызывалъ безчисленные споры и даже враждебныя столкновенія между государствами.

Поручительство основывается на сознаніи государствами солидарности своихъ интересовъ, въ виду которой они и принимаютъ на себя обязательство обезпечить отдѣльно или сообща исполненіе даннаго трактата, защитить право извѣстнаго народа или охранить извѣстное положеніе вещей (statu quo).

По существу своему гарантія есть дополнительный договоръ и судьба его связана съ главнымъ. Однако, если гарантія вызвана интересами всего международнаго общенія, она является уже не дополнительнымъ договоромъ, а самостоятельнымъ актомъ. Въ средніе вѣка гарантія носила своеобразный, чисто-феодальный характеръ: договоры обезпечивались тѣмъ, что могущественные вассалы и подданные своими обѣщаніями подтверждали договоры, заключенные ихъ государями, и, въ случаѣ вѣроломства послѣднихъ, открыто противъ нихъ возмущались. Такіе вассалы назывались conservatores pacis, warandi, garants.

Теперь сами государства принимаютъ на себя обезпеченіе договоровъ. Хотя гарантія представляетъ высшую форму обезпеченія, которую можетъ получить трактатъ въ международной сферѣ, но исторія показываетъ намъ, что, будучи въ свою очередь новымъ договоромъ, гарантія естественно подлежитъ той же шаткости, и неопредѣленности, которыми вообще отличаются международные договоры. Уже Фридрихъ Великій говоритъ о ней: Toutes les garanties sont comme de l'ouvrage de filigrane, plus propres à satisfaire les yeux, qu'à être de quelque utilité. Одинъ изъ знаменитыхъ примѣровъ непрочности гарантіи представляетъ прагма-

*) Berner Völkerrechtliche Garantie (Staatswörterbuch IV, 65).

тическая санкція Карла VI, принятая и утвержденная почти всѣми европейскими державами. Вопреки всѣмъ гарантіямъ Польша сдѣлалась жертвою многократныхъ раздробленій. Извѣстный семейный договоръ между французскими, испанскими и сицилійскими Бурбонами 1761 г. не далъ первымъ помощи Испаніи и Сициліи и даже не удержалъ ихъ на престолѣ Франціи. Главная причина непрочности гарантій заключается, 1) въ томъ, что интересы гарантирующаго государства съ теченіемъ времени мѣняются, и 2) въ томъ, что положеніе его независимо, и оно часто къ выполненію своихъ обязательствъ не можетъ быть принуждено. Нерѣдко обстоятельства такъ измѣняются, что при наступленіи casus foederis гарантировавшее государство отказываетъ въ своей помощи. Что дѣлать тогда заинтересованной сторонѣ? Объявить войну вѣроломному союзнику и вмѣсто одного врага получить двухъ? Поэтому, гарантіи падаютъ сами собой, коль скоро исчезли интересы ихъ вызвавшіе. При существованіи, напротивъ, важныхъ интересовъ государства вступаютъ въ дѣло и безъ предварительныхъ гарантій. Собственно теорія о нихъ сводится къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ:

а) *Предметомъ гарантіи* можетъ быть каждое юридическое отношеніе, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія дѣла государства. Исторія представляетъ намъ гарантіи мирныхъ трактатовъ (нимвегенскій—1679 г., рисвикскій—1697 г., ахенскій—1748 и мн. др.); трактатовъ, опредѣляющихъ границы извѣстныхъ государствъ (договоръ 21 мая 1855 г. между Франціей, Англіей, Швеціей и Норвегіей о нераздѣльности обѣихъ сѣверныхъ державъ); трактатовъ о престолонаслѣдіи (утрехтскій миръ 1713 г., договоры о престолонаслѣдіи въ Неаполѣ и Сициліи—1736 г., въ Австріи—1748, Испаніи 1808 г. и т. д.); трактатовъ объ устройствѣ государства (напр., гарантія польской конституціи—1775 г. со стороны Австріи, Пруссіи и Россіи,—конституціи германскаго союза 1815 г. со стороны всѣхъ державъ, подписавшихъ актъ Вѣнскаго конгресса).

Вообще конституція извѣстной страны можетъ быть предметомъ иностранной гарантіи въ трехъ слѣдующихъ случаяхъ; а) когда одно государство гарантируетъ другому неприкосновенность его конституціи противъ третьей стороны. Нарушеніе конституціи послѣднею вызываетъ для гаранта право и обязанность вмѣшательства (интервенціи), b) когда гарантія дается государю и народу вмѣстѣ противъ измѣненія конституціи собственно внутренними ея врагами, какъ въ 1-мъ случаѣ врагами внѣшними. Цѣль гарантіи заключается здѣсь въ противодѣйствіи какой нибудь отдѣльной антиконституціонной партіи. Но если конституція измѣняется по добровольному соглашенію государя съ народомъ—гарантія не даетъ права вмѣшательства. с) Когда государь обязывается предъ другою державою не измѣнять государственнаго строя своей страны. Нарушеніе этого обѣщанія даетъ, говорятъ, иностранному государству право вмѣшательства. Мы видимъ, даже въ нашемъ столѣтіи нѣсколько примѣровъ такихъ гарантій трона противъ угрожающихъ ему народныхъ движеній. Особенно итальянскіе государи думали утвердить свои престолы, поставивъ ихъ подъ гарантіи австрійскаго абсолютизма; таковы напр., договоры между Неаполемъ и Австріей отъ 15 іюня 1815 г., между Тосканой и Австріей отъ 15 іюня того же года, между Моденой и Австріей отъ 24 декабря 1847 г. и др. Такіе договоры недѣйствительны ipso jure они причиняютъ безполезное, ненужное униженіе для страны, принимающей гарантію. Въ минуту дѣйствительной опасности, когда

колеблется тронъ, конституція не поддержится иноземною гарантіею, а за то въ обыкновенное время послѣдняя даетъ иностранной державѣ оскорбительное право контролировать каждый шагъ страны, подчинившейся ея гарантіи, мѣшать ея свободному внутреннему развитію и результатомъ своимъ имѣетъ установленіе въ этой странѣ пагубнаго недовѣрія между правительствомъ и народомъ. Обязанность государя измѣнить конституцію своей страны во всякомъ случаѣ стоитъ выше его обязанности исполнить договоръ, создающій такую гарантію. Сводя все сказанное къ общему результату, мы должны замѣтить, что всѣ иноземныя гарантіи тѣхъ или другихъ конституцій должны быть осуждены: слабое государство черезъ это становятся жертвою иноземныхъ вмѣшательствъ и лишаются болѣе или менѣе внутренней независимости, а государства сильныя и не нуждаются въ гарантіяхъ, да и не задерживаются послѣдними въ свободномъ проявленіи своей политической жизни.

б) Относительно самихъ *контрагентовъ* въ разсматриваемыхъ нами договорахъ бываетъ два случая; либо сами контрагенты даютъ другъ другу взаимную гарантію въ неприкосновенности ихъ постановленій противъ третьихъ лицъ, либо третья, договору непричастная сторона, принимаетъ на себя гарантію извѣстнаго трактата и обѣщаетъ, даже силою принудить къ его выполненію ту сторону, которая первая нарушитъ статьи этого трактата. Примѣръ гарантій перваго рода мы видимъ въ мирномъ договорѣ Оливскомъ 1660 г., гдѣ всѣ договаривающіяся стороны гарантировали другъ другу постановленія этого мира. Ахенскій миръ 1748 г. взаимно гарантированъ 8 ю державами, его подписавшими, и т. д. Напротивъ державы—посредственницы приняли на себя гарантію Тешенскаго мира, заключеннаго въ 1779 г. между Австріей и Пруссіей. Блюнчли даетъ различное названіе обоимъ видамъ гарантій: первый видъ онъ называетъ Garantiebeschluss, второй Bürgschaftsgarantie, и прибавляетъ, что въ первомъ случаѣ права и обязанности гарантіи существуютъ самостоятельно для каждато гаранта, а во второмъ они поставлены въ зависимость отъ того государства, въ пользу котораго дается гарантія.

в) Гарантіи проявляются, обыкновенно, въ двухъ *видахъ*: либо условія о нихъ высказываются въ самомъ же главномъ договорѣ, опредѣляющемъ права и обязанности контрагентовъ; тогда они составляютъ прибавленіе къ инструменту договора; либо гарантіи излагаются въ особомъ дополнительномъ договорѣ, имѣющемъ тогда характеръ акцессорнаго, добавочнаго. Первая форма примѣняется особенно тогда, когда гарантію даютъ сами контрагенты взаимно другъ другу; если же она (гарантія) дается третьимъ постороннимъ государствомъ, то возможны одинаково обѣ формы. Иногда позднѣйшій договоръ, въ особой статьѣ подтверждаетъ договоръ болѣе древній. Спрашивается, какъ относится гарантія къ нимъ обоимъ, т. е. гарантія, данная позднѣйшему договору, простирается ли eo ipso и на древнѣйшій? Практически вопросъ этотъ получилъ извѣстность по поводу гарантіи Тешенскаго мира 1779 г. Россіею. Въ 12 ст. этого трактата включенъ Вестфальскій миръ слѣдующею оговоркою; «возобновляются и подтверждаются трактаты Вестфальскій, Бреславскій, Берлинскій и Дрезденскій такъ, какъ бы они были внесены слово въ слово въ настоящій актъ». На этомъ основаніи Россія, по замѣчанію Капустина, признавала себя всегда защитницей и охранительницей не только мира Тешенскаго, но также и Вестфальскаго. Мы

также находимъ мнѣніе это правильнымъ, хотя нѣмецкіе публицисты конца прошлаго столѣтія, а между новѣйшими Бернеръ и утверждаютъ, что оговорка, подобная нами приведенной, еще не дѣлаетъ древнѣйшій договоръ составною частью (integrirenden Bestandtheil) новѣйшаго.

г) При опредѣленіи *взаимоотношеній* гаранта и гарантируемаго надобно прежде всего заботиться о томъ, чтобы гарантія не уничтожила самостоятельности и свободы послѣдняго. Отсюда вытекаютъ слѣдующія положенія: гарантъ (поручитель) можетъ дѣйствовать въ пользу гарантируемаго не иначе, какъ по его приглашенію и въ предѣлахъ, дозволяемыхъ международнымъ правомъ. Въ случаѣ неуспѣшности его усилій гарантъ не обязанъ къ вознагражденію заинтересованной стороны. Онъ вообще не вступаетъ въ мѣсто другого контрагента. Онъ не можетъ принуждать къ выполненію обѣ стороны, развѣ будутъ прямо затронуты его собственныя права или права всего международнаго союза. Самъ по себѣ права вмѣшательства на основаніи гарантіи онъ не имѣетъ. Гарантируемый можетъ добровольно отступиться отъ своего права, либо захотѣть собственными силами его поддерживать:—въ обоихъ случаяхъ гаранту нечего дѣйствовать. Но съ другой стороны гарантируемый не можетъ требовать, чтобы гарантъ толковалъ извѣстный договоръ именно въ его смыслѣ. Тутъ легко возникаютъ разногласія.—Какъ ихъ рѣшить? Очевидно ни одна сторона не обязана уступить другой; если гарантъ толкуетъ договоръ, поставленный подъ его охрану иначе, чѣмъ гарантируемый, онъ всегда можетъ воздержаться отъ дѣйствія; если онъ далъ гарантію двумъ сторонамъ, онъ окажетъ помощь той изъ нихъ, съ которою самъ согласенъ. Далѣе же этого онъ не можетъ присвоить себѣ роль судьи, независимо стоящаго надъ партіями и имъ предписывающаго свое собственно мнѣніе о casus foederis.

д) *Мѣра* гарантіи рѣдко опредѣляется; большею частью гарантъ обѣщаетъ содѣйствовать извѣстному дѣлу всѣми своими силами. Конечно, и такое обѣщаніе по природѣ своей имѣетъ характеръ вспомогательный, т.-е предполагаетъ, что гарантируемый обязанъ прежде всего дѣйствовать собственными силами, и что гарантъ, по возможности исполнившій лежавшія на немъ обязанности, не подлежитъ отвѣтственности за неуспѣхъ, т.-е. отъ него нельзя требовать вознагражденія за убытки.

е) Гарантъ самъ по себѣ не имѣетъ права *помѣшать* контрагентамъ *измѣнить* или даже совершенно *уничтожить* главный договоръ. Этимъ прекращаются и его обязанности, существующія впрочемъ всегда подъ условіемъ salvo jure tertii. Гарантія не съ международнымъ характеромъ, а съ государственнымъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если въ сложномъ государствѣ центральное правительство приняло подъ свою охрану для отдѣльныхъ членовъ извѣстную форму правленія: такъ статья 4 американской конституціи 1784 г. гарантируетъ каждому Штату республиканскую форму правленія. Сводя все сказанное нами о гарантіяхъ къ общему результату, мы должны сознаться, что онѣ представляютъ, по справедливому отзыву Мартенса, болѣе кажущуюся, нежели дѣйствительную пользу.

ж) По *формѣ* гарантіи бываютъ *простыя* и *сложныя*. Простая состоитъ въ томъ, что какое-либо третье государство *одно* ручается за исполненіе даннаго договора. Сложная форма поручительства является; во 1-хъ въ видѣ *взаимной* гарантіи государствами неприкосновенности своихъ правъ или владѣній (Россія и Франція гарантировали другъ

другу по Тильзитскому трактату 1807 г. цѣлость принадлежавшихъ имъ владѣній; Россіи и Австрія по Мюнхенгрецкой конвенціи 1833 г. другъ другу спокойное и мирное владѣніе польскими провинціями); во 2-хъ въ видѣ *коллективной* гарантіи нѣсколькими государствами сообща за сохраненіе извѣстнаго порядка вещей или владѣній и правъ даннаго народа. Трактатомъ 1832 г. Англія, Франція и Россія поручились сообща за независимость Греціи; трактаты Вѣнскій 1815 г. и Лондонскіе 1831 и 67 г. постановили о вѣчномъ нейтралитетѣ Швейцаріи, Бельгіи и Люксембурга. Въ 1856 г. Австрія, Франція и Англія гарантировали между собою неприкосновенность Оттоманской Имперіи.

з) Поручительство *прекращается*: по соглашенію между гарантами, вслѣдствіе отказа того государства, въ пользу котораго оно сдѣлано; истеченіемъ срока дѣйствія договора и, наконецъ, съ уничтоженіемъ объекта гарантій.

§ 4. **Юридическое движеніе договоровъ.** Между своимъ возникновеніемъ и прекращеніемъ трактаты подвергаются различнымъ *видоизмѣненіямъ*, на которыя мы теперь должны обратить вниманіе.

а) Правильно заключенный договоръ не нуждается въ подтвержденіи (confirmation), но послѣднее сдѣлается необходимымъ, когда возникаютъ сомнѣнія относительно его дѣйствительности и приложенія. Такое подтвержденіе встрѣчается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествующій трактатъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ часть позднѣйшаго, новаго трактата. Мы уже видѣли, что по ученію Бернера такое подтвержденіе не уничтожаетъ самостоятельности прежняго договора.

Diese Klausel macht nicht ohne Weiteres den alten Vertrag zu einem einverleibten Bestandtheile des neuen, sondern sie bildet nur eine Anerkennung des ältern, als eines abgesonderten.

Иногда государи, при восшествіи своемъ на престолъ, объявляютъ, что они будутъ соблюдать всѣ предшествующіе трактаты и, такимъ образомъ, даютъ имъ новое подтвержденіе. Впрочемъ, такой актъ есть не что иное, какъ излишняя формальность: трактаты заключаются государствами и потому ихъ обязанность не зависитъ ни отъ лица монарха, ни отъ перемѣны династій, ни отъ формы правленія: вообще всѣ трактаты, заключенные государствами, обязательны для народа, хотя бы монархія превратилась въ республику или наоборотъ, потому что народъ остается тотъ же при различныхъ правительствахъ.

б) Далѣе трактаты, продолжаются, возобновляются (renouvellement, prolongation), когда окончился срокъ ихъ дѣйствія. При этомъ необходимо ясно выраженное согласіе обоихъ контрагентовъ возобновить договоръ. Впрочемъ, и молчаливое возобновленіе встрѣчается, но оно можетъ легко дать поводъ къ различнымъ нареканіямъ; между контрагентами является тогда сомнѣніе относительно срока возобновленія.

Трактатъ вступаетъ въ новую жизнь либо цѣликомъ, либо въ нѣкоторыхъ частяхъ. Возобновленіе трактата есть собственно заключеніе новаго договора, хотя и сходнаго съ прежнимъ, поэтому оно требуетъ тѣхъ же самыхъ условій, какъ созданіе новаго трактата. Возможность возобновленія договора, заключеннаго на срокъ, обыкновенно оговаривается въ особой статьѣ, причемъ говорится, что сторона, не желающая продолженія договора, обязана предувѣдомить о томъ другую по крайней мѣрѣ за годъ до истеченія срока, въ противномъ случаѣ договоръ считается молчаливо продолженнымъ еще на годъ.

в) Иногда договоры не возобновляются, а лишь возстановляются (retablissement), послѣ того какъ дѣйствія ихъ были пріостановлены на нѣкоторое время въ случаѣ войны или по другимъ причинамъ. Таковы видоизмѣненія, которымъ подвергаются договоры сами по себѣ; впрочемъ дипломатическій языкъ не различаетъ строго только что указанныя нами измѣненія, часто употребляя одинъ терминъ взамѣнъ другого.

§ 5. **Толкованіе договоровъ.** Иногда трактаты приходятъ въ столкновеніе между собою и это рождаетъ вопросъ о ихъ *толкованіи.*

Противорѣчіе между трактатами, относящимися къ различнымъ эпохамъ, неудивительно. Отражая юридическое сознаніе извѣстной эпохи или извѣстнаго народа они измѣняются по мѣрѣ развитія этого сознанія. Lex posterior derogat priori—это положеніе вполнѣ примѣнимо и къ международному праву. Но иногда коллизія возникаетъ и между трактатами, относящимся къ одной и той же эпохѣ. Какія правила толкованія принять въ такихъ случаяхъ?

Общія начала, существующія относительно коллизіи законовъ и договоровъ, прилагаются и къ трактатамъ, т.-е. 1, если приходятъ въ столкновеніе два трактата, одинъ дозволяющій что-либо, а другой запрещающій то же самое, то первый долженъ уступить мѣсто второму и во 2-хъ частный трактатъ долженъ имѣть больше силы, чѣмъ общій. Однако, послѣднее начало прилагается только къ трактатамъ, имѣющимъ исключительно характеръ договора между двумя государствами. Напротивъ, относительно трактатовъ, касающихся всего международнаго союза, дѣйствуетъ другое начало: необходимо отдать преимущество тому трактату, который болѣе производителенъ, т.-е. условія котораго болѣе соотвѣтствуютъ общей пользѣ.

При исполненіи трактатовъ весьма часто возникаютъ вопросы о ихъ дѣйствительномъ смыслѣ, а потому необходимы нѣкоторыя общія правила относительно толкованій договоровъ. Почти всѣ публицисты Гроцій, Пуффендорфъ, Ваттель и др. занимались этимъ вопросомъ. Знаменитые цивилисты Потье и Дома изслѣдовали его съ чрезвычайною ясностью, и тѣ начала, которыя они установили для частныхъ договоровъ, могутъ быть въ извѣстной степени прилагаемы и къ трактатамъ.

При отсутствіи въ международной сферѣ верховной власти, стоящей надъ контрагентами, аутентическое толкованіе трактатовъ исходитъ отъ самихъ государствъ или отъ добровольно выбранныхъ ими посредниковъ (arbitrage). Собственно говоря, чрезъ это возникаетъ новый трактатъ, поясняющій или исполняющій трактатъ предшествующій.

Въ международной практикѣ встрѣчается и обычное толкованіе, т.-е. основанное на прецедентахъ. Вообще aequitas должна прилагаться къ международнымъ вопросамъ болѣе, чѣмъ къ какимъ бы то ни было другимъ юридическимъ вопросамъ. Она должна смягчать строгую логику чисто юридическихъ выводовъ, приводя ихъ въ согласіе съ требованіями живого матеріальнаго права. Цѣль договора и соотношеніе его частей сами собой указываютъ иногда на неудачность того или другаго выраженія. Все, что ясно, не должно подлежать толкованію—таково одно изъ основныхъ правилъ интерпретаціи уже по Ваттелю. Когда въ трактатѣ встрѣчаются неясность или неполнота, то возникающіе отсюда убытки падаютъ на тѣхъ, кто могли бы лучше выразить свою мысль. Уже римское право въ этомъ отношеніи постановило: obscuritas pacti nocet ei, qui apertius loqui potuit.

Договоры, заключенные въ исключительныхъ интересахъ одного изъ контрагентовъ, интерпретируются въ сомнительныхъ случаяхъ въ пользу обремененной стороны. Всѣ международные договоры должны быть толкуемы bona fide; всегда необходимо предполагать, что государства ихъ подписавшія, имѣли въ виду добросовѣстное ихъ толкованіе и исполненіе.

Наконецъ, трактаты могутъ быть предметомъ и ученаго истолкованія. Его дѣлятъ на грамматическое и логическое. Первое бываетъ достаточно только въ томъ случаѣ, когда намѣреніе договаривающихся сторонъ ясно выражено, и вопросъ состоитъ лишь въ пониманіи извѣстныхъ словъ. При этомъ, за правило принимается слѣдовать очевидному, обыкновенному смыслу словъ и объяснять его не изъ отдѣльныхъ выраженій, а изъ всего акта.

Логическое истолкованіе имѣетъ въ виду объяснить смыслъ всего трактата, его цѣль и мотивы. Поэтому, каждое отдѣльное выраженіе должно быть понимаемо въ связи со всѣмъ трактатомъ. При логическомъ толкованіи содержанія трактата надо обращать вниманіе на историческое его происхожденіе, на намѣреніе, цѣли и духъ самаго договора и на согласіе его постановленій съ господствующими началами международнаго права.

Что касается до аналогіи, то она можетъ быть прилагаема къ трактатамъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Съ аналогіей надо обращаться очень осторожно, чтобы какъ нибудь по ошибкѣ не приписать чего-либо новаго толкуемому договору.

§ 6. **Разные виды договоровъ.** Писатели по международному праву чрезвычайно расходятся между собою во мнѣніяхъ относительно дѣленія трактатовъ на различные роды. Почти каждый изъ нихъ предлагаетъ свою систему дѣленія, и постороннему человѣку не легко выпутаться изъ этого лабиринта другъ другу противорѣчащихъ мнѣній. Оставляя въ сторонѣ за недостаткомъ времени мнѣнія ученыхъ по этому поводу, мы изложимъ вкратцѣ нашу классификацію.

Международные договоры можно дѣлить или по степени ихъ важности, или по предметамъ. Въ первомъ отношеніи мы получимъ *конвенціи, трактаты и декларації.*

Конвенціи опредѣляютъ *одно какое-либо отношеніе* между государствами или обязываютъ ихъ къ *одному извѣстному дѣйствію.*

Трактаты устанавливаютъ между ними *цѣлый рядъ отношеній.*

Декларації высказываютъ отъ имени большинства или всѣхъ государствъ *извѣстные общіе принципы международнаго права.* Онѣ въ отличіе отъ договорныхъ нормъ носятъ по преимуществу законодательный характеръ. Воля отдѣльнаго государства не можетъ ихъ отмѣнить. Не обязывая государство, ихъ непринявшее, онѣ вполнѣ международные законы, если приняты большинствомъ европейскихъ государствъ.

По предметамъ же трактаты дѣлятся на *политическіе, соціальные* и *юридическіе.*

§ 7. **Прекращеніе договоровъ.** При всей аналогіи трактатовъ съ договорами по частному праву они представляютъ, однако, много особенныхъ имъ присущихъ характеристическихъ чертъ, съ которыми отчасти мы уже познакомились, но которыя особенно ярко выступаютъ въ ученіи о прекращеніи трактатовъ.

Обыкновенно, принято заключать трактаты (особенно мирные) «на

вѣчныя времена». Мы уже имѣли случай указывать на все противорѣчіе такого положенія. Вѣчность договоровъ въ дѣйствительности обозначала бы только политическую смерть народовъ. Договоры, какъ и конституціи, не вѣчны, потому что, соотвѣтствуя извѣстнымъ политическимъ потребностямъ опредѣленнаго народа въ данную эпоху, они необходимо должны мѣняться съ перемѣною тѣхъ обстоятельствъ, которыми вызваны. Rebus mutatis падаетъ внутреннее разумное основаніе договора.

По поводу отказа Россіи въ 1870 г. отъ исполненія извѣстныхъ статей Парижскаго трактата Дж. Ст. Милль доказывалъ до какой степени нелѣпо связывать государства вѣчными обязательствами; при этомъ онъ высказалъ то мнѣніе, что разумно можно обязать народъ только договоромъ, заключеннымъ на опредѣленный срокъ, не превышающій жизнь одного поколѣнія.

Но съ другой стороны соблюденіе трактата должно быть гарантировано до послѣдней возможности. Право само по себѣ способно къ жизни и съ жизнью развивается, но это развитіе должно совершаться въ предѣлахъ юридическихъ нормъ. Трактаты прекращаются отъ слѣдующихъ причинъ: 1) исполненіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя составляли его содержаніе, если только трактатъ не обязываетъ къ постоянному дѣйствію; 2) истеченіемъ срока, если договоръ былъ заключенъ на опредѣленное время; 3) взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ (mutuus dissensus отрицаетъ прежній mutuus consensus); 4) отказомъ одной изъ сторонъ, если это разрѣшено въ договорѣ; 5) произвольное нарушеніе договора одною стороною даетъ другой право отступиться отъ него. Въ гражданскомъ правѣ невыполненіе договора даетъ обиженному только право иска, а въ международномъ это уничтожаетъ весь договоръ. Впрочемъ, иногда въ трактатѣ сопоставляются различные отдѣльные предметы безъ необходимой внутренней связи; въ такомъ случаѣ при измѣненіи или нарушеніи нѣкоторыхъ статей, остальныя не теряютъ своей силы; 6) договоры прекращаются, когда одинъ изъ контрагентовъ потеряетъ свою самостоятельность или 7), когда ихъ существованіе становится не совмѣстнымъ съ государственнымъ развитіемъ извѣстнаго народа или вообще съ новыми, болѣе гуманными воззрѣніями международнаго права; 8) наконецъ, война не уничтожаетъ существующихъ трактатовъ, а развѣ только пріостанавливаетъ на время ихъ дѣйствіе. Прежде, когда война почиталась состояніемъ безправія, полагали, что она прекращаетъ дѣйствіе трактатовъ, и что при возстановленіи мира требуется особенно ясно выраженное условіе о томъ, что всѣ предшествующіе трактаты снова получаютъ свою силу. Нынѣ это мнѣніе оставлено лучшими публицистами, видящими и въ войнѣ все-таки юридическую борьбу между государствами.

ГЛАВА V.

Представительство государствъ въ международной сферѣ и органы международнаго общенія.

§ 1. **Дипломатическіе агенты и посольское право.** Представителями государствъ въ международной сферѣ являются дипломатическіе агенты. *Дипломатическими агентами называются официальныя, облеченныя особыми правомочіями лица, служащія представителями государствъ въ ихъ*

взаимныхъ сношеніяхъ. Ихъ задача—охранять вытекающіе изъ основныхъ и договорныхъ правъ высшіе политическіе интересы государствъ въ междн. общеніи и содѣйствовать мирному разрѣшенію возникающихъ во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ спорныхъ вопросовъ. Совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности дипломатическихъ агентовъ, какъ представителей государствъ въ международномъ общеніи, образуетъ такъ наз. посольское право.

Институтъ посольскаго права неизвѣстенъ древности, несознававшей необходимости правильнаго международн. общенія. Лишь въ случаѣ неизбѣжныхъ фактическихъ сношеній между государствами и народами *временно*, въ извѣстныхъ случаяхъ отправлялись ради извѣстной, опредѣленной, временной цѣли посольства, пользовавшіяся при этомъ извѣстною охраною (обыкновенно—религіозною). Но эти сношенія и эти посольства носили случайный характеръ и не могли быть, поэтому, построены на прочныхъ правовыхъ началахъ (римское jus feciale—совокупность правилъ и обрядностей, а не юридическихъ нормъ). Возникновеніе института дипломатическихъ агентовъ въ качествѣ *постояннаго* организованнаго учрежденія относится лишь къ XV в. Родина его—Венеція. Процессъ объединенія европейскихъ государствъ, развитіе монархическаго абсолютизма съ его завоевательною политикою и учрежденіе постоянныхъ армій значительно способствовали развитію и укрѣпленію института постояннаго дипломатическаго представительства государствъ: дипломатическіе агенты нужны были государствамъ прежде всего какъ «политическіе шпіоны», чтобы слѣдить за вооруженіями, политическими замыслами и т. п. другъ друга *). Къ XVII вѣку институтъ постоянныхъ посольствъ окончательно вошелъ въ общее употребленіе у всѣхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ одной только Россіи, и развитіе культурнаго и экономическаго общенія между европейск. цивилизованными народами постепенно повліяло и на измѣненіе первоначальнаго характера дипломатическихъ агентовъ. Такъ какъ народы нецивилизованные до послѣдняго времени не сознавали потребности въ постоянномъ общеніи съ народами цивилизованными, то инициатива учрежденія у нихъ дипломатическихъ агентовъ всегда принадлежала этимъ послѣднимъ, которые иногда даже силою добивались (напр. относительно Китая) разрѣшенія на учрежденіе своихъ постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ въ государствахъ нецивилизованныхъ.—Культурная и религіозная обособленность Московскаго государства въ XV—XVII столѣтіяхъ, его недовѣріе и принципіальная враждебность къ иностранцамъ объясняютъ, почему оно не посылало и не соглашалось принимать постоянныхъ дипломатическихъ представителей,—всѣ русскія посольства и западныя посольства въ Московскомъ государствѣ носили временный, случайный характеръ. Первыя русскія постоянныя посольства при западно европейскихъ государствахъ и въ Турціи учреждены были Петромъ В. Въ другихъ азіатскихъ государствахъ (Персіи, Китаѣ, Японіи, Бухарѣ) они учреждены лишь въ XIX вѣкѣ.

Право посольства дѣлится на активное и пассивное. *Активнымъ* правомъ посольства называется право государства, какъ члена международнаго общенія, *назначать* своихъ представителей при другихъ государствахъ *съ правами и преимуществами*, признаваемыми цивилизованными

*) См. Таубе, I. 352.

государствами за дипломатическими агентами. *Пассивное* право посольства есть право государства *принимать* къ себѣ представителей иностранныхъ державъ *съ обязанностью признавать за ними* установленныя международною практикою права и преимущества. Нѣкоторые писатели (напр. Гефтеръ) утверждаютъ, что принятіе посольства не есть обязанность государства, а лишь вопросъ пользы. Противъ этого справедливо возражаютъ (Мартенсъ, Даневскій), что такой взглядъ основанъ на *преувеличеніи идеи суверенитета и независимости государствъ. Если же стать на точку зрѣнія начала правового общенія между народами,* обязывающаго ихъ, какъ членовъ высшаго порядка, сознательно стремящихся при его посредствѣ къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, къ поддержанію постоянныхъ правильныхъ взаимныхъ отношеній, органами которыхъ являются дипломатическіе агенты, *то объ отказѣ принимать и посылать ихъ не можетъ быть и рѣчи.*

Активное посольское право принадлежитъ stricto jure только государствамъ независимымъ, пользующимся, полнымъ суверенитетомъ.

Осуществленіе активнаго права посольства принадлежитъ *представителю верховной власти* государства: монарху, президенту республики, по личному ихъ усмотрѣнію или подъ контролемъ, или съ согласія народного представительства; напр., въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки—президенту съ согласія сената. Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ національнаго законодательства страны и отъ ея конституціи. Въ союзныхъ государствахъ (Bundesstaat), обыкновенно, члены ихъ не пользуются отдѣльнымъ представительствомъ. Впрочемъ, въ настоящее время Германская имперія имѣетъ въ другихъ государствахъ своихъ пословъ на ряду съ посланниками отъ отдѣльныхъ ея государствъ (напр. Баваріи, Вюртемберга) и въ этомъ отношеніи подходитъ подъ типъ союза государствъ (Staatenbund). Иногда въ виду мѣстныхъ условій начальникамъ отдаленныхъ провинцій или колоній представляется государствомъ активное право посольства. Такъ вице-король Индіи и Туркестанскій ген.-губернаторъ, какъ было уже сказано, пользуются правомъ самостоятельныхъ дипломатическихъ сношеній съ средне-азіатскими владѣніями, но, конечно, подъ личною отвѣтственностью передъ своими правительствами.

При *междуусобной войнѣ* ни одна партія не обладаетъ этимъ правомъ, пока она фактически не захватила въ свои руки верховной власти въ странѣ. Съ другой стороны, монархъ, лишившійся прѣстола, не можетъ претендовать ни на активное, ни на пассивное право посольства.

Пассивное посольское право, т. е. право принимать дипломатическихъ агентовъ, принадлежитъ въ принципѣ всякому государству, обладающему активнымъ посольскимъ правомъ.

Полунезависимыя государства не имѣютъ ни активнаго, ни пассивнаго права посольства. Представительство ихъ политическихъ интересовъ въ международной сферѣ присвоивается ихъ сюзереннымъ державамъ. Но ради своихъ политическихъ интересовъ великія державы назначаютъ, обыкновенно, къ полунезависимыхъ государствамъ (напр. въ Болгарію) генеральныхъ консуловъ съ спеціальнымъ званіемъ *дипломатическихъ агентовъ* (consuls généraux et agents diplomatiques); de jure такіе агенты не пользуются, впрочемъ, особыми противъ генеральныхъ консуловъ правами.

Какія лица могутъ быть посылаемы и должны быть, слѣдовательно,

принимаемы въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ? Изъ обязанности принимать пословъ вообще не слѣдуетъ еще обязанность принимать въ качествѣ посла всякое назначенное въ качествѣ посланника лицо. Цѣль дипломатич. агентуры—охраненіе интересовъ общенія посредствомъ поддержанія добрыхъ отношеній между государствомъ посылающимъ и державою, принимающею посла. Поэтому, установился обычай предварительно освѣдомляться у правительства, при которомъ долженъ состоять агентъ, желаетъ ли оно принять такое-то лицо въ качествѣ агента.

Отказъ въ принятіи даннаго лица въ качествѣ посла допускается относительно: а) *подданнаго страны въ которой аккредитуется дипломатическій агентъ*; особыя права и привилегіи посольскаго званія легко могутъ оказаться несовмѣстными съ правами государства относительно своего подданнаго (напр. относительно судебной его отвѣтственности), б) лица, *опозореннаго* судомъ, и в) лица, завѣдомо *враждебно* относящагося къ правительству, къ которому его желаютъ послать, или занимающаго такое общественное положеніе, которое дѣлаетъ принятіе его неудобнымъ для мѣстной власти. Напр., въ 40-хъ годахъ. Русское правительство отказало въ согласіи принять посломъ отъ Англіи лорда Пальмерстона. На томъ-же основаніи Италія не приняла въ 1885 г. въ качествѣ посланника С. Штатовъ Кейлея, а Австрія не приняла его на томъ основаніи, что онъ состоялъ въ гражданскомъ бракѣ съ еврейкою. Папа отказалъ въ 1875 г. принять въ качествѣ германскаго посла кардинала кн. Гогенлоэ, такъ такъ кардиналы подчинены папѣ.

Каждое государство можетъ назначить къ другому пословъ въ количествѣ, которое сочтетъ нужнымъ. Въ прежнія времена государства иногда пользовались правомъ посылать коллективныя посольства, но въ настоящее время посылаютъ всегда одного посла, за исключеніемъ конгрессовъ и конференцій,—что объясняется сложностью задачъ, подлежашихъ разрѣшенію этихъ междун. собраній. Въ 1822 г. въ Вѣнѣ состоялъ посломъ гр. Головкинъ, но туда же былъ посланъ Татищевъ, чтобы тайно отъ перваго вести переговоры о восточномъ вопросѣ. Иногда державы назначаютъ одного уполномоченнаго къ нѣсколькимъ государствамъ; напр. Франція посылаетъ одного къ 5 республикамъ центральной Америки; Россія одного же къ нѣсколькимъ мелкимъ германскимъ государствамъ; Китай посылаетъ къ нѣсколькимъ великимъ державамъ одного посла, избирающаго себѣ мѣсто пребыванія въ одной изъ нихъ (въ Лондонѣ). Случается также, хотя рѣже, что одно лицо—посолъ отъ нѣсколькихъ государствъ (всегда незначительныхъ и имѣющихъ общіе международные интересы).

Начало дипломатической миссіи. Моментъ, съ котораго данное лицо должно быть разсматриваемо въ качествѣ дипломатическаго агента, слагается stricto jure изъ моментовъ *назначенія* и *признанія* государствомъ, къ которому оно аккредитовано. Послѣдній моментъ выражается вручеміемъ посланникомъ въ торжественной аудіенціи государю или главѣ правительства *кредитивной грамоты* (lettre de créance) полученной посланникомъ отъ его государя и правительства. Только съ представленія кредитивной грамоты (содержащей указанія на имя, рангъ и предметъ полномочій аккредитуемаго лица) дипломатическій агентъ de jure вступаетъ во всѣ свои права и преимущества. Но *практика* относитъ этотъ моментъ ко времени назначенія даннаго лица и его выѣзда за границу, причемъ права его на независимость и личную неприкос-

новенность уважаются и другими государствами. Самыя церемоніи пріема (торжественной аудіенціи) дипломатическихъ агентовъ различны по обычаямъ даннаго государства и отчасти по рангу агента. Кромѣ кредитивной грамоты всякій посланникъ имѣетъ обыкновенно *инструкціи* (всегда тайныя) и такъ называемое *уполномочіе* (plein pouvoir) на извѣстныя спеціальныя дѣйствія (напр., заключить миръ или трактатъ). Для посланниковъ, назначенныхъ на конгрессъ, полномочіе замѣняетъ кредитивную грамоту. Паспортъ и въ военное время, проѣздной листъ (sauf conduit для проѣзда чрезъ территорію воюющаго государства) не имѣютъ никакого значенія для государства, при которомъ аккредитованъ дипломатическій агентъ, а только для третьихъ государствъ (для удостовѣренія личности агента).

Оканчивается дипломатическая миссія фактически — смертью посланника, или юридически. *Нормальные юридическіе способы* прекращенія, миссіи: исполненіе спеціальнаго порученія (напр., заключенія трактата, поздравленія съ восшествіемъ на престолъ государя), истеченіе срока полномочія (въ случаѣ срочной миссіи), отозваніе посланника; *ненормальные (особенные)*: отказъ мѣстнаго правительства продолжать съ нимъ дипломатич. сношенія, разрывъ дипломатическихъ сношеній или война между государствами пославшимъ и принявшимъ дипломатическаго агента, а также въ случаѣ смерти, отреченія отъ престола или изгнанія государя или главы государства въ государствѣ, пославшемъ или принявшемъ посла.

По принятому обычаю, въ случаѣ нормальнаго прекращенія миссіи посланникъ получаетъ отъ главы государства прощальную аудіенцію, въ которой вручаетъ свою *отзывную грамоту*, но пользуется всѣми правами дипломатическаго агента до выѣзда изъ государства.

Ранги дипломатическихъ агентовъ. Для прекращенія частыхъ споровъ о правѣ первенства или предсѣданія дипломатическихъ агентовъ Вѣнскій конгрессъ 1815 г. издалъ регламентъ о рангахъ дипломатическихъ агентовъ. Онъ установилъ для нихъ три класса: 1) *послы* (ambassadeurs) и папскіе уполномоченные (легаты и нунціи); 2) *посланники* и полномочные министры (envoyés et ministres); 3) *повѣренные въ дѣлахъ*, акредитованные къ министрамъ иностранныхъ дѣлъ. Протоколъ Ахенскаго конгресса 1818 г. дополнилъ эти разряды внесеніемъ еще 4-го— *министръ-резидентовъ*, поставленныхъ ниже 2-го и выше 3-го класса. Но о какомъ-либо юридическомъ различіи между дипл. агентами разныхъ классовъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Юридически *всѣ они равны*, обладаютъ безусловно одними правами, привилегіями и функціями, и вся разница между ними въ ихъ почетныхъ церемоніальныхъ правахъ. На основаніи Вѣнскаго регламента, «только послы и папскіе представители почитаются представителями своихъ государей», т.-е. *личности* монарха, а не только государства. Они назначаются, обыкновенно, только между первоклассными, т. наз. великими державами. Несмотря на свой второстепенный рангъ, «посланники» являются въ настоящее время наиболѣе употребительнымъ классомъ дипл. агентовъ между государствами. За исключеніемъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, дипл. агенты всѣхъ остальныхъ классовъ аккредитуются отъ государя къ государю или отъ главы государства. Каждое государство само опредѣляетъ классъ своего представителя; обыкновенно, при этомъ слѣдуютъ началу равенства или взаимности.

Первенство дипломатическихъ агентовъ каждаго класса между собою опредѣляется по времени *официальнаго извѣщенія* ими о своемъ прибытіи правительству, при коемъ они акредитованы.

Права постоянныхъ дипломатич. агентовъ присвоиваются и дипломатич. агентамъ, посылаемымъ государствами съ временными политическими или церемоніальными порученіями, напр. для представительства на конгрессахъ, для извѣщенія о вступленіи на престолъ новаго государя и т. п.

Державы иногда посылаютъ своихъ агентовъ за границу со *спеціальными порученіями*, — таковы военные агенты при посольствахъ, агенты для устройства займа, торговые агенты и т. п., но они не признаются дипломатическими агентами и не пользуются ихъ преимуществами.

Иностранные дипломатическіе агенты, состоящіе при одномъ правительствѣ образуютъ *дипломатическій корпусъ*. Не будучи корпораціей или юридическимъ лицомъ, дипломатическій корпусъ выступаетъ, однако, иногда коллективно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается интересовъ всего международнаго союза. Такія коллективныя вмѣшательства дипломатическаго корпуса имѣютъ тѣмъ большее нравственное и даже юридическое значеніе, что дипломатическій корпусъ по своему составу долженъ служить органомъ, выражающимъ солидарность интересовъ, тенденцій и понятій, связывающихъ европейскія цивилизованныя государства въ одно цѣлое.

Права и привилегіи дипломатическихъ агентовъ дѣлятся обыкновенно на *основныя права*, необходимыя для полнаго и безпрепятственнаго осуществленія посланникомъ своихъ функцій, и на *второстепенныя почетныя права и привилегіи*. Съ давнихъ временъ дипл. агенты пользуются значит. правами и привилегіями и находятся подъ особою охраною междун. права. Въ періодъ династической политики эти права и привилегіи были почти безграничными и являлись источникомъ нескончаемыхъ пререканій не только между самими посланниками, но даже между государствами. Въ настоящее время основныя права дипломатич. агентовъ сводятся къ ихъ *независимости* и вытекающей изъ нея *неприкосновенности*; въ связи съ послѣднею стоитъ внѣземельность, экстерриторіальность, т. е. *неподсудность* уголовнымъ и гражданскимъ судамъ страны мѣста ихъ пребыванія, неприкосновенность ихъ жилища и неподчиненность мѣстной администраціи. Гуго-Гроцій впервые построилъ «священныя права» посланниковъ на юридической фикціи внѣземельности, по которой дипломатическій агентъ (и государь), пребывая въ чужой странѣ, разсматривается какъ-бы продолжающимъ пребываніе на своей территоріи, а слѣдовательно признается изъятымъ изъ-подъ дѣйствія законовъ и властей мѣста его пребыванія. Въ настоящее время въ такой фикціи нѣтъ никакой надобности *), такъ какъ для цивилизован. государствъ неприкосновенность дипломатическихъ агентовъ вытекаетъ изъ требованій самого международнаго общенія, которое должно гарантировать за органами ихъ постоянныхъ сношеній (дипломат. агентами) положеніе могущее создать имъ *физическую и юридическую возможность для полнаго и безпрепятственнаго осуществленія ихъ предназначенія.*

*) Она и невѣрна: дипл. агенты обязаны соблюдать мѣстные законы.

Въ этихъ цѣляхъ необходимо признать за дипломатическими агентами независимость, а послѣдняя ведетъ къ ихъ неприкосновенности.

Неприкосновенность посланниковъ признавалась даже въ древности, но тамъ она не носила юридич. характера. Въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ она является общепризнаннымъ началомъ международн. права, какъ для мирнаго *), такъ и военнаго времени и охраняется внутренними законодательствами всѣхъ народовъ. По нашему Уложенію оскорбленіе иностраннаго дипломатич. агента наказуется заключеніемъ въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ **). Неприкосновенность распространяется не только на личность посланника, но и на его жилище, экипажъ и дипломатическую переписку и архивъ посольства. Неприкосновенность дипломатич. агента не тождественна съ безнаказанностью: государство отказывается отъ юрисдикціи надъ нимъ лишь въ предположеніи, что онъ не злоупотребитъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ и, что въ случаѣ противнаго его отечественное государство привлечетъ его къ отвѣтственности: это не только право, но обязанность отечественнаго агента государства. Поэтому, возможны и исключенія изъ общаго правила о неприкосновенности дипломатическаго агента, напр., если посланникъ дозволяетъ себѣ вмѣшательство во внутреннія дѣла государства, въ которомъ онъ пребываетъ, а тѣмъ болѣе въ случаѣ какихъ-либо враждебныхъ его дѣйствій противъ этого государства или его правительства, и вообще въ случаѣ преступленія его противъ государственнаго порядка, (напр. участіе въ заговорѣ, въ политич. агитаціи противъ мѣстн. правительства). Но даже въ этихъ случахъ провинившійся дипл. агентъ не подлежитъ мѣстному суду, а лишь удаляется изъ государства. Такъ, Петръ I арестовалъ голландскаго резидента Дебіе, а затѣмъ потребовалъ отъ Гол. Штатовъ его отозванія по обвиненію его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Русскими подданными и во вмѣшательствѣ въ внутреннія дѣла Россіи. Въ 1744 г. былъ высланъ изъ Петербурга французскій посланникъ марк. Шетарди по обвиненію въ подстрекательствѣ народа къ бунту. Въ 1871 г. правительство С. Штатовъ потребовало отозванія русскаго посланника въ Вашингтонѣ Катакази по обвиненію его во вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла С. Штатовъ.

Въ подобныхъ случаяхъ происходитъ столкновеніе двухъ правъ: права государства и правительства на самосохраненіе и охрану существующаго порядка и права дипломат. агентовъ на неприкосновенность, требуемаго интересами высшаго порядка. Эта коллизія правъ и разрѣшается въ случаяхъ менѣе важныхъ, напр. совершенія посломъ обыкновеннаго преступленія требованіемъ объ его отозваніи и пріостановкою съ нимъ дипломатическихъ сношеній; въ случаяхъ чрезвычайныхъ, напр. при участіи въ возстаніи или заговорѣ,—препровожденіемъ его за границу, не причиняя ему однако иныхъ насилій и не касаясь его архива и офиціальной переписки ***).

---

*) Съ момента въѣзда посланника въ предѣлы государства, въ которомъ онъ аккредитованъ, если на принятіе его послѣдовало согласіе правительства, къ которому онъ назначенъ, если оно увѣдомлено о его о правленіи и если онъ заявилъ свой посольскій характеръ.

**) Французская судебная практика не допускаетъ даже доказательства приписываемыхъ дипломат. агентомъ обвиняемому предосудительныхъ дѣяній.

***) Въ этомъ случаѣ, по выраженію Гроція, государство поступаетъ non per modum poenae sed naturalis defensionis.

Уголовная неподсудность дипломат. агентовъ мѣстнымъ судамъ за общія преступленія противъ частныхъ лицъ, признана и теоріей, и международной практикой, какъ послѣдствіе ихъ неприкосновенности: они отвѣтственны только передъ своимъ правительствомъ и судами своего государства. Въ нашемъ законодательствѣ принципъ этотъ выраженъ въ 229 ст. Уст. угол. суд. и 171 ст. Улож. о нак.: дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, лицъ, принадлежащихъ къ посольствамъ и миссіямъ иностранныхъ державъ, возбуждаются не иначе, какъ по дипломатическомъ сношеніи съ начальствомъ обвиняемаго.

Гражданская неподсудность дипломат. агентовъ мѣстнымъ судамъ также вытекаетъ изъ начала неприкосновенности и необходимой свободы дѣйствій посланника *), но должна быть истолковываема въ болѣе ограничительномъ смыслѣ, чѣмъ неподсудность уголовная, такъ какъ подчиненіе гражданскимъ судамъ и ихъ рѣшеніямъ принципіально мало затрогиваетъ личную свободу и независимость лица. Принципъ гражданской неподсудности дипломат. агентовъ признается и судебною практикой европейскихъ государствъ. Такъ, по 225 ст. Уст. гр. суд. иски, предъявляемые къ лицамъ, принадлежащимъ къ иностраннымъ посольствамъ или миссіямъ, не подлежатъ вѣдомству русскихъ судебн. установленій; денежныя требованія русскихъ подданныхъ къ такимъ лицамъ, должны быть обращаемы въ министерство иностранныхъ дѣлъ,—«которое обязано имѣть настояніе объ удовлетвореніи оныхъ» **). Впрочемъ, практика допускаетъ слѣдующія *изъятія* изъ принципа гражданской неподсудности: 1) если дипломат. агентъ мѣстный подданный)***), 2) если онъ дѣйствуетъ какъ частное лицо, напр. въ качествѣ душеприказчика, опекуна и т. п.; 3) если онъ принимаетъ участіе въ коммерческомъ предпріятіи (тогда взысканія падаютъ на него, какъ на купца); 4) если онъ владѣетъ недвижимою собственностью въ странѣ мѣста своего пребыванія (тогда онъ отвѣчаетъ по всѣмъ искамъ, падающимъ на его недвижимое имущество).

Дипломатическій агентъ не имѣетъ права самовольно, безъ особаго разрѣшенія своего правительства отказаться отъ этого права. Поэтому, въ силу принятой практики, судъ не имѣетъ права принять къ своему разсмотрѣнію иска, вчиненнаго посланникомъ, безъ спеціальнаго на то разрѣшенія своего правительства, такъ какъ въ такомъ случаѣ дипломатическій агентъ обязанъ бы былъ и отвѣчать по встрѣчному иску противной стороны и нести всѣ послѣдствія такого косвеннаго признанія имъ своей подсудности мѣстному суду.

Уголовная и гражданская неподсудность распространяются и на *членовъ офиціальнаго персонала* посольствъ: совѣтниковъ, секретарей и атташе (прикомандированныхъ чиновниковъ), правителя канцеляріи и переводчиковъ, если они подданные иностраннаго государства, а не мѣстные подданные.

---

*) Французская судебная практика и германское законодательство держатся принципа подсудности посланниковъ и вообще находящихся на службѣ за границею чиновниковъ отечественному суду на томъ основаніи, что ихъ domicile въ отечествѣ, а за границею они находятся лишь въ служебной временной командировкѣ.

**) Въ Австріи существуетъ для разбирательства предъявленныхъ къ дипл. агентамъ претензій особое присутственное мѣсто Obersthofmarschallamt.

***) Однако, Парижскій судъ въ 1875 г. объявилъ подобное дѣло себѣ неподсуднымъ на томъ основаніи, что франц. подданный признанъ былъ правительствомъ въ качествѣ посланника иностраннаго государства.

Неприкосновенность посольскаго дома. Право неприкосновенности дипл. агента распространяется и на его жилище, въ смыслѣ изъятія его изъ подъ юрисдикціи мѣстной территоріальной власти, *насколько это изъятіе не противорѣчитъ общественной и государственной безопасности* страны, въ которой посланникъ аккредитованъ.

Въ прежнія времена, въ силу фикціи экстерриторіальности право это понималось въ самомъ широкомъ смыслѣ безусловнаго изъятія изъ подъ мѣстной юрисдикціи; мало того, фикція внѣземельности распространялась (до конца XVII в.) не только на домъ, но на цѣлый кварталъ, гдѣ жилъ посланникъ. Изъ этой же фикціи возникло и дальнѣйшее послѣдствіе—*право убѣжища* (droit d'asile), т.-е. изъятіе изъ-подъ мѣстной юрисдикціи и всякаго лица, даже мѣстнаго подданнаго, укрывшагося отъ преслѣдованія мѣстныхъ властей и закона въ зданіи иностраннаго посольства или въ экипажѣ посланника. Неизбѣжныя злоупотребленія правомъ убѣжища, противорѣчащія и праву территор. верховенства и достоинству государствъ, привели постепенно къ отмѣнѣ этого права. Въ силу новѣйшей практики посланникъ обязанъ по требованію мѣстныхъ властей выдать преступника, скрывшагося въ посольствѣ, въ противномъ же случаѣ мѣстныя власти могутъ насильно осуществить свое право, но, конечно, съ соблюденіемъ личной неприкосновенности посланника. Но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ жилище дипломат. агента признается закрытымъ для доступа мѣстныхъ властей безъ особаго разрѣшенія агента. Въ случаѣ совершенія преступленія въ зданіи посольства постороннимъ персоналу посольства лицомъ виновный судится мѣстнымъ судомъ и по мѣстнымъ законамъ.

Осенью 1895 г. китайское посольство въ Лондонѣ заманило въ зданіе посольства одного проживавшаго въ Лондонѣ китайца (Сунъ Янгъ-Сенъ), обвинявшагося въ государственномъ преступленіи противъ китайскаго правительства. Посольство намѣревалось тайкомъ отправить его въ Китай для совершенія надъ нимъ казни. Но китайцу удалось дать знать одному знакомому о своемъ заключеніи; о немъ сообщено было англійскому правительству и послѣднее потребовало отъ посольства немедленнаго освобожденія заключеннаго подъ угрозой примѣненія принудительныхъ въ случаѣ отказа мѣръ.

Второстепенныя права и преимущества дипл. агентовъ. Къ числу этихъ правъ, неимѣющихъ прямого значенія для отправленія дипл. агентомъ своихъ функцій и предоставляемыхъ агентамъ болѣе изъ уваженія къ ихъ положенію, относятся между прочимъ: а) имѣвшее значеніе въ прежнія времена *право* имѣть при посольствѣ *свою церковь и совершать въ ней богослуженіе* по обрядамъ своего вѣроисповѣданія, причемъ, право посѣщенія церкви предоставляется и всѣмъ соотечественникамъ посланника. Въ настоящее время, съ повсемѣстнымъ признаніемъ вѣротерпимости въ цивилизованныхъ государствахъ это право утратило свое прежнее значеніе и имѣетъ значеніе лишь на Востокѣ. Состоящіе при посельской церкви священнослужители пользуются на основаніи практики привилегированнымъ положеніемъ. б) Принципъ независимости и неприкосновенности дипл. агентовъ не требуетъ освобожденія ихъ *отъ платежа податей*, повинностей и таможенныхъ пошлинъ: они должны быть безусловно свободны только отъ тѣхъ податей и налоговъ, платежъ которыхъ предполагаетъ подданническія отношенія облагаемаго лица къ государству. Таковы, именно, прямые личные налоги. Таможенныя по-

шлины, какъ падающія на вещи, а не на лицо, въ принципѣ должны уплачиваться дипломатическими агентами, но въ силу давняго обычая и *взаимности* государства допускаютъ въ этомъ отношеніи значительныя льготы въ пользу посланниковъ, разрѣшая имъ свободу отъ пошлинъ съ вещей, которыя они привозятъ съ собою *при своемъ назначеніи* и облагая получаемые ими послѣ того заграничные предметы по принципу взаимности съ назначившими ихъ государствами. Дипломатич. агенты обязаны нести мѣстные налоги по владѣнію недвижимыми имуществами, если владѣютъ таковыми. в) Въ прежнія времена дипл. агентамъ предоставлялось право *суда и наказанія* надъ подчиненнымъ персоналомъ посольства, но въ современныхъ государствахъ они не пользуются ни гражданскою, ни тѣмъ болѣе уголовною юрисдикціею,—имъ принадлежитъ лишь дисциплинарная власть надъ подчиненнымъ имъ персоналомъ.

Обязанности дипл. агента состоятъ въ поддержаніи мирныхъ отношеній государства, при которомъ онъ аккредитованъ, къ отечественному государству, въ предупрежденіи всякихъ между ними несогласій и въ содѣйствіи мирному разрѣшенію послѣднихъ въ случаѣ ихъ возникновенія. При возможности въ настоящее время весьма быстрыхъ телеграфическихъ, желѣзнодорожныхъ и почтовыхъ сношеній личная иниціатива и сообразительность дипломат. агентовъ утратила важное значеніе, какое она имѣла въ прежнія времена: они являются, обыкновенно, лишь исполнителями полученныхъ ими предписаній своего правительства; поэтому, ихъ главная задача—лишь давать своему правительству точныя свѣдѣнія о политическомъ положеніи государства, въ которомъ они пребываютъ, и о политическомъ настроеніи правительства, при которомъ акредитованы. Дипломатическій агентъ обязанъ также оказывать защиту своимъ соотечественникамъ въ случаѣ нарушенія ихъ правъ, но не иначе, какъ черезъ посредство мѣстнаго министерства иностранныхъ дѣлъ и, притомъ, только въ случаѣ дѣйствительнаго злоупотребленія мѣстныхъ властей или явной несправедливости, сопряженной съ нарушеніемъ законныхъ правъ соотечественника, пот. что иностранецъ все-таки подчиненъ мѣстнымъ законамъ государства, въ которомъ пребываетъ, и не можетъ претендовать на большую защиту своихъ правъ, чѣмъ туземный подданный.

Относительно правительства и государства, при которомъ онъ аккредитованъ, дипл. агентъ обязанъ строгимъ невмѣшательствомъ во внутреннія дѣла послѣдняго. Въ случаѣ нарушенія этой обязанности можетъ быть потребовано его отозваніе. Такъ, въ 1848 г. англійскій посланникъ лордъ Бульверъ подалъ испанскому правительству совѣтъ ввести въ Испаніи конституцію; въ отвѣтъ на это испанское правительство потребовало его отозванія. Въ виду этого общаго правила отнюдь не можетъ быть признано правильнымъ поведеніе русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Болгаріи въ 80 годахъ, а въ особенности бар. Каульбарса въ 1886 г.

Права дипл. агента относительно третьихъ государствъ. Такъ какъ свобода безпрепятственныхъ сношеній при посредствѣ дипломат. агентовъ представляетъ собою общій интересъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, то по принятому на практикѣ обычаю диплом. агентъ пользуется международною охраною и при проѣздѣ его (но не при продолжительномъ пребываніи) черезъ третье государство. Во время войны они подчиняются условіямъ военнаго времени (Парижъ 1870 г.).

§ 2. **Консулы.** На ряду съ дипломатич. агентами, являющимися въ международной сферѣ оберегателями преимущественно политическихъ

интересовъ народовъ и органами непосредственныхъ сношеній между государствами, какъ независимыми личностями, государства пользуются въ международномъ общеніи еще другими постоянными агентами, называемыми *консулами*. Эти агенты служатъ главнымъ образомъ *оберегателями и представителями экономическихъ, коммерческихъ и вообще культурныхъ интересовъ своего отечества и его подданныхъ въ государствѣ, гдѣ эти агенты имѣютъ свое пребываніе;* государства пользуются ими, главнымъ образомъ, *для охраны интересовъ и защиты личныхъ правъ своихъ подданныхъ* въ международномъ общеніи и на ихъ обязанности лежитъ содѣйствіе всестороннему развитію экономическихъ интересовъ своего народа. Само собой разумѣется, что по мѣрѣ расширенія и развѣтвленія этого общенія возрастаетъ и значеніе консульскихъ агентовъ.

Возникновеніе консульскаго института относится къ временамъ *крестовыхъ походовъ*. Подъ вліяніемъ международныхъ торговыхъ оборотовъ и выработавшейся въ южно-европейскихъ торговыхъ центрахъ особой однообразной системы торговыхъ обычаевъ и разбирательства торговыхъ дѣлъ, въ купеческомъ сословіи торговыхъ городовъ Италіи, Франціи, Испаніи установился обычай выбирать изъ своей среды особыхъ *судей* консуловъ (consuls des marchands) *для разбирательства торговыхъ дѣлъ*. Это учрежденіе перенесено было европейскими купцами и въ устроенныя ими подъ охраной крестоносцевъ факторіи въ Сиріи, М. Азіи и Египтѣ. Но здѣсь объемъ юрисдикціи этихъ выборныхъ консуловъ быстро расширился. Подъ вліяніемъ коренного различія въ культурѣ европейскихъ и мусульманскихъ народовъ консулы изъ купеческихъ судей вскорѣ сдѣлались судьями по всѣмъ гражданскимъ и частью даже уголовнымъ дѣламъ, возникавшимъ между членами факторій, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили и власть административно-полицейскую въ факторіяхъ и характеръ защитниковъ своихъ соотечественниковъ передъ властями мусульманскими. Это выработавшееся практикою новое положеніе консуловъ было санкціонировано и договорами (капитуляціями) европейскихъ государствъ съ мусульманскими, регулировавшими торговыя права и привилегіи европейцевъ на Востокѣ. Въ этой новой формѣ консульскій институтъ былъ затѣмъ перенесъ въ XV и XVI вв. въ Зап. Европу. И здѣсь консулы явились судьями по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ между своими соотечественниками. По мѣрѣ, однако, укрѣпленія монархической власти, по мѣрѣ вытѣсненія средневѣковой системы личныхъ правъ территоріальнымъ принципомъ, судебныя права консуловъ должны были все болѣе ограничиваться и къ концу XVIII в. они совершенно исчезаютъ, и за консулами остается лишь характеръ *торговыхъ правительственныхъ агентовъ и защитниковъ интересовъ своихъ соотечественниковъ за границею*. На Востокѣ, напротивъ, ихъ функціи не только не умалились, но ихъ право юрисдикціи по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ между ихъ соотечественниками твердо охраняется договорами европейскихъ государствъ съ восточными. Лишь въ спорахъ европейцевъ съ туземцами или для преступленій, совершенныхъ европейцами противъ туземцевъ, принята система смѣшанной юрисдикціи консуловъ и мѣстныхъ властей,—и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускается юрисдикція одной мѣстной власти.

А. Консульскія учрежденія въ христіанскихъ цивилизованныхъ государствахъ. По совершенно точному опредѣленію проф. Мартенса, консулъ представляетъ свое государство не какъ политическую международ-

ную личность, но какъ *общественный организмъ* съ присущими ему соціально-культурными интересами и задачами. Соотвѣтственно этому консулы назначаются, обыкновенно, не непосредственно верховною властью, а подлежащимъ министерствомъ (у насъ и въ большинствѣ др. государствъ—иностранныхъ дѣлъ, а въ другихъ—министерствомъ земледѣлія и торговли) съ утвержденіемъ (въ Россіи, въ Германіи) верховной власти или же безъ него. Для вступленія въ должность консула необходимо *согласіе* со стороны государства, куда онъ назначается, причемъ послѣднему предоставляется право опредѣлить и тѣ мѣстности, куда оно согласно допустить иностранныхъ консуловъ. Обыкновенно, не допускаются иностранные консулы въ опредѣленныя мѣстности лишь въ видѣ исключит. случаевъ изъ соображеній политическихъ. Такъ Россія отказывала въ допущеніи англійскаго консула въ Ташкентъ въ предупрежденіе интригъ англійскаго правительства противъ русскаго вліянія въ Средней Азіи. Подобнаго рода отказы должны распространяться на назначеніе консуловъ и другими державами. *Назначеніе* консула выражатся формально вручеміемъ ему *патента* (lettre de provision), его правительствомъ, а согласіе иностр. правительства на допущеніе его къ отправленію консульской дѣятельности—офиціальнымъ объявленіемъ объ этомъ (т. наз. exequatur)—въ Россіи: съ высочайшаго соизволенія. Служебная дѣятельность консула *прекращается* вслѣдствіе его отозванія, увольненія отъ службы или смерти, равно какъ и вслѣдствіе отнятія exequatur'a мѣстнымъ государствомъ (въ случаѣ вмѣшательства во внутреннія его дѣла, политическихъ интригъ и т. д.) и, обыкновенно, въ случаѣ войны между обоими государствами.

При назначеніи консула ему опредѣляется обыкновенно извѣстный *округъ*, въ предѣлахъ котораго онъ считается компетентнымъ какъ относительно своихъ соотечественниковъ, такъ и мѣстныхъ властей. Округа эти, обыкновенно, бываютъ болѣе или менѣе обширны, смотря по рангу консула. Въ этомъ отношеніи консулы дѣлятся на 1) *генеральныхъ консуловъ*, дѣятельность которыхъ распространяется на болѣе обширный территоріальный районъ и которымъ подчиняются 2) *консулы*, 3) *вице-консулы* и 4) *консульскіе агенты*. Консулы завѣдуютъ частями округа—городомъ, портомъ. Вице-консулами называются ихъ помощники, а консульскіе агенты назначаются ген. консулами и консулами подъ ихъ отвѣтственностью для исполненія *въ извѣстной мѣстности* консульскихъ обязанностей. Консулы всѣхъ ранговъ всегда стоятъ въ подчиненіи дипломатич. миссіямъ своего государства, имѣющимъ надъ ними верховный надзоръ и направляющимъ ихъ дѣятельность. Консулы дѣлятся сверхъ того еще на *штатныхъ*, т.-е. состоящихъ на дѣйствительной службѣ своего правительства и назначаемыхъ изъ числа собственныхъ его подданныхъ, и на *нештатныхъ*, или выборныхъ, назначаемыхъ изъ мѣстныхъ подданныхъ (обыкновенно—коммерсантовъ) или иностранцевъ, несостоящихъ на дѣйствительной службѣ и пользующихся лишь правомъ консульскаго званія и мундира. Нештатные консулы назначаются, обыкновенно, въ мѣстности, гдѣ назначающее государство не имѣетъ значительныхъ интересовъ, но гдѣ существуютъ второстепенные интересы, дѣлающіе пребываніе тамъ консула полезнымъ (напр. если тамъ пребываютъ подданные назначающаго государства). Само собою разумѣется, что въ смыслѣ пользы для государства отъ его консульскаго института желательно возможное сокращеніе нештатныхъ консуловъ: зависимые отъ

мѣстной власти и, наоборотъ, совершенно независимые отъ государства, назначившаго ихъ, рѣдко знакомые съ нимъ и его интересами, оберегать и содѣйствовать которымъ они призваны, нештатные консулы являются весьма неудовлетворительными органами международнаго общенія государствъ.

Права и обязанности консуловъ. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ даже новѣйшихъ писателей, консулъ не есть дипломатическій (политическій) представитель своего государства и потому не пользуется правами, присвоенными посланникамъ. Но будучи облеченъ полномочіями своего правительства, консулъ въ качествѣ правительственнаго должностного лица имѣетъ оффиціальный характеръ, выдѣляющій его изъ общаго разряда «иностранцевъ» въ государствѣ его пребыванія; въ качествѣ таковаго онъ пользуется опредѣленными правами и преимуществами. Эти *права* признаются повсемѣстно въ силу конвенцій за *штатными* консулами, а нѣкоторыя *привилегіи* предоставляются и *нештатнымъ*. Впрочемъ, нужно замѣтить, что вопросъ о правахъ и преимуществахъ консуловъ донынѣ остается весьма спорнымъ. Вопреки требованіямъ нѣкорыхъ писателей, они безусловно не пользуются правомъ внѣземельности, *они подсудны* и гражданскимъ и уголовнымъ законамъ и судамъ мѣстнаго государства, но штатные консулы не могутъ быть подвергаемы ни аресту, ни тюремному заключенію, кромѣ какъ за такія дѣла и дѣйствія, которыя по мѣстнымъ законамъ подлежатъ вѣдѣнію суда съ присяжными засѣдателями или уголовному наказанію. Если они занимаются торговлею, то могутъ быть подвергаемы личному задержанію только по дѣламъ торговымъ, но не по гражданскимъ дѣламъ. Въ силу общепринятой практики штатные консулы освобождаются отъ воинскаго постоя и *воинскихъ повинностей*, отъ *налоговъ* прямыхъ и личныхъ, а также на движимость и предметы роскоши, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ. По владѣнію же недвижимостями и по торговымъ дѣламъ они вполнѣ приравниваются къ другимъ иностранцамъ. На этомъ основаніи штатнымъ консуламъ, обыкновенно, запрещаются ихъ правительствами занятія торговлею. Всякій консулъ пользуется правомъ выставлять на своемъ домѣ флагъ и гербъ своего государства, но эта привилегія не изъемлетъ его жилища изъ подъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, и *неприкосновенностью пользуется только архивъ* консульства, который не можетъ быть подвергнутъ ни судебной описи, ни обыску мѣстныхъ властей подъ условіемъ, однако, чтобы архивъ былъ совершенно отдѣленъ отъ частныхъ или торговыхъ бумагъ консула.

Функціи консуловъ имѣютъ цѣлью, какъ замѣчено выше, развитіе преимущественно торгово-экономическихъ междун. сношеній; вслѣдствіе этого онѣ чрезвычайно сложны и разнообразны и съ развитіемъ международныхъ сношеній все болѣе осложняются и развѣтвляются.

а) Главная обязанность консула заключается въ охранѣ коммерческихъ интересовъ своего государства и своихъ соотечественниковъ за границею. Поэтому, онъ наблюдаетъ, чтобы торговые договоры его отечества съ мѣстнымъ государствомъ въ точности исполнялись, а также, чтобы его соотечественникамъ предоставлялись всѣ права, присвоенныя имъ какъ въ силу договоровъ отечественнаго государства, такъ и на основаніи принципа наиболѣе благопріятствуемой націи, (т.-е. признаваемыя за иностранцами на основаніи другихъ торговыхъ договоровъ государства). Съ этою цѣлью онъ обязанъ доставлять своему правительству и соотe-

чественникамъ свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи мѣста своей резиденціи и о наиболѣе по его мнѣнію удобныхъ способахъ развитія съ нимъ торговыхъ сношеній своего отечества. Но само собою разумѣется, что было бы совершенно неосновательно требовать отъ консуловъ, чтобы они были своего рода торговыми агентами или комиссіонерами отечественныхъ коммерсантовъ. Все, чего можно отъ нихъ требовать, это— чтобы они въ своихъ донесеніяхъ по торговой части выясняли имѣющія значенія для торговли *условія государственнаго и общественнаго строя* того государства, гдѣ они пребываютъ, *условія мѣстныхъ рынковъ, торговые обычаи* и т. п., а никакъ не частности относительно *способовъ производства* торговли и торговыхъ операцій.

б) Консулы въ портовыхъ городахъ имѣютъ наблюденіе за торговымъ судоходствомъ своихъ государствъ, за правомъ употребленія національнаго флага и за соблюденіемъ ихъ соотечественниками мѣстныхъ законовъ о портовой полиціи, о торговлѣ и мореплаваніи при нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ, товаровъ и грузовъ. Консулъ свидѣтельствуетъ заключаемые бодмерейные займы, акты о продажѣ судовъ и понесенныя ими аваріи. Въ случаѣ кораблекрушенія онъ заботится о спасеніи людей и груза и принимаетъ спасенный грузъ подъ свою охрану. Отечественнымъ *военнымъ кораблямъ* консулъ содѣйствуетъ въ ихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями и въ ихъ нуждахъ во время пребыванія въ иностранныхъ водахъ.

в) Въ виду особеннаго положенія корабля въ береговыхъ водахъ иностраннаго государства, консулы портовыхъ городовъ облечены *полицейскими правами въ отношеніи экипажа коммерческихъ судовъ*. Имъ предоставляется исключительное наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ на судахъ ихъ націи. Они сами разрѣшаютъ всѣ споры между шкиперами и матросами или пассажирами*), имѣютъ право налагать *дисциплинарныя* взысканія на экипажъ и даже требовать отъ мѣстныхъ властей содѣйствія къ арестованію и содержанію подъ арестомъ за проступки всякаго значащагося въ корабельномъ спискѣ лица на непродолжительный срокъ. Мѣстныя власти обязаны содѣйствовать консулу въ розыскѣ и арестѣ бѣглыхъ матросовъ (если они не подданные той страны гдѣ учиненъ побѣгъ). Наконецъ, въ портахъ, гдѣ пребываетъ консулъ, мѣстные чины судебнаго вѣдомства, а равно таможенные чиновники и агенты не могутъ производить обыски и осмотры (кромѣ обыкновенныхъ таможенныхъ досмотровъ) на торговыхъ судахъ безъ предварительнаго увѣдомленія о томъ консула, дабы онъ могъ присутствовать при осмотрѣ.

г) Къ полицейско-административнымъ функціямъ консуловъ относятся далѣе: визированіе паспортовъ своихъ соотечественниковъ, содѣйствіе имъ въ ихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями, попеченіе о неимущихъ, больныхъ, малолѣтнихъ сиротахъ и т. п.

д) Судебныхъ функцій, какъ сказано, консулы въ настоящее время не имѣютъ. Но имъ не возбраняется право быть *третейскими судьями между соотечественниками* съ согласія сторонъ. Имъ предоставляется также право принимать мѣры по *охранительному судопроизводству*, а именно функціи судебнаго пристава по описи и охранѣ имущества со-

*) Мѣстныя власти вступаются только въ случаяхъ, когда возникшіе на судахъ безпорядки сопряжены съ нарушеніемъ общ. спокойствія и порядка на берегу или въ портѣ, или же когда въ нихъ будетъ замѣшанъ туземецъ или лицо непринадлежащее къ экипажу судна.

отечественниковъ въ случаѣ ихъ смерти, безвѣстнаго отсутствія и т. п. Если существуетъ договоръ о взаимной выдачѣ наслѣдствъ, то на консулѣ лежитъ обязанность передачи наслѣдства законнымъ наслѣдникамъ.

Наконецъ, на консулахъ лежатъ обязанности по *нотаріату:* въ силу консульскихъ конвенцій имъ разрѣшается совершеніе разнаго рода нотаріальныхъ юридическихъ сдѣлокъ и актовъ, домашнимъ или крѣпостнымъ порядкомъ, какъ между соотечественниками (по отечественнымъ законамъ), такъ и между ними и иностранцами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже между иностранцами, если исполненіе сдѣлки или акта должно послѣдовать въ странѣ, назначившей консула; при составленіи такихъ актовъ консулъ обязанъ сообразоваться съ отечественными законами. При совершеніи актовъ на недвижимыя имѣнія, находящіяся въ странѣ, гдѣ консулъ имѣетъ пребываніе, онъ обязанъ сообразоваться съ мѣстными законами и порядками. Въ Россіи по указу 1782 г. запрещалось иностраннымъ консуламъ принимать и записывать у себя обязательства между иностранными и русскими подданными.

Б. *Консулы въ нехристіанскихъ государствахъ Востока.* Какъ уже сказано выше, консулы на Востокѣ пользуются значительно большими правами, чѣмъ въ христіанскихъ цивилизованныхъ государствахъ. Объясняется это главнымъ образомъ коренными различіями религіознаго, соціальнаго и политическаго строя восточныхъ государствъ и государствъ христіанскихъ. Вслѣдствіе религіознаго и соціально-политическаго строя мусульманскихъ государствъ, христіане не пользуются въ нихъ обезпеченностью ни религіозныхъ, ни гражданскихъ правъ, признаваемыхъ за иностранцами во всякомъ цивилизованномъ государствѣ. Поэтому, вступая съ ними въ сношенія, европейскія государства должны были, и теперь должны, озабочиваться огражденіемъ жизни, матеріальныхъ и духовныхъ правъ своихъ подданныхъ отъ возможныхъ проявленій религіозной нетерпимости и неустройствъ, особенно административнаго, судебнаго и политическаго строя этихъ государствъ. Главнымъ средствомъ для этого было и остается изъятіе европейцевъ, пребывающихъ въ государствахъ Востока, отъ мѣстной юрисдикціи и подчиненіе ихъ отечественнымъ законамъ и суду; такъ какъ консулы являются на Востокѣ (какъ и въ Европѣ, впрочемъ), прямыми органами европейскихъ государствъ не только для охраны и содѣйствія ихъ торгово-экономическимъ интересамъ, но и для охраны интересовъ и правъ ихъ подданныхъ, то въ виду указанныхъ особенностей Востока ихъ *неподсудность* и *неприкосновенность* тамъ является уже прямо *необходимымъ условіемъ успѣшнаго исполненія ими предназначенныхъ имъ функцій.* Мало того, въ силу историческихъ условій политическихъ отношеній европейскихъ государствъ къ нехристіанскимъ вообще и мусульманскимъ въ частности, всякое христіанское государство отмежевало себѣ извѣстную сферу политическаго и экономическаго вліянія въ этихъ полуцивилизованныхъ государствахъ и для охраны этого вліянія недостаточно обыкновенныхъ дипломаточеских представителей, содержимыхъ европейскими государствами въ столицахъ азіатскихъ государствъ. Поэтому на Востокѣ европейскія государства имѣютъ консуловъ нерѣдко и въ такихъ мѣстностяхъ, съ которыми у нихъ вовсе не имѣется торговыхъ сношеній, а съ другой стороны въ этихъ странахъ консуламъ присвоивается непринадлежащій имъ въ цивилизованныхъ государствахъ *дипломатическій политическій характеръ.*

Такимъ образомъ коренное различіе правъ, присвоиваемыхъ консу-

ламъ въ нехристіанскихъ государствахъ и въ христіанскихъ состоитъ въ томъ, что въ нецивилизованныхъ государствахъ Востока они:

1) носятъ политическій характеръ и соотвѣтственно этому имъ присвоиваются въ извѣстной степени *права и привилегіи дипломатическихъ агентовъ*;

2) пользуются правомъ *судебной юрисдикціи* надъ своими соотечественниками.

Неподсудность консуловъ мѣстнымъ властямъ на Востокѣ, ихъ внѣземельность основывается частью на трактатахъ, частью на обычаѣ, который еще болѣе расширилъ права, гарантированныя имъ договорами.

Что же касается права консуловъ на судебную юрисдикцію надъ соотечественниками, то оно обусловливается, какъ мы уже замѣтили, неудовлетворительностью судебной организаціи государствъ Востока, съ одной стороны, и кореннымъ отличіемъ ихъ соціально-политическаго строя, необезпечивающаго правъ иностранцевъ-христіанъ, отъ соціально-политическаго строя цивилизованныхъ государствъ—съ другой. Несомнѣнно, что съ развитіемъ цивилизаціи и юридическаго порядка въ этихъ государствахъ (напр. въ Японіи), эта привилегія европейскихъ консуловъ можетъ упразднится, какъ упразднилась она и въ цивилизованныхъ государствахъ.

Право консульской юрисдикціи надъ европейцами по гражданскимъ, уголовнымъ и торговымъ дѣламъ издавна признается восточными государствами. Судъ надъ соотечественниками производился всегда по отечественнымъ законамъ, а по дѣламъ между подданными различныхъ государствъ—по обычаю. Но дѣла *смѣшанныя*, въ которыхъ замѣшанъ былъ мѣстный подданный или мусульманинъ, *разсматривались мѣстными властями въ присутствіи консула* или его уполномоченнаго. Этотъ порядокъ, установившійся во времена крестовыхъ походовъ, сохранился и въ Турецкой имперіи и санкціонированъ капитуляціями Порты съ Франціею и Англіею XVI в., съ Россіею (*торговый договоръ 1783 г.*) и др. государствами. Въ силу договора 1783 г. Россія получила право назначать консуловъ во всѣ мѣста Оттом. имперіи, гдѣ признаетъ это нужнымъ; консуламъ обезпечена полная неприкосновенность и неподсудность мѣстнымъ властямъ; русскіе подданные, пребывающіе въ Турціи, въ спорахъ между собою судятся отечественнымъ консуломъ; а въ смѣшанныхъ съ подданными другихъ европейск. государствъ—по своему выбору; въ случаѣ преступленія противъ мѣстнаго подданнаго дѣло разсматривается мѣстною властью, но въ присутствіи консула; мѣстнымъ властямъ воспрещается входъ въ домъ русскаго подданнаго безъ предварительнаго увѣдомленія консула. Эти же права предоставлены и другимъ европейскимъ консуламъ и подданнымъ въ Турціи.

Тѣ же права консульской юрисдикціи перенесены были съ теченіемъ времени на основаніи договоровъ и въ другія восточныя государства: въ *Персію*, въ *Китай* и *Японію*. Право юрисдикціи за своими консулами Россія обезпечила въ договорахъ съ Персіею еще въ началѣ XVIII в. Оно подтверждено дополнительнымъ къ *Туркменчайскому договору* 1828 г. особымъ Актомъ съ добавленіемъ, что преступленія русскихъ противъ туземцевъ разбираются въ присутствіи консула персидскимъ судомъ, но для наказанія виновные передаются русск. посланнику или консулу. Подобнаго же содержанія постановленія *Тяндзинскаго договора* 1858 г. съ Китаемъ (подтвержденъ Пекинскимъ трактатомъ 1860 г.), договора 1858 г.

съ Японіею, заключеннаго въ *Іеддо* и Кореею. Подобные трактаты имѣютъ и западныя державы съ азіатскими и африканскими государствами. Японія, по договорамъ съ державами, съ 1899 г. добилась у себя отмѣны ихъ консульской юрисдикціи.

Проф. Мартенсъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «*праву* консульской юрисдикціи должна соотвѣтствовать *обязанность* организовать консульскіе суды согласно требованіямъ цивилизованнаго юридическаго порядка, но это безспорное положеніе сознается не всѣми современными европейскими законодательствами и далеко не оправдывается практикой консульскихъ судовъ».

По своей организаціи консульскіе суды представляютъ *три типа*: французскій, англійскій и русскій.

Французская система построена на принципахъ морского Ордонанса 1681 г., установившаго для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ между французами, пребывающими на Востокѣ, судъ консула съ участіемъ выборныхъ засѣдателей изъ среды мѣстныхъ французскихъ подданныхъ. Въ настоящее время въ каждомъ консульскомъ округѣ для гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ дѣйствуетъ консульскій судъ, въ составѣ *консула и двухъ засѣдателей*, по его приглашенію (въ Константинополѣ единоличный судъ консула). *Апелляціонная инстанція — Экскій судъ* (въ южной Франціи) для мусульманскихъ владѣній Средиземнаго побережья *и судъ въ Сайгунѣ* для азіатскихъ государствъ. *Кассаціонная* инстанція — *Парижскій кассаціонный судъ*. По дѣламъ *уголовнымъ* консулъ единолично и окончательно рѣшаетъ дѣла по *полицейскимъ правонарушеніямъ*, и при участіи двухъ засѣдателей — о *проступкахъ*; относительно *преступленій* консулъ исполняетъ лишь обязанности судебнаго слѣдователя, и дѣла о нихъ разбираются французскимъ судомъ. По образцу французскихъ организованы консульскіе суды германскій, итальянскій, бельгійскій и др.

Англійская система. Первая инстанція для дѣлъ гражданскихъ и торговыхъ въ каждомъ округѣ – *провинціальный или окружный судъ консула* при двухъ засѣдателяхъ; для дѣлъ уголовныхъ — тотъ же судъ съ участіемъ пяти присяжн. засѣдателей. *Апелляціонная* инстанція — *верховный консульскій судъ* въ Константинополѣ и въ Шанхаѣ. Предсѣдатель и члены суда спеціально назначаются англійскимъ правительствомъ.

Русскимъ законодательствомъ (Уст. Торговый ст. 2113—2143) консульскій судъ организованъ *только для Персіи*. Первая инстанція этого суда *консульскій судъ* для дѣлъ между русскими подданными, живущими въ консульскихъ округахъ, *и судъ при Миссіи* въ Тегеранѣ для лицъ, производящихъ торговлю въ Персіи, но живущихъ внѣ консульскихъ округовъ. Консульскій судъ состоитъ изъ консула и двухъ выборныхъ засѣдателей изъ мѣстнаго русскаго купечества; судъ при Миссіи—изъ старш. драгомана посольства и тоже двухъ засѣдателей. Иски на сумму до 30 р. консулъ разбираетъ единолично и окончательно. *Судъ второй инстанціи тоже при Миссіи*, но въ иномъ составѣ: предсѣдатель его— старшій секретарь Миссіи,—который вмѣстѣ съ тѣмъ и старшій генеральн. консулъ въ Персіи, а два засѣдателя назначаются посланникомъ изъ числа почетнѣйшихъ русскихъ подданныхъ, живущихъ въ Тегеранѣ. Суды эти руководствуются мѣстными обыкновеніями и русскими законами. Судъ первой инстанціи рѣшаетъ окончательно дѣла на сумму отъ 30 до 150 р., а второй—до 600 р. По рѣшеніямъ на болѣе значительныя суммы приносится апелляція въ судъ второй инстанціи или въ

Правительствующій Сенатъ. Русскимъ подданнымъ запрещается во взаимныхъ спорахъ обращаться въ мѣстные суды. Дѣла русскихъ подданныхъ съ персіянами рѣшаются персидскими судами, а съ иностранцами— по правилу actor sequitur forum rei.

Что касается русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Левантѣ, то для суда по ихъ спорамъ учреждаются (ст. 2144—2155 Тор. Уст.) константинопольскимъ посольствомъ *комиссіи*, дѣйствующія подъ надзоромъ посла; апелляціонная инстанція по дѣламъ на сумму свыше 1000 піастровъ—2-й департаментъ Правительствующаго Сената. Въ дѣйствительности однако такихъ комиссій не существуетъ, а существуютъ, какъ въ Турціи, такъ и въ Китаѣ *консульскіе суды по образцу дѣйствующихъ въ Персіи.*

Консульскіе суды, по общему правилу, вѣдаютъ дѣла между иностранцами одной національности на основаніи отечественныхъ законовъ. Дѣла иностранцевъ съ туземцами рѣшаются въ Турціи и Персіи мѣстнымъ судомъ въ присутствіи консула или драгомана (переводчика) консульства; въ Китаѣ—сообща консуломъ и мѣстными властями.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ Босніи и Герцеговинѣ организованы австрійскіе суды и потому Германія отказалась тамъ отъ своей консульской юрисдикціи. Въ Болгаріи, по 8-й ст. Берлинскаго трактата, сохраняютъ полную силу капитуляціи европейскихъ государствъ съ Турціею, а слѣд. и права и привилегіи консуловъ и подданныхъ европейскихъ государствъ. Германія договоромъ 1889 г. отказалась отъ консульской юрисдикціи въ Японіи. Тоже сдѣлала и Россія.

Смѣшанные суды въ Египтѣ. Неудовлетворительные результаты института консульской юрисдикціи, пристрастіе консульскихъ судовъ въ пользу соотечественниковъ, неблагопріятное вліяніе, какое оказывало такое положеніе дѣла на взаимныя отношенія европейцевъ и туземцевъ, подали поводъ къ возникновенію вопроса о замѣнѣ консульской юрисдикціи такою судебною организаціею, при которой возможно бы было *сочетаніе и примиреніе* принципа независимости и судебной юрисдикціи мѣстныхъ восточныхъ правительствъ съ требованіями спеціальной охраны интересовъ и правъ христіанъ - иностранцевъ, которые пока не могутъ быть предоставлены мѣстнымъ судамъ народовъ нисшей культуры и произволу ихъ властей. Сочетаніе этихъ двухъ требованій и имѣлось въ виду при организаціи въ 1875 г., по мысли египетскаго министра Нубара-Паши, такъ наз. *смѣшанныхъ судовъ въ Египтѣ.* Проектъ, представленный Нубаромъ, былъ переработанъ особою европейскою междунар. комиссіей, утвержденъ въ 1875 г. и въ 1876 г. вступилъ въ дѣйствіе. Организація смѣшанныхъ судовъ слѣдующая.

Три суда первой инстанціи (въ Каирѣ, Александріи и Измаиліи) составляются изъ *7 судей* каждый (4 иностранца и 3 туземца) подъ предсѣдательствомъ одного изъ иностранныхъ членовъ суда.

Апелляціонный судъ въ Александріи — *изъ 11 судей* (7 иностранцевъ и 4 туземца). Всѣ судьи избираются и утверждаются правительствомъ хедива, но иностранные—съ согласія ихъ правительствъ.

Компетенція смѣшанныхъ судовъ—1) *гражданскія и торговыя дѣла между туземцами* (не исключая мѣстнаго правительства и самого хедива) *и иностранцами*, 2)—*между иностранцами разныхъ подданствъ*; 3) *дѣла о недвижимыхъ имуществахъ* даже между иностранцами одной національности.

Уголовная юрисдикція вѣдается: 1) единоличнымъ судомъ одного изъ иностранныхъ членовъ гражданскаго суда; 2) исправительнымъ и окружнымъ судомъ, состоящими каждый изъ 3 судей (2 иностранца) и иностранныхъ засѣдателей, и 3) ассизною палатою изъ 3 судей (2 иностранца) при 12 присяжныхъ изъ иностранцевъ. Имъ подвѣдомственны всѣ полицейскія правонарушенія, проступки и преступленія противъ лицъ судебнаго вѣдомства, противъ исполненія приговоровъ смѣшанныхъ судовъ и, наконецъ, всѣ проступки и преступленія самихъ лицъ судебнаго вѣдомства и присяжныхъ по службѣ или по злоупотребленію властью.

Дѣла между европейскими подданными одной національности остаются въ вѣдѣніи консульскихъ судовъ.

Въ своей дѣятельности смѣшанные суды руководствуются особымъ кодексомъ, принимая во вниманіе естественное право и справедливость.

§ 3. **Конгрессы и конференціи** *). а) *Понятіе.* Будучи свободной ассоціаціей независимыхъ народовъ, международное общеніе имѣетъ извѣстныя общія учрежденія, которыми пользуются его члены для разрѣшенія возникающихъ между ними споровъ и другихъ международныхъ дѣлъ и которыя представляютъ зачатки его организаціи. Такое значеніе принадлежитъ международнымъ конгрессамъ и конференціямъ, авторитетъ и власть которыхъ, по добровольному соглашенію государствъ, распространяются на весь международный союзъ.

Международные конгрессы и конференціи суть органы международнаго общенія, но никакъ не отдѣльныхъ государствъ, пославшихъ сюда своихъ представителей.

Справедливость этого положенія подтверждаютъ многочисленные историческіе примѣры и положительныя данныя. Конгрессы Вестфальскій (1648 г.), Вѣнскій (1815), Парижскій (1856 г.), Берлинскій (1878) могли состояться и привели къ опредѣленнымъ результатамъ только потому, что государства, въ нихъ участвовавшія, сознавали свою солидарность, какъ члены международнаго общенія. Установленный ими общій порядокъ вещей выработался взаимныхъ согласіемъ и уступками государствъ въ виду и ради удовлетворенія международныхъ интересовъ. Вѣротерпимость, свобода судоходства, отмѣна торга неграми, смягченіе бѣдствій войны и другія начала современнаго международнаго права, провозглашенныя различными конгрессами и конвенціями, были продуктами исторической жизни всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и являются выраженіемъ общаго ихъ правосознанія. Словомъ ни собраніе конгрессовъ, ни порядокъ ихъ совѣщаній, ни ихъ рѣшенія не будутъ поняты, если не имѣть въ виду международное общеніе, интересы котораго они представляютъ. *Международные конгрессы и конференціи суть международныя собранія представителей независимыхъ государствъ для обсужденія общихъ имъ дѣлъ и интересовъ.* Будучи по идеѣ своей органами правового общенія между народами, долженствующими имѣть характеръ законодательный для международнаго союза, конгрессы и конференціи должны быть *постоянными* или по крайней мѣрѣ *періодическими* собраніями представителей независимыхъ государствъ, засѣдающими на нихъ на правахъ полнаго равенства. Но въ дѣйствительности было далеко не такъ. Эти собранія всегда были временными, собирались они по

*) Взято преимущественно у Мартенса и Даневскаго.

усмотрѣнію непосредственно заинтересованныхъ державъ, когда это представлялось для послѣднихъ желательнымъ и выгоднымъ, да и начало равенства не только въ правѣ участія на этихъ собраніяхъ, но и въ правѣ равнаго обсужденія поднятыхъ вопросовъ долго не признавалось: участвовали и рѣшали дѣла часто сильнѣйшія, тѣ, которые являлись въ данное время руководителями международнаго союза. Всѣхъ конгрессовъ, начиная съ перваго (Вестфальскаго отъ 1641 по 1648 г.) и кончая Берлинскимъ (1878 г.) насчитывается 25; конференцій было очень много; онѣ появляются въ XIX в. и нѣкоторыя изъ нихъ по своему значенію не уступаютъ конгресамъ.

б) *Различіе между конгрессами и конференціями.* Большинство писателей не проводитъ различія между конгрессами и конференціями, но, по мнѣнію проф. Мартенса, они должны быть различаемы: 1) по личности представителей государствъ, участвующихъ въ тѣхъ или другихъ собраніяхъ, 2) по предметамъ ихъ обсужденія и 3) по цѣлямъ, подлежащимъ достиженію.

1) Что касается представительства, то на международныхъ конгрессахъ присутствуютъ или сами государи, какъ это было неоднократно (конгрессы; Вѣнскій, Ахенскій, Троппаускій, Лайбахскій и др.) или же первые ихъ министры и вообще такіе представители государствъ, которые имѣютъ полномочія на заключеніе трактатовъ и соглашеній, составляющихъ предметъ обсужденія конгресса. Напротивъ, въ конференціяхъ участвуютъ делегаты правительства, назначенные ad hoc съ рѣшительнымъ и совѣщательнымъ голосомъ, рѣдко министры и никогда государи.

2) Предметомъ обсужденія конгресса являются вопросы, касающіеся важныхъ жизненныхъ интересовъ государствъ и цѣлаго международнаго союза; конференціи же обсуждаютъ существующія обязательства и ихъ истолковываютъ, или же подготовляютъ рѣшеніе какого либо важнаго и труднаго дѣла, какъ напр. Брюссельская конференція 1874 г. была созвана для выясненій законовъ войны.

3) Наконецъ, цѣль конгресса и конференціи различна. Первый имѣетъ задачей рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, предупреждающихъ войну и недоразумѣнія между государствами, вторая — не провозглашаетъ новыя рѣшенія, но только развиваетъ существующія, не рѣшаетъ спорные вопросы международныхъ отношеній и права, но подготовляетъ ихъ разрѣшеніе.

Противъ проведенія такого различія возстаетъ проф. Даневскій и въ доказательство справедливости своего мнѣнія приводитъ слѣдующія возраженія. Хотя рѣдко, но все-таки государи участвовали на конференціяхъ (напр. Пильницкая конференція 1792 г. трехъ государей, на которой рѣшено вооруженное вмѣшательство въ дѣла Франціи); первые же министры и послы съ громадными полномочіями сплошь и рядомъ принимаютъ участвіе въ конференціяхъ (напр. Константинопол. конфер. 1877—78, особенно же Берлинская 1885 г.), а на многихъ важныхъ конгрессахъ государи совершенно отсутствовали (напр. на Парижскомъ 1856 и Берлинскомъ 1878 г.). Польза и необходимость присутствія самихъ государей даже оспаривается; при безотвѣтственности ихъ съ одной, при необходимости контроля въ конституціонныхъ монархіяхъ надъ дѣятельностью министровъ и дипломатическихъ агентовъ съ другой стороны, наврядъ ли можно ожидать, что прежняя практика личнаго участія государя въ международныхъ собраніяхъ получитъ дальнѣйшее

развитіе. Что же касается до предметовъ вѣдомства и обсужденія, то и конференціи весьма часто обсуждали предметы жизненной важности для государствъ и всего междун. союза, достаточно припомнить важное для Голландіи и всей Европы собраніе 1831 г. носившее названіе «конференціи», постановившее отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи т. е. отмѣну одного изъ важнѣйшихъ постановленій Вѣнскихъ трактатовъ; тоже относительно Лондонскихъ конференцій 1864 г. (по вопросу датско-германскому) и въ особенности относительно Африканской конференціи, имѣвшей громадное значеніе для междун. союза. Наконецъ, весьма многія конференціи тоже имѣли въ виду, какъ и конгрессы, рѣшать спорные вопросы, предупреждать войну (Констан. 1877 г., Лондон. 1867 по вопросу о Люксембургѣ и т. д.) и обезпечить сохраненіе междунар. правового порядка (Лондонская 1864 г. и 1867, Парижская 1869 по поводу столкновеній Греціи и Турціи вслѣдствіе возстанія на островѣ Критѣ и т. д.).

До настоящаго времени нельзя установить никакого серьезнаго различія между конгрессами и конференціями. Замѣчено лишь, что конгрессы слѣдовали обыкновенно за большими международ. войнами и что созывъ и совѣщанія ихъ отличаются особенною торжественностью, что гораздо рѣже замѣчается относительно конференцій.

в) *Дѣлопроизводство конгрессовъ и конференцій.* Относительно обрядовой стороны тѣхъ и другихъ выработались слѣдующія главныя положенія.

1. *Порядокъ созыва.* Созваніе международныхъ конгрессовъ и конференцій, какъ показываетъ исторія и современная практика, можетъ исходить отъ разныхъ сторонъ.

Во-первыхъ, предложеніе о созывѣ международнаго собранія можетъ взять на себя какая-либо третья посредничествующая держава.

Этотъ порядокъ неоднократно примѣнялся на практикѣ. Въ 1779 г. Екатерина II пригласила Австрію и Пруссію, споривших о Баварскомъ наслѣдствѣ, назначить уполномоченныхъ для улаженія спора на конгрессѣ въ Тешенѣ. Несостоявшійся Пражскій конгрессъ 1813 былъ созванъ по почину Вѣнскаго кабинета съ цѣлью переговоровъ объ окончательномъ мирѣ между Наполеономъ I съ одной стороны и Россіей и Пруссіей съ другой. Такую же роль играло австрійское правительство въ отношеніи Россіи и ея противниковъ Франціи, Англіи и Турціи во время Крымской войны. При посредничествѣ Наполеона III въ 1866 г. былъ заключенъ предварительный Никольсбургскій мирный трактатъ между Пруссіей и Австріей.

Во-вторыхъ, починъ созыва можетъ принадлежать самимъ заинтересованнымъ государствамъ, непосредственно участвующимъ въ спорѣ.

Въ третьихъ, при отсутствіи поводовъ къ примирительному посредничеству, вопросъ о созваніи конгресса или конференціи можетъ быть возбужденъ каждой державой для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ международныхъ дѣлъ. Такъ въ 1863 г. франц. императоръ обратился ко всѣмъ европейскимъ дворамъ съ предложеніемъ собраться на общеевропейскій конгрессъ, имѣющій обсудить существующее положеніе дѣлъ въ Европѣ и устранить поводы къ возможнымъ замѣшательствамъ въ будущемъ. Этотъ грандіозный планъ, скрывавшій желаніе Наполеона III заставить другія государства и самую Францію вмѣшаться въ польскія дѣла, былъ отклоненъ державами.

2. *Участвующія государства.* Въ конгрессахъ и конференціяхъ могутъ участвовать только заинтересованныя *независимыя* государства, пользующіяся полнымъ суверенитетомъ. Государства полунезависимыя, напр., Египетъ, Болгарское княжество и пр. представляются на международныхъ собраніяхъ тѣми державами, подъ сюзеренитетомъ которыхъ они состоятъ. Кромѣ непосредственно заинтересованныхъ въ конгрессахъ и конференціяхъ принимаютъ участіе *державы посредницы* и всѣ другія, если предметомъ обсужденія являются вопросы, имѣющіе общенародное значеніе. Во всякомъ случаѣ должна участвовать *держава, о дѣлахъ которой идетъ рѣчь.*

Это основное правило справедливости не всегда соблюдалось. Не говоря уже о конгрессахъ, происходившихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, даже въ послѣднее время встрѣчаются международныя собранія, въ которыя не были допущены уполномоченные непосредственно заинтересованныхъ государствъ. Примѣромъ можетъ служить Парижская конференція (1869 г.), которая обсуждала взаимныя недоразумѣнія между Оттоманской Имперіей и Греческимъ Королевствомъ, возникшія по случаю возстанія Кандіи. Здѣсь участвовали представители великихъ державъ и Турціи, но греческій уполномоченный былъ приглашенъ только дать отвѣты на вопросы, поставленные конференціей. Точно также предварительныя совѣщанія Константинопольской конференціи (1876—1877), созванной, по приглашенію Англіи, для обсужденія окончательныхъ условій мира между Сербіей, Черногоріей и Турціей и реформы мѣстнаго управленія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, происходили безъ участія представителя турецкаго правительства. Порта имѣла основаніе считать подобный образъ дѣйствія европейскихъ державъ нарушающимъ ея честь и достоинство. Въ Лондонской конференціи 1883 г. по вопросу о судоходствѣ на Дунаѣ не былъ допущенъ представитель Румыніи.

3. *Представительство.* Какъ уже нами было сказано выше, при проведеніи различія между конгрессомъ и конференціей, личный составъ конгрессовъ и конференцій бываетъ въ большинствѣ случаевъ слѣдующій. Въ конгрессахъ участвуютъ или сами *государи* или ихъ *уполномоченные министры;* на конференціи правительства назначаютъ своихъ *делегатовъ* или даже *коммисаровъ*, которыя доводятъ постановленія конференціи до свѣдѣнія своего правительства. Число представителей посылаемыхъ отъ каждаго государства на тѣ и другія собранія зависитъ отъ усмотрѣнія правительства.

4. *Предметы совѣщанія.* Перечислить всѣ вопросы, которые могутъ и должны подлежать разсмотрѣнію междун. собраній нѣтъ возможности. Междунар. собранія до Вѣнскаго конгресса созывались только послѣ войнъ и чаще всего предписывали мирные трактаты и территоріальныя измѣненія т. е. санціонировали результаты войнъ. Съ Вѣнскаго конгресса (1815) характеръ ихъ нѣсколько измѣняется: кромѣ рѣшенія вопросовъ территоріальныхъ, о мирѣ и другихъ чисто политическихъ, они начинаютъ становиться органами выраженія сознанія междун. союза о правовыхъ основаніяхъ для отношеній между народами, необходимости общей нормировки этихъ основаній (напр., постановленія Вѣнскаго и Веронскаго конгрессовъ о негроторговлѣ, о дипломатическихъ агентахъ, рѣчномъ судоходствѣ). Съ этого же времени начинаетъ весьма замѣтно выдвигаться судебная роль этихъ международныхъ собраній: конгрессы (1815—22 года) становятся судьями надъ государями и народами; но судимые не всегда

допускались на конгрессъ, у нихъ отнимался не только рѣшающій, но и совѣщательный голосъ (напр. на Вѣнскій конгрессъ не были допущены ни король Саксонскій, тогда какъ рѣшалась участь его династіи и территоріи, ни уполномоченный короля Густава Шведскаго); конгрессы являются часто и стороною и судьею въ своемъ дѣлѣ. Эта же эпоха вырабатываетъ идею нѣкотораго постоянства и правильности въ международ. собраніяхъ, что выразилось въ періодическихъ конгрессахъ (начиная съ Ахенскаго 1818 г. и кончая Веронскимъ 1822—23 г.), ставшихъ судьями внутреннихъ дѣлъ государствъ. Въ общемъ и цѣломъ конгрессы этой эпохи были частью органами законодательными, частью органами посредничества и третейскаго суда, приводившіе въ исполненіе свои рѣшенія при посредствѣ вооруженнаго вмѣшательства. Съ Парижскаго конгресса 1856 г., по мнѣнію Верже [Vergé], а въ Америкѣ съ конгрессовъ въ Панамѣ и Лимѣ (1826 и 1847 г.) намѣчается новое направленіе въ задачахъ конгрессовъ и конференцій. Мирные договоры по прежнему составляютъ важную цѣль ихъ созванія, но, при этомъ, устроеніе общихъ началъ (юридическихъ) междун. порядка получаетъ все большее признаніе (напр., Берлинскій конгрессъ, но еще больше конференціи 1864 г. въ Женевѣ и Берлинская 1885 г.). На ряду съ законодательною ролью сохраняется и роль судебная, но съ узкимъ характеромъ посредничества (напр., на Берлинскомъ конгрессѣ) или чисто третейскаго суда, (напр., конференція 1886 г. по дѣламъ Греціи и Турціи) причемъ нерѣдко уже заранѣе сговариваются путемъ дипломатическихъ переговоровъ о главныхъ началахъ для разработки на международныхъ собраніяхъ. Во всякомъ случаѣ замѣчается исчезновеніе чисто судебной роли этихъ собраній, что вполнѣ понятно: давно сознали, что функціи законодательства и суда очень трудно соединить въ одномъ органѣ; соединеніе это—принципіально невѣрно, а практически недостижимо безъ ущерба для законодательства или суда. Къ тому же дипломатія по природѣ своей рѣдко способна выступать въ судебной роли; идея коллективнаго посредничества очень хороша, но она допустима какъ стадія, предшествующая обсужденію спора по существу особымъ международнымъ судомъ. Во всякомъ случаѣ конгрессы не могутъ быть признаны компетентными для обсужденія внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ.

5. *Порядокъ совѣщанія.* Сравнительно съ прежнимъ временемъ, дѣлопроизводство современныхъ конгрессовъ и конференцій отличается отсутствіемъ пустыхъ формальностей и обрядовъ, такъ затруднявшихъ занятія международныхъ собраній въ XVII и XVIII стол. Въ настоящее время внѣшняя сторона дипломатическихъ съѣздовъ значительно упростилась. Они открывались избраніемъ предсѣдателя, которымъ обыкновенно бываетъ первый уполномоченный того государства, на территоріи котораго происходитъ собраніе. Это—знакъ уваженія къ мѣстной власти, гостепріимствомъ которой пользуются представители другихъ государствъ.

Обычное правило выбора въ предсѣдатели лица, представляющаго мѣстную власть, было нарушено въ новѣйшее время на Брюссельской конференціи (1874 г.), когда уполномоченный Бельгіи отказался отъ предсѣдательства, предложивъ оказать эту честь представителю Россіи, иниціативѣ которой конференція была обязана своимъ созваніемъ, на Константинопольской конференціи (1876—1877 г.), предварительныя совѣщанія которой происходили подъ предсѣдательствомъ русскаго уполномоченнаго въ качествѣ «doyen du corps diplomatique», и на Гаагскихъ

мирныхъ конференціяхъ 1899 и 1907 гг., на которыхъ предсѣдателями были представители Россіи, по иниціативѣ которой оба раза были созваны указанныя конференціи. По избраніи предсѣдателя, производится обмѣнъ и провѣрка уполномочій. Самыя совѣщанія ведутся устно и непосредственно. Иногда учреждаются спеціальныя комиссіи для изученія отдѣльныхъ вопросовъ и подготовки ихъ рѣшенія или для окончательнаго формулированія уже принятыхъ рѣшеній; въ эти комиссіи приглашаются и лица (съ совѣщательнымъ голосомъ) спеціально знакомыя съ вопросомъ. О каждомъ засѣданіи составляется протоколъ. Если собраніе созвано по предложенію державы-посредницы, то ея уполномоченному принадлежитъ въ собраніи роль посредника: всѣ совѣщанія происходятъ при посредственномъ его участіи, ему сообщаются документы и переписка, касающіеся дѣла, и при разногласіи онъ старается привести стороны къ примирительному соглашенію.

6. Принятіе рѣшеній. Проекты постановленій конгрессовъ и конференцій подлежатъ голосованію. Каждому государству, участвующему въ собраніи, принадлежитъ только одинъ голосъ. Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ, однако, мнѣніе, принятое большинствомъ голосовъ, противорѣчитъ принципу независимости государствъ. Въ виду этого старанія конгресса должны быть направлены къ тому, чтобы убѣдить меньшинство отказаться отъ своей оппозиціи и согласиться съ большинствомъ. При отсутствіи единогласія цѣль собранія не будетъ достигнута, и оно должно считаться несостоявшимся. Въ этомъ «единогласіи» высказывается страшная сила, которою обладаетъ и по сей день идея государственнаго верховенства. Но положеніе это опасно и принципіально можетъ быть оспариваемо: опасно потому, что даетъ возможность одной державѣ взорвать по мелочному вопросу всѣ труды о рѣшеніи конгресса, принятыя хотя бы множествомъ державъ; принципіально невѣрно—потому, что противорѣчитъ идеѣ верховнаго порядка, требующаго нѣкотораго подчиненія частей, т. е. отдѣльныхъ государствъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ подѣлить подлежащіе обсужденію вопросы на существенные и несущественные. Только первые еще могутъ примирить съ требованіемъ единогласія. И если установившаяся практика объясняется неудовлетворительнымъ составомъ и характеромъ конгрессовъ и конференцій особенно XVII, XVIII и первой половины XIX вѣка, то улучшеніе характера ихъ въ наше время даетъ основаніе требовать —до полной реформы ихъ—введенія начала большинства для вопросовъ второстепеннаго свойства.

7. Исполненіе рѣшеній. Въ межд. союзѣ нѣтъ исполнительной власти, которая могла бы принудительно осуществлять постановленія конгрессовъ и конференцій. Исполненіе ихъ рѣшенія вполнѣ зависитъ отъ самихъ государствъ, которыя участвовали въ ихъ постановленіи и ихъ приняли. Иногда оно формально поручается одному изъ участниковъ въ международномъ собраніи, или же предпринимается совокупными силами; такъ, конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ поручили Австріи выполнить ихъ постановленія по отношенію къ подавленію революціи въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, а Веронскій-предоставилъ Франціи вооруженное вмѣшательство въ дѣла Испаніи. Вопросъ о средствахъ обезпеченія исполненія рѣшенія конгрессовъ и конференцій до настоящаго времени остается открытымъ.

Въ заключеніе укажемъ, что всѣ международные органы можно раздѣлить на шесть группъ: 1) органы науки, 2) органы частныхъ

интересовъ государствъ, 3) органы соціальные, 4) органы, устанавливающіе право, 5) органы, примѣняющіе право, 6) органы принужденія. Скажемъ нѣсколько словъ о трехъ послѣднихъ.

I. Органы устанавливающіе право. Такими органами могли бы быть только конгрессы, но подъ условіемъ радикальныхъ измѣненій въ современныхъ условіяхъ ихъ дѣятельности. Обращаясь къ устройству законодательной власти въ международной области, должно имѣть въ виду, что международная организація не есть какая-либо спеціальная форма государственнаго устройства, и, если здѣсь все-таки должны быть спеціальные органы для главныхъ функцій юридической жизни, то это вытекаетъ неизбѣжно изъ самаго существа права: права не было бы вовсе если бы не было тѣхъ или иныхъ осязательныхъ органовъ для его высказыванія и примѣненія. При первомъ же соприкосновеніи съ устройствомъ законодательной власти въ международной организаціи, мы встрѣчаемся съ громаднымъ различіемъ, существующимъ въ этомъ отношеніи между государственной сферой и областью международныхъ отношеній. Это различіе состоитъ въ томъ, что въ международной организаціи нѣтъ верховной власти, которая, стояла бы во главѣ государствъ, отдѣльно взятыхъ и была бы высшимъ выраженіемъ ихъ личностей. Иначе въ своемъ послѣднемъ слѣдствіи она привела бы либо къ распаденію международной организаціи, либо къ низведенію государства на степень того, что Іеллинекъ называетъ несуверенными членами федераціи. И тотъ и другой результатъ равно нежелательны. Отсюда неизбѣжно громадное, принципіальное различіе въ устройствѣ законодательной власти между государственной и международной областью. Законодательная власть должна быть властью юридической, опредѣляемой строгими нормами права, а не политикой; она должна быть тѣмъ, что уже теперь нѣмецкіе юристы называютъ «Societätsgewalt»—*высшею общественною, на договорѣ основанною, властью.* Какими же чертами должно характеризоваться устройство законодательной власти въ международной организаціи. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего сказать, что конгрессы должны быть органами правильно организованными, но собирающимися, смотря по степени наличности и важности дѣлъ: безпрерывныя ихъ засѣданія вовсе не требуются. Затѣмъ, въ этихъ собраніяхъ должны участвовать всѣ государства на равныхъ правахъ: каждое изъ нихъ должно имѣть голосъ; политическія различія между государствами, различія въ ихъ могуществѣ и т. п. не должны оказывать никакого вліянія на юридическое положеніи конгрессовъ. Далѣе необходимо, чтобы конгрессы были немногочисленны по своему составу, ибо извѣстно, что чѣмъ многочисленнѣе собраніе, тѣмъ болѣе въ немъ преобладаютъ страсти и тѣмъ труднѣе придти къ какимъ-либо результатамъ. Число государствъ теперь такъ невелико, что не представлялось бы практически труднымъ согласованіе этого требованія съ правомъ всѣхъ государствъ на равное участіе въ этихъ собраніяхъ.

По какому началу должны примѣняться рѣшенія на конгрессѣ въ случаѣ разногласія его членовъ? Многіе писатели въ этомъ отношеніи стоятъ еще на точкѣ зрѣнія печальной памяти польскихъ сеймовъ, гдѣ liberum veto одного члена могло сдѣлать несостоятельнымъ постановленіе цѣлаго сейма. Но мы уже имѣли случай замѣтить выше, что требованіе единогласія для дѣйствительности рѣшеній того или другого собранія, исключаетъ возможность для него придти когда-нибудь къ какому бы то ни было положительному результату. Поэтому мы думаемъ, что и кон-

грессъ долженъ былъ бы постановлять свои рѣшенія по началу большинства голосовъ. Но для того, чтобы этотъ принципъ не угрожалъ самостоятельности государствъ, очевидно, необходимо указать на тѣ случаи, къ которымъ примѣнимъ принципъ большинства. Такъ, очевидно, въ вопросахъ юридическихъ вовсе не требуется единогласія: оппозиція одного члена, хотя бы и самаго могущественнаго, вовсе не свидѣтельствуетъ о несостоятельности того или иного юридическаго начала; тоже должно сказать и о вопросахъ общей политики. По отношеніи же къ внутренней жизни государствъ никакое рѣшеніе большинства не можетъ быть принято вопреки волѣ самого заинтересованнаго государства, ибо этимъ нарушалось-бы его право на самостоятельность въ вопросахъ внутренней политики.

Что же касается до главныхъ задачъ конгресса, то къ нимъ во 1-хъ, должно быть отнесено изданіе нормъ международнаго права, дѣятельность законодательная, но, при этомъ, дѣятельность не произвольная, а подготовленная предшествующею дѣятельностью тѣхъ факторовъ, о которыхъ мы уже говорили. Именно, конгрессъ долженъ давать по возможности болѣе точную и совершенную редакцію тѣмъ нормамъ международнаго права, которыя давно носятся въ общественномъ сознаніи и болѣе или менѣе удачно формулированы органами науки. Отсюда слѣдуетъ, что прямой задачей конгресса должно быть содѣйствіе кодификаціи международнаго права, приведеніе его въ строгую юридическую систему, чѣмъ были бы устранены два существенные недостатка въ современномъ международномъ правѣ—его сбивчивость и неустойчивость. Вторая не менѣе важная задача конгресса состояла бы въ завѣдываніи общимъ вопросомъ европейской политики, въ послѣднемъ слѣдствіи міровой политики, ибо конгресъ для этого является самымъ компетентнымъ органомъ. Однако, здѣсь рѣзко должны быть разграничены внутренняя жизнь каждаго члена международнаго союза въ отдѣльности и ихъ совмѣстная совокупная жизнь. Поскольку первая область должна быть священна и неприкосновенна даже для конгресса, постольку вторая должна зависѣть отъ него болѣе, чѣмъ отъ какого-нибудь другого органа власти. Въ этомъ разграниченіи лежитъ главное условіе и независимости народовъ, и устойчивости международнаго порядка. По вопросамъ внутреннимъ международный конгрессъ могъ бы являться только посредникомъ, онъ могъ бы высказывать только свое мнѣніе съ цѣлью воздѣйствія на борющіяся стороны, но—не выходить изъ этой роли посредника. Въ области же внѣшней политики конгрессъ былъ бы вполнѣ компетентенъ. Онъ постановлялъ бы свои рѣшенія лишь послѣ частныхъ переговоровъ между сторонами и послѣ постановленія приговора со стороны органовъ, охраняющихъ право.

II. Органы, примѣняющіе право. Въ международной области, гдѣ не существуетъ еще пока организованной законодательной власти, необходимо, чтобы право рождалось и укрѣплялось изъ процесса. Вотъ великій путь возникновенія юридическихъ идей, путь не чуждый исторіи права. Такъ изъ процесса сложилась величайшая положительная система гражданскаго права—римская. Этимъ же путемъ въ значительной степени сложилась свободнѣйшая конституція, до какой дошло человѣчество—англійская. Такое же значеніе долженъ имѣть процессъ и въ международной области. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на отношеніе, которое существуетъ между отдѣльными факторами международнаго права.

Наука (Институтъ Межд. Права) призвана прислушиваться къ носящимся въ обществѣ въ смутной и безсознательной формѣ юридическимъ идеямъ и давать имъ по возможности точную формулировку. Органы же, защищающіе право, должны прилагать эти выработанныя наукою нормы къ явленіямъ конкретной жизни.

Въ международной области мыслимы два рода органовъ, защищающихъ право: во 1-хъ, судьи третейскіе, добровольно назначаемые сторонами для разбора извѣстнаго опредѣленнаго спора. Ниже здѣсь же будетъ сказано о значеніи и организаціи третейскихъ судовъ; остановимся только на двухъ вопросахъ, касающихся ихъ устройства: 1) какого рода споры должны быть рѣшаемы этими судьями и 2) какимъ лицамъ должно быть поручено третейское разбирательство? Относительно перваго вопроса между писателями установилось соглашеніе въ томъ, что третейскими судьями могутъ быть разбираемы дѣла, такъ сказать, юридически опредѣленныя, которыя могутъ быть юридически формулированы и, поэтому, рѣшаемы на основаніи принциповъ права. Очевидно, что чѣмъ болѣе третейская практика будетъ развиваться, тѣмъ болѣе она будетъ совершенствоваться въ юридическомъ смыслѣ и служить къ укрѣпленію права. Поэтому, вполнѣ достойно вниманія предложеніе, чтобы при заключеніи государствами трактатовъ, вводилась оговорка объ обращеніи къ третейскому суду для разрѣшенія возникающихъ изъ этихъ трактатовъ недоразумѣній. При этомъ условіи, рядомъ съ вновь возникшимъ матеріальнымъ правомъ, указывались бы и юридическіе способы его защиты. Что же касается вопроса о томъ, кому должно быть поручено третейское разбирательство, то по этому вопросу нѣкоторые писатели (Блюнчли, Либеръ) высказываются противъ того, чтобы третейскими судьями были главы государствъ; они говорятъ, что отправленіе третейскаго разбирательства было-бы слишкомъ стѣснительно для самихъ государей, которые въ большинствѣ случаевъ при жгучихъ спорахъ старались-бы отклонить отъ себя эту миссію, или же въ силу сложности техническихъ особенностей самыхъ подлежащихъ разбору дѣлъ, не могли-бы лично разбирать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, а должны были бы для этого привлекать извѣстныхъ лицъ, хотя самое рѣшеніе исходило бы за подписью самихъ главъ государствъ—положеніе, очевидно, не совсѣмъ нормальное съ юридической точки зрѣнія. Поэтому, эти писатели рекомендуютъ для отправленія третейскаго разбирательства частныхъ лицъ, извѣстныхъ своимъ юридическимъ образованіемъ и пользующихся общимъ довѣріемъ, которыя въ силу этихъ качествъ могли бы съ полнымъ безпристрастіемъ разрѣшать споры. Здѣсь мы не можемъ обойти молчаніемъ возраженія, сдѣланнаго противъ этого предложенія англійскимъ практическимъ дѣятелемъ Пальмерстономъ въ спорѣ, который возникъ между нимъ и Кобденомъ, внесшимъ въ англійскій парламентъ въ 1849 г. предложеніе о предоставленіи болѣе широкой сферы дѣйствія третейскому суду. Пальмерстонъ говорилъ, что очень опасно поручать частнымъ лицамъ разбирательство мало-мальски важныхъ споровъ между государствами. Эти лица, большею частью, незнакомы съ государственными дѣлами и потому могутъ слишкомъ теоретически, отвлеченно отнестись къ извѣстному спору и тѣмъ самымъ иногда поставить въ очень щекотливое и тяжкое положеніе свое правительство. Очевидно, это возраженіе основано на той мысли, что въ третейскихъ рѣшеніяхъ болѣе или менѣе заинтересована политика. Въ-этомъ то и вся бѣда. Надо желать, чтобы третейскія рѣшенія

были прежде всего рѣшеніями права. Въ виду этого въ третейскіе судьи должно рекомендовать такихъ лицъ, которыя, будучи до нѣкоторой степени знакомы съ общимъ ходомъ государственныхъ дѣлъ, все-таки были бы прежде всего знатоками международнаго права и права вообще.

Другимъ органомъ, который примѣнялъ бы право, долженъ быть названъ постоянный международный судъ. Подъ этимъ судомъ должно разумѣть судъ, обращеніе къ которому, такъ же какъ и къ третейскому, было бы добровольно для государствъ, т. е. зависѣло бы отъ ихъ усмотрѣнія, но который былъ бы постояннымъ въ смыслѣ своей организаціи. Слѣдовало бы, чтобы членами этого суда были лица спеціально подготовленныя и предназначавшія себя этому высшему служенію праву. Этотъ судъ по роду международныхъ дѣлъ долженъ былъ бы дѣлиться на нѣсколько департаментовъ. Затѣмъ государствамъ, которыя не желали бы обратиться къ постоянному суду, какъ таковому, но которыя были бы не прочь отъ третейскаго разбирательства, удобнѣе всего было бы приглашать для исполненія функцій третейскаго судьи кого нибудь изъ членовъ этого постояннаго суда, въ виду ихъ практическаго знакомства съ дѣломъ рѣшенія международныхъ споровъ. Первоначально государства, предпочитая прежнюю рутину, могли бы даже игнорировать это учрежденіе, которое, однако, было бы полезнымъ уже тѣмъ самымъ, что оно существовало бы, что обращеніе къ нему не вызвало бы въ общественномъ мнѣніи предположенія о слабости той или другой стороны, о неубѣжденности ея въ своихъ требованіяхъ. Мало-по-малу, въ силу обычая, а затѣмъ и законовъ, обращеніе до войны къ такому посредствующему органу, стало бы общей обязанностью. Ниже мы увидимъ, что Гаагская конференція 1899 года выступила на путь созданія такого постояннаго международнаго суда, придавъ ему только характеръ не обязательный, а факультативный и ст. 16 опредѣливъ его компетенцію вопросами юридическими и, главнымъ образомъ, вопросами толкованія конвенцій.

III. Органы принужденія. Устройство принужденія является самымъ труднымъ вопросомъ въ международной организаціи. Идеалъ юридическаго порядка, какъ части нравственнаго, конечно, состоитъ не въ принужденіи, а въ добровольномъ подчиненіи установленнымъ для извѣстной формы сожитія нормамъ. Тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о совмѣстной жизни государствъ, этихъ высшихъ личностей, которыя сами суть органы, носители и, до нѣкоторой степени, творцы права. Но въ силу несовершенства человѣческой природы и въ области сношеній между государствами иной разъ бываетъ нелишнимъ принужденіе; государства, какъ и отдѣльныя личности, часто заблуждаются, увлекаются даже страстями, часто въ одностороннемъ преслѣдованіи своихъ интересовъ попираютъ священныя права другихъ подобныхъ имъ личностей. Мы не можемъ раздѣлять идеалистическаго и совершенно не оправдываемаго исторіей мнѣнія о непогрѣшимости суверенныхъ народовъ. Если каждая отдѣльная личность можетъ заблуждаться, то какъ же совокупность этихъ личностей можетъ быть непогрѣшима, какъ можетъ въ совокупности явиться такое качество, котораго нѣтъ въ отдѣльныхъ частяхъ? Разъ же ставъ на указываемую нами точку зрѣнія, мы естественно должны признать необходимость принужденія и въ международной организаціи. Но для того, чтобы быть справедливымъ, здѣсь, какъ и вездѣ, принужденіе должно исходить отъ права и въ немъ находить свои границы, а не быть только одностороннимъ актомъ воли того или иного члена международной организа-

ціи. Для того же, чтобы смягчить противорѣчіе между принужденіемъ и принципомъ суверенитета государствъ, мы думаемъ, что это принужденіе должно быть послѣднимъ моментомъ въ реализаціи права, возникающимъ лишь послѣ того, какъ во 1-хъ нормы объективнаго международнаго права сложились настолько, что въ силу ихъ можно отличить справедливыя притязанія народовъ отъ недобросовѣстныхъ; послѣ того какъ во 2 хъ, суды исчерпали всѣ средства для примиренія сторонъ и въ 3-хъ, послѣ разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о принужденіи международнымъ конгрессомъ.

Какъ же можетъ быть организовано принужденіе въ совмѣстной жизни государствъ? Намъ кажется, что международное принужденіе можетъ быть организовано во 1-хъ, такъ, чтобы принудительная функція выполнялась съ согласія всѣхъ членовъ международной организаціи той изъ великихъ державъ, которая пожелаетъ выступить въ этой роли; очень часто бываетъ, что международный интересъ по ходу исторіи совпадаетъ съ интересами того или другого государства; вотъ такое-то государство, имѣющее желаніе и интересъ—и могло бы выполнить въ данномъ случаѣ принужденіе, при чемъ, конечно, полномочія его и границы дѣйствій должны быть опредѣлены. Можно было бы также для выполненія принудительной функціи установить очередь между руководящими державами. Но мыслима во 2) и иная форма принужденія, которая, какъ намъ кажется, со временемъ будетъ имѣть преимущественное значеніе и которая установится тѣмъ легче, чѣмъ болѣе сдѣлается возможнымъ въ международной организаціи постепенное разоруженіе государствъ. Каждое изъ государствъ могло бы тогда предоставить часть своихъ вооруженныхъ силъ для составленія общей международной силы, на эту то силу по природѣ наиболѣе объективную и безпристрастную, и могла бы быть возложена функція международнаго принужденія.

ГЛАВА VI.

Споры между государствами и способы ихъ рѣшенія.

§ 1. **Общія замѣчанія.** Подобно тому какъ и въ другихъ областяхъ права, въ международномъ мы видимъ право не только въ состояніи покоя, но и въ состояніи борьбы. Нормы международнаго права нарушаются, оспариваются,—отсюда возникаетъ новая сторона въ юридической жизни. Изъ неправа и тутъ рождается новое право: споры облекаются въ форму процесса, который содѣйствуетъ укрѣпленію права матеріальнаго.

Причины столкновеній между государствами очень разнообразны и мѣняются съ эпохами: они могутъ скрываться въ каждомъ политическомъ, экономическомъ или религіозномъ отношеніи, устанавливающемся между народами, а иногда являются плодомъ злыхъ инстинктовъ отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ государствъ. Нарушаются неотъемлемыя основныя права государствъ и права договорныя: международное положеніе государства не стоитъ въ соотвѣтствіи съ его внутреннимъ ростомъ; являются новыя потребности и новыя воззрѣнія.

По какимъ бы причинамъ не нарушались нормы международнаго права, онѣ, какъ и гражданскія, требуютъ охраны, принужденія для ихъ защиты. Государства, какъ члены международнаго союза, имѣютъ свои права, которыя должны быть соблюдаемы третьими государствами добровольно, но разъ мирнымъ путемъ онѣ не могутъ быть осуществлены, на сцену является сила, принужденіе, облеченное въ юридическую форму. Государство, интересы котораго нарушены, имѣетъ право требовать возстановленія своихъ правъ, а въ крайнемъ случаѣ и право принудить къ этому обидѣвшее государство.

Подъ правомъ принужденія въ объективномъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть *совокупность юридическихъ нормъ, которыя обязано соблюдать государство, какъ членъ международнаго общенія, при насильственномъ охраненіи своихъ законныхъ интересовъ и правъ*. Въ субъективномъ смыслѣ право международнаго принужденія *есть право каждаго государства охранять принадлежащія ему права и интересы въ области международныхъ отношеній всѣми законными средствами, которыя имѣются въ его распоряженіи*. Профессоръ Мартенсъ говоритъ, что субъектомъ этого права можетъ быть только государство, какъ юридическое лицо. Отдѣльныя лица, войско и флотъ, на которые въ конкретныхъ случаяхъ возлагается осуществленіе принужденія въ области международныхъ отношеній, суть органы международнаго управленія, дѣйствующіе отъ имени и подъ отвѣтственностью своего государства. Къ этому нужно, однако, сдѣлать двѣ поправки: 1) принужденіе не есть проявленіе международнаго управленія, а вѣрнѣе форма международнаго процесса, т. е. юридическій способъ примѣненія силы; 2) это право принужденія должно принадлежать не только отдѣльнымъ государствамъ, но и совокупности ихъ, т. е. *международному союзу*. Когда этотъ союзъ получитъ свою организацію, онъ и, притомъ въ большинствѣ случаевъ, вытѣснитъ право принужденія, принадлежащее отдѣльному государству.

Объектомъ своимъ принудительныя международныя мѣры могутъ имѣть только права и интересы государства. Права и интересы частныхъ лицъ, подданныхъ государства, *въ принципѣ и непосредственно* не могутъ быть предметомъ международнаго принужденія. Съ точки зрѣнія международнаго права они не суть прямые объекты принужденія, ибо все дѣло идетъ тутъ объ отношеніяхъ между государствами; государства въ международной области призваны охранять права подданныхъ и отвѣчать за ихъ дѣйствія. Интересы частныхъ лицъ принимаются здѣсь въ соображеніе лишь настолько, насколько они затрогиваютъ интересы всего государства.

1) Въ частности объектомъ международнаго правонарушенія, а слѣдовательно, и принужденія могутъ быть: *права государства основныя* и *договорныя*, т. е. права государства, вытекающія изъ установленныхъ раньше договоровъ между государствами и, наконецъ, *интересы* государства въ томъ случаѣ, когда они покоятся на юридическихъ основаніяхъ.

2) Объектомъ международныхъ правонарушеній могутъ быть *права и интересы частныхъ лицъ*. Но въ этомъ случаѣ, какъ уже было выше указано, истцомъ можетъ быть только государство, подданнымъ котораго состоитъ лицо потерпѣвшее правонарушеніе, и, притомъ, постольку, поскольку затронуты интересы всего государства.

3) Третью категорію объектовъ международн. правонарушеній составляютъ *интересы всего междун. союза*. Само собою разумѣется, что

у каждаго государства есть группа интересовъ общихъ съ интересами другихъ государствъ и даже цѣлаго межд. союза; нарушеніе такихъ интересовъ какого-либо государства и затрогиваетъ въ то же время общіе международные интересы. Сюда относятся:

а) *Несоблюденіе трактатовъ*; особенно если они имѣютъ важное значеніе для нѣсколькихъ государствъ. Трактаты хотя и заключаются на вѣчныя времена, но не могутъ считаться неизмѣнными, да они и должны измѣняться, ибо какъ и всякая объективная норма, они должны соотвѣтствовать потребностямъ даннаго времени и измѣняться сообразно съ развитіемъ нуждъ и интересовъ государствъ. Но измѣненіе трактатовъ, пріостановка въ исполненіи ихъ или совершенная отмѣна можетъ быть допущена только съ согласія договорившихся державъ. Это начало было выражено и скрѣплено подписью державъ на Лондонской конференціи 1871 г., состоявшейся по поводу требованія Россіею пересмотра постановленій Парижскаго трактата 1856 г. касательно ограниченія русскихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Протоколъ конференціи гласитъ такъ: «Уполномоченные Германіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Италіи, Россіи и Турціи, собранные сегодня на конференціи, признаютъ за существенное начало междун. права, что ни одна держава не можетъ освободить себя отъ обязательствъ трактата, ни измѣнить его постановленій иначе, какъ съ согласія договаривавшихся сторонъ, достигнутаго посредствомъ дружественнаго между ними соглашенія».

б) Къ числу международныхъ правонарушеній относится стремленіе отдѣльнаго государства къ *порабощенію* другихъ самостоятельныхъ государствъ и ко всемірному владычеству. Какъ на примѣръ такого правонарушенія можно указать на Францію при Наполеонѣ I-мъ.

в) *Нападеніе* безъ объявленія войны и безъ достаточнаго повода.

г) Стремленіе государства къ *владычеству въ открытомъ морѣ*, которое признается международною территоріею. Очевидно, что стремленіе государства къ присвоенію такого международнаго моря неминуемо должно вызвать протестъ со стороны международнаго союза.

г) *Порча международныхъ путей сообщенія и сооруженій*, установленныхъ для облегченія международн. общенія, напр. порча подводныхъ кабелей. Принципъ неприкосновенности сооруженій для поддержанія безопасности и свободы рѣчныхъ и морскихъ сношеній былъ признанъ на Константинопольской конференціи о нейтрализаціи Суэцкаго канала и на Парижской конференціи 1884 г. объ охранѣ подводныхъ межд. кабелей.

д) *Нарушеніе правъ дипломатич. агентовъ и органовъ международн. общенія.* Однимъ изъ существенныхъ условій правильнаго международнаго общенія признается неприкосновенность агентовъ. Поэтому, убійство или даже оскорбленіе дипломатическаго агента всегда вызываетъ протестъ не только со стороны заинтересованнаго государства, но и со стороны другихъ державъ. Далѣе

е) къ числу нарушеній междун. интересовъ относятся; 1) *изгнаніе иностранцевъ* изъ государства, 2) *отказъ иностранцу въ защитѣ и правосудіи*, 3) *религіозное гоненіе*. Эти притѣсненія не должны быть допускаемы въ виду того, что всѣми государствами въ настоящее время признается свобода вѣроисповѣданія и свобода передвиженія отдѣльныхъ личностей, необходимая въ интересахъ международнаго общенія.

Средства для разрѣшенія международныхъ столкновеній. Писатели

классифицируютъ способы разрѣшенія международныхъ столкновеній чрезвычайно разнообразно, но, если положить въ основаніе классификаціи тѣ факторы, которые опредѣляютъ и направляютъ жизнь народовъ вообще, т. е. силу, интересы и право, то всѣ способы защиты будутъ представлять три главныя группы, съ дальнѣйшими ихъ подраздѣленіями.

1) Способы фактическіе, которые покоятся главнымъ образомъ на примѣненіи силы. Это отдѣльныя принудительныя мѣры, недоходящія еще до войны, *репрессаліи въ широкомъ смыслѣ*, и крайняя мѣра—*война*.

2) Средства дипломатическія, которыя отправляются отъ политики и имѣютъ въ основаніи интересы политическіе и экономическіе: *непосредственные переговоры, добрыя услуги и посредничество*.

3) Способы юридическіе, которые покоятся главнымъ образомъ на примѣненіи права. Это—*международныя слѣдственныя комиссіи и третейскіе суды*, сперва факультативные, необязательные, а затѣмъ общіе и постоянные.

Остановимся на всѣхъ указанныхъ способахъ и начнемъ со способовъ фактическихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Способы фактическіе.

A. Репрессаліи *).

§ 2. **Понятіе репрессалій въ широкомъ смыслѣ и ихъ виды.** Подъ понятіе *репрессалій въ широкомъ смыслѣ* подходитъ всякое отдѣльное насильственное дѣйствіе, совершаемое однимъ государствомъ относительно другого съ цѣлью возстановленія своихъ нарушенныхъ другимъ государствомъ правъ или интересовъ, но однако безъ вступленія въ войну. Репрессаліи представляютъ нѣсколько видовъ: 1) реторсіи, 2) репрессаліи въ тѣсномъ смыслѣ, 3) эмбарго и 4) мирная блокада.

§ 3. **Реторсія** примѣняется въ случаѣ нарушенія однимъ государствомъ *интересовъ* другого, причемъ государство, нарушившее эти интересы, *не выходило однако изъ предѣловъ своего права*; оно совершаетъ не правонарушеніе, а несправедливость относительно другого государства (напр., государство вводитъ высокія пошлины на продукты другого государства или издаетъ стѣснительныя постановленія для иностранцевъ). Реторсія, имѣя въ своемъ основаніи нарушеніе какихъ-либо интересовъ, представляется возмездіемъ равнымъ за равное, несправедливостью за несправедливость. Государство въ данномъ случаѣ слишкомъ широко пользуется своими правами, нисколько не заботясь о томъ, нарушаетъ оно интересы другого государства или нѣтъ и этимъ вызываетъ подобное же и соотвѣтственное *законодательное или административное возмездіе* со стороны послѣдняго. Особенно часто реторсія примѣняется къ сферѣ таможенныхъ отношеній, когда въ отплату, напр., за установленіе чрезмѣрно высокаго ввознаго тарифа государство отвѣчаетъ тѣмъ же у себя. Какъ на примѣръ реторсіи этого рода можно указать на послѣднюю

*) Изъ лекцій прив.-доц. В. А. Уляницкаго.

(1892—93 г.) таможенную войну между Россіей и Германіей, Франціей и Италіей. Реторсія, обыкновенно (но не непремѣнно), бываетъ *однородна съ причиной* ея возникновенія и направляется противъ соотвѣтственныхъ интересовъ нарушившаго государства, но, во всякомъ случаѣ, чтобы не переходить въ репрессалію, *должна простираться лишь на интересы другого* государства, а не на права. При этомъ, она должна исходить исключительно отъ верховной власти. Реторсія, какъ средство разрѣшенія несогласій между государствами, не можетъ считаться цѣлесообразною ни съ политической точки зрѣнія, такъ какъ она еще больше раздражаетъ заинтересованныя стороны, не уничтожая самой причины раздора, ни съ юридической—особенно если она направлена противъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

§ 4. **Репрессаліи въ тѣсномъ смыслѣ** отличаются отъ реторсіи тѣмъ: 1) что предполагаютъ *нарушеніе не интересовъ, а правъ* государствъ (напр. оскорбленіе представителя, неисполненіе заключеннаго обязательства), а поэтому 2) репрессаліи являются мѣрами болѣе рѣшительными, чѣмъ реторсіи: между тѣмъ какъ реторсія носитъ характеръ преимущественно нравственнаго принужденія и проявляется въ видѣ *законодательной и административной борьбы* между двумя государствами, репрессаліи носятъ характеръ *физическаго принужденія и насилія*. Возникновеніе репрессалій относится къ *среднимъ вѣкамъ*, когда вслѣдствіе слабости центральной власти, гражданамъ самимъ предоставлялось возстановлять свои нарушенныя права. Такимъ образомъ, тогда репрессалія была однимъ изъ видовъ частнаго самоуправства и можетъ быть объяснена только слабостью центральной государственной власти и господствомъ кулачнаго права внутри самихъ государствъ. Но по мѣрѣ усиленія центральной власти, право репрессалій переходитъ мало-по-малу къ государству. Сначала устанавливаются нѣкоторыя ограниченія права репрессалій для частныхъ лицъ, напр. пострадавшее лицо должно было брать особое разрѣшеніе или патентъ отъ правительства (lettre de represailles, lettre de marque) на право репрессаліи, особенно, если такое лицо собиралось искать возстановленія своего имущественнаго права на морѣ. Лицо получившее «lettre de represailles» имѣло право напасть только на подданныхъ обидѣвшаго государства (не на нейтральныхъ) и возмѣстить свои матеріальные убытки, причемъ, однако, разрѣшеніе вопроса о правильности захвата (приза) принадлежало правительственнымъ судамъ. Съ XVIII в. репрессаліи принимаютъ государственный характеръ и въ настоящее время право репрессалій принадлежитъ только государству.

Въ литературѣ по междун. праву репрессаліи дѣлятся на общія и частныя. *Общими* называютъ репрессаліи, разрѣшаемыя *всѣмъ подданнымъ* потерпѣвшаго государства; государство само въ данномъ случаѣ при помощи вооруженныхъ силъ и гражданъ берется за возстановленіе нарушенныхъ правъ и, поэтому, такая репрессалія ничѣмъ не отличается отъ партизанской войны. *Частными* называются репрессаліи, разрѣшаемыя отдѣльнымъ лицамъ. Какъ мы уже замѣтили, подобныя репрессаліи практиковались часто въ средніе вѣка, теперь же онѣ не допускаются.

Для того, чтобы репрессалія была правомѣрной, необходимо, чтобы 1) правонарушеніе было дѣйствительно *доказано* и 2) чтобы потерпѣвшее государство обратилось къ нарушившему съ требованіемъ возстановленія своихъ правъ и чтобы на это послѣдовалъ *отказъ*.

Объектомъ репрессалій служатъ иногда *права* и *имущества част-*

ныхъ лицъ. Потерпѣвшее государство 1) захватываетъ имущество частныхъ лицъ, подданныхъ совершившаго правонарушеніе государства, но только *въ видѣ залога*, на удовлетвореніе же убытковъ только въ крайнемъ случаѣ, когда государство-обидчикъ отказывается удовлетворить ихъ. Не подлежатъ также захвату капиталы, вложенные въ иностранные банки— это необходимо въ виду поддержанія международнаго кредита. 2) Потерпѣвшее государство *запрещаетъ доступъ* на свою территорію гражданамъ государства-обидчика или *отмѣняетъ привилегіи и права*, признанныя за подданными этого государства. Ни въ какомъ случаѣ, однако, не долженъ подлежатъ задержанію или ограниченію правъ представитель государства, хотя бы онъ являлся нарушителемъ. Впрочемъ, въ новѣйшее время все болѣе устанавливается правило, что объектомъ репрессалій могутъ быть *только права и имущества враждебнаго государства*. Въ настоящее время въ теоріи и практикѣ выдвинутъ принципъ, что частныя лица не отвѣчаютъ за дѣйствія правительства и, поэтому, ни личность ихъ, ни имущество не можетъ быть объектомъ репрессаліи,—какъ субъектомъ, такъ и объектомъ ея можетъ быть только государство и, слѣдовательно, захватъ имущества отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть оправданъ. Объектомъ репрессаліи можетъ быть: имущество государства, отказъ отъ принятыхъ обязательствъ, прекращеніе сношеній. Само собой разумѣется, что допущеніе, характеръ (соразмѣрность) и продолжительность репрессаліи зависитъ отъ верховной власти, и съ полученіемъ удовлетворенія она должна прекращаться.

Какъ на примѣръ репрессалій, можно указать на репрессалію Англіи противъ Греческаго королевства по слѣд. дѣлу. Въ 1850 г. въ Аѳинахъ былъ разграбленъ чернью домъ еврея *Пачифико*, находившагося подъ покровительствомъ Англіи. Не обращаясь къ защитѣ властей или суда въ Аѳинахъ, Пачифико потребовалъ отъ греческаго правительства явно преувеличенную сумму въ 22000 фунтовъ стерлинговъ за убытки. Греческое правительство отказалось выплатить эту сумму. Несмотря на то, что Пачифико не былъ даже подданнымъ Англіи, что цифра убытка не была доказана и что отказа въ правосудіи со стороны греческаго правительства не было, англійское правительство потребовало отъ греческаго удовлетворенія въ 24 часа. Когда это требованіе не было исполнено, англійское правительство отдало приказаніе своей эскадрѣ захватить всѣ встрѣчныя греческія суда, какъ военныя, такъ и торговыя. Однако, такое требованіе и такая мѣра возбудили негодованіе Франціи и Россіи. Благодаря ихъ вмѣшательству была учреждена смѣшанная комиссія, которая присудила Пачифико за убытки 150 ф. ст. вмѣсто требуемыхъ имъ 22000 ф.

Третейское разбирательство является самымъ желательнымъ способомъ рѣшенія подобныхъ недоразумѣній, и поэтому въ послѣднее время репрессаліи начинаютъ выходить изъ практики международныхъ сношеній и мѣсто ихъ замѣняетъ третейское разбирательство.

§ 5. **Эмбарго**. Особый видъ репрессалій составляетъ эмбарго. Оно состоитъ въ томъ, что государство налагаетъ арестъ на суда (частныя), грузъ и экипажъ другого государства. Эмбарго примѣняется или въ *мирное время*, или въ ожиданіи войны. Въ *мирное время* къ эмбарго прибѣгаютъ съ карантинными или полицейскими цѣлями (во время междоусобій — желая предупредить распространеніе невыгодныхъ сообщеній другимъ государствамъ). Въ подобныхъ случаяхъ эмбарго — временное

задержаніе и можетъ быть наложено даже безъ совершенія правонарушеній со стороны государства, суда котораго задерживаются. Эмбарго, какъ *мѣра военнопредупредительная и международнаго принужденія* примѣняется: 1) Въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи и возстановленіи нарушенныхъ правъ. Такое эмбарго (англійскіе юристы называютъ его гражданскимъ), имѣющее цѣлью принудить противника къ уступкамъ, должно прекращаться съ момента полученія удовлетворенія. 2) Въ случаѣ, когда ожидается война и когда произошелъ разрывъ между государствами. Такъ въ 1788 г., когда Швеція объявила Россіи войну, Екатерина II наложила эмбарго на всѣ шведскія суда, находившіяся въ то время въ русскихъ портахъ. Чаще всего эту мѣру примѣняла Англія. Послѣдній примѣръ въ междун. практикѣ—въ 1864 Данія противъ Пруссіи. Въ этомъ случаѣ цѣль наложенія эмбарго—не *возстановленіе правъ, а возмѣщеніе убытковъ*, какіе будутъ понесены подданными во время войны. Въ настоящее время эта цѣль эмбарго нѣсколько ограничена въ томъ смыслѣ, что секвестрованныя частныя суда должны быть возвращены по окончаніи войны. Этого правила не признаютъ, однако, Англія и Американскіе штаты, которые стоятъ за полную конфискацію.

Въ теоріи международнаго права противъ эмбарго, какъ принудительной мѣры, существуютъ слѣд. *возраженія*: 1) Мѣра эта направлена *противъ зла еще не совершеннаго*; 2) направлена *противъ частной собственности*, которая, по новѣйшимъ принципамъ международнаго права, должна быть охраняема даже въ военное время; 3) эта мѣра *нарушаетъ международный кредитъ*. Новѣйшіе трактаты отчасти усвоили такой взглядъ теоріи международнаго права въ томъ смыслѣ, что государства стали устанавливать льготный срокъ, въ теченіе котораго при объявленіи войны непріятельскіе коммерческіе корабли могутъ свободно оставить воды непріязненной державы.

§ 6. **Мирная блокада.** *Блокадой* называется морская осада порта или побережья блокируемаго государства. Блокированнымъ признается портъ (или побережье), оцѣпленный военными кораблями блокирующаго государства такимъ образомъ, что постоянное и близкое расположеніе ихъ у блокируемаго пункта дѣлаетъ входъ въ него для постороннихъ судовъ явно опаснымъ. Цѣль *мирной блокады* состоитъ въ пресѣченіи военною морскою силою всякихъ сообщеній съ берегами государства, подвергнутаго блокадѣ. Само собою понятно, что чѣмъ значительнѣе въ торговомъ отношеніи блокируемое мѣсто, тѣмъ болѣе ущерба наноситъ блокада не только государству, подвергнутому такой репрессивной мѣрѣ, но и нейтральнымъ, производящимъ съ нимъ торговлю. Собственно эпитетъ «мирная» несовмѣстимъ съ понятіемъ блокады, такъ какъ послѣдняя есть средство, примѣняемое во время войны, въ отдѣлѣ о которой, обыкновенно, и излагается ученіе о блокадѣ, здѣсь мы замѣтимъ только, что мирная блокада, какъ одно изъ репрессивныхъ средствъ, существуетъ, однако, въ практикѣ международныхъ отношеній и находитъ себѣ защитниковъ въ литературѣ по этому предмету. Происхожденіе мирной блокады относится къ первой половинѣ XIX вѣка. Впервые воспользовались этой формой репрессивныхъ мѣръ въ 1827 г. Англія, Франція и Россія противъ Турціи для того, чтобы заставить ее прекратить кровопролитіе въ Греціи по поводу возстанія: чтобы прекратить сообщенія турокъ съ ихъ войсками въ Греціи, союзный флотъ трехъ вышеозначенныхъ державъ блокировалъ греческіе берега, не объявляя однако

султану войны. Несмотря на то, что турецкій флотъ, запертый союзниками въ Наваринской гавани былъ ими сожженъ, посланники державъ увѣряли Порту, что державы не считаютъ себя состоящими съ нею въ войнѣ. Въ 1833 г. Англія и Франція блокировали Голландію съ цѣлью понудить ее къ признанію независимости Бельгіи. Въ 1850 г. англійскій флотъ блокировалъ греческіе порты съ цѣлью получить удовлетвореніе по дѣлу Пачифико. Въ 1886 г. соединенная эскадра вел. державъ (кромѣ Франціи) блокировала греческіе порты съ цѣлью принудить Грецію къ разоруженію. Въ 1897 году блокировался Критъ и предполагалась блокада Греціи съ цѣлью понудить послѣднюю къ принятію рѣшеній державъ по Критскому вопросу. Любопытный примѣръ представляетъ, наконецъ, блокада въ 1839 году Англіею и Франціею гаваней Аргентинской республики, продолжавшаяся 9 лѣтъ *).

Блокада какъ мирная, такъ и военная, заключается въ томъ, что съ блокируемыми портами или берегами государства прекращаются всякаго рода сношенія. Поэтому, доступъ въ блокируемую гавань для кораблей безусловно воспрещается, если же корабль дѣлаетъ попытку прорваться черезъ линію блокирующихъ, то онъ задерживается.

Послѣдствія задержанія—либо конфискація судна, либо арестъ его до снятія блокады. Иногда дѣлается различіе между нейтральными судами и судами блокируемаго государства, одни подвергаются конфискаціи, а другія только арестуются; Англія конфисковала одинаково какъ тѣ, такъ и другія. Вопросъ о послѣдствіяхъ нарушенія блокады возбужденъ былъ между Франціею и Англіею въ 1886 г. по поводу блокады Франціею о. Формозы. Французское правительство высказало мнѣніе, что и при мирной блокадѣ нейтральныя суда, виновныя въ нарушеніи блокады, подлежатъ захвату, а англійское—что захватъ нейтральныхъ за нарушеніе *мирной* блокады несогласенъ съ мнѣніями юристовъ и съ правилами международнаго права. Вопросъ этотъ оставленъ былъ открытымъ, такъ какъ блокада Формозы признана была военною, а не мирною.

Въ литературѣ существуютъ на мирную блокаду два совершенно противоположныхъ взгляда. Одни писатели осуждаютъ ее; другіе же — и между ними есть лица авторитетныя—высказываются въ пользу ея. Противники мирной блокады выставляютъ слѣдующіе аргументы противъ нея: мирная блокада по большей части есть начало войны и обыкновенно послѣдствіемъ ея является кровопролитіе. Далѣе, мирная блокада по своему характеру не подходитъ къ понятію репрессалій мирнаго времени: въ принципѣ репрессаліи должны поражать интересы только того государства, которое дало къ нимъ поводъ, а мирная блокада *поражаетъ и третьи, нейтральныя*, совершенно постороннія, непричастныя государства, такъ какъ блокирующія державы воспрещаютъ нейтральнымъ нарушать блокаду и всякое посягательство на нее наказываютъ арестомъ судовъ. Если же допустить требуемое Блюнчли ограниченіе—право захвата кораблей только блокированнаго государства, то практически цѣль блокады не будетъ достигнута: блокада только тогда и дѣйствительна, когда ее обязаны соблюдать прочія государства **). Наконецъ, мирная

*) Въ 1888—89 г. блокада вост. африканскаго берега не какъ принудительная, а какъ полицейская международная мѣра—противъ торговли невольниками.

**) При блокадѣ Крита въ 1897 г. въ критскіе порты недопускались лишь греческія суда, а изъ нейтральныхъ—суда, нагруженныя провіантомъ и оружіемъ или боевыми снарядами; греческія суда, виновныя въ нарушеніи блокады, подвергались лишь временному секвестру.

блокада никогда почти не улаживаетъ возникшія между государствами недоразумѣнія—напротивъ, и безъ того натянутыя отношенія она осложняетъ еще болѣе. «Мы полагаемъ, говоритъ Мартенсъ, что мирная блокада не можетъ быть защищаема ни во имя гуманности, ни съ точки зрѣнія здраваго смысла. Какъ средство, примѣняемое въ мирное время, она есть, по своему понятію contradictio in adjecto».

Защитники мирной блокады противъ всѣхъ этихъ аргументовъ представляютъ слѣдующія возраженія: если законна война, т. е. сложная система насильственныхъ мѣръ, сопряженныхъ съ кровопролитіемъ, то нѣтъ основанія отрицать законность мирной блокады—мѣры менѣе насильственной и опасной, не сопряженной съ кровопролитіемъ. Блокада—отдѣльная насильственная мѣра, одинъ изъ видовъ репрессалій. Если терпимо зло большее (война) — подавно терпимо и зло меньшее, состоящее въ примѣненіи частичной, притомъ локализированной войны (блокада). Мотивы, ее оправдывающіе, совпадаютъ съ тѣми, которые оправдываютъ и репрессаліи. Далѣе, къ слабымъ державамъ примѣнять мирную блокаду гораздо человѣколюбивѣе и справедливѣе, нежели прибѣгать противъ нихъ къ войнѣ,—мирная блокада не грозитъ имъ уничтоженіемъ, какъ война; а если слабые должны подчиняться законамъ войны, то почему бы имъ не быть обязанными подчиняться и законамъ одной изъ ея мѣръ, примѣняемыхъ отдѣльно? Наконецъ, возможно и ограниченіе послѣдствій мирной блокады въ томъ смыслѣ, чтобы корабли блокируемой страны подвергались лишь временному секвестру, до полученія удовлетворенія, корабли же нейтральныхъ могли быть недопускаемы въ блокируемые порты, но не подлежать ни задержкѣ, ни конфискаціи. Таковы взгляды на мирную блокаду сторонниковъ ея.

Во всякомъ случаѣ блокада—мѣра на столько принудительная, что выходитъ изъ предѣловъ мирныхъ сношеній и, кромѣ того, она исполнима для сильныхъ державъ по отношенію къ слабымъ и невозможна для слабыхъ и небольшихъ государствъ по отношенію къ великимъ державамъ. Главнымъ же возраженіемъ остается то, что отъ блокады страдаютъ преимущественно частныя, незаинтересованныя лица.

Б. Война.

§ 7. *Понятіе войны и права войны.* Война во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣчества была главнымъ способомъ рѣшенія важныхъ международныхъ несогласій. Война съ давнихъ временъ занимала умы мыслителей и политиковъ, весьма различно разрѣшающихъ вопросъ объ ея сущности.

а) Богословы усматриваютъ въ войнѣ кару, ниспосланную на людей Создателемъ за грѣхи ихъ, и чѣмъ грѣшнѣе люди, тѣмъ болѣе жестокой и продолжительной должна быть война. Слѣдовательно, въ войнѣ они видятъ законъ нравственнаго міроправленія (въ XIX в.—Де-Местръ).

б) Философы смотрятъ иногда на войну, какъ на неизбѣжное зло, которое даже необходимо для правильнаго теченія жизни человѣчества. Многія писатели даже поэтизируютъ войну. Гегель говоритъ, что война не абсолютное зло; напротивъ—она «укрѣпляетъ здоровье народовъ», подобно тому какъ буря предохраняетъ океанъ отъ гніенія и застоя, въ которое онъ впалъ бы отъ вѣчнаго покоя. Подобный же поэтизирован-

ный взглядъ на войну, очищающую политически атмосферу, мы находимъ и у нѣкоторыхъ публицистовъ и даже юристовъ: у Прудона, у Кальво, Лассона, Людера. Этотъ взглядъ имѣетъ нѣкоторое оправданіе въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, но вообще война ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваема такимъ образомъ ужъ потому, что съ развитіемъ человѣчества взглядъ на условія нравственнаго «здоровья народовъ» мѣняется. Бываютъ, конечно, случаи, когда война оказываетъ благотворное вліяніе на политическую жизнь народа, но такіе случаи свидѣтельствуютъ лишь о ненормальныхъ условіяхъ политическаго и соціальнаго строя народа. Для побѣжденныхъ (Россія послѣ 1856 г.) понесенное пораженіе служитъ иногда толчкомъ къ реформамъ. Но это доказываетъ лишь, что соціальный и политическій строй такого государства былъ такого рода, что необходимость реформъ не имѣла возможности проявиться нормальнымъ путемъ мирнаго внутренняго прогресса. Съ другой стороны исторія доказала, что Турцію война не оживитъ, сколько бы пораженій не досталось на ея долю, а примѣръ послѣдствій, проявившихся въ Германіи послѣ счастливой для нея войны 1870—71 г.— огрубѣніе нравовъ, самодовольство ума и милитаризмъ—едва ли могутъ служить аргументомъ благотворнаго вліянія войнъ на прогрессъ цивилизаціи народовъ и на ихъ нравственное оздоровленіе.

в) Примѣнительно къ теоріи натуралистовъ о законѣ борьбы за существованіе, нѣкоторые смотрятъ на войну, какъ на проявленіе этого закона; какъ космическій законъ, война не можетъ, по ихъ мнѣнію, быть названа ни добромъ, ни зломъ,—воля людей предъ этимъ закономъ безсильна. Это мнѣніе особенно часто встрѣчается у военныхъ писателей (Мольтке, Рюстовъ). Этотъ взглядъ отчасти справедливъ,—борьба дѣйствительно представляетъ элементъ мірового порядка и служитъ источникомъ всякаго движенія и развитія. Войну, какъ видовое понятіе не слѣдуетъ однако смѣшивать съ борьбою—понятіемъ родовымъ: видовой признакъ войны—физическое насиліе, совершенно искажаетъ родовую черту—борьбу. Борьба всегда будетъ существовать и въ индивидуальной жизни людей, и въ коллективной, международной, но съ развитіемъ культуры и цивилизаціи она неизбѣжно должна утрачивать свою атавистическую форму физическаго насилія и облекаться въ болѣе отвѣчающую требованіямъ нашего времени форму борьбы духовныхъ силъ. Физическая, матеріальная борьба за существованіе свойственна людямъ на низшихъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія; у цивилизованныхъ народовъ ее замѣняетъ соревнованіе духовныхъ силъ.

г) Взглядъ на войну юристовъ слѣдующій: она не непосредственное и неизбѣжное слѣдствіе несовершенствъ индивидуальной человѣческой природы, не роковой неизмѣнный законъ, подобный явленіямъ физической ирироды, а результатъ несовершенствъ и недостатковъ общихъ условій культурной и государственной жизни. Исторія показываетъ, что съ измѣненіемъ культурной и государственной организаціи измѣняется и характеръ войны. Слѣдовательно, съ устраненіемъ въ государственномъ строѣ и въ культурѣ человѣчества причинъ, которыя болѣе всего содѣйствуютъ возникновенію войны, случаи такихъ вооруженныхъ международныхъ столкновеній могутъ быть ограничены и даже совершенно устранены.

Съ точки зрѣнія международнаго права *войну* можно опредѣлить, *какъ вооруженную борьбу между независимыми государствами изъ-за вопро-*

совъ публичнаго права. Война не уничтожаетъ юридическаго порядка, а лишь временно пріостанавливаетъ его въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ границахъ и, слѣдовательно, является хотя насильственною, но тѣмъ не менѣе юридическою формою сношеній государствъ.

Отсюда задача международнаго права заключается въ томъ, чтобы установить такія нормы, при которыхъ война имѣла бы характеръ юридическаго спора между государствами. Во всякомъ случаѣ, до начала войны должны быть испробованы всѣ мирные способы прекращенія несогласія и, только при безплодности ихъ, для возстановленія нарушенныхъ правъ война является правомѣрной. При этомъ, она должна подчиняться правиламъ, установленнымъ международнымъ соглашеніемъ государствъ.

Совокупность правилъ, опредѣляющихъ веденіе войны и отношенія, возникающія между воюющими другъ къ другу, къ мирному населенію и къ прочимъ государствамъ неучаствующимъ въ войнѣ и называется правомъ войны въ смыслѣ объективномъ.

Исторія войны представляетъ собою весьма, правда медленный и постепенный, но неуклонный переходъ отъ неограниченнаго произвола и господства дикаго насилія, какъ чисто фактическаго способа разрѣшенія международныхъ несогласій, къ подчиненію насильственныхъ военныхъ мѣръ *извѣстнымъ нормамъ*, соотвѣтственно прогрессу правосознанія, культурнаго, соціальнаго и политическаго развитія европейскихъ народовъ. До Гаагской конференціи 1899 г., впрочемъ, *нормы* права войны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ соглашеній относительно отдѣльныхъ вопросовъ, составляли *неписанное международное право* (военные обычаи).

Такими исключеніями были: 1) «*Актъ вооруженнаго морского нейтралитета*» 1780 г., заключенный нейтральными государствами по иниціативѣ императрицы Екатерины Великой и вызванный произволомъ воюющихъ (Англіи, Франціи и Испаніи) по отношенію къ морской торговлѣ нейтральныхъ, непринимающихъ участія въ войнѣ государствъ. Актъ этотъ устанавливалъ: 1) *свободу судоходства между портами воюющихъ для нейтральныхъ кораблей съ ихъ грузомъ*; 2) *неприкосновенность непріятельской собственности на нейтральныхъ корабляхъ, исключая военной контрабанды*; 3) *военной контрабандой* признается оружіе и предметы *непосредственно служащіе военнымъ цѣлямъ*; 4) *блокированнымъ* признается только портъ, оцѣпленный военными кораблями такъ, что *постоянное и близкое расположеніе ихъ у порта дѣлаетъ входъ въ него очевидно опаснымъ.*

Чтобы понять значеніе этого акта, нужно имѣть въ виду, что до этого времени не только неприкосновенность непріятельской собственности на судахъ нейтральныхъ, но даже нейтральная собственность (суда и грузъ) не пользовались никакой охраной отъ произвола воюющихъ на морѣ; что торговля нейтральныхъ съ воюющими государствами даже предметами, не имѣющими никакого отношенія къ войнѣ, совершенно не допускалась и нейтральныя суда, идущія въ непріятельскіе или изъ непріятельскаго порта, подвергались воюющими захвату; что подъ понятіе военной контрабанды подводились не только предметы, непосредственно служащіе военнымъ цѣлямъ, но и жизненные припасы, лѣсъ, желѣзо, свинецъ и т. п.; наконецъ, что блокада нерѣдко практиковалась фиктивно, т. е. воюющій *объявлялъ* извѣстные порты, а иногда и цѣлыя побережья противника блокированными и поэтому доступъ въ нихъ для

нейтральныхъ судовъ запрещеннымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности блокады т. е. обложенія этихъ портовъ или побережій вооруженными морскими силами воюющаго не было, а направлявшіяся туда нейтральныя суда подвергались конфискаціи подъ предлогомъ нарушенія блокады. 2) *Второй вооруженный нейтралитетъ*, заключенный по почину Им. Павла на основаніяхъ акта 1780 года, но съ измѣненіемъ опредѣленія блокады и съ прибавленіемъ новыхъ правилъ объ осмотрѣ судовъ. 3) *Парижская декларація 16 апрѣля 1856 г.* составляющая приложеніе къ Парижскому мирному трактату, заключенному Россіей, Турціей, Франціей, Англіей, Австріей, Пруссіей и Италіей, но представляющая собою совершенно независимый отъ этого трактата международный актъ и заключающая въ себѣ правила *о неприкосновенности нейтральныхъ кораблей* съ ихъ грузомъ, исключая военную контрабанду, а также о неприкосновенности *нейтральнаго груза на корабляхъ воюющихъ* государствъ, кромѣ военной контрабанды; и объ отмѣнѣ каперства, о чемъ будетъ сказано ниже. 4) *Женевская конвенція 1864 г.* о защитѣ и уходѣ *за ранеными* какъ своими, такъ и непріятельскими. Происхожденіе Женевской конвенціи тѣснымъ образомъ связано съ появленіемъ въ свѣтъ сочиненія доктора Дюнана, «Souvenir de Solferino» 1862 г. Авторъ былъ очевидцемъ битвы при Сольферино и живыми красками изобразилъ несчастное положеніе раненыхъ, которые погибали тысячами не столько отъ ранъ, сколько вслѣдствіе недостаточнаго за ними ухода и врачебной помощи; мысль эта нашла поддержку въ Женевскомъ благотворительномъ обществѣ, предсѣдателемъ котораго Густавомъ Муанье былъ организованъ въ 1863 г. международный съѣздъ въ Женевѣ. На съѣздѣ былъ принятъ проектъ устройства въ каждомъ государствѣ частныхъ комитетовъ для помощи раненымъ (обществъ Краснаго Креста) съ объединяющимъ ихъ дѣятельность международнымъ, Женевскимъ комитетомъ Кр. Креста и было выражено желаніе, чтобы походные лазареты и медицинскій персоналъ были поставлены подъ охрану нейтралитета. Желаніе это могло быть осуществлено только посредствомъ общаго международнаго соглашенія, которое и было заключено въ 1864 г. на международной конференціи въ Женевѣ, созванной по приглашенію Швейцарскаго союзнаго совѣта. Что касается содержанія этой конвенціи, то оно будетъ изложено ниже въ отдѣлѣ о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Четыре года спустя въ Женевѣ (въ 1868 г.) собралась новая конференція, выработавшая *проектъ дополнительныхъ постановленій* къ конвенціи 1864 г. объ уходѣ за ранеными и больными *на морѣ*. Но «дополнительныя постановленія» не были подписаны державами и обязательной силы не имѣли до самого послѣдняго времени, когда были приняты на Гаагской конференціи 1899 г. 5) Въ 1868 г. подписана была державами *Петербургская декларація*, въ силу которой запрещается употребленіе разрывныхъ снарядовъ, вѣсомъ менѣе 400 граммъ (1 фунта), какъ причиняющихъ страшныя и безполезныя мученія раненымъ.

Кромѣ отдѣльныхъ указанныхъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью ограничить произволъ воюющихъ, встрѣчаются попытки *кодификаціи права сухопутной войны*. Но всѣ эти попытки до Гаагской конференціи успѣха не имѣли. Первой такой попыткой была «*Полевая инструкція*», составленная *Либеромъ* въ 1863 году для войскъ Соединенныхъ Штатовъ Америки. Вторая кодификаціонная попытка принадлежитъ Брюссельской конференціи 1874 года, созванной по иниціативѣ Им. Александра II.

Конференція эта выработала декларацію, о законахъ и обычаяхъ войны, главнымъ источникомъ которой послужила Полевая Инструкція Либера. Брюссельская декларадія, однако, не была утверждена и, такимъ образомъ, не получила примѣненія на практикѣ. Но она послужила въ свою очередь, основаніемъ «Краткаго изложенія законовъ сухопутной войны»— третьей попыткой кодификаціи, предпринятой Институтомъ международнаго права въ 1880 году.

И только Гаагская конференція 1899 г. пришла къ рѣшенію задачи кодификаціи законовъ и обычаевъ сухопутной войны и, сверхъ того, выработала нѣсколько отдѣльныхъ постановленій.

Гаагской конференціи, созванной по почину Им. Николая II, предстояло, согласно нотѣ русскаго правительства отъ 30 декабря 1898 года, заняться, между прочимъ: 1) разсмотрѣніемъ вопроса о запрещеніи употреблять нѣкоторыя *новыя* особенно разрушительные оружія и вещества; 2) пересмотромъ Брюссельской декларадіи 1874 г., о законахъ и обычаяхъ войны и 3) установленіемъ нормъ по примѣненію къ *морскимъ войнамъ* постановленіемъ Женевской конвенціи 1864 г. на основаніи *дополнительныхъ* къ ней *статей* 1868 г.

Результатомъ работъ конференціи въ указанномъ направленіи явились: 1) три декларадіи, запрещающія: а) употреблять пули, которыя легко разрываются или сплющиваются въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ-то: пули съ жесткою оболочкою, непокрывающею вполнѣ ея сердечника, или снабженною надрѣзомъ; б) пускать ядра и взрывчатые снаряды съ воздушныхъ шаровъ или другими новыми подобными способами, на *пятилѣтній срокъ*; в) употреблять снаряды, имѣющіе единственною цѣлью распространеніе удушлевыхъ или смертоносныхъ газовъ; 2) *три конвенціи:* а) о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній; б) о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны и в) о примѣненіи къ морской войнѣ началъ Женевской конвенціи.

Конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, воспроизводя почти буквально Брюссельскую декларацію 1874 года, состоитъ изъ собственно *конвенціи* и приложенія къ ней, заключающаго въ себѣ *Положеніе*. Въ *конвенціи* стороны обязуются дать своимъ сухопутнымъ войскамъ наказы, согласные съ Положеніемъ, которое признается обязательнымъ только въ случаѣ войны между державами, подписавшими конвенцію, а также тѣми, которыя впослѣдствіи къ ней присоединятся.

Самое *Положеніе* дѣлится на 4 отдѣла: 1) *о воюющихъ* (кто признается воюющимъ, о военноплѣнныхъ, о больныхъ и раненыхъ); 2) *о военныхъ дѣйствіяхъ* (о средствахъ нанесенія вреда непріятелю, объ осадѣ и бомбардировкахъ, о лазутчикахъ, парламентерахъ, о капитуляціяхъ и перемиріи); 3) *о военной власти на территоріи непріятельскаго государства*; 4) о водвореніи воюющихъ и о пользованіи раненыхъ въ странѣ нейтральной.

Вторая Гаагская конференція мира 1907 г. значительно расширила дѣло первой по кодификаціи права войны и нейтралитета. Принятыя ею конвенціи приводятся въ приложеніи.

§ 8) **Основныя начала права войны.** Изъ приведеннаго выше опредѣленія войны вытекаетъ *юридическій принципъ войны*, заключающійся въ томъ, что *война ведется между государствами, а не противъ частныхъ лицъ*. Этотъ основной принципъ формулированъ въ XVIII в. и получилъ полное развитіе въ XIX. Еще писатели и публицисты 16,

17 и начала 18 в., признавая войну явленіемъ неизбѣжнымъ, старались путемъ пропаганды своихъ идей вліять на смягченіе жестокостей войны; но соображенія эти (даже у Гуго Гроція въ его знаменитомъ трактатѣ De jure belli ac pacis 1625 г.) основывались на началахъ гуманности и религіи, а не права. Впервые съ точки зрѣнія права взглянулъ на войну Руссо. Онъ установилъ основной принципъ, что война есть явленіе политической жизни государствъ,—«*война есть отношеніе государства къ государству, а не индивидуума къ индивидууму*; граждане воюющихъ государствъ не враги, не непріятели сами по себѣ, а являются таковыми, лишь какъ войны». *Къ этому принципу сводятся всѣ нормы современнаго положительнаго права войны.* Противъ указаннаго принципа, впрочемъ, возражаютъ, что̀ прежде, во времена абсолютныхъ монархій война велась изъ за чуждыхъ народу династическихъ интересовъ войсками, представлявшими особое сословіе, почему войну и можно было назвать *отношеніемъ государства къ государству*; но теперь, при участіи народа въ управленіи, при всеобщей войнской повинности, война носитъ національный характеръ, такъ какъ въ рядахъ войска—все мужское населеніе, вооруженный народъ и, слѣдовательно, *граждане сами по себѣ являются врагами.* Но такъ какъ войны въ наше время ведутся изъ за вопросовъ публичнаго права органами государствъ, то врагами являются послѣднія, а не отдѣльные граждане и, такимъ образомъ, принципъ, что война есть отношеніе государства къ государству остается незыблемымъ. Онъ признается не только въ теоріи, но и на практикѣ. Такъ въ прокламаціи Им. Вильгельма отъ 11 авг. 1870 г. говорится: «я веду войну противъ французскихъ солдатъ, а не противъ французскихъ гражданъ. Поэтому, послѣдніе будутъ пользоваться личною и имущественною безопасностью до тѣхъ поръ, пока они сами враждебными дѣйствіями противъ германскихъ войскъ не лишатъ меня права оказывать имъ покровительство». Обязанность уваженія и пощады мирнаго населенія непріятельской страны еще точнѣе выражена въ приказѣ главнокомандующаго русскими войсками въ русско-турецкой войнѣ, В. Кн. Николая Николаевича отъ 12 апрѣля 1877 г; «мирные жители», говорится въ немъ, «къ какой бы вѣрѣ и къ какому бы народу они не принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно, никто не долженъ дозволить себѣ произвола».

Если война есть отношеніе государствъ къ государству, то *субъектомъ* права войны могутъ быть только *самостоятельныя государства.* Право войны въ смыслѣ субъективномъ есть, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, одно изъ главныхъ проявленій суверенитета государства.

Государства полусамостоятельныя (вассальныя), по общему правилу, не имѣютъ права самостоятельно вести войну. Они могутъ лишь участвовать въ тѣхъ войнахъ, которыя ведутъ ихъ суверены.

Что касается государствъ сложныхъ, то слѣдуетъ различать между ними союзъ государствъ и союзныя государства, или федераціи. *Въ союзѣ государствъ* право войны принадлежитъ какъ цѣлому союзу, такъ и каждой его части, т. е. каждому государству входящему въ его составъ. *Въ союзномъ государствѣ* право войны принадлежитъ цѣлому государству, представителемъ котораго является центральное правительство. Это правило признается конституціями всѣхъ государствъ федеративныхъ, каковы Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Швейцарія, современ-

ная Германская имперія. Войну можетъ объявить лишь центральное правительство союзнаго государства; если же центральное правительство употребляетъ военную силу противъ какой-либо части федераціи, то это будетъ не война, а лишь простая административная мѣра, называемая *экзекуціей*.

Для того, чтобы быть *законной* съ точки зрѣнія современнаго международнаго права, война должна быть *правомѣрной* въ отношеніи *причинъ* ее вызывающихъ и *по своей цѣли*.

Въ отношеніи причинъ, вызывающихъ войну, признается правомѣрною:

1) *Оборонительная война* для защиты основныхъ правъ государства на независимость и неприкосновенность тѣрриторіи; вооруженная оборона допускается въ случаѣ уже совершеннаго правонарушенія, когда нарушенное право не можетъ быть возстановлено другимъ способомъ, кромѣ войны, или же въ случаѣ неминуемо грозящей опасности правонарушенія.

2) *Война за освобожденіе* какъ въ международномъ, такъ и въ государственномъ смыслѣ, т. е. какъ противодѣйствіе завоевательнымъ попыткамъ извѣстнаго государства и его стремленію къ порабощенію другого, и какъ борьба за національную независимость и освобожденіе.

Юридическія причины къ войнѣ соотвѣтствуютъ праву необходимой обороны въ области частнаго права и въ немъ имѣютъ свое оправданіе. Но разсматривая войну въ исторіи человѣчества, мы увидимъ, что, помимо этихъ юридическихъ причинъ, войны вызывались еще и такими причинами, которыя объясняются исключительно политическими и культурными *условіями историческаго развитія* государствъ и народовъ. Нельзя не замѣтить, въ самомъ дѣлѣ, что различнымъ историческимъ эпохамъ свойственны различныя причины войнъ и что съ теченіемъ вѣковъ эти причины войнъ измѣняются соотвѣтственно измѣненію политическихъ и культурныхъ условій жизни человѣчества. Въ исторіи Европы мы можемъ, напримѣръ, указать нѣсколько категорій такого рода историческихъ, такъ сказать, причинъ войны. Таковы напр. войны феодальныя, характеризующія средне-вѣковый періодъ исторіи Европы, войны религіозныя, раздиравшія Европу даже до XVII в. включительно, войны чисто династическія (за Испанское, за Австрійское, за Баварское наслѣдство), характеризующія въ особенности время полнаго расцвѣта монархическаго абсолютизма въ XVIII в., войны чисто завоевательныя и т. д.

Разсматривая вопросъ о причинахъ войны примѣнительно къ нашему времени, мы можемъ раздѣлить эти причины на 2 группы: 1) политическія (внѣшнія) причины и 2) культурно-экономическія (внутреннія) причины.

Политическія причины наиболѣе подвержены колебаніямъ. Таковы напр. соперничество державъ на Балканскомъ полуостровѣ или, другими словами, восточный вопросъ; отношеніе тройственнаго союза къ Россіи и Франціи; соперничество изъ-за колоніальной политики, или изъ-за преобладанія въ африканскихъ государствахъ при Средиземномъ морѣ (Англія, Франція, Италія); соперничество Англіи и Германіи; Соединенныхъ Штатовъ и Японіи.

Внутреннія причины войны: 1) историческія традиціи (отместка,

національная враждебность, напр. Франціи и Германіи) и 2) экономическая борьба и торговая охранительная политика.

По своей *цѣли* война считается правомѣрной, если она предпринята *для возстановленія нарушеннаго права и для укрѣпленія мира на новыхъ болѣе прочныхъ основаніяхъ* сообразно съ новыми выяснившимися во время войны потребностями воюющихъ государствъ, чѣмъ война, какъ процессъ для рѣшенія споръ, и отличается отъ всякаго юридическаго процесса. Въ каждомъ юридическомъ процессѣ приговоръ никогда не выходитъ за предѣлы иска. Судебныя издержки при гражданскомъ судопроизводствѣ являются въ большинствѣ случаевъ совершенно неважнымъ, побочнымъ обстоятельствомъ. Совсѣмъ иное дѣло при рѣшеніи международнаго спора посредствомъ войны. Война представляетъ самое ужасное средство для рѣшенія споровъ, потому что влечетъ за собой множество послѣдствій, не имѣющихъ ничего общаго съ первоначальнымъ объектомъ спора; она дѣлаетъ необходимыми такія жертвы и жизнью, и имуществомъ, которыя нерѣдко бываютъ гораздо значительнѣе цѣнности спорнаго права; обыкновенно, тѣ требованія и притязанія, которыя выражаются уже по окончаніи войны, далеко не совпадаютъ съ требованіями, которыя были выражены при началѣ войны и для осуществленія которыхъ, собственно, и началась война. Совершенно справедливо говоритъ Блюнчли, что «при заключеніи мира дѣло идетъ уже не объ одномъ только признаніи права или притязанія, бывшаго сначала спорнымъ, даже не о вознагражденіи за понесенную несправедливость или объ удовлетвореніи за причиненное оскорбленіе: обыкновенно, хотятъ обезпечить себя на будущее время и даже установить новый мирный порядокъ, который соотвѣтствовалъ бы проявившемуся, благодаря войнѣ, соотношенію государственныхъ силъ и служилъ бы сообразнымъ времени выраженіемъ новой юридической и политической жизни государства». Иначе говоря, государство, оставшееся побѣдителемъ, можетъ требовать отъ своего противника не только возстановленія нарушеннаго права, но тѣхъ или иныхъ гарантій для обезпеченія себя на будущее время. Но если притязанія побѣдителя и могутъ идти далѣе возстановленія нарушеннаго права или правомѣрнаго интереса, то стремленіе къ наказанію, порабощенію или уничтоженію противника должно быть признано недопустимымъ. Не надо забывать, что противники находятся юридически въ положеніи полнаго равенства, такъ какъ война замѣняетъ въ международныхъ отношеніяхъ процессъ, соотвѣтствуя одной изъ первобытныхъ его формъ судебному поединку.

§ 9. **Начало войны и ея послѣдствія.** *Война начинается* или фактически, или указаніемъ извѣстнаго опредѣленнаго момента ея возникновенія (такъ наз. объявленіе войны). Послѣдній способъ безусловно необходимъ; фактическое начатіе войны вноситъ хаосъ и неопредѣленность въ международныя отношенія. Подъ объявленіемъ войны разумѣется не церемоніальное торжественное извѣщеніе, а простое объявленіе противнику дипломатическимъ путемъ о намѣреніи начать войну. Въ послѣднее время объявленіе войны часто замѣняется предъявленіемъ *ультиматума*, т. е. формальнаго дипломатическаго заявленія о томъ, что неисполненіе противникомъ въ извѣстный срокъ опредѣленныхъ требованій равносильно объявленію ему другою стороною войны.

Формальное объявленіе войны можетъ имѣть особенное значеніе для опредѣленія правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ, а так-

же для исчисленія напр. срока, который дается, обыкновенно, воюющимъ купеческимъ судамъ противника для удаленія изъ портовъ. Поэтому мнѣніе проф. Мартенса, что «объявленіе» войны не представляетъ въ нашъ вѣкъ телеграфа и гласности особенной необходимости, мы считаемъ недостаточно обоснованнымъ.

Какъ средство возстановленія нарушенныхъ правъ или интереса, война сама по себѣ, какъ было сказано, *не упраздняетъ юридическаго порядка между воюющими*, а лишь временно и фактически пріостанавливаетъ его.

При началѣ войны *дипломатическіе и консульскіе представители враждующихъ государствъ*, получивъ паспорты, *выѣзжаютъ изъ непріятельской страны*. Охрана интересовъ подданныхъ передается представителямъ одной изъ дружественныхъ державъ. Такъ было поступлено и въ русско-японскую войну: Россія передала защиту своихъ подданныхъ въ Японіи Франціи, Японія защиту своихъ подданныхъ въ Россіи вручила Соединеннымъ Штатамъ Сѣв. Америки. Правило это, освященное практикой, не заслуживаетъ одобренія: съ точки зрѣнія международнаго права война не обращаетъ воюющихъ въ первобытное состояніе; она представляетъ собою, какъ говорятъ юристы, правоотношеніе, т.-е. порождаетъ извѣстныя права и обязанности, какъ между воюющими сторонами, такъ и между ними и нейтральными государствами. Лишь эта точка зрѣнія способна до извѣстной степени смягчить то зло, которое приноситъ съ собою война. Но практика, да и теорія въ большинствѣ случаевъ, все еще колеблются дѣлать изъ нея выводы, которые, однако, подсказываются простою логикой. Къ таковымъ слѣдуетъ отнести требованіе, чтобы дипломатическія сношенія между воюющими не прекращались. Ихъ гораздо труднѣе поддерживать, чѣмъ въ обыкновенное время, но непрерывность ихъ, равно какъ и консульской дѣятельности, требуется настоятельными интересами какъ правительствъ, такъ и ихъ подданныхъ.

Нѣкоторые писатели держатся еще того мнѣнія, что, вслѣдствіе войны, договоры, заключенные съ противникомъ, прекращаютъ свое дѣйствіе за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые были заключены на случай войны. Болѣе вѣрнымъ является мнѣніе, что въ настоящее время возникновеніе войны *не прекращаетъ всѣхъ обязательственныхъ отношеній между враждующими государствами, но лишь пріостанавливаетъ дѣйствіе договоровъ настолько, насколько исполненіе ихъ во время войны фактически окажется невозможнымъ*. Только обязательства съ политическимъ характеромъ по общему правилу отмѣняются войною. Договоры, заключенные въ виду войны, вступаютъ съ нею въ силу. Поэтому по окончаніи войны всѣ договоры, спеціально неупомянутые въ мирномъ трактѣ, остаются въ прежней силѣ.

Взаимные подданные воюющихъ съ наступленіемъ войны не изгоняются, но продолжаютъ пользоваться, какъ и въ мирное время, защитою мѣстныхъ законовъ и властей. Это нынѣ установившійся обычай съ рѣдкими исключеніями. Россія это подтвердила въ началѣ своей войны съ Турціею (указъ сенату 12 мая 1877 г.). и въ послѣднюю войну по отношенію къ Японіи (Правила 14 февраля 1904 г.). Ст. I послѣднихъ правилъ говоритъ: «подданнымъ Японіи разрѣшается, подъ защитою дѣйствующихъ законовъ, продолжать во время войны свое пребываніе и свои мирныя занятія въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ областей, входящихъ въ составъ намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ». Японцы сами поспѣшили масса-

ми покинуть города восточной Сибири (можетъ-быть, по приказу своего правительства), чѣмъ внесли не малое разстройство въ экономическую жизнь тѣхъ мѣстностей, гдѣ они поселились. Но подданные воюющихъ, остающіеся въ непріятельской странѣ, должны строго воздерживаться отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ войну.

Купеческимъ судамъ непріятеля назначается срокъ, въ теченіе котораго они могутъ безпрепятственно удалиться. Вышеназванныя правила 14 февраля въ ст. II говорятъ: «японскимъ купеческимъ судамъ, застигнутымъ объявленіемъ войны въ русскихъ портахъ и гаваняхъ, дозволяется остаться въ оныхъ до выхода въ море, съ товаромъ, не составляющимъ военной контрабанды, въ продолженіе времени, достаточнаго для нагрузки, въ зависимости отъ степени ея, но ни въ какомъ случаѣ не свыше 48 часовъ со времени опубликованія настоящихъ правилъ мѣстнымъ начальствомъ». Срокъ 48-часовой представляется слишкомъ краткимъ. Предпочтеніе должно быть дано указу 12 мая 1877 г., гдѣ просто сказано о такомъ же правѣ выхода турецкихъ судовъ «въ продолженіе времени, достаточнаго для нагрузки товаровъ», но безъ обозначенія срока.

Торговля съ нейтральными должна продолжаться свободно и для воюющихъ, но въ извѣстныхъ условіяхъ, созданныхъ войною, о чемъ будетъ сказано ниже.

§ **10. Отношенія воюющихъ во время сухопутной войны.** а) *Законный противникъ.* Гаагская конвенція 17 іюля 1899 года въ отдѣлѣ о томъ, «кто признается воюющимъ», устанавливаетъ понятіе законнаго противника. Она постановляетъ: «военные законы и обязанности примѣняются не только къ арміи, но также къ ополченію и добровольческимъ отрядамъ, если они удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣютъ во главѣ лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ; 2) имѣютъ опредѣленный и явственно видимый издали отличительный знакъ; 3) открыто носятъ оружіе; 4) соблюдаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ законы и обычаи войны. Населеніе незанятой территоріи, которое при приближеніи непріятеля добровольно возьмется за оружіе для борьбы съ вторгающимися войсками, и которое не имѣло времени устроиться согласно вышеуказаннымъ условіямъ, признается въ качествѣ воюющаго, если соблюдаетъ законы и обычаи войны. Вооруженныя силы государствъ могутъ состоять изъ сражающихся (комбатантовъ) и не сражающихся. Въ случаѣ захвата непріятелемъ, какъ тѣ, такъ и другіе пользуются правами военноплѣнныхъ.

Несражающимися считаются лица, сопровождающія армію, но не принадлежащія къ ея составу, какъ-то интенданты, военнополевые чиновники, газетные корреспонденты, репортеры, маркитанты, поставщики.

Лица же, служащія при госпиталяхъ и лазаретахъ, священнослужители, всѣ вообще занятыя по врачебной, административной, интендантской и перевозочной части при больныхъ и раненыхъ солдатахъ охраняются женевскою конвенціею, которая признаетъ послѣднихъ неприкосновенными (нейтральными), «къ какой бы націи они ни принадлежали».

Неприкосновенными считаются также парламентеры и лица, ихъ сопровождающія, но до тѣхъ только поръ, пока не злоупотребляютъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ. *Парламентеромъ считается лицо, уполномоченное одною изъ воюющихъ сторонъ вступить въ переговоры съ другой и являющееся съ бѣлымъ флагомъ.* Парламентера, обыкновенно, сопровождаютъ: 1) трубачъ, горнистъ, или барабанщикъ,

2) лицо, несущее флагъ, 3) переводчикъ. Гаагская конвенція постановляетъ что начальникъ войскъ, къ которому посланъ парламентеръ, не обязанъ принять его при всякихъ обстоятельствахъ. Онъ можетъ принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы воспрепятствовать парламентеру воспользоваться возложеннымъ на него порученіемъ для собиранія свѣдѣній. Онъ имѣетъ право, въ случаѣ злоупотребленій со стороны парламентера, временно его задержать. Парламентеръ теряетъ право на неприкосновенность, если будетъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ доказано, что онъ воспользовался своимъ положеніемъ для подговора къ измѣнѣ или для ея совершенія.

Не признаются воюющими и не подлежатъ дѣйствію военныхъ законовъ *лазутчики* (*шпіоны*): къ нимъ примѣняются военно-уголовные законы. Лазутчикомъ считается лицо, которое, *дѣйствуя тайнымъ образомъ или подъ ложными предлогами*, собираетъ или старается собрать свѣдѣнія въ районѣ дѣйствій одного изъ воюющихъ съ намѣреніемъ сообщить таковыя противной сторонѣ. Поэтому, не считаются лазутчиками военные чины, которые, *не скрывая своего званія*, проникнутъ для собиранія свѣдѣній въ районъ дѣйствій непріятельской арміи (развѣдчики). Равно не считаются лазутчиками тѣ военнаго и невоеннаго званія лица, *открыто исполняющія свои обязанности*, которымъ поручено передача депешъ по назначенію въ ихъ собственную, либо въ непріятельскую армію. Къ этому разряду принадлежатъ и лица, посылаемыя на воздушныхъ шарахъ для передачи депешъ или вообще для поддержанія сообщеній между различными частями арміи или территоріи.

Лазутчикъ, пойманный на мѣстѣ, не можетъ быть наказанъ безъ предварительнаго суда. Если онъ успѣлъ возвратиться къ своей арміи и впослѣдствіи будетъ взятъ непріятелемъ, то признается военноплѣннымъ и не подлежитъ никакой отвѣтственности за прежнія свои дѣйствія, какъ лазутчикъ.

Военноплѣнные. Всякій законный непріятель (комбатантъ) обезоруженный противникомъ и попавшій въ его власть считается военноплѣннымъ. Въ древнія времена военноплѣнные или подвергались истребленію, или же продавались въ рабство. Въ средніе вѣка участь ихъ была такая же, хотя сталъ практиковаться и выкупъ плѣнныхъ. Съ 17-го вѣка стали смягчать ихъ участь и первой попыткой къ этому можно считать введеніе обычая обмѣнивать плѣнныхъ. Французская революція отмѣнила принципіально выкупъ и узаконила размѣнъ, (обыкновенно—по числу и рангу военноплѣнныхъ); такимъ образомъ, военноплѣнный изъ безправной вещи, составляющей собственность взявшаго, становится лицомъ, временно задерживаемымъ государствомъ. Обезоруженный законный непріятель стѣсняется въ личной свободѣ не изъ мщенія и не въ видѣ наказанія, а лишь въ цѣляхъ безопасности, чтобы ослабить численно противника.

Гаагская конвенціи устанавливаетъ рядъ правилъ, регулирующихъ отношеніе къ военноплѣннымъ и ихъ права.

Всѣ постановленія конвенціи проникнуты принципомъ, что плѣнные—не преступники, съ ними должно обращаться человѣколюбиво. Они находятся во власти непріятельскаго правительства, а не отдѣльныхъ лицъ или отрядовъ, взявшихъ ихъ въ плѣнъ. Все, что принадлежитъ имъ лично, за исключеніемъ оружія, лошадей и военныхъ бумагъ, остается ихъ собственностью. Государство можетъ ихъ привлекать къ своимъ

работамъ, сообразно съ ихъ чиномъ и способностями. Работы эти не должны быть изнурительными и не должны имѣть никакого отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ. Заработокъ плѣнныхъ назначается на улучшеніе ихъ содержанія, а остатокъ выдается имъ при освобожденіи, за вычетомъ расходовъ по ихъ содержанію.

Содержаніе военноплѣнныхъ возлагается на правительство, во власти котораго они находятся. Если, при этомъ, между воюющими нѣтъ особаго соглашенія, то плѣнные пользуются такимъ же помѣщеніемъ, пищей и одеждой, какъ войска правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ.

Военноплѣнные подчиняются законамъ и распоряженіямъ, дѣйствующимъ въ арміи государства, во власти котораго они находятся. Неповиновеніе съ ихъ стороны даетъ право на примѣненіе къ нимъ необходимыхъ мѣръ строгости. Лица, бѣжавшія изъ плѣна и задержанныя подлежатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Но плѣнные, удачно совершившіе побѣгъ и вновь взятые въ плѣнъ, не подлежатъ никакому взысканію за свой прежній побѣгъ.

Каждый военноплѣнный обязанъ объявить свое настоящее имя и чинъ; въ противномъ случаѣ онъ подвергается ограниченію тѣхъ преимуществъ, которые предоставлены военноплѣннымъ его разряда.

Военноплѣнные могутъ быть освобождены на *честное слово*, если это разрѣшается законами ихъ страны, и въ такомъ случаѣ обязаны, съ ручательствомъ личной своей честью, добросовѣстно исполнять принятыя на себя обязательства, какъ въ отношеніи собственнаго правительства, такъ и правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ. Въ этомъ случаѣ ихъ правительство обязывается ни требовать, ни принимать отъ нихъ никакой службы, противной данному ими слову. Плѣнный не можетъ быть принуждаемъ къ освобожденію на честное слово; равно и непріятельское правительство не обязано давать согласіе на просьбу плѣннаго объ освобожденіи его на честное слово. Плѣнный, отпущенный на честное слово и затѣмъ вновь взятый въ дѣйствіяхъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ того правительства, передъ которымъ онъ обязался честью, или противъ союзниковъ послѣдняго, теряетъ права предоставленныя военноплѣннымъ и можетъ быть преданъ суду.

Съ открытія военныхъ дѣйствій въ каждомъ изъ воюющихъ государствъ, а также и въ государствахъ нейтральныхъ въ томъ случаѣ, если они приняли на свою территорію воюющихъ, учреждается *Справочное Бюро о военноплѣнныхъ*. Бюро это, имѣющее цѣлью давать отвѣты на запросы о военноплѣнныхъ, получаетъ отъ различныхъ подлежащихъ учрежденій всѣ необходимыя свѣдѣнія, требованія для составленія именной карточки о каждомъ плѣнномъ. Бюро поставляется въ извѣстность о мѣстахъ водворенія плѣнныхъ, ихъ перемѣщеніяхъ, равно какъ о поступленіи въ госпиталь и о смерти. Справочное Бюро обязано равнымъ образомъ собирать и хранить въ одномъ мѣстѣ, а также пересылать по принадлежности, всѣ вещи, служащія для личнаго пользованія, цѣнности, письма и проч., которыя будутъ найдены на полѣ битвы или останутся послѣ плѣнныхъ, умершихъ въ госпиталяхъ.

Общества для оказанія помощи плѣннымъ, учрежденныя по законамъ ихъ страны и имѣющія задачей быть посредниками въ дѣлахъ благотворенія, а также и ихъ законно уполномоченные агенты, для наиболѣе успѣшнаго выполненія своей человѣколюбивой дѣятельности, должны пользоваться всѣми облегченіями со стороны воюющихъ въ предѣлахъ,

обусловленныя военными требованіями и административными порядками. Уполномоченные этихъ обществъ допускаются къ раздачѣ пособій въ мѣста содержанія плѣнныхъ, равно какъ и на пункты остановокъ плѣнныхъ, возвращаемыхъ на родину, подъ условіемъ предъявленія именного разрѣшенія, выданнаго военною властью, и дачи письменнаго обязательства подчиняться всѣмъ ея распоряженіямъ, касающимся порядка и безопасности.

Военноплѣнные офицеры могутъ получать въ извѣстныхъ случаяхъ дополнительное содержаніе къ окладу, причитающемуся имъ въ такомъ положеніи по дѣйствующимъ въ ихъ странѣ правиламъ, подъ условіемъ возмѣщенія расхода со стороны ихъ правительства.

Военноплѣннымъ предоставляется полная свобода отправленія религіозныхъ обрядовъ подъ условіемъ соблюденія предписанныхъ военною властью мѣръ порядка и безопосности.

Духовныя завѣщанія плѣнныхъ принимаются на храненіе и составляются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и завѣщанія военнослужащихъ мѣстной арміи. Тѣ же правила соблюдаются относительно погребенія военноплѣнныхъ, причемъ принимается во вниманіе ихъ чинъ и званіе.

По заключеніе мира, отсылка военноплѣнныхъ на родину должна быть произведена въ возможно близкій срокъ.

б) *Раненые и больные воины.* Гаагская конвенція признала по отношенію къ больнымъ и раненымъ воинамъ обязательными во всей силѣ правила Женевской конвенціи 10 (22) августа 1864 года. По этой же конвенціи: 1) *военные госпитали и походные лазареты,* какъ правительственные, такъ и частные, считаются неприкосновенными и пользуются уваженіемъ и покровительствомъ воюющихъ, *пока въ нихъ находятся раненые и больные.* Неприкосновенность распространяется, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, также на весь медицинскій и санитарный персоналъ, который въ случаѣ захвата въ плѣнъ можетъ возвращаться въ свою армію вмѣстѣ со своимъ имуществомъ, а также съ имуществомъ походныхъ лазаретовъ, но не постоянныхъ госпиталей, такъ какъ вещи, принадлежащія послѣднимъ, становятся добычей оккупанта. Также и *жители* непріятельской страны, *оказывающія помощь* раненымъ, пользуются охраной, а принявшіе къ себѣ раненаго или больного освобождаются отъ постоя и военной контрибуціи.

Медицинская помощь и уходъ оказывается одинаково всѣмъ больнымъ и раненымъ воинамъ, своимъ и непріятельскимъ. Выздоровѣвшіе непріятельскіе раненые и больные, неспособные къ продолженію службы, должны быть препровождены въ отечество; способные къ службѣ остаются въ непріятельской странѣ на правахъ военноплѣнныхъ.

Отличительнымъ знакомъ для зданій, повозокъ, назначенныхъ служить раненымъ, а также для служебнаго врачебнаго и санитарнаго персонала признается красный крестъ на бѣломъ фонѣ (мусульманскимъ государствамъ присвоены иные знаки: Турціи—на бѣломъ полѣ красный полумѣсяцъ; Персіи—восходящее солнце).

Конвенція 1864 г. замѣнена нынѣ Женевскою же конвенціею 1906 г., постановленія которой приводятся ниже, въ приложеніи.

в) *Незаконныя средства веденія войны.* Хотя война выражается употребленіемъ насильственныхъ дѣйствій со стороны воюющихъ другъ противъ друга, при чемъ допускаются относительно комбатантовъ лишеніе жизни, искалѣченіе, а относительно непріятельскихъ имуществъ—поврежъ-

деніе и даже истребленіе, но всѣ эти насильственныя мѣры допускаются и признаются законными лишь постольку, *поскольку они безусловно необходимы для достиженія цѣли войны.* Поэтому современная военная практика безусловно осуждаетъ, съ одной стороны, *безполезную жестокость* и намѣренное причиненіе безполезныхъ страданій противнику, а съ другой—*средства вѣроломныя и предательскія.*

На этомъ основаніи Гаагская конвенція признаетъ, что воюющіе не пользуются неограниченнымъ правомъ въ выборѣ средствъ нанесенія вреда непріятелю.

Кромѣ ограниченій, установленныхъ приведенными выше тремя декларацiями, запрещается: 1) *Употребленіе яда* или отравленнаго оружія (отравленіе колодцевъ). 2) *Вѣроломное убійство* лицъ принадлежащихъ къ составу непріятельской арміи. 3) *Убійство беззащитнаго или сдавшагося* непріятеля. 4) *Объявленіе* о томъ, *что* врагу *не будетъ дано пощады.* 5) *Употребленіе оружія, снарядовъ* или веществъ, способныхъ причинять излишнія страданія. 6) *Злоупотребленіе парламентерскимъ* и національнымъ *флагомъ, женевскимъ крестомъ,* военными знаками или форменной одеждой непріятеля. 7) *Разрушеніе и захватъ собственности* непріятеля, невызванные крайнею военною необходимостью, а также разграбленіе взятой приступомъ мѣстности. 8) *Атака и бомбардированіе открытыхъ* и незащищенныхъ военною силою городовъ, селеній, жилищъ или строеній. Начальникъ нападающихъ войскъ, ранѣе чѣмъ приступить къ бомбардированію, за исключеніемъ случаевъ атаки открытою силой, долженъ сдѣлать все отъ него зависящее для предупрежденія объ этомъ власти. При осадахъ и бомбардировкахъ должны быть приняты всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, зданія, служащія цѣлямъ науки, искусствъ, благотворительности, госпитали и мѣста, гдѣ собраны больные и раненые, подъ условіемъ, чтобы таковыя зданія и мѣста не служили одновременно военнымъ цѣлямъ. Осаждаемые обязаны обезпечить эти зданія и мѣста особыми видимыми знаками, о которыхъ осаждающіе должны быть заранѣе поставлены въ извѣстность.

Военныя хитрости (напр. распространеніе ложныхъ извѣстій) и употребленіе необходимыхъ способовъ къ полученію свѣдѣній о непріятелѣ считаются однако позволительными и законными.

Кромѣ того, на войнѣ допускаются донынѣ *репрессаліи,* т. е. насильственныя дѣйствія противъ комбатантовъ или же мирныхъ гражданъ противной стороны въ *возмездіе* за допущенныя противникомъ нарушенія правилъ или законовъ войны. Донынѣ условія и предѣлы примѣненія репрессалій не регулированы никакимъ международнымъ соглашеніемъ и они примѣнялись въ войнахъ XIX вѣка (пруссаками въ 1870—71 г.) съ такою же жестокостью, какъ и въ старыя времена, не смотря на очевидную ихъ несправедливость въ томъ смыслѣ, что «лично ничѣмъ неповинные отдѣльные комбатанты или же даже мирные граждане являлись отвѣтственными за дѣйствительныя или даже предполагаемыя нарушенія высшимъ начальствомъ законовъ и обычаевъ войны, не всегда еще общепризнанныхъ и одинаково истолковываемыхъ» (Даневскій). *Русскій проектъ Брюссельской декларацiи* предлагалъ, чтобы право на назначеніе репрессалій принадлежало только главнокомандующему или командиру отдѣльнаго корпуса, чтобы онѣ примѣнялись лишь въ крайнихъ случаяхъ, при явныхъ и несомнѣнныхъ нарушеніяхъ правилъ войны, были всегда соразмѣрны съ вызвавшимъ ихъ правонаруше-

ніемъ и примѣнялись съ соблюденіемъ требованій гуманности. Конференція не приняла этого предложенія дабы не санкціонировать примѣненіе репрессалій на войнѣ; тѣмъ не менѣе русское военное начальство примѣняло эти принципы во время послѣдней турецкой войны, при чемъ, практиковалось даже предупрежденіе начальства турецкихъ войскъ о томъ, что въ такомъ-то случаѣ будутъ примѣнены репрессаліи. Гаагская конвенція не даетъ никакихъ постановленій о репрессаліяхъ.

г) Воюющія стороны могутъ вступать въ *договоры*, нарушать которые непозволительно. Къ такимъ договорамъ относятся: картели, капитуляціи, перемиріе.

Подъ *картелями* разумѣются соглашенія для размѣна плѣнныхъ. *Капитуляція*—договоръ о сдачѣ города, крѣпости или арміи. Капитуляціи бываютъ: 1) почетныя, всегда сдавшимся позволяется удалиться съ оружіемъ, знаменами и музыкой, и 2) обыкновенная, когда сдавшіеся обращаются въ военноплѣнныхъ, оружіе и знамена отбираются (оружіе остается у офицеровъ). Гаагская конвенція требуетъ, чтобы при заключеніи капитуляцій, сторонами принимались во вниманіе правила воинской чести.

Перемирія (пріостановка военныхъ дѣйствій) бываютъ: общее и частное (мѣстное). Первое пріостанавливаетъ военныя дѣйствія воюющихъ государствъ на всемъ театрѣ войны и заключается главнокомандующими; частное пріостанавливаетъ ихъ только между извѣстными частями воюющихъ армій, въ предѣлахъ извѣстной мѣстности. Они заключаются обыкновенно на опредѣленный срокъ. Тотчасъ по объявленіи перемирія непріязненныя дѣйствія должны быть прекращены и воюющія стороны во все время перемирія должны оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застало объявленіе перемирія. Нарушеніе перемирія одною изъ сторонъ даетъ право другой считать перемиріе и для себя необязательнымъ.

д) *Занятіе непріятельской территоріи* (*оккупація*). Непріятельская армія, занимая часть территоріи противника, получаетъ тамъ извѣстную власть надъ учрежденіями, населеніемъ и имуществомъ. Эта власть можетъ носить либо *фактическій* только, либо *юридическій* характеръ, смотря по свойству военнаго занятія непріятельской территоріи. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отличать понятіе объ оккупаціи отъ понятія о нашествіи и завоеваніи. *Нашествіе* есть преходящее *кратковременное занятіе* непріятельской территоріи и не создаетъ никакихъ юридическихъ отношеній между непріятелемъ и мѣстнымъ населеніемъ и его властью. *Завоеваніе* необходимо предполагаетъ намѣреніе навсегда присоединить данную область и потому является de jure послѣдствіемъ войны, но конечно оно фактически возможно и до окончанія войны, до заключенія мирнаго трактата. Въ этомъ случаѣ непріятельская государственная власть становится въ занятой странѣ въ положеніе отечественной, но это положеніе лишь фактическое и должно быть санкціонировано мирнымъ трактатомъ. Среднее положеніе занимаетъ *оккупація*,—*временное, но длящееся* занятіе непріятельской территоріи.

Территорія признается занятою непріятелемъ въ томъ только случаѣ, если она *дѣйствительно находится* въ его власти; съ другой стороны, непріятельское занятіе распространяется только на мѣстности, въ которыхъ непріятельская власть утвердилась и дѣйствуетъ. При этомъ положеніи отечественная власть *фактически* упраздняется, фактическая власть

переходитъ въ занятой странѣ къ непріятелю, но юридически отечественная власть, вслѣдствіе одного *факта* занятія, не можетъ быть упразднена,—она лишь вытѣсняется и лишена возможности функціонировать. Съ другой стороны и оккупантъ въ силу *факта* занятія не пріобрѣтаетъ правъ государственной власти,—его власть въ занятой имъ странѣ покоится исключительно на правѣ войны и его права ограничиваются *необходимостью сохраненія гражданскаго и общественнаго порядка* въ занятой по праву войны мѣстности, при чемъ его правительственная власть вступаетъ въ права правительственной власти національной. На оккупанта не переходитъ отечественная государственная власть, т. е. политическія права ея относительно территоріи, населенія и учрежденій, а лишь *судебно административная*, такъ какъ суверенитетъ національной власти не упраздненъ, а лишь временно пріостановленъ, а на оккупанта онъ не переходитъ потому, что его власть фактически случайная, созданная ходомъ войны и временная. Такимъ образомъ, ради своихъ интересовъ и интересовъ мирнаго населенія оккупантъ обязанъ охранять гражданскій порядокъ въ занятой области и права мирнаго населенія, а населеніе съ своей стороны обязано подчиняться его судебно-административной власти съ правомъ пользоваться охраной временной власти оккупанта подъ условіемъ воздерживаться отъ враждебныхъ противъ него дѣйствій.

Эти начала опредѣляютъ какъ предѣлы, способы примѣненія и юридическія послѣдствія военнаго занятія вообще, такъ, въ частности, и юридическое положеніе населенія занятой непріятелемъ области.

Такъ какъ власть оккупанта временна и условна, и такъ какъ суверенитетъ законнаго правительства не упраздненъ, то по общему правилу *военное занятіе не должно производить существенныхъ измѣненій въ политическомъ и общественномъ строѣ и въ правовыхъ институтахъ занятой мѣстности*; поэтому оккупантъ не долженъ касаться ни политическаго и общественнаго строя, ни политическихъ правъ и обязанностей населенія. Задачи войны и интересы безопасности и порядка въ занятой мѣстности оправдываютъ лишь *временную пріостановку* политическихъ правъ населенія и нѣкоторое видоизмѣненіе мѣстныхъ правовыхъ институтовъ. Такъ, населеніе лишается на время оккупаціи права выбора депутатовъ въ парламентъ, права сходокъ и политическихъ ассоціацій, ограничивается свобода печати, пріостанавливаются обязанности населенія относительно воинской повинности и т. п. Личная и религіозная свобода населенія остаются неприкосновенны, но свобода передвиженія, почтоваго и телеграфнаго сношенія стѣсняется для пресѣченія возможности вступать въ отечественную армію или доставлять ей свѣдѣнія.

Вообще *мирное населеніе* должно быть *охраняемо* оккупантомъ въ его *личныхъ, религіозныхъ и имущественныхъ правахъ* и ограничиваются лишь политическія его права, обусловленныя политическимъ строемъ государства и подданническими отношеніями населенія. Такъ какъ мѣстная государственная власть не упразднена, а лишь временно устранена, то оккупантъ не въ правѣ требовать присяги отъ мирныхъ жителей, а по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей—даже отъ должностныхъ лицъ, остающихся на своихъ мѣстахъ во время непріятельской оккупаціи. Онъ не въ правѣ также принуждать жителей ни прямо, ни косвенно къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ своего отечества или къ содѣйствію непріятельскимъ военнымъ операціямъ противъ него (напр. давать свѣдѣнія

о движеніи отечественныхъ войскъ, быть проводниками непріятельской арміи и т. п.).

Права законодательства въ области финансовой и экономической оккупантъ имѣть не можетъ, такъ какъ оно необходимо предполагаетъ верховенство надъ территоріею, а не временное ея занятіе. Но такъ какъ на оккупантѣ лежитъ обязанность администраціи занятой имъ области, то ему предоставляется взимать существующія въ ней подати и налоги для употребленія ихъ по преимуществу на мѣстныя нужды и во всякомъ случаѣ оккупантъ въ правѣ препятствовать всякимъ денежнымъ платежамъ населенія національному правительству, т. к. они явились бы подкрѣпленіемъ средствъ сопротивленія врага.

По общему правилу мѣстныя *административныя* (особенно низшія) *власти и мѣстные суды*, уголовные и гражданскіе, продолжаютъ свою дѣятельность и во время непріятельской оккупаціи, для защиты правъ и интересовъ мирнаго населенія. Въ виду фактическаго устраненія законной верховной власти они постановляютъ свои приговоры въ безличной формѣ: «во имя закона». Впрочемъ, оккупантъ въ правѣ учредить и свои *военноуголовные* суды и прилагать къ населенію и свои уголовные законы, но лишь поскольку это вызывается необходимостью особой охраны его войскъ и спокойствія и порядка въ занятой имъ области. Въ такомъ случаѣ онъ объявляетъ жителямъ, какія наказанія угрожаютъ имъ за совершеніе извѣстныхъ преступленій. Такъ, въ войнѣ 1877-78 г. русскіе военно-полевые суды и уголовные законы примѣнялись къ бунту, шпіонству, истребленію и поврежденію колодцевъ, телеграфовъ, путей сообщенія и т. п.

Наибольшею свободою обладаетъ оккупантъ, понятно, въ *области администраціи* и охраны безопасности, спокойствія и порядка въ занятой имъ области. Туземный административный персоналъ, особенно низшій, можетъ оставаться на своихъ мѣстахъ,—по справедливому замѣчанію проф. Мартенса, въ интересахъ населенія даже желательно, чтобы онъ не покидалъ своей службы. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется покровительствомъ оккупанта, но подъ условіемъ добросовѣстнаго исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, какъ въ отношеніи населенія, такъ и оккупаціонной власти. Мирное и безоружное населеніе въ занятой непріятелемъ мѣстности пользуется *неприкосновенностью* въ томъ смыслѣ, что противъ него не должны быть направлены военныя операціи и что его *гражданскія права должны пользоваться охраною* оккупаціонной власти. Но съ другой стороны населеніе обязано подчиняться распоряженіямъ и мѣрамъ, установленнымъ послѣднею для охраны своей безопасности и общественнаго порядка. Замѣтимъ, что коллективная отвѣтственность за правонарушенія, возможныя со стороны отдѣльныхъ гражданъ противъ оккупанта, не допускается. «Никакое общее взысканіе, денежное или иное, не можетъ быть налагаемо на *все* населеніе за тѣ дѣянія единичныхъ лицъ, въ которыхъ не можетъ быть усмотрѣно солидарной отвѣтственности населенія», говоритъ Гаагская конвенція.

Возстаніе. Практика войнъ XIX в., Либеровская полевая инструкція, Брюссельскій проектъ 1874 г. и большинство писателей признаютъ, что населеніе занятой области, пользуясь подъ властью оккупанта выгодами мира и порядка, въ случаѣ возстанія противъ него, нарушаетъ по отношенію къ оккупанту свои обязанности несопротивленія и поэтому подлежитъ не только законамъ войны, но и военно-полевымъ законамъ оккупанта, разсматривающимъ такое возстаніе какъ

мятежъ, т. е. какъ преступленіе противъ (фактической) правительственной власти въ странѣ. Однако возстаніе могло бы оправдываться въ слѣдующихъ исключительныхъ случаяхъ: 1) Когда оккупантъ нарушаетъ обязанности свои передъ населеніемъ, требуя отъ послѣдняго дѣйствій, несовмѣстимыхъ съ обязанностями населенія относительно его законнаго правительства и отечества—напр. требуя измѣны ему. 2) Въ случаѣ нарушенія существенныхъ правъ населенія, напр. если воюющій угнетаетъ жителей чрезмѣрными реквизиціями, контрибуціями, перестаетъ охранять безопасность края. 3) Когда занятіе не столько фактическое, сколько фиктивное.

Права оккупанта относительно собственности государственной и общественной и частной. Согласно основному принципу, что война есть вооруженная борьба между государствами, а не частными лицами, *законнымъ предметомъ военной добычи* признается современнымъ обычаемъ войны *только непріятельская движимая государственная собственность* и, притомъ, *непосредственно служащая цѣлямъ войны.* Сюда относятся наличные капиталы, подати и государственныя суммы, войсковыя кассы, склады оружія, запасные магазины, перевозочныя средства, всякія правительственныя *движимыя* имущества, могущія служить цѣлямъ войны. Всѣ они подлежатъ захвату и подвергаются конфискаціи со стороны непріятеля.

Относительно *недвижимыхъ* госуд. имуществъ,—государственныхъ доменовъ, рудниковъ, заводовъ, лѣсовъ, сельско-хозяйственныхъ угодій оккупантъ пріобрѣтаетъ лишь право пользованія и владѣнія, извлекая изъ нихъ доходы въ свою пользу, но безъ ихъ уничтоженія. Оккупантъ не имѣетъ узуфрукта относительно учрежденій религіозныхъ, благотворительныхъ, художественныхъ и ученыхъ, хотя-бы они принадлежали государству: они приравниваются къ частной собственности. Оккупантъ не получаетъ usufruct'а и надъ общественною собственностью (благотворительныхъ, ученыхъ, художественныхъ и иныхъ учрежденій, банковъ, кассъ и пр.), какъ служащею интересамъ занимаемой имъ мѣстности и ея населенія, но онъ въ правѣ управлять сю и контролировать ея расходованіе. *Желѣзныя дороги,* какъ государственныя и общественныя, такъ и частныя, *телеграфы,* телефоны, пароходы и т. п. имѣютъ громадную важность для стратегическихъ операцій; поэтому оккупантъ въ правѣ завладѣть ими на все время занятія, эксплуатировать ихъ и доходы брать себѣ. При заключеніи мира онъ долженъ возвратить ихъ собственникамъ и обязанъ вознаградить за убытки, если дороги и подвижной составъ принадлежали обществамъ или частнымъ лицамъ.

Что касается частной собственности, то какъ мы уже видѣли, она признается неприкосновенною во время войны. Но изъ этого общаго правила допускаются нѣкоторыя *исключенія,* именно: 1) для *предметовъ представляющихъ опасность* для непріятеля и 2) въ случаѣ крайней *необходимости извѣстныхъ предметовъ для воюющаго.* Вслѣдствіе опасности непріятель имѣетъ право отобрать у мирнаго населенія оружіе и предметы, прямо служащіе для войны, впрочемъ съ обязанностью вознагражденія за нихъ. Что же касается необходимости для воюющаго извѣстныхъ предметовъ (напр. хлѣбъ, фуражъ, подводы), то такіе предметы ему разрѣшается пріобрѣтать путемъ *реквизицій,* т.-е. *принудительной доставки* ихъ мирнымъ населеніемъ, *съ правомъ на вознагражденіе* за это. Реквизиціи новѣйшихъ войнъ замѣнили собою практиковавшійся въ прежнія времена грабежъ и основаны на принципѣ: la guerre doit nourrir la

guerre. Степень необходимости примѣненія реквизицій зависитъ, конечно, отъ степени совершенства организаціи интендантской части въ непріятельской арміи, а такъ какъ отъ послѣдней въ значительной степени зависитъ успѣхъ военныхъ операцій арміи, то по мѣрѣ усовершенствованія этой организаціи должны постепенно сокращаться случаи крайней необходимости въ реквизиціяхъ. Замѣтимъ, что реквизиціи допускаются только предметныя, а *не денежныя*. По Гаагской конвенціи реквизиціи могутъ назначаться только *по распоряженію командующаго войсками въ данной мѣстности* и съ вознагражденіемъ собственника, т. е. за нихъ либо должны быть уплачены деньги, либо выдаваться росписка въ полученіи съ указаніемъ рыночной стоимости взятаго, при чемъ вопросъ о вознагражденіи рѣшается при заключеніи мира. Въ войнѣ 1877-78 г. русское правительство допускало реквизицію только за деньги. Послѣ войны 1870-71 г. французское правительство уплатило 100 мил. фр. на вознагражденіе своихъ подданныхъ за прусскія реквизиціи.

Отъ реквизицій,—натуральныхъ поборовъ,—слѣдуетъ отличать *контрибуціи*, т. е. *денежныя взысканія*, налагаемыя непріятелемъ на мирное населеніе. Они въ обширныхъ размѣрахъ практиковались во всѣхъ войнахъ и, между прочимъ, во франко-прусской 1870-71 г. Въ русско-турецкой 1877-78 г. онѣ, напротивъ, совершенно не примѣнялись. Если многими писателями осуждаются реквизиціи, при которыхъ все-таки признается обязанность вознагражденія потерпѣвшихъ, то контрибуціи, не подлежащія возврату, не оправдываемыя мотивомъ абсолютной необходимости въ нихъ для непріятеля, и совершенно несовмѣстныя съ принципомъ неприкосновенности частной собственности, не могутъ найти никакого юридическаго оправданія. Тѣмъ не менѣе онѣ признаются военною практикою и находятъ защиту у большинства писателей. Гаагская конвенція требуетъ: 1) чтобы онѣ назначались по письменному распоряженію *начальствующаго генерала и за его отвѣтственностью;* 2) чтобы онѣ взимались съ соблюденіемъ порядка взиманія и раскладки податей, существующаго въ данной области; 3) чтобы въ полученіи ихъ выдавались росписки плательщикамъ.

§ 11. **Отношенія воюющихъ во время морской войны.** Отношенія воюющихъ въ морской войнѣ въ общемъ покоятся на тѣхъ же юридическихъ основаніяхъ, которыя изложены выше. Но въ виду особенностей морской войны нѣкоторыя отношенія воюющихъ регулируются иными нормами. Таковы отношенія воюющихъ: 1) къ *госпитальнымъ судамъ*, 2) къ *непріятельской частной собственности на морѣ*, и 3) отношенія, вытекающія изъ военной *блокады*.

Отношенія къ госпитальнымъ судамъ, равно какъ къ больнымъ и раненымъ воинамъ въ морскихъ сраженіяхъ, медицинскому и санитарному персоналамъ регулируется въ настоящее время, какъ было указано выше, *Гаагской конвенціей о примѣненіи началъ женевской конвенціи 1864 г. къ морской войнѣ*. Въ ней признается принципъ неприкосновенности санитарныхъ судовъ (bâtiments hospitaliers), снаряженныхъ правительствами или частными лицами и обществами какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ. Они должны оказывать помощь раненымъ, больнымъ, и потерпѣвшимъ крушеніе во время морской войны безъ различія національности. Воюющіе обязываются не приспособлять эти суда ни къ какимъ военнымъ цѣлямъ, но подчиняютъ ихъ своему контролю и осмотру. Они могутъ отклонить ихъ услуги, потребовать ихъ

удаленія, предписать имъ опредѣленное направленіе, послать къ нимъ на палубу своего коммиссара, даже задержать ихъ, если того потребуютъ серьезныя обстоятельства. Но о каждой подобной мѣрѣ, насколько возможно, воюющіе обязаны занести въ корабельный журналъ даннаго санитарнаго судна.

Эти предписанія предоставляютъ воюющимъ слишкомъ большой просторъ, могущій на практикѣ вполнѣ парализовать, по одному ихъ усмотрѣнію, все дѣло помощи потерпѣвшимъ лицамъ.

Санитарные суда, далѣе не должны стѣснять никакимъ образомъ движеній воюющихъ и дѣйствуютъ во время и послѣ боя на собственный страхъ и рискъ. Лица духовнаго вѣдомства, врачебный и санитарный персоналъ неприкосновенны и не могутъ быть взяты въ плѣнъ. Покидая задержанный корабль, на которомъ они служили, они берутъ съ собою принадлежащіе имъ предметы и инструменты. Они продолжаютъ исполнять свои обязанности, пока это нужно и могутъ потомъ удалиться съ разрѣшенія главнокомандующаго. Моряки и солдаты, раненые и больные, къ какой бы національности они ни принадлежали, пользуются охраной и уходомъ со стороны того, въ чью власть они попали. Они становятся военноплѣнными. Захватившій ихъ противникъ рѣшаетъ, смотря по обстоятельствамъ, вопросъ о томъ, куда ихъ направить, въ свой ли портъ, въ ихъ отечественный, или въ нейтральный. Если они отсылаются въ отечество, они лишаются права продолжать службу на срокъ этой войны. О томъ же должно позаботиться и нейтральное правительство, выразившее согласіе принять ихъ къ себѣ.

2) *Непріятельская частная собственность на морѣ.* Морская война до сихъ поръ въ одномъ пунктѣ кореннымъ образомъ отличается отъ сухопутной: въ то время какъ на сушѣ всѣ культурныя государства признаютъ принципъ неприкосновенности частной собственности и во время войны, на морѣ онѣ держатся обратнаго принципа: *здѣсь частная собственность подлежитъ захвату непріятельскихъ вооруженныхъ силъ.* Эта право называется правомъ *морской добычи.* Въ немъ нельзя не видѣть остатка отъ болѣе древнихъ варварскихъ эпохъ, когда все непріятельское—люди и имущество—подвергалось безпощадному истребленію. Отъ морской добычи въ широкомъ смыслѣ отличаетъ ее болѣе узкій, смягченный видъ—*призы.* Подъ этимъ словомъ понимаютъ *частное имущество, захваченное при извѣстныхъ обстоятельствахъ воюющими на морѣ или въ пѣсныхъ водахъ (корабль и его грузъ).* Призомъ называютъ также и самый актъ захвата. По дѣйствующему праву, *добыча* можетъ имѣть своимъ предметомъ только *государственную собственность непріятеля (военныя суда и проч.) и не нуждается въ судебномъ рѣшеніи для признанія ея законности; призы* же касаются *частной собственности,* притомъ не исключительно *непріятельской, а и нейтральной,* и *присуждаются* они взятелю *рѣшеніемъ* особо учреждаемыхъ съ этою цѣлью *призовыхъ судовъ,* которые существуютъ лишь на время войны и разсматриваютъ правомѣрность сдѣланнаго захвата. Совокупность правилъ, которыми руководятся эти суды при постановленіи своихъ рѣшеній, составляютъ *призовое право.*

Съ юридической стороны вопросъ о морской добычѣ представляется самымъ запутаннымъ и спорнымъ. Имъ болѣе всего затрогиваются интересы нейтральныхъ, которые такъ часто попирались ногами воюющихъ на морѣ, и это вело къ нескончаемымъ между ними пререканіямъ. Строго

говоря, вся реформа морского военного права зависитъ отъ того или иного рѣшенія этого основного пункта.

За признаніе неприкосновенности частной собственности на морѣ писатели стали высказываться еще съ половины XVIII вѣка (аббатъ Мабли, Гюбнеръ). Принципа этого придерживается громадное большинство писателей континентальной Европы (между ними такіе авторитеты по международному праву, какъ Гефтеръ, Блюнчли, Геснеръ, Гольцендорфъ, Бульмерингъ и др., и изъ русскихъ Ф. Ф. Мартенсъ, Даневскій, Грабарь). За это же мнѣніе не разъ высказывался и Институтъ международнаго права. Изъ правительствъ на признаніи его настаивали всегда Сѣв.-Америк. Соединенные Штаты, Италія; второстепенныя государства Европы также проявляютъ склонность къ его проведенію въ жизнь. Но во главѣ его противниковъ всегда рѣшительно стояла и стоитъ Англія, за нею большинство ея писателей и нѣкоторые (составляющіе меньшинство) писатели остальныхъ странъ Европы: Ортоланъ, Готфель и др. (изъ русскихъ: Коркуновъ). Горячимъ поборникомъ англійскихъ теорій въ морской войнѣ выступилъ Дюпюи *).

Главнымъ международнымъ актомъ, регулирующимъ занимающій насъ вопросъ, является парижская морская декларація $^4/_{16}$ апрѣля 1856 года. Высказанныя ею начала на первомъ планѣ касаются *нейтральныхъ*, но даютъ не малую защиту и *правамъ воюющихъ* (*ихъ частнымъ лицамъ*) и удачно сводятъ въ одно цѣлое наиболѣе широкія и справедливыя начала, примѣнявшіяся до того отдѣльными правительствами въ ихъ морскихъ войнахъ. Тутъ особенно господствовали двѣ системы: французская практика XVI и XVII вв. (еще въ «Ordonnance de la marine» 1681 г.) подвергала конфискаціи судно вмѣстѣ съ грузомъ, если непріятелю принадлежало только *одно* судно или только *одинъ* грузъ. Англійская практика, примыкающая къ извѣстному средневѣковому сборнику морскихъ обычаевъ «Consolato del mare», придавала рѣшающее значеніе свойству *груза* и подвергала конфискаціи *непріятельскій грузъ* и въ томъ случаѣ, когда онъ плавалъ *подъ нейтральнымъ флагомъ*.

Морская декларація 1856 г. явилась результатомъ соглашенія между Франціей и Англіей и присоединенія къ нимъ Россіи. Она признаетъ: 1) *свободу* (*т.-е. неприкосновенность*) *непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ* (на нейтральномъ кораблѣ), и 2) *свободу нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ*; въ обоихъ случаяхъ за исключеніемъ *военной контрабанды*. Первый изъ этихъ принциповъ признавался уже въ актахъ обоихъ вооруженныхъ нейтралитетовъ (1780 и 1800 гг.),—этихъ главныхъ предшественниковъ и даже образцовъ парижской декларації. Затѣмъ, она отмѣняетъ навсегда *каперство*.

а) *Каперство. Каперствомъ* (*арматоромъ, корсаромъ*) *называлось частное лицо, которое съ разрѣшенія воюющаго государства снаряжало на свой счетъ судно* (*также называвшееся капером или корсаромъ*) *съ цѣлью захватывать купеческіе корабли непріятеля, а въ извѣстныхъ случаяхъ и нейтральныхъ державъ*. Возникнувъ изъ средневѣкового самоуправства, каперство хотя и было впослѣдствіи регулировано законодательными постановленіями въ различныхъ европейскихъ государствахъ, но явилось источникомъ безконечныхъ злоупотребленій со стороны вою-

*) *Charles Dupuis*. „Le droit de la guerre maritime d'après les doctrines anglaises contemporaines". 1899.

ющихъ, споровъ съ ними нейтральныхъ и вполнѣ заслужило характеристику, сдѣланную о немъ представителями Англіи на парижскомъ конгрессѣ: «каперство есть организованный и узаконенный морской разбой» *). Собственно этою отмѣною уничтожалась *частная* война на морѣ, давно осужденная для суши, и подтверждался принципъ, единственно вѣрный для войны, принципъ, въ силу котораго война есть борьба между государствами и ихъ организованными силами. Наконецъ, парижская декларація, какъ мы видѣли, установила *дѣйствительность блокады*.

Декларація оговариваетъ, что она обязываетъ только подписавшія ее державы въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Но съ теченіемъ времени къ ней присоединились всѣ европейскія и большинство американскихъ государствъ (также и Японія). С. Штаты не приступили, однако, къ ней, изложивъ свою точку зрѣнія (съ принципіальной стороны неопровержимую) въ извѣстной нотѣ статсъ-секретаря Мерси. Вашингтонское правительство находило, что парижская декларація, уничтоживъ каперство, но сохранивъ за крейсерами право захвата торговыхъ судовъ, остановилась на полдорогѣ, что при такихъ условіяхъ отмѣна каперства является выгодною только для государствъ, обладающихъ сильнымъ военнымъ флотомъ (какъ, напр., Англія) и весьма опасною для государствъ, которыя, лишь при помощи каперовъ, могутъ уравновѣсить свои силы съ силами болѣе могущественнаго на морѣ противника, нанести вредъ послѣднему и охранить свою морскую торговлю. Въ виду этого Мерси заявлялъ, что Соед. Штаты готовы присоединиться къ парижской декларации, если она будетъ дополнена въ смыслѣ признанія неприкосновенности непріятельской собственности на морѣ. Но именно Англія воспротивилась принятію этой «поправки Мерси».

Такимъ образомъ, въ наше время отмѣна каперства можетъ считаться общепризнаннымъ началомъ международнаго права, но сильная агитація въ пользу его возстановленія не прекращалась съ тѣхъ поръ и въ Англіи, и въ Россіи. Причина этому кроется въ характерѣ парижской декларации, какъ «полумѣры», на что вѣрно указалъ еще Мерси. Противники ея въ Россіи доказываютъ, что въ особенности намъ не слѣдовало отказываться отъ каперства, какъ такого средства, съ помощью котораго мы могли бы успѣшно бороться съ каждой сильной морской державой. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднюю нашу войну съ Турціею русское правительство не нарушило своего обязательства и каперскихъ патентовъ не выдавало**).

б) *Крейсерство.* Парижская декларація 1856 г., отмѣнивъ каперство, т. е. захватъ непріятельскихъ торговыхъ судовъ частными судами, *сохранила это право за военными кораблями крейсерами.* Это повело на практикѣ къ замѣнѣ каперства крейсерствомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, крейсеры предоставляютъ государствамъ съ малымъ военнымъ флотомъ возможность наносить торговлѣ противника громадные убытки, отчасти, такимъ образомъ, возстановляя равновѣсіе между морскими державами, сильными и слабыми, уничтоженное отмѣною каперства.

Первую попытку къ организаціи морской милиціи (крейсерства)

---

*) *А. Яновскій*, ст. „Каперъ“. „Энциклопедическій Словарь“ Брокгаузъ - Ефрона. Т. XIV.

**) *Ф. Мартенсъ*, „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ“. Т. II. Изд. 4-ое. 1900.

сдѣлала Германія, привлекшая ранѣе прочихъ державъ путемъ общей воинской повинности все мужское населеніе въ ряды арміи. Не обладая достаточно сильнымъ военнымъ флотомъ и страдая отъ производимаго французскими крейсерами захвата ея купеческихъ кораблей, Пруссія обнародовала 24 іюня 1870 г. указъ, въ которомъ частнымъ судовладѣльцамъ было предложено предоставить свои суда въ распоряженіе правительства за нѣкоторую плату. Но Франція увидѣла въ этомъ отступленіе отъ парижской декларації и обходное возвращеніе къ каперству въ троякомъ отношеніи: суда проектированнаго прусскимъ правительствомъ морского ополченія принадлежатъ частнымъ лицамъ; ихъ владѣльцы и экипажи дѣлятъ между собою премію, назначенную за потопленіе или захватъ непріятельскихъ судовъ, и офицеры и команды вербуются арматорами (владѣльцами суловъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Франція обратилась къ юристамъ Англіи съ просьбою высказаться по этому вопросу. Они не усмотрѣли въ прусскомъ указѣ нарушенія парижской декларації, ибо Пруссія хотѣла дать этимъ судамъ извѣстную военную организацію и зачислить ихъ въ составъ союзнаго флота. Но тогда споръ этотъ остался теоретическимъ, ибо вслѣдствіе хода военныхъ событій Германія не приступила къ вооруженію частныхъ судовъ.

Вторая любопытная попытка была сдѣлана у насъ въ 1878 г. съ учрежденіемъ Добровольнаго флота. Въ виду угрожавшей тогда Россіи войны съ Англіею гр. А. Е. Камаровскій, предсѣдатель Императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, въ Москвѣ, и Х. Вальдемаръ, дѣлопроизводитель этого общества, подали впервые мысль о пріобрѣтеніи быстроходныхъ пароходовъ и о возбужденіи ходатайства открыть для того повсемѣстно подписку. 11 апрѣля 1878 года разрѣшено учредить комитетъ по устройству Добровольнаго флота, и было напечатано приглашеніе къ пожертвованіямъ, которыя, въ размѣрѣ отъ копѣекъ до ста тысячъ рублей, стали поступать очень быстро, такъ что уже къ 20 сентября того же года общая сумма ихъ достигла слишкомъ 3 милл. руб. На эти деньги были куплены первые три океанскіе парохода: «Россія», «Москва» и «Петербургъ». Они были зачислены въ составъ военнаго флота, но, по минованіи опасности обще-европейской войны, вновь переданы комитету, который употребилъ ихъ на перевозку нашихъ войскъ изъ Турціи на родину. Съ тѣхъ поръ дѣятельность Добровольнаго флота имѣла характеръ чисто коммерческій, но въ виду услугъ, оказываемыхъ имъ правительству по перевозкѣ ссыльныхъ и содержанію срочнаго сообщенія между Одессой и портами Восточнаго океана, онъ получалъ отъ казны субсидію. На случай войны онъ является дѣйствительнымъ резервомъ какъ судовъ транспортныхъ, такъ и военныхъ крейсеровъ.

Съ точки зрѣнія международнаго права, каждое государство имѣетъ право заводить у себя морскую милицію, подобно тому, какъ оно на сушѣ призываетъ къ оружію ополченцевъ и добровольцевъ. Это значитъ, что оно вольно обращать свои купеческія суда въ военныя. Тутъ возникаютъ только вопросы: 1) какія нужны для этого условія, чтобы различать собственно военныя суда отъ купеческихъ, и 2) согласимо ли съ парижскою декларацією предоставленіе этимъ судамъ морского ополченія, добровольнаго флота, вспомогательнымъ крейсерамъ (названіе тутъ не измѣняетъ сущности дѣла) — права захватывать непріятельскія частныя суда?

1) Первый вопросъ рѣшается прежде всего внутреннимъ законодательствомъ. Существуютъ, напр., и во Франціи, и въ Англіи извѣстныя постановленія о вспомогательныхъ крейсерахъ, въ силу которыхъ значительныя пароходныя компаніи, получая субсидіи отъ правительства, обязаны строить свои пароходы по чертежамъ, утверждаемымъ морскимъ министерствомъ, въ видахъ быстраго приспособленія ихъ къ военнымъ цѣлямъ. Компаніи обязаны предоставлять эти суда правительству по его требованію, и оно включаетъ ихъ въ составъ военнаго флота при соблюденіи извѣстныхъ условій (въ Англіи, напр., половина личнаго состава этихъ судовъ должна набираться изъ резервовъ королевскаго флота *). Институтъ международнаго права въ своемъ «регламентѣ о юридическомъ положеніи судовъ и ихъ экипажей въ иностранныхъ портахъ», утвержденномъ на съѣздѣ въ Гаагѣ (въ 1898 г.), признаетъ военными судами такія, «командиръ и экипажъ которыхъ принадлежатъ къ военному флоту и которымъ правительство ихъ разрѣшило поднять военный флагъ и вымпелъ. При этомъ характеръ этихъ судовъ не мѣняется отъ ихъ формы, прежняго назначенія или числа лицъ, составляющихъ экипажъ» **).

2) Второй вопросъ—не есть ли современное крейсерство возвращеніе къ столь справедливо осужденному каперству? — болѣе сложенъ и рѣшается писателями не одинаково. Одни—писатели по морскому праву и юристы, — не колеблясь, признаютъ законность крейсерства съ точки зрѣнія международно-правовой; другіе объявляютъ его подновленнымъ каперствомъ и говорятъ, что въ этомъ существенномъ пунктѣ парижская декларація фактически отмѣнена правительствами.

По мнѣнію Дюпюи, между крейсерами и каперами — существенная разница; реформа 1856 г. не можетъ быть названа пустою; она изгнала изъ морского права не только слово «каперы», но и способъ примѣнявшейся ими борьбы или, по крайней мѣрѣ, тѣ злоупотребленія, которыя были съ нимъ неразлучны. Правда, вспомогательные крейсеры, какъ и каперы, принадлежатъ частнымъ лицамъ или компаніямъ, но первые превращаются въ государственныя суда, подчиняются строгому контролю правительства, чей флагъ они носятъ. Для нихъ немыслимо то безконтрольное хозяйничанье на моряхъ, которымъ такъ прославились каперы, что и повело къ ихъ упраздненію***).

Надо сознаться, что писатели, такъ разсуждающіе, правы съ формальной стороны: крейсеры, хотя бы взятые изъ коммерческаго флота, становятся государственными судами съ момента выполненія вышеуказанныхъ условій: поднятія на нихъ военнаго флага, порученія ихъ командиру и матросамъ изъ состава военнаго флота и внесенія ихъ въ списки послѣдняго. Но слѣдуетъ взглянуть на дѣло глубже: война ведется между государствами, и ихъ вооруженныя силы, какъ мы не разъ говорили, должны направляться противъ этихъ вооруженныхъ же силъ непріятеля, противъ средствъ враждебнаго государства, но не противъ частныхъ его лицъ, мирной торговли, да еще въ открытомъ морѣ, гдѣ быть можетъ, всякія враждебныя дѣйствія должны бы быть осуждены. Конечно, послѣднее предполагаетъ новое соглашеніе между морскими державами, а

*) *Сиверсъ*. „Главнѣйшія свѣдѣнія по морскому международному праву". 1902 г.
**) „Annuaire de l'Institut de droit international". Vol. XVII.
***) *Dupuis*, „Le droit de la guerre maritime d'après les doctrines anglaises contemroraines". 1899.

до того времени *крейсерство, т.-е. разъѣзды военныхъ кораблей по морю съ цѣлью захвата непріятельскихъ судовъ*, будетъ считаться законнымъ, какъ ни мало соотвѣтствуетъ оно самой идеѣ современной войны. Этому не помогаетъ и оговорка, дѣлаемая нѣкоторыми на счетъ ихъ: «крейсеры, чтобы избѣгнуть обвиненія въ скрытомъ каперствѣ, должны преслѣдовать военныя цѣли, т.-е. участвовать въ военныхъ операціяхъ, а не только гоняться за торговыми судами». Въ одномъ отношеніи они даже для послѣднихъ опаснѣе каперовъ: крейсерамъ выдаются призовыя деньги даже за истребленныя, потопленныя и сожженныя суда, тогда какъ каперу истребленіе судовъ прямо запрещалось *).

в) *Современное призовое право.* Обращаемся послѣ этихъ замѣчаній о каперствѣ и крейсерствѣ къ дѣйствующему призовому праву. Непріятельская частная собственность во время морской войны, какъ сказано выше, является законнымъ призомъ (bonne prise, отъ prendre — взять). Задержанію и конфискаціи подлежатъ прежде всего *непріятельское судно и непріятельскій на немъ грузъ* (а не грузъ нейтральный, если онъ не состоитъ изъ военной контрабанды). Право брать призы принадлежитъ *воюющему государству*, которое поручаетъ это дѣло своимъ военнымъ судамъ крейсерамъ. Кромѣ *нейтральныхъ судовъ*, неподлежащихъ взятію, къ нимъ приравниваются еще въ этомъ отношеніи, въ силу обычаевъ и соглашеній, нѣкоторыя другія суда, хотя бы принадлежащія непріятелю: 1) *Всѣ военныя суда, плавающія исключительно съ научною цѣлью.* Они пользуются полною свободою даже въ военное время, конечно, до тѣхъ поръ, пока они исключительно заняты мирными задачами, лежащими въ интересахъ общей цивилизаціи народовъ. Къ судамъ, снаряженнымъ для научныхъ экспедицій, должны быть приравнены суда, служащія для *миссіонерскихъ цѣлей.* 2) *Суда почтовыя.* Почтовый флагъ такъ же, какъ и нейтральный, покрываетъ частную собственность непріятеля, за исключеніемъ военной контрабанды. Этотъ принципъ, призванный въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ (законахъ и договорахъ), не получилъ, однако, какъ бы должно, общей международной санкціи (признанія). 3) *Госпитальныя санитарныя суда по гаагской конвенціи 1899 г.*, о чемъ сказано выше. 4) *Лодки лоцманскія и картельныя*, предназначенныя для перевозки парламентеровъ и обмѣниваемыхъ плѣнныхъ, а также *лодки, отправляющія службу при маякахъ.* 5) *Рыболовныя суда*, исключая тѣхъ, которыя заняты крупнымъ промысломъ въ открытомъ морѣ. Уже съ XVI в. встрѣчаются договоры, которые гарантируютъ свободу рыбной ловлѣ даже въ военное время. Особенно Франція энергично отстаивала эту свободу и требовала изъятія рыбачьихъ судовъ изъ права морской добычи. Принципъ этотъ давно освященъ международными обычаями и можетъ нынѣ считаться общепризнаннымъ. Въ силу его, захвату не подлежатъ: а) всевозможнаго вида рыбачьи суда, какъ въ открытомъ морѣ, такъ равно и въ національныхъ водахъ; б) различные предметы и инструменты, употребляемые при рыбной ловлѣ; в) рыбный уловъ и г) подданные непріятельскаго государства, занимающіеся рыбной ловлей. Изъятіе отъ захвата рыбачьихъ судовъ сдѣлано въ уваженіе тяжелаго и опаснаго промысла прибрежныхъ жителей, которые имъ содержатъ себя и свои семьи. Но, чтобы пользоваться этимъ изъятіемъ, рыбаки должны воздерживаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій. 6) *Суда потерпѣвшія*

*) „Крейсерство“.—„Энцикл. Сло.“. Т. XVI, а.—„Каперство“. Т. XIV.

отъ бури или вынужденныя зайти въ непріятельскій портъ вообще вслѣдствіе морской опасности.

Призы могутъ быть дѣлаемы съ момента объявленія войны до заключенія мира. Торговымъ судамъ дается извѣстный льготный срокъ («индультъ», отъ 3 до 6 недѣль) для приведенія въ порядокъ ихъ дѣлъ и безпрепятственнаго выхода изъ извѣстнаго порта. Это правило до такой степени вошло уже въ общій обычай, что даже турецкое правительство, во время послѣдней войны съ Россіей, не отступило отъ него. Но, въ противность общепринятымъ обычаямъ, оно дало только пятидневный срокъ для выхода русскихъ кораблей изъ турецкихъ портовъ и затѣмъ запретило имъ удаляться чрезъ проливы въ Средиземное море. Японія въ послѣдней войнѣ не соблюдала этого правила. Вслѣдъ за открытіемъ ею враждебныхъ дѣйствій, она захватила 13 русскихъ коммерческихъ судовъ, въ томъ числѣ 3 парусныхъ судна и 10 пароходовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. «Аргунь») были захвачены японцами еще 24 и 25 января (до нападенія на Портъ-Артуръ), несмотря на то, что имъ ничего не было извѣстно о разрывѣ дипломатическихъ сношеній, и были они взяты въ нейтральныхъ корейскихъ портахъ. Тѣмъ не менѣе, 19 февраля происходившій въ Сасебо призовый судъ призналъ нѣсколько изъ этихъ кораблей правильными призами въ явное нарушеніе международнаго права и далъ имъ мѣсячный срокъ для принесенія обжалованія въ апелляціонномъ порядкѣ во вторую призовую инстанцію въ Токіо. Россія, какъ было уже указано предоставила японскимъ купеческимъ судамъ, застигнутымъ объявленіемъ войны въ русскихъ портахъ, срокъ для выхода изъ нихъ не свыше 48 часовъ со времени опубликованія этихъ правилъ мѣстнымъ начальствомъ.—Перемиріе пріостанавливаетъ дѣйствіе призоваго права.

Мѣстомъ взятія призовъ служатъ территоріальныя воды воюющихъ и открытое море. Призы, захваченные въ водахъ, принадлежащихъ нейтральной державѣ или замиренныхъ международнымъ соглашеніемъ (нейтрализованныхъ), должны быть выданы обратно ихъ собственникамъ.

Предметами призоваго права являются, какъ сказано выше, непріятельскіе суда и грузы. Принадлежность судна къ государству опредѣляется флагомъ, вопросъ же о пользованіи флагомъ рѣшается національнымъ законодательствомъ того государства, подъ чьимъ флагомъ судно плаваетъ *). Исключеніе дѣлается для судовъ державъ, которыя сами не имѣютъ морскихъ флаговъ: ихъ суда пользуются, съ согласія другого государства, флагомъ этого послѣдняго. Такъ, напр., швейцарскія суда, въ случаѣ надобности, плаваютъ подъ германскимъ флагомъ **). Національность судовъ принимается во вниманіе только въ моментъ захвата судна; всякій переходъ затѣмъ судна къ подданному нейтральнаго государства для разсматриваемаго вопроса не имѣетъ никакого значенія. Но, съ другой стороны, измѣненіе въ національности судна, происшедшее уже послѣ того, какъ война началась, должно быть признано воюющими при томъ, однако, условіи, что сдѣлка не была симулированная (обманная). Слѣдовательно, если судно, вслѣдствіе продажи, переходитъ въ соб-

*) Институтъ межд. права выработалъ въ Гаагѣ въ 1898 г. подробный регламентъ о юридическомъ положеніи судовъ и ихъ экипажей въ иностранныхъ портахъ (въ мирное и военное время).

**) Въ этихъ случаяхъ суда не пріобрѣтаютъ одновременно съ флагомъ и національность даннаго государства.

ственность другого и тѣмъ самымъ получаетъ право плавать подъ флагомъ нейтральнаго государства, то оно не можетъ быть взято. Однако, практика призовыхъ судовъ въ различныхъ странахъ высказывалась, въ подобныхъ случаяхъ, за болѣе строгое толкованіе.

Грузъ считается непріятельскимъ, если онъ является собственностью кого-либо изъ подданныхъ противника, независимо отъ того, будетъ ли собственникъ отправителемъ или получателемъ даннаго груза. Согласно англо-американскому воззрѣнію, рѣшающее значеніе имѣетъ не подданство, а мѣстожительство лица. Это воззрѣніе и въ другомъ пунктѣ идетъ далѣе практики континентальныхъ державъ: оно считаетъ непріятельскимъ всякій грузъ, являющійся произведеніемъ непріятельской почвы.

Что касается экипажа задержаннаго непріятельскаго (торговаго) судна, то въ положеніе военноплѣнныхъ попадаютъ только лица, принадлежащія къ составу непріятельскаго войска, остальныя могутъ быть только задержаны, если показанія ихъ окажутся необходимыми для выясненія дѣла передъ судомъ. Защитники каперства съ Англіею во главѣ и тутъ стоятъ за право плѣненія команды торговыхъ судовъ *).

Еще менѣе могутъ быть задержаны пассажиры и вообще лица, не принадлежащія къ составу команды взятаго судна, если только они не служатъ въ непріятельскомъ флотѣ или въ арміи противника, или же не отправляются съ цѣлью поступить на службу къ непріятелю **).

Военное судно имѣетъ лишь право наложить арестъ на непріятельское или заподозрѣнное имъ судно. Этому предшествуютъ остановка и осмотръ его.

Право осмотра. Прежде чѣмъ задержать непріятельское торговое судно или судно, заподозрѣнное въ нарушеніяхъ нейтралитета, воюющій долженъ его остановить и подвергнуть осмотру, а при болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ—даже обыску. Совокупность формальностей при этомъ соблюдаемыхъ, составляетъ «право осмотра». Осмотръ кораблей является для воюющаго важнымъ способомъ контроля не только надъ противникомъ, но и надъ нейтральными съ двоякою цѣлью: 1) убѣдиться въ національности корабля, т.-е. въ томъ, что онъ не принадлежитъ непріятелю, такъ какъ непріятельскіе корабли, во избѣжаніе опасности конфискаціи, часто поднимаютъ флагъ нейтральнаго государства; 2) удостовѣриться, что нейтральный корабль не совершаетъ нарушенія права морской войны, т.-е. не везетъ контрабанды, не направляется въ блокируемую мѣстность и не провозитъ *государственнаго имущества противника* (непріятельская же частная собственность покрывается нейтральнымъ флагомъ).

Право осмотра торговыхъ судовъ имѣютъ только военные корабли воюющихъ (не нейтральныхъ державъ). Осмотру не подлежатъ: военныя и другія государственныя суда (напр., почтовыя) нейтральныхъ, а также суда плавающія подъ военнымъ конвоемъ. Послѣднее ограниченіе, однако, отвергается Англіею, которая придерживается принципа неограниченнаго права осмотра. Нейтральное военное судно не имѣетъ права конвоировать суда непріятельскія.

---

*) Того же мнѣнія держится и Листъ.

**) *Перелыгъ*, „Современное морское международное право“.—*Т. П. Грабарь*, „Призъ“ (Энцикл. Словарь Брокгаузъ-Ефрона. Т. XXV). — *Листъ*, „Межд. Право“, перев. Мебель подъ ред. Грабаря.

Право осмотра, будучи однимъ изъ частныхъ проявленій права войны, съ нею возникаетъ и прекращается. Однако, перемиріе не останавливаетъ его дѣйствія. Осмотръ допускается на всемъ протяженіи театра военныхъ дѣйствій, но не въ водахъ нейтральныхъ и нейтрализованныхъ (замиренныхъ). Средствами къ достиженію вышеназванныхъ цѣлей осмотра являются: провѣрка документовъ, которые характеризуютъ корабль, грузъ и ихъ направленіе, а иногда и допросъ экипажа. Согласно новѣйшимъ воззрѣніямъ, правомъ осмотра должно пользоваться наиболѣе гуманнымъ образомъ: слѣдуетъ избѣгать всякихъ лишнихъ формальностей и осложненій. Военный корабль воюющаго, желая осмотрѣть торговый, даетъ ему сигналъ холостымъ пушечнымъ выстрѣломъ (coup de sémonce), поднимая одновременно свой флагъ (а ночью подъ нимъ вывѣшивая фонарь). Торговое судно обязано тогда остановиться и выкинуть свой флагъ. Въ случаѣ же продолженія имъ пути военный корабль въ правѣ его преслѣдовать и остановить силою. Прежде договоры опредѣляли разстояніе между обоими кораблями при остановкѣ: на пушечный выстрѣлъ или же на половину этого разстоянія, но въ послѣднее время требуютъ вообще соблюденія возможно близкаго разстоянія. Послѣ остановки воюющій отправляетъ на задержанное судно шлюпку при одномъ или двухъ офицерахъ и при нѣкоторомъ числѣ нижнихъ чиновъ. Офицеръ всходитъ на палубу судна и приступаетъ къ опросу, требуя предъявленія документовъ, относящихся до судна и до груза. Задержанный корабль не обязанъ послать на бортъ военнаго своего шкипера или кого бы то ни было для представленія своихъ бумагъ или другихъ объясненій. Если эти бумаги окажутся въ порядкѣ, и если не предстанется ничего подозрительнаго, остановленный корабль можетъ продолжать свой путь. Каждое судно должно имѣть при себѣ документы, число и содержаніе которыхъ видоизмѣняются въ зависимости отъ отечественнаго законодательства, но значеніе которыхъ повсюду одинаково.

Если осмотромъ выяснится неисправность судовыхъ бумагъ, или если какая-нибудь иная причина дастъ поводъ къ подозрѣнію относительно судна или груза, офицеръ, производящій осмотръ, обязанъ приступить къ обыску, т.-е. личному осмотру всего судна и груза. Корабль не можетъ этому воспротивиться, но если бы онъ, тѣмъ не менѣе, оказалъ противодѣйствіе, обыскъ можно произвести силою. Серьезныя подозрѣнія возникаютъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда задерживаемый корабль не остановился по сигналу военнаго; 2) когда бумаги его оказались не правильными, недостаточными, или когда ихъ вовсе нѣтъ; 3) когда эти бумаги были брошены за бортъ или уничтожены какимъ-либо инымъ способомъ, особенно же, если это было сдѣлано послѣ того, какъ корабль замѣтилъ приближеніе къ нему военнаго корабля; 4) когда онъ воспротивился осмотру скрытыхъ помѣщеній, заключающихъ въ себѣ по предположенію судовыя бумаги или военную контрабанду; 5) когда задержанный корабль идетъ подъ фальшивымъ флагомъ.

Обыскъ долженъ быть произведенъ въ присутствіи шкипера; закрытыя помѣщенія, шкапы, ящики, бочки, люки и проч. не должны быть открываемы силою. Если офицеръ, производящій осмотръ, сочтетъ нужнымъ открыть ихъ, то онъ долженъ это сдѣлать при посредствѣ шкипера судовою командою, а не командою съ воюющаго крейсера. Равнымъ образомъ и свободно лежащій по всему судну грузъ можетъ быть обысканъ только при содѣйствіи шкипера. Если шкиперъ отказываетъ въ

этомъ или не пожелаетъ открыть закрытыя помѣщенія, то это служитъ поводомъ къ захвату судна.

Осмотръ всегда тяжело отзывается на судахъ: онъ сопряженъ съ значительною потерею времени, съ аваріями (порчею) для грузовъ и съ нравственнымъ гнетомъ для шкипера и экипажа. Поэтому заслуживаетъ одобренія великобританское положеніе о призахъ въ этомъ пунктѣ: онъ запрещаетъ всякія придирки и обязываетъ послѣ произведеннаго осмотра привести все въ прежній видъ въ возможно скоромъ времени. Если нѣтъ повода къ захвату, то о произведенномъ обыскѣ отмѣчается въ вахтенномъ журналѣ, послѣ чего нейтральное судно *) въ правѣ продолжать свое плаваніе.

Если же подозрѣніе окажется справедливымъ, то корабль захватывается и приводится къ призовому суду.

Бѣгство корабля, старавшагося уклониться отъ осмотра, по англійской практикѣ и доктринѣ, влечетъ за собою конфискацію его; по континентальной практикѣ и доктринѣ, одно лишь бѣгство корабля (безъ сопротивленія) даетъ только право примѣнить осмотръ и обыскъ, результаты которыхъ рѣшаютъ участь корабля. Сопротивленіе осмотру силою всегда ведетъ къ конфискаціи судна и всего груза. Въ XVII — XVIII вв. воюющіе очень часто злоупотребляли правомъ осмотра, превращая его, подъ пустыми предлогами, въ обыскъ. Въ видахъ ограниченія этого ихъ произвола нейтральные стали прибѣгать къ институту *конвоя*, т. е. къ сопровожденію нейтральныхъ купеческихъ кораблей военнымъ судномъ того-же государства. Слово, данное командиромъ конвоирующаго судна въ томъ, что сопровождаемые имъ корабли дѣйствительно нейтральные, не везутъ военной контрабанды и не намѣреваются нарушить блокады, достаточно для освобожденія этихъ судовъ отъ осмотра. Въ противномъ случаѣ оскорбленный командиръ конвоя долженъ вступить въ бой за честь своего флага.

Если послѣ осмотра судно или грузъ оказываются подлежащими захвату, они задерживаются, о причинахъ задержанія составляется протоколъ. Оказавшіяся на суднѣ корабельныя бумаги подвергаются описи и опечатанію. При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ могутъ присутствовать, дѣлать свои замѣчанія и прилагать свои печати шкиперъ, собственники или ихъ повѣренные. Командиръ военнаго корабля, задержавшій извѣстное судно, обязанъ заботиться о томъ, чтобы какъ это судно, такъ и его грузъ были по возможности лучше сбережены и охраняемы.

Задержанное судно и грузъ отводятся въ ближайшій отечественный портъ, въ портъ союзника или къ отечественному флоту и передаются мѣстному морскому начальству.

Уничтоженіе приза можетъ быть оправдываемо только при особенно исключительныхъ обстоятельствахъ: когда охраненіе задержаннаго судна окажется невозможнымъ вслѣдствіе дурного его состоянія, крайней малоцѣнности, волненія на морѣ; когда грозитъ опасность отбитія его непріятелемъ; когда порты, въ которые можно отвезти призъ, слишкомъ отдалены или находятся въ состояніи блокады. Но предварительно потопленія приза взятель обязанъ снять съ него людей (перевести ихъ на свой корабль и высадить въ ближайшей подходящей гавани), выгрузить, насколько возможно, его товары и позаботиться о сохра-

*) Непріятельское же торговое судно подлежитъ захвату безъ всякаго обыска.

неніи документовъ и предметовъ, необходимыхъ для выясненія дѣла. Объ истребленіи приза и вызвавшихъ его мотивахъ долженъ быть составленъ протоколъ, который передается высшей морской власти. О приводѣ приза немедленно извѣщается ближайшій *призовый судъ*, въ распоряженіе котораго передаются задержанный экипажъ и документы.

Выкупъ призовъ до суда ихъ прежними владѣльцами, хотя теперь вышелъ изъ употребленія, но дозволяется международнымъ правомъ.

Репризъ. Непріятельская частная собственность, подвергнувшаяся на морѣ захвату, можетъ быть обратно отбита (*репризъ*, отбитый призъ). Главное юридическое затрудненіе при репризѣ заключается въ вопросѣ: кому онъ долженъ быть присужденъ: отбившему его у непріятеля воюющему, какъ законный призъ, или же прежнему владѣльцу? Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ другимъ—о моментѣ перехода собственности на призы отъ владѣльца къ взятелю. До перехода репризъ возвращается прежнему владѣльцу, не потерявшему еще своихъ правъ на него (in integrum restitytio), а послѣ разсматривается какъ новый призъ, сдѣланный у непріятеля, и потому присуждается отбившему его. На этомъ основаніи прежде существовалъ обычай признавать призъ собственностью взятеля (и, значитъ, права на него собственника утраченными), если послѣднему удавалось доставить призъ въ отечественный портъ, или если онъ находился во власти взятеля болѣе 24 часовъ. Но это положеніе нельзя защищать. По началамъ морского права, собственность на призы переносится только по судебному приговору. Было бы естественно требовать, чтобы призы, отбитые до постановленія приговора, возвращались ихъ первоначальнымъ собственникамъ; но это правило не получило всеобщаго признанія. Пережитыя эпохи оставляютъ доселѣ свой отпечатокъ на современномъ правѣ, которое не одинаково рѣшаетъ вопросъ объ участи репризовъ, смотря по тому, кѣмъ они сдѣланы и кому принадлежатъ. Во всякомъ случаѣ, отбившій призъ имѣетъ право на вознагражденіе, различно опредѣляемое въ законодательствахъ. Призъ можетъ быть отбитъ у воюющаго независимо отъ времени, въ продолженіе котораго онъ находился въ его власти. Всѣ дѣла о репризахъ рѣшаются національнымъ призовымъ судомъ. Лицу, сдѣлавшему репризъ, выдается вознагражденіе въ случаѣ возвращенія приза (корабля и груза) его первоначальному собственнику, который, въ свою очередь, обязанъ вознаградить за издержки, вызванныя отбитіемъ приза.

Новое русское положеніе о призахъ 1895 г. по своимъ прогрессивнымъ началамъ занимаетъ исключительное положеніе. На основаніи ст. 34: «отбитое отъ непріятеля имущество (русское и иностранное), хотя бы уже конфискованное непріятелемъ въ качествѣ приза, возвращается, по опредѣленію призоваго суда, первоначальному владѣльцу съ возложеніемъ на него уплаты призоваго вознагражденія и вызванныхъ отбитіемъ издержекъ», только непріятельское имущество конфискуется. Отбитые русскіе казенные суда и грузы возвращаются въ казну безъ участія суда.

г) *Призовые суды*. Призовые суды учреждаются воюющими на своей территоріи или на территоріи союзника, но не на нейтральной, для рѣшенія вопросовъ о призахъ, т.-е. о судахъ и ихъ грузахъ, отнятыхъ у непріятеля или у нейтральныхъ. До рѣшенія дѣла судомъ взятель не въ правѣ распорядиться захваченнымъ судномъ и грузомъ. Прекращеніе владѣнія въ право собственности совершается тутъ, такимъ образомъ,

въ силу судебнаго приговора, констатирующаго, что захватъ былъ сдѣланъ согласно нормамъ права войны (и нейтралитета). Это участіе суда выгодно отличаетъ морскую войну отъ сухопутной, гдѣ частное имущество, если захватывается, то помимо суда, въ формѣ реквизицій и контрибуцій, хотя въ принципѣ въ сухопутной войнѣ неприкосновенность частной собственности получила вообще признаніе, какое еще не достигнуто относительно морской войны. *Призовые суды имѣютъ цѣлью установить юридическій контроль надъ дѣйствіями тѣхъ лицъ, которымъ воюющее государство передало выполненіе принадлежащаго ему права на захватъ призовъ, вслѣдствіе чего они учреждаются этимъ государствомъ и дѣйствуютъ отъ его имени.*

Учрежденіе призовыхъ судовъ является мѣрою, столько же полезною для нейтральныхъ, сколько и для воюющихъ. Одни лишь англичане склонны утверждать, что существованіе этихъ судовъ вызывается исключительно интересами нейтральныхъ, ибо они считаютъ непріятельскіе суда и грузы потерянными для ихъ владѣльцевъ въ силу одного факта перехода ихъ во власть взятелей. Но эта точка зрѣнія не выдерживаетъ критики. Вмѣшательство призовыхъ судовъ необходимо не только тогда, когда задержанная собственность очевидно нейтральная, *оно одинаково важно и въ томъ случаѣ, когда характеръ приза не поддается точному опредѣленію, или когда на задержанномъ суднѣ встрѣчается и нейтральная и непріятельская собственность.* Возникаютъ споры и сомнѣнія относительно нейтральнаго или непріятельскаго свойства судна или груза; предметы дозволенные смѣшиваются съ товарами, подлежащими захвату,— и все это должно быть разсмотрѣно и рѣшено безпристрастнымъ судомъ. Вступленіе послѣдняго въ эти споры обезпечиваетъ воюющихъ отъ нареканій со стороны нейтральныхъ и предохраняетъ въ то же время лицъ противной стороны отъ злоупотребленій силою, всегда возможныхъ при отсутствіи судебнаго контроля. Вотъ почему на дѣлѣ и англичане не отрицаютъ пользы надзора за дѣйствіями взятелей даже и въ отношеніи непріятельскихъ судовъ. Это подтверждается ихъ морскимъ актомъ 1864 г., въ которомъ говорится: «всякое со стороны взятелей нарушеніе постановленій международнаго права или правительственныхъ распоряженій влечетъ за собою потерю для нихъ всякихъ правъ на призъ, несмотря даже на законность его захвата».

Устройство и производство призовыхъ судовъ опредѣляются законодательствами отдѣльныхъ государствъ совершенно независимо. Обычаемъ выработаны, однако, нѣкоторыя общія ихъ черты. Призовые суды дѣйствуютъ лишь на время войны; при заключеніи договора о мирѣ, обыкновенно, освобождаются всѣ призы, относительно которыхъ приговоръ еще не состоялся. Со стороны своей организаціи призовые суды представляютъ три формы: въ однѣхъ странахъ—составъ ихъ исключительно *судебный* (въ Англіи, Соед. Штатахъ Америки, Голландіи); въ другихъ они имѣютъ *чисто административный характеръ* (во Франціи, Италіи, Испаніи); наконецъ въ третьихъ, они получаютъ смѣшанный составъ— *административно-судебный, съ преобладаніемъ административнаго элемента въ первой (низшей) инстанціи и съ усиленіемъ судебнаго начала во второй (высшей)*, какъ въ Австріи, Пруссіи или же, наоборотъ, какъ въ Даніи и Японіи. Въ Россіи призовые суды организованы съ преобладаніемъ *администраціи*. Въ виду того, что призовыя дѣла по существу— споры о правѣ, судебный характеръ призовыхъ инстанцій всего болѣе

соотвѣтствуетъ ихъ идеѣ. Административный элементъ допустимъ въ ихъ среду, но отнюдь не въ качествѣ рѣшающаго или даже преобладающаго. Затѣмъ, общей чертой организаціи призовыхъ судовъ является существованіе *двухъ инстанцій*.

Въ Россіи устройство и дѣятельность призовыхъ судовъ опредѣляются нынѣ «Положеніемъ о призахъ 27 марта 1895 г. Дѣла о призахъ разсматриваютъ: 1) портовые и флагманскіе суды и 2) адмиралтействъ-совѣтъ въ качествѣ высшаго призового суда.

Портовые суды учреждаются управляющимъ морскимъ министерствомъ въ портахъ; флагманскіе—при флагманахъ (адмиралахъ, командующихъ эскадрой). Это—суды первой инстанціи. Портовые суды состоятъ изъ предсѣдателя, назначаемаго Высочайшимъ приказомъ изъ лицъ военно-морского судебнаго вѣдомства не ниже полковника, и пяти членовъ 2 отъ морского вѣдомства, 2 по назначенію министра юстиціи «изъ членовъ судебнаго вѣдомства, ознакомившихся на практикѣ съ торговымъ правомъ и судопроизводствомъ», и 1 изъ членовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Морской министръ назначаетъ, кромѣ того, прокурора и секретаря.—Флагманскіе же суды организуются при флотѣ флагманомъ изъ 4 штабъ-офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ командира эскадры или отряда; обязанности прокурора исполняетъ чиновникъ по судебнойчасти.

Высшій призовой судъ образуется присоединеніемъ къ составу адмиралтействъ-совѣта 2 сенаторовъ гражданскаго кассаціоннаго департамента и 1 чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ. Обязанности прокурора исполняетъ юрисконсультъ морского министерства. Въ странѣ союзника призовые суды организуются по особому соглашенію между правительствами.

Вѣдомству призовыхъ судовъ, по нашему Положенію, подлежатъ дѣла: 1) о конфискаціи или освобожденіи задержанныхъ судовъ и грузовъ; 2) о возмѣщеніи убытковъ, происшедшихъ вслѣдствіе задержанія, истребленія, гибели или поврежденія ихъ; 3) объ опредѣленіи суммы призового вознагражденія торговымъ судамъ за задержаніе непріятельскихъ судовъ и грузовъ (вознагражденіе военныхъ судовъ опредѣляется особыми комиссіями и адмиралтействъ совѣтомъ) и 4) о репризахъ. Флагманскіе суды признаются компетентными только въ дѣлахъ о конфискаціи или освобожденіи призовъ и въ дѣлахъ о репризахъ, но въ обоихъ случаяхъ только тогда, когда прежніе собственники находятся на лицо. Неподсудныя флагманскому призовому суду дѣла передаются портовому. Для портовыхъ судовъ присутствіе собственниковъ вообще необязательно, но если задержано судно нейтральное или неопредѣленной національности, то при отсутствіи собственниковъ дѣлается вызовъ ихъ посредствомъ публикаціи—но только не въ случаѣ провоза контрабанды. Срокъ явки назначается не меньше мѣсяца и не дольше четырехъ. Апелляція подается въ мѣсячный срокъ, причемъ приговоръ о конфискаціи пріостанавливается до разрѣшенія апелляціонной жалобы, приговоръ же объ освобожденіи приводится въ исполненіе, подъ условіемъ внесенія соотвѣтственнаго залога*).

Въ началѣ войны съ Японіей Россія учредила призовые портовые суды въ Севастополѣ, портѣ Императора Александра III, Портъ-Артурѣ, и Владивостокѣ. Въ этомъ отношеніи Японія насъ значительно опередила,

*) Призовое законодательство отдѣльныхъ государствъ собрано и изложено *Бульмеринкомъ* въ его обширномъ докладѣ Институту межд. права, въ 1880 г.; краткія свѣдѣнія о призовомъ судѣ во Франціи и въ Англіи можно найти въ книжкѣ Сиверса.

такъ какъ высшій призовой ея судъ, въ Токіо, былъ учрежденъ еще 30 января, т.-е. почти тотчасъ же послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Судъ же первой инстанціи установленъ въ Сасебо. Этотъ судъ вскорѣ послѣ открытія враждебныхъ дѣйствій постановилъ, что всѣ захваченныя суда и находящіеся на нихъ грузы, за исключеніемъ предметовъ, составляющихъ частную собственность японцевъ, поступаютъ въ полное владѣніе японскаго правительства, несмотря на то, что пароходы нагрузились и вышли въ море до начала войны. Тутъ видно, какъ важно объявленіе войны и точное опредѣленіе момента ея начала, въ особенности же для нейтральныхъ. Пристрастіе японскаго призового суда бросается въ глаза. Русское правительство заявило протестъ противъ подобнаго захвата японцами нашихъ коммерческихъ судовъ чрезъ посредство французскаго посланника въ Токіо. Мы уже говорили о томъ, что многія русскія суда были захвачены японцами до начала враждебныхъ дѣйствій, несмотря на то, что этимъ судамъ ничего не было объ этомъ извѣстно, и были они задержаны въ нейтральныхъ портахъ Кореи. Все это такія нарушенія международнаго права, которыя никакимъ приговоромъ призового суда не могутъ быть превращены въ право. Судъ въ Сасебо отказалъ командирамъ нашихъ судовъ въ ихъ просьбѣ о допущеніи на его засѣданія, въ качествѣ арбитра, французскаго или нѣмецкаго консула. Такое присутствіе въ засѣданіяхъ суда должностныхъ лицъ нейтральныхъ государствъ, напр. консуловъ, заботамъ которыхъ поручена защита подданныхъ воюющаго, крайне желательно и должно быть проведено на практикѣ, а не зависѣть лишь отъ усмотрѣнія даннаго правительства. Пристрастными рѣшеніями суда въ Сасебо (на которыя былъ данъ потерпѣвшимъ мѣсячный срокъ для обжалованіи ихъ въ апелляціонномъ порядкѣ во вторую инстанцію въ Токіо) остались недовольны и британскіе подданные, очутившіеся также въ числѣ владѣльцевъ грузовъ, которые подверглись захвату. Они чрезъ британскаго посла въ Токіо подали протестъ.

Порядокъ производства дѣлъ въ призовыхъ судахъ всѣхъ государствъ имѣетъ многія общія черты. Оно всюду распадается на двѣ части: на предварительное слѣдствіе и судебное разбирательство, посвящаемое разсмотрѣнію доказательствъ, добытыхъ слѣдствіемъ. Сторонами признаются: 1) казна и командиръ судна захватчика или его представитель и 2) первоначальные владѣльцы судовъ и грузовъ или ихъ повѣренные.

Предварительное слѣдствіе происходитъ въ томъ порту, куда приведенъ призъ. Слѣдствіе производится членами призового суда или морскимъ, или портовымъ начальствомъ, на основаніи корабельныхъ бумагъ, протоколовъ и описей, составленныхъ при задержаніи, а также допроса шкипера и команды судна, осмотра задержаннаго имущества и изслѣдованіе его при помощи экспертовъ. Состязательное начало въ призовомъ процессѣ многими законодательствами не признается. Владѣльцы являются истцами, обязанными доказать незаконность совершеннаго захвата представленіемъ доказательствъ, устанавливающихъ нейтральный характеръ собственности, освобожденія которой они домогаются. Средства доказательства призовые уставы часто ограничиваютъ корабельными бумагами, бывшими на суднѣ въ моментъ его задержанія. Наше Положеніе о призахъ допускаетъ собираніе дополнительныхъ доказательствъ и допросъ свидѣтелей, выставленныхъ сторонами.

На судѣ должно быть подробно разсмотрѣно все, касающееся при-

чинъ захвата судна. Судно можетъ обвиняться въ томъ, что оно принадлежитъ непріятелю, что оно пыталось прорвать обязательную блокаду, что на немъ находились предметы военнной контрабанды. Судъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, долженъ дать отвѣтъ на вопросъ: слѣдуетъ ли конфисковать весь призъ, или же конфискаціи принадлежитъ только его извѣстная часть и какая, или же, наконецъ, захватъ долженъ быть признанъ незаконнымъ, призъ возвращенъ его собственнику съ возмѣщеніемъ ему убытковъ.

Призовые суды, какъ національные, руководствуются при этомъ законами своего собственнаго государства. Но не исключительно; по характеру разбираемыхъ ими дѣлъ, для нихъ обязательны и нормы международнаго права: на первомъ планѣ—договоры и соглашенія, заключенные ихъ правительствомъ съ иностранными дворами, а затѣмъ и общія начала международнаго права (по вопросамъ войны и нейтралитета). По мнѣнію Геснера, въ сомнительныхъ случаяхъ призовый судъ долженъ толковать отечественные законы въ духѣ принциповъ международнаго права. Также выражается и Блюнчли, но добавляетъ: если между отечественными законами и международнымъ правомъ существуетъ такое противорѣчіе, которое примирить невозможно, то хотя судъ и обязанъ слѣдовать національному закону, но при этомъ само государство, издавшее такой законъ, становится отвѣтственнымъ передъ нейтральнымъ, чьи права оно такимъ образомъ нарушаетъ, ибо должно помнить, что международное право обязательно для всѣхъ государствъ, и государственный законъ не долженъ ему противорѣчить.

Конфискованное имущество составляетъ достояніе государства; взятель получаетъ опредѣленное призовое вознагражденіе. У насъ военному судну, крейсеру выдается за задержанное *военное судно* отъ $^1/_2$ до $^3/_4$, за *торговое*—отъ $^3/_4$ по полной стоимости приза, смотря по тому, взятъ ли онъ съ боя, или безъ боя. Особыя правила опредѣляютъ распредѣленіе призовыхъ денегъ между участниками: лицами экипажа. *Освобожденный призъ возвращается прежнимъ владѣльцамъ.* Послѣдніе въ правѣ требовать также возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ задержаніемъ, равно и вознагражденія за поврежденіе, происшедшее по винѣ взятеля.

Приговоръ призового суда о признаніи приза законнымъ приводится въ исполненіе посредствомъ публичной продажи приза. Эта продажа можетъ совершаться и въ нейтральномъ порту, такъ какъ судебный приговоръ уже выяснилъ вопросъ о переходѣ права владѣнія призомъ. Въ случаѣ отбитія непріятелемъ уже присужденнаго приза, онъ разсматривается какъ новый призъ.

На рѣшеніе призового суда первой инстанціи можетъ быть подана апелляціонная жалоба въ высшій судъ въ теченіе извѣстнаго срока. Рѣшеніе высшаго призового суда обжалованію не подлежитъ, но оно можетъ быть опротестовано дипломатическимъ путемъ, что нерѣдко и дѣлалось на практикѣ въ виду пристрастія и односторонности призовыхъ судовъ, какъ учрежденій національныхъ и исключительныхъ, т.-е. вызванныхъ обстоятельствами войны.

Одна изъ конвенцій, выработанныхъ Гаагскою конференціею 1907 г., установляетъ международный призовой судъ въ апелляціонномъ порядкѣ. (См. приложеніе).

3) *Блокада.* Въ связи съ практикуемымъ въ морской войнѣ нанесеніемъ вреда не только непріятельскимъ военнымъ силамъ, но и тор-

говлѣ и частной собственности врага, стоитъ право *морской осады*, или *блокады*. Эта мѣра, подобно извѣстной уже намъ мирной блокадѣ, состоитъ въ закрытіи одною изъ воюющихъ сторонъ части непріятельскаго берега (порта, пролива, устья рѣки и т. д.) для морскихъ сношеній, посредствомъ обложенія его военно-морскою силою. Она можетъ преслѣдовать цѣли чисто-военныя: осаду и взятіе непріятельскаго порта, но, въ большинствѣ случаевъ, она направляется *противъ торговыхъ, экономическихъ интересовъ противника*. Въ этомъ отношеніи—различіе блокады отъ осады на сушѣ. Осадѣ могутъ подвергаться только укрѣпленныя или защищаемыя военною силою мѣста; блокадѣ же подлежатъ всѣ пункты непріятельскаго побережья, и въ особенности она предпринимается противъ мѣстъ важныхъ и богатыхъ въ торговомъ отношеніи.

Блокадѣ могутъ подвергнуться любой пунктъ непріятельскаго побережья и даже все побережье, если у воюющаго на то хватитъ силъ. Мнѣніе нѣкоторыхъ писателей (высказанное также и Наполеономъ I) о томъ, чтобы блокада, какъ военное средство, примѣнялась лишь къ укрѣпленнымъ прибрежнымъ пунктамъ, къ сожалѣнію, доселѣ не признано въ положительномъ международномъ правѣ. Можно надѣяться однако, что оно получитъ силу въ будущемъ, когда уничтожится на морѣ преобладаніе одной какой-либо державы, и установится нѣчто въ родѣ политическаго равновѣсія между морскими державами, а съ другой стороны, когда и морская война, на подобіе сухопутной, сведется къ борьбѣ между государствами и ихъ вооруженными силами, а не будетъ направляться и противъ частныхъ лицъ и ихъ правъ, какъ это практикуется еще донынѣ въ столь широкихъ размѣрахъ. Во время междуусобной войны Вашингтонское правительство объявило въ 1861 г. блокаду всего морского побережья южанъ, отъ залива Чизачикъ до устья рѣки Ріо Гранде, на пространствѣ 2500 морскихъ миль. Англійскій посолъ заявилъ тогда, что для поддержки дѣйствительной блокады на такомъ громадномъ разстояніи не имѣется достаточной морской силы. Несмотря, однако, на это, блокада была признана всѣми морскими державами, въ томъ числѣ и Англіею. Поддержаніе этой мѣры было возложено болѣе чѣмъ на 400 судовъ. Но правительство южныхъ штатовъ неоднократно протестовало противъ этой блокады и въ доказательство ея недѣйствительности ссылалось на множество случаевъ удачнаго ея прорыва. Оттоманское правительство объявило въ маѣ 1877 г. въ блокадѣ все русское прибрежье Чернаго моря, но, не выставивъ для этого ни одного крейсера, превратила эту мѣру въ фиктивную, или бумажную.

Блокадѣ не подлежатъ сухопутныя или водныя пространства, которыя нейтрализованы общими или особыми соглашеніями: Суэцкій каналъ, открытые проливы, части открытаго моря. Что же касается устья рѣкъ, то блокада можетъ имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда вся судоходная часть рѣки со стороны моря течетъ по территоріи непріятельскаго государства. Если же рѣка въ своемъ теченіи проходитъ также по нейтральной территоріи, то блокадою ея устья воюющій нанесъ бы существенный вредъ торговлѣ надлежащаго нейтральнаго государства, на что онъ, однако, не имѣетъ права.

Блокада можетъ быть установлена только *верховною властью государства*, центральнымъ же правительствомъ и начальниками морскихъ силъ, если они на то уполномочены. Для ея *правомѣрности* необходимы два условія: ея *дѣйствительность* и *извѣстность*.

Подъ *дѣйствительностью блокады* понимаютъ фактическое преграждение воюющимъ доступа въ оцѣпленное мѣсто. Какъ мѣра военная, она и въ дѣйствительности должна проявляться въ военной силѣ, или же она не существуетъ вовсе. Это, казалось бы элементарная истина, отвергалась, однако, Англіею въ теченіе многихъ вѣковъ. Она объявляла блокаду со всѣми послѣдствіями для ея нарушителей, либо не принимая рѣшительно никакихъ мѣръ къ ея поддержанію (такъ называемая «бумажная» или «кабинетная» блокада; блокада «черезъ оповѣщеніе»), либо довольствуясь охраною блокированной мѣстности лишь нѣсколькими крейсирующими судами (блокада «крейсерская», въ англійской литературѣ невѣрно называемая «фактическою», de facto). Въ этихъ случаяхъ, очевидно, нарушенія блокады не могло быть, потому что ея не существовало. Преслѣдовали же и наказывали за одно намѣреніе нарушить предписанія воюющаго. Требованіе *дѣйствительности* блокады ясно высказано уже въ актѣ перваго вооруженнаго нейтралитета (1780 г.), когда Англія объявила въ блокадѣ всѣ порты Франціи и Испаніи. Ст. 4 его гласитъ: «блокированнымъ портомъ должно почитать только тотъ, для входа въ который есть очевидная опасность по расположенію стоящихъ и въ близости разставленныхъ судовъ атакующей его державы». Этотъ принципъ не былъ, однако, выдержанъ Россіею, по настояніямъ Англіи, въ ея конвенціи съ этою державою 1801 г. и въ послѣдующихъ войнахъ съ Наполеономъ I. Парижская декларація 1856 г. снова подтвердила требованіе на этотъ счетъ акта 1780 г.: «*блокада, чтобы быть обязательной, должна быть дѣйствительной, т. е. поддержанной достаточной силой для дѣйствительнаго воспрепятствованія доступа къ непріятельскому берегу*». Это постановленіе въ настоящее время является общепризнаннымъ правомъ. С. Штаты, какъ извѣстно, неприсоединившіеся къ парижской декларации, признали, однако, приведенное начало фактически въ 1898 г. (при блокадѣ Кубы); оно включено и въ наше «Положеніе о морскихъ призахъ 1895 г.» Редакція, однако, 1856 г. признается не столь удачною, какъ текстъ 1780 г. Слова «достаточная сила для дѣйствительнаго воспрепятствованія» слишкомъ растяжимы. Подъ «близкимъ» должно разумѣть разстояніе, не превышающее ни въ какомъ случаѣ двойного разстоянія пушечнаго выстрѣла. Помимо судовъ, стоящихъ на якорѣ, для поддержанія блокады могутъ быть употребляемы и крейсирующія суда. Имъ поручается наблюденіе за приближающимися нейтральными судами; но главная задача этихъ крейсеровъ— не поддержаніе блокады, а оповѣщеніе ея *).

Для обязательности блокады недостаточно простого загражденія доступа къ извѣстному мѣсту непріятельскаго побережья: она должна быть еще *извѣстна*. Это достигается путемъ оповѣщенія ея (нотификаціи), которое выражается въ трехъ формахъ: 1) оповѣщенія общаго или дипломатическаго; 2) оповѣщенія на мѣстѣ и 3) частнаго. Въ теоріи и на практикѣ колеблются въ вопросѣ о знаніи и соотношеніи этихъ формъ, но, строго говоря, онѣ всѣ три необходимы, ибо взаимно дополняютъ другъ друга. Первая форма состоитъ *въ извѣщеніи* объ установленіи блокады *дипломатическимъ путемъ* всѣхъ нейтральныхъ государствъ. Практика прочно установила обычай этой формы оповѣщенія,

*) *Грабарь*. „Блокада“ въ „Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ“ изд. Волковымъ и Филиповымъ. Т. I, вып. 3.

но нѣкоторые писатели, преимущественно французскіе, допускаютъ ее развѣ только изъ вѣжливости и считаютъ ее актомъ безполезнымъ на томъ основаніи, что ею не устраняется возможность злоупотребленій фиктивными («бумажными») блокадами. Поэтому, рядомъ съ нею должны существовать другія формы нотификаціи. Занимающее насъ оповѣщеніе должно содержать въ себѣ слѣдующія данныя: опредѣленіе границъ блокированной мѣстности въ долготахъ и широтахъ; моментъ, съ котораго блокада вступаетъ въ силу, и срокъ для разгрузки, нагрузки и выхода въ море судовъ, находящихся въ портѣ. *Оповѣщеніе на мѣстѣ*, содержа въ себѣ тѣ же данныя, какъ и предыдущее, производится различно по національнымъ законамъ отдѣльныхъ странъ, но его предпринимаетъ начальникъ эскадры, устанавливающій блокаду. Онъ увѣдомляетъ объ этомъ представителей нейтральныхъ государствъ (консуловъ), суда которыхъ находятся въ блокированной мѣстности, и эти суда, а равно надлежащія мѣстныя учрежденія этой мѣстности. *Извѣщеніе частное или спеціальное* дается каждому судну, приближающемуся къ линіи блокады, съ цѣлью предупредить его объ ея существованіи и о послѣдствіяхъ ея нарушенія. Только при этомъ условіи можно съ увѣренностью утверждать, что капитанъ судна, уже разъ получившій такое предостереженіе, не находится въ невѣдѣніи и несомнѣнно имѣлъ злой умыселъ. Требованіе частнаго оповѣщенія установлено II-мъ вооруженнымъ нейтралитетомъ 1800 г.: «всякое судно, плывущее къ блокированному порту, можетъ быть признано виновнымъ только въ томъ случаѣ, когда оно, по увѣдомленіи его начальствующимъ надъ блокадою о состояніи порта, сдѣлаетъ покушеніе пробраться въ оный, употребляя силу или хитрость». Этого условія нѣтъ въ парижской декларації 1856 г. Тѣмъ не менѣе, однако, оно усвоено почти всѣми державами европейскаго материка и получило распространеніе въ Америкѣ. Его не считаетъ обязательнымъ наше законодательство (Положеніе о призахъ 1895 в.), слѣдуя въ этомъ пунктѣ Англіи, которая допускаетъ лишь нотификацію дипломатическую, но, въ виду его крайней цѣлесообразности, оно должно бы быть признаннымъ за общій принципъ международнаго права *).

Послѣдствіемъ установленія блокады является *запрещеніе* всякихъ сношеній съ блокированнымъ мѣстомъ. Это запрещеніе относится ко всѣмъ судамъ; *собственнымъ непріятельскимъ* и *нейтральнымъ*, безъ различія національности. Запрещеніе касается входа и выхода.

Относительно выхода изъ блокированнаго мѣста законы и договоры, равно какъ и практика, рѣшаютъ этотъ вопросъ различно, но наиболѣе общепризнанною нормою обычнаго права является правило о *предоставленіи судамъ, вошедшимъ до блокады, опредѣленнаго срока для выхода, по истеченіи котораго они уже болѣе не выпускаются.* Срокъ этотъ не долженъ быть слишкомъ кратокъ, чтобы дать нейтральнымъ, застигнутымъ въ портѣ объявленіемъ его въ блокадѣ, возможность покончить свои дѣла **). Во время франко-германской войны 1870 г. объявленія о блокадѣ, отъ 12 и 15 августа, предоставляли всѣмъ нейтральнымъ торговымъ судамъ 10-ти дневный срокъ для окончанія дѣлъ по своимъ грузамъ и для оставленія германскихъ портовъ.

---

*) *Грабарь*, названная статья.

**) Само собою разумѣется, что для безпрепятственнаго выхода торговыхъ нейтральныхъ судовъ изъ блокированнаго порта необходимо, чтобъ они отправлялись въ нейтральный портъ и чтобы на нихъ не находилось военной контрабанды.

Воюющій можетъ *смягчить* послѣдствіе блокады, если находитъ это возможнымъ. Но тогда всѣ подобныя льготы должны быть предоставлены всѣмъ нейтральнымъ судамъ безъ различія флага: иначе блокада перестала бы быть обязательною.

Блокада должна быть одинаково признаваема какъ военными, такъ и торговыми судами нейтральныхъ государствъ, но для первыхъ допускаются иногда извѣстныя льготы. Послѣднія находятъ себѣ оправданіе въ томъ, что онѣ вредятъ главной цѣли блокады, заключающейся въ уничтоженіи всякаго торговаго сношенія съ блокированнымъ мѣстомъ. Такой примѣръ мы видимъ во время междуусобной войны въ Америкѣ: правительство союза, объявивъ въ блокадѣ все морское побережье южныхъ штатовъ, допустило безпрепятственные выходъ и входъ въ блокированныя мѣста всѣмъ нейтральнымъ военнымъ судамъ.

Наконецъ, воюющій обязанъ изъ человѣколюбія *предоставить извѣстныя льготы отдѣльнымъ судамъ въ исключительныхъ случаяхъ и разрѣшать имъ входъ въ блокированный портъ во всякое время:* въ случаяхъ опасности отъ бури, полученія судномъ бреши, лишающей его возможности держатся на водѣ, истощенія на немъ припасовъ и угрожающей отсюда смерти экипажу и т. п. Послѣднее обстоятельство, однако, не всѣми признается достаточнымъ оправданіемъ для захода въ блокированный портъ, равно какъ и незнакомство съ мѣстностью, потеря компаса, невѣрный курсъ и другіе тому подобныя обстоятельства, ибо тогда открылась бы почва для массы злоупотребленій, и стало бы невозможнымъ поддерживать строгую блокаду.

Изъ дѣйствительности блокады само собою вытекаетъ требованіе, чтобъ она поддерживалась непрерывно. Исключенія допускаются вслѣдствіе явленій природы: удаленіе судовъ въ виду непогоды означаетъ разстройство, но не перерывъ блокады. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ: удаленія судовъ для постороннихъ цѣлей (крейсерства и захватовъ, для полученія припасовъ или для починокъ, исключая развѣ аварій, для нападенія на непріятеля) блокада считается прерванной и тѣмъ самымъ прекращенной. Возобновленіе ея требуетъ тѣхъ же формальностей извѣщенія, какъ и установленіе новой блокады. Удачные перерывы блокады въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ ничего не говорятъ противъ ея дѣйствительности, пока будетъ налицо для ея нарушителей опасность быть захваченными. Наконецъ, прекращеніе блокады должно быть также оповѣщено, хотя отсутствіе этой формальности не можетъ сдѣлать фактически прекратившуюся блокаду существующею.

§ 12. Отношенія воюющихъ и нейтральныхъ государствъ *). Съ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій возникаютъ особыя отношенія не только между воюющими, но и между воюющими съ одной стороны и государствами, въ войнѣ неучаствующими съ другой.

Состояніе полнаго невмѣшательства во враждебныя дѣйствія воюющихъ называется *нейтралитетомъ*, а совокупность нормъ, регулирующихъ отношенія, вытекающія изъ указаннаго состоянія—*правомъ нейтралитета.*

Выработка ученія о нейтралитетѣ принадлежитъ новѣйшему времени. Понятіе о немъ создавалось преимущественно въ морской войнѣ, а относительно торговли, уже съ конца среднихъ вѣковъ; только въ концѣ

*) Изъ лекцій прив.-доц. В. А. Уляницкаго 1896—1897 г.

XVIII вѣка оно приняло благодаря иниціативѣ Россіи (актъ вооруженн. нейтралитета 1780 г.) опредѣленное прогрессивное направленіе. Затѣмъ, въ началѣ нашего столѣтія, въ Наполеоновскихъ войнахъ, замѣтенъ какъ бы регрессъ на практикѣ, но доктрина все продолжала идти впередъ и Парижская декларація 1856 года санкціонировала правила выработанныя ею.

Виды нейтралитета. Нейтралитетъ бываетъ *договорнымъ* или обязательнымъ и *добровольнымъ*. Нѣкоторыя государства (Швейцарія съ 1815 г., Белгія съ 1831 г., Люксембургъ съ 1869 г.), и африканское государство Конго, находящееся въ личномъ соединеніи съ королемъ Бельгіи, съ 1885 г. *нейтрализованы* въ силу междун. договоровъ и *на вѣчныя времена*; они обязаны оставаться нейтральными хотя могутъ отказаться на свою отвѣтственность отъ своего нейтралитета. Государства также могутъ быть обязаны по договорамъ сохранять свой нейтралитетъ лишь въ опредѣленной войнѣ. Кромѣ такихъ случаевъ, нейтралитетъ для каждаго государства *добровольнъ*; вообще за исключеніемъ особыхъ соглашеній, каждое государство, конечно, имѣетъ право, въ случаѣ войны между другими государствами, оставаться нейтральнымъ. Въ этомъ заключается вся разница между простымъ, *добровольнымъ* нейтралитетомъ съ одной стороны и *договорнымъ*, обязательнымъ нейтралитетомъ съ другой.

Обязанности и права нейтральныхъ. Хотя нейтралитетъ неучаствующихъ въ войнѣ державъ всегда предполагается самъ собою и особаго объявленія объ немъ не требуется, но при началѣ войны нейтральныя государства часто издаютъ декларації, въ которыхъ они объявляютъ о фактѣ своего нейтралитета и о правилахъ, которымъ они намѣрены слѣдовать при соблюденіи его. Въ то же время обыкновенно и воюющіе издаютъ точно также заявленія, которыми они извѣщаютъ нейтральныхъ, какія права они за ними признаютъ и чего съ другой стороны, они отъ нихъ ожидаютъ.

Вообще *обязанности* нейтральныхъ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Нейтральное государство должно воздерживаться отъ всякаго активнаго вмѣшательства въ войну, т. е. оно не должно оказывать ни тому, ни другому изъ воюющихъ никакой *матеріальной* помощи противъ его противника. Поэтому нейтральное правительство не должно доставлять воюющимъ никакого оружія, *равно какъ и денегъ, съѣстныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ*.

Спорнымъ является вопросъ о томъ, обязано ли нейтральное государство отказывать воюющимъ въ заключеніи государственнаго денежнаго займа (Англія не разрѣшила Франціи займа въ 1870 году); во всякомъ случаѣ было бы непозволительно, если бы одному изъ воюющихъ дали возможность сдѣлать заемъ, а другому—нѣтъ.

2) Нейтральное государство, какъ другъ, или non hostis обоихъ воюющихъ, должно держать себя *безпристрастно*. Нарушеніе безпристрастія выраженіемъ сочувствія одной изъ сторонъ въ печати, въ парламентѣ, въ общественныхъ собраніяхъ и всякая иная нравственная поддержка не можетъ быть признана нарушеніемъ нейтралитета, такъ какъ въ этомъ случаѣ нѣтъ со стороны нейтральнаго матеріальной поддержки воюющаго. Безпристрастіе въ поведеніи нейтральнаго состоитъ

лишь въ томъ, чтобы не отказывать одной изъ воюющихъ сторонъ въ томъ, что разрѣшается другой.

3) Нейтральное государство обязано не допускать *на своей территоріи* никакихъ враждебныхъ дѣйствій или продолженія ихъ со стороны воюющихъ.

Нейтральная территорія на сушѣ и водѣ не можетъ быть театромъ непріятельскихъ дѣйствій. Мало того, въ прѣдѣлахъ нейтральной территоріи безусловно запрещаются не только военныя операціи, но и всякія вообще дѣйствія, преслѣдующія военныя цѣли. Нейтральное государство должно защищать неприкосновенность своей территоріи; оно должно заботиться, чтобы его владѣнія уважались воюющими и всякое нарушеніе воюющими неприкосновенности территоріи нейтральнаго уполномочиваетъ послѣдняго на насильственное его отраженіе и требованіе удовлетворенія, а въ случаѣ отказа—на репрессаліи и даже войну, съ нарушеніемъ нейтралитета. Если солдаты воюющихъ вступаютъ въ его территорію намѣренно или ненамѣренно, отдѣльно или цѣлыми отрядами, оно должно ихъ обезоруживать, задерживать и водворять съ примѣненіемъ къ нимъ правилъ военнаго плѣна въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ театра войны. Оно въ правѣ потребовать вознагражденіе за ихъ содержаніе отъ отечественнаго ихъ государства. (Примѣръ—армія ген. Бурбаки въ Швейцаріи въ 1870 г.). Недопускается равнымъ образомъ провозъ военныхъ снарядовъ и аммуниціи, а тѣмъ болѣе—войскъ черезъ нейтральную территорію, а насильственный проходъ арміи черезъ нейтральную территорію можетъ быть признанъ нейтральнымъ за casus belli. Но разрѣшеніе провоза больныхъ и раненыхъ воиновъ, принадлежащихъ къ воюющимъ арміямъ, черезъ нейтральное государство не нарушаетъ нейтралитета подъ условіемъ допущенія провоза обѣимъ воюющимъ сторонамъ.

Вообще нейтральная территорія не должна служить никакимъ образомъ воюющимъ: напр., для проложенія телеграфнаго кабеля. Военныя суда воюющихъ могутъ плавать по территоріальному морю нейтральныхъ, но военныя дѣйствія не должны предприниматься въ его предѣлахъ и *взятые въ нейтральныхъ водахъ призы недѣйствительны.*

Если военное судно одного изъ воюющихъ *принуждено непогодою* (force majeure) зайти въ нейтральную гавань, ему это дозволяется. Также ему должно быть позволено оправиться отъ аваріи, запастись необходимымъ провіантомъ и углемъ въ количествѣ необходимомъ для перехода до ближайшаго отечественнаго порта, но не боевыми снарядами. То же самое должно дозволяться въ случаѣ надобности и судамъ другихъ воюющихъ. Какъ только судно готово опять для дальнѣйшаго пути, оно должно покинуть гавань. Если же въ нейтральной гавани сойдутся при такихъ обстоятельствахъ суда воюющихъ, то по уходѣ одного, другое задерживается въ продолженіе не менѣе 24 часовъ.

Какъ на нейтральной территоріи не должны быть захватываемы призы, такъ тамъ не должны быть произносимы судебные приговоры о призахъ, а также, не должна имѣть мѣста и продажа приговореннаго судна.

4) Нейтральное государство не должно разрѣшать активнаго участія въ войнѣ со стороны *своихъ подданныхъ.* Оно отвѣтственно передъ воюющими за то, что дѣлаютъ его подданные *на его территоріи.* Для правительства не можетъ служить оправданіемъ то, что оно не въ состояніи

воспрепятствовать нарушенію обязанностей нейтралитета своими подданными.

Однако нейтральное государство не обязано имѣть надзоръ надъ своими подданными внѣ своей территоріи и исполнять на пользу воюющихъ особыя полицейскія обязанности. Сообразно съ практикой многихъ державъ, нейтральное государство можетъ допускать на своей территоріи *вербовку* солдатъ для одного изъ воюющихъ, если оно позволяетъ тоже самое и для другого. Но съ понятіемъ нейтралитета болѣе согласуется запрещеніе всякихъ такихъ вербовокъ. Насколько подобная вербовка допустима зависитъ вообще отъ внутренняго законодательства каждой страны. Foreign enlistment act американскій 1818 г. и англійскій 1819 и 1870 г. запрещаютъ вступленіе на службу воюющихъ державъ. Эти правила конечно не касаются простого вступленія отдѣльныхъ частныхъ лицъ, несостоящихъ на службѣ нейтральнаго государства, въ военную службу того или другого изъ воюющихъ;—впрочемъ и этотъ вопросъ также дѣло внутренняго права. Если нейтральное государство дозволитъ своимъ подданнымъ вступленіе въ войско одного изъ воюющихъ, то оно не можетъ запретить имъ службы въ войскѣ другого. Офицеры, состоящіе на службѣ нейтральнаго государства, могутъ вступить подъ знамена воюющихъ лишь выйдя въ отставку, въ противномъ случаѣ является основаніе къ обвиненію ихъ отечества въ нарушеніи нейтралитета. Само собою разумѣется, что отдѣльные подданные нейтральныхъ, вступившіе въ составъ непріятельскихъ вооруженныхъ силъ, разсматриваются какъ воюющіе, подлежатъ лично законамъ войны и военнаго плѣна, но ихъ правительство за нихъ не отвѣчаетъ.

Продажа, снаряженіе и снабженіе военныхъ судовъ или каперовъ экипажемъ въ пользу воюющихъ есть нарушеніе нейтралитета. Нейтральное правительство «обязано приложить надлежащее стараніе (due diligence), чтобы воспрепятствовать, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, снаряженію, вооруженію, или снабженію экипажемъ какого либо судна, которое оно, съ достаточнымъ основаніемъ можетъ считать предназначеннымъ для военныхъ операцій противъ государства, съ которымъ нейтральное находится въ мирныхъ отношеніяхъ» *).

Подданнымъ нейтральнаго государства не должно быть дозволено принимать отъ одного изъ воюющихъ порученія заниматься каперствомъ.

Права нейтральнаго государства относительно воюющихъ можно выразить въ положеніи, что нейтральное государство имѣетъ право оставаться по возможности *незатронутымъ войной*. Его территорія неприкосновенна; его права на независимость, на самосохраненіе, на уваженіе остаются незатронутыми.

Вытекающія изъ нейтралитета права и обязанности въ общемъ одинаковы, идетъ ли дѣло о нейтрализованныхъ государствахъ, или о такихъ, которыя нейтральны добровольно.

Если нейтральное государство окажется виновнымъ въ нарушеніи возложенной на него обязанности нейтралитета, то воюющая сторона, потерпѣвшая отъ этого, можетъ требовать отъ него вознагражденія, или же объявить, что она не считаетъ для себя обязательнымъ нейтралитетъ, который нейтральное государство не сумѣло сохранить, и намѣрена дѣйствовать единственно въ своихъ интересахъ; вслѣдъ за этимъ она и съ

*) Вашингтонскій договоръ 1870 г. и Правила Института междун. права (Гаага 1875 г.).

своей стороны также можетъ нарушить нейтралитетъ, который не былъ соблюденъ самимъ нейтральнымъ.

Нейтральная собственность на морѣ. Относительно нейтральной собственности на морѣ Consolato del mare по принципу suum cuique постановлена *неприкосновенность нейтральной собственности на непріятельскомъ суднѣ и конфискація непріятельской на нейтральномъ.* Этотъ принципъ усвоенъ былъ англійскою практикою, между тѣмъ какъ Голландія отстаивала правило, что *нейтральный флагъ покрываетъ и непріятельскій грузъ* и что на нейтральномъ суднѣ можетъ быть конфискована только военная контрабанда. Этотъ послѣдній принципъ, основанный на отождествленіи нейтральнаго судна съ нейтральною территоріею, принятъ и нынѣ дѣйствующимъ международнымъ правомъ (Парижская декларація 1856 г.).

Нейтральная торговля. Нейтральное государство имѣетъ неотъемлемое право на продолженіе во время войны мирныхъ сношеній съ воюющими странами, на сколько это фактически возможно. Въ особенности война не прекращаетъ, сама по себѣ, права нейтральнаго государства и его подданныхъ на торговыя сношенія съ воюющими и только *блокада, законнымъ образомъ установленная,* и *запрещеніе военной контрабанды* ограничиваютъ въ этомъ отношеніи свободу нейтральныхъ.

Правиломъ все-таки остается *свобода торговли.* Поэтому, и согласно съ вышесказаннымъ, нейтральное правительство не обязано запрещать своимъ подданнымъ опредѣленной, вредной для одного изъ воюющихъ торговли и неотвѣтственно, если они производятъ таковую на свой собственный рискъ; но каждый воюющій, съ своей стороны, имѣетъ право воспрепятствовать этой вредной ему торговлѣ, равно какъ и всякой торговлѣ съ мѣстами, которыя онъ блокируетъ. Англійское правительство держится того мнѣнія, что хотя англійскимъ подданнымъ и запрещается заниматься военной контрабандой, но отвѣтственность за нарушеніе этого запрещенія лежитъ на самихъ виновныхъ, которые лишаются своей собственности въ случаѣ захвата; наказывать же ихъ за это въ Англіи нѣтъ основаній, такъ какъ они не совершаютъ никакого преступленія противъ своего отечества.

Сообразно съ этимъ, по дѣйствующему международному праву вообще не воспрещается подданнымъ нейтральныхъ государствъ продавать *оружіе и боевые снаряды* воюющему, если только допускается продажа и другому. Посылаемые подданными нейтральнаго государства оружіе и военные припасы, конечно, могутъ быть конфискованы воюющимъ, какъ военная контрабанда; нейтральное правительство не въ правѣ въ этомъ случаѣ вступиться за своихъ подданныхъ. Тѣ же правила относятся и къ *найму* судовъ для *перевозки военнаго матеріала.*

Продажа съѣстныхъ припасовъ, провіанта и т. п. для всѣхъ свободна.

Военной контрабандой называются *товары, которые особенно употребляются для военныхъ дѣйствій и способны увеличить собой разрушительныя средства воюющихъ.* Само собою ясно, что нейтральное правительство не выполнило бы своихъ обязанностей, если бы само стало доставлять такіе предметы одному изъ воюющихъ. До сихъ поръ не существуетъ общаго международнаго акта, въ родѣ парижской декларації или гаагской конвенціи, который опредѣлилъ бы, что такое контрабанда. Отдѣльные упоминающіе о ней договоры и правительственныя распоря-

женія неполны и противорѣчивы. Непрерывныя техническія изобрѣтенія постоянно расширяютъ списокъ предметовъ, могущихъ служить цѣлямъ войны, и на долю предметовъ неприкосновенныхъ или свободныхъ для нейтральной торговли остается такъ мало, что устраняется всякій интересъ къ торговлѣ, да еще сопряженной, благодаря войнѣ, со всякаго рода опасностями и задержками. Въ практику вошло, что государства, вступая въ войну, объявляютъ о предметахъ, которые они признаютъ за контрабанду и подвозъ которыхъ къ ихъ противнику они запрещаютъ нейтральнымъ. Разсматривая эти списки, мы должны констатировать фактъ ихъ слишкомъ большого расширенія, съ одной стороны, и постояннаго возрастанія съ другой.

Россія въ началѣ войны съ Турціею 1877 года и въ войнѣ съ Японіей 1904 г. опредѣлила путемъ перечисленія предметы военной контрабанды (указъ правительствующему сенату 12 мая 1877 г. и правила веденія войны съ Японіей 14 февраля 1904 г.). Оба акта къ ней относятъ: 1) всякаго рода *оружіе* (ручное и артиллерійское, какъ въ собранномъ видѣ, такъ и въ частяхъ); 2) *огнестрѣльныя принадлежности и припасы;* 3) *предметы или принадлежности для взрыва* (напр.: мины, динамитъ, разные взрывчатые составы); 4) *принадлежности артиллерійскихъ, инженерныхъ и войсковыхъ обозовъ* (какъ-то лафеты, патронные и зарядные ящики, полевые кузницы, кухни. Въ правилахъ 1904 г. прибавлено: колючая проволока, очевидно, вслѣдствіе примѣненія ея англичанами противъ буровъ; позднѣе и хлопокъ, какъ матеріалъ для изготовленія пироксилина), 5) *Предметы войскового снаряженія и обмундированія* (сумы, ранцы, барабаны, палатки и проч.).

На этомъ останавливается перечень предметовъ контрабанды по указу 1877 г. Къ нимъ правила текущаго года прибавляютъ еще слѣдующее: 6) *морскія суда*, идущія въ непріятельскій портъ, хотя бы и подъ нейтральнымъ коммерческимъ флагомъ, если по конструкціи своего корпуса, внутреннему устройству и другимъ признакамъ они, очевидно, построены для военныхъ цѣлей и идутъ въ непріятельскій портъ для продажи или передачи непріятелю. 7) Всякаго рода *судовыя машины и котлы*, какъ въ собранномъ видѣ, такъ и въ частяхъ. 8) Всякаго рода *топливо*, какъ-то: каменный уголь, нефть, спиртъ и т. п. матеріалы. 9) Предметы и матеріалы, служащіе для *сооруженія телефоновъ и желѣзныхъ дорогъ*.

Затѣмъ, не довольствуясь столь длинными списками, оба документа въ заключительной статьѣ къ нимъ присоединяютъ: вообще всѣ *другіе предметы*, предназначенные для войны сухопутной и морской. Правила 1904 г. и тутъ вступаютъ въ перечисленіе: а также *рисъ, съѣстные припасы*, равно какъ *лошади, вьючныя и другія животныя*, могущія служить для военныхъ цѣлей, если они перевозятся за счетъ или по назначенію къ непріятелю. Въ указѣ 1877 г. упомянуто объ одномъ существенномъ изъятіи изъ правила о задержаніи даже этихъ предметовъ: исключая только количества этихъ вещей, потребнаго для самаго нейтральнаго судна. Правила для японской войны напрасно обходятъ этотъ пунктъ молчаніемъ.

Но кромѣ предметовъ, къ контрабандѣ относятъ еще и нѣкоторыя *дѣйствія*, тоже караемыя воюющимъ. Къ послѣднимъ оба акта причисляютъ: *перевозку непріятельскихъ войскъ, непріятельскихъ депешъ и переписки, поставку и подвозъ непріятелю военныхъ судовъ* (и транспор-

товъ, добавлено въ правилахъ 1904 г.). Нейтральныя суда, застигнутыя съ подобнаго рода военною контрабандою, могутъ быть, смотря по обстоятельствамъ, не только захватываемы, но и конфискуемы.

Японія, въ свою очередь, обнародовала списокъ предметовъ, составляющихъ военную контрабанду. Онъ не такъ длиненъ, какъ русскій, но включаетъ въ себѣ, однако, такіе предметы, какъ съѣстные припасы, напитки, кормъ, повозки, уголь, дрова, монеты, нечеканенное золото, серебро и т. д., если они находятся на пути къ непріятельскимъ войскамъ или въ такія непріятельскія мѣстности, гдѣ могутъ быть употреблены для цѣлей войны. Исключаются предметы, служащіе несомнѣнно для надобностей даннаго судна.

Очевидно, приведенные нами списки непомѣрно длинны и составлены въ исключительныхъ интересахъ воюющихъ. Какой предметъ, строго говоря, не можетъ быть «употребленъ для цѣлей войны»? Держаться этого критерія — не значитъ ли дѣлать торговлю нейтральныхъ съ воюющими просто невозможною или совершенно излишнею? Вопросъ о контрабандѣ требуетъ самаго тщательнаго пересмотра и гораздо болѣе точнаго опредѣленія. Пока, за отсутствіемъ правительственныхъ актовъ (обще-признанныхъ въ этомъ направленіи), намъ приходится довольствоваться данными науки. Въ этомъ отношеніи достойны вниманія работы Института международнаго права, хотя частнаго, но весьма авторитетнаго общества изъ ученыхъ всѣхъ культурныхъ странъ. Онъ два раза высказывался по вопросу о военной контрабандѣ: въ обширномъ уставѣ о призахъ, одобренномъ на съѣздахъ въ Туринѣ (1882 г.), Мюнхенѣ 1883 г.) и Гейдельбергѣ (1887 г.), и въ спеціальномъ *регламентѣ о военной контрабандѣ*, принятомъ имъ на съѣздѣ въ Венеціи (1896 г.).

Въ первомъ изъ этихъ актовъ дается общее опредѣленіе контрабандѣ: ее составляютъ предметы, способные непосредственно быть употребляемыми для войны. Они подлежатъ взятію если перевозятся на торговыхъ судахъ, національныхъ, нейтральныхъ или непріятельскихъ, къ непріятелю или для него. Рекомендуется правительствамъ передъ каждою войною опредѣлять напередъ, какіе именно предметы они будутъ относить къ этой категоріи. Къ контрабандѣ приравнивается также перевозка судами войскъ для военныхъ операцій непріятеля на сушѣ или на морѣ, а равно его офиціальной корреспонденціи.

Въ гораздо большія подробности входитъ регламентъ 1896 г. Контрабанду онъ опредѣляетъ тоже путемъ перечисленія предметовъ, къ ней относящихся, но указываетъ и исключенія. Контрабанду составляютъ 1) всякаго рода оружіе; 2) боевые припасы и взрывчатые матеріалы; 3) предметы войскового снаряженія и обмундированія; 4) суда, снаряженныя для войны; 5) орудія, спеціально предназначенныя къ изготовленію боевыхъ припасовъ,— если всѣ эти предметы доставляются моремъ за счетъ или по назначенію къ непріятелю. Подъ словами «боевые припасы» (munitions de guerre) должно разумѣть предметы, которые требуютъ лишь простого ихъ соединенія (réunion ou juxtaposition) для того, чтобы можно было непосредственно употреблять ихъ на войнѣ. Отправка этихъ предметовъ къ непріятелю предполагается, если усматривается, что они, на основаніи достаточныхъ фактическихъ доказательствъ, направляются въ одинъ изъ его портовъ или хотя бы въ нейтральный портъ, но являющійся лишь обходнымъ этапомъ (станціею) для прикрытія настоящей и конечной цѣли данной доставки. Нельзя причислить къ кон-

трабандѣ предметы лишь на томъ основаніи, что они назначаются для оказанія помощи или содѣйствія непріятелю, или же въ силу того, что они были бы способны принести ему пользу въ военныхъ цѣляхъ, или что они посылаются для него. Совершенно должно отвергнуть понятіе *объ относительной контрабандѣ*, куда относятъ предметы, хотя и могущіе служить военнымъ цѣлямъ воюющихъ, но назначеніе которыхъ по существу мирное, а равно о *контрабандѣ случайной*, когда извѣстные товары лишь благодаря особымъ обстоятельствамъ, получаютъ значеніе для военныхъ цѣлей. По отношенію къ вещамъ, одинаково служащимъ мирнымъ и военнымъ цѣлямъ, воюющій располагаетъ по своему усмотрѣнію правомъ, если онѣ направляются къ его противнику, либо ихъ задержанія, либо первой покупки, подъ условіемъ справедливаго вознагражденія ихъ собственника. Регламентъ установляетъ, далѣе, свободу переѣзда нейтральныхъ дипломатическихъ агентовъ подъ нейтральнымъ флагомъ, хотя бы между портами нейтральнаго и воюющаго. Также свободна перевозка частныхъ лицъ, еще не поступившихъ на службу къ воюющему, но имѣющихъ намѣреніе это сдѣлать, и лицъ, ѣдущихъ въ качествѣ простыхъ путешественниковъ безъ видимой связи съ военной службой. Но регламентъ воспрещаетъ перевозить къ воюющимъ войска и военныхъ агентовъ, даже если они направляются изъ одного нейтральнаго порта въ другой *).

При рѣшеніи вопроса о томъ, имѣемъ ли мы дѣло съ контрабандой, или нѣтъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо, кромѣ характера извѣстнаго предмета, знать его назначеніе. Это мѣсто его назначенія болѣе всего выясняется изъ корабельныхъ бумагъ, хотя должно помнить, что не всегда дѣйствительный курсъ осматриваемаго судна будетъ тотъ, который означенъ въ его бумагахъ.

Послѣдствія подвоза контрабанды. За доставку воюющему контрабанды нейтральные подвергаются тяжкимъ послѣдствіямъ; конфискаціи груза, составляющаго ее, а при извѣстныхъ условіяхъ, и судна, на которомъ она везется. Но для этого необходимо, чтобы само это караемое дѣйствіе было юридически опредѣлено и обставлено извѣстными формами производства, которыя оберегали бы права частныхъ лицъ противъ посягательствъ на нихъ со стороны воюющаго, располагающаго такимъ перевѣсомъ надъ ними матеріальной силы.

Прежде всего для захвата и конфискаціи необходимо, чтобы нейтральный былъ застигнутъ съ запрещеннымъ грузомъ *въ открытомъ морѣ или въ водахъ воюющаго*, и чтобы грузъ этотъ предназначался *въ порты воюющаго*. По совершеніи акта доставки контрабанды, судно не подлежитъ уже отвѣтственности передъ воюющимъ. На юридическомъ языкѣ это выражаютъ такъ: нейтральный, чтобы отвѣчать, долженъ быть застигнутъ in flagrante delicto. Хорошо выражаетъ эту мысль Листъ: судно, везшее контрабанду, становится свободнымъ, какъ только оно счастливо выгрузило свой товаръ; ни на дальнѣйшемъ пути, ни при возвращеніи оно уже не можетъ быть задержано. Не вѣрно противоположное воззрѣніе, имѣющее многихъ защитниковъ среди англійскихъ писателей и отчасти въ Америкѣ, въ силу котораго весь путь судна, начиная отъ выхода его изъ отечественнаго порта и вплоть до возвращенія его туда

*) Перевозка же депешъ и офиціальной корреспонденціи воюющихъ не дозволена въ предѣлахъ ихъ территорій, но разрѣшается къ нейтральнымъ и отъ нихъ.

же, разсматривается, какъ мѣсто единое, и поэтому конфискація судна допускается и послѣ выгрузки товара (ученіе объ единствѣ или непрерывности пути, théorie de la continuité du voyage). Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что *задержаніе не можетъ имѣть мѣста, если торговое судно сопровождается военнымъ кораблемъ нейтральнаго государства* (*такъ назыв. конвой*), и начальникъ этого сопровождающаго корабля заявитъ, что торговое судно (или суда, въ случаѣ множества ихъ) не везетъ контрабанды. Это начало, не признаваемое одною только Англіею, было еще высказано въ актѣ второго вооруженнаго нейтралитета (1800 г.) и нынѣ составляетъ неоспоримый принципъ, основанный на уваженіи къ суверенитету (независимости) государствъ.

Наконецъ, не конфискуются, какъ контрабанда, оружіе и амуниція найденныя въ количествѣ, необходимомъ для потребностей самаго судна.

Переходя теперь къ самой конфискаціи запрещенныхъ товаровъ, нужно имѣть въ виду извѣстныя ограниченія, выработанныя на этотъ счетъ международной практикой и одобряемыя писателями. *Конфискація всего груза законна въ тѣхъ случаяхъ, когда военная контрабанда составляетъ, по меньшей мѣрѣ, три четверти цѣнности всего груза, или если корабельныя бумаги подложныя, или если весь грузъ принадлежитъ одному лицу.* Послѣднее изъ этихъ условій, однако, должно быть отвергнуто: для захвата невинной части груза нѣтъ достаточнаго юридическаго основанія. Говорятъ, что она, перевозимая вмѣстѣ съ контрабандою, составляетъ какъ бы элементъ одного незаконнаго дѣйствія. Но должно помнить, что въ принципѣ нейтральная собственность неприкосновенна и, за исключеніемъ контрабанды, не подвергается конфискаціи даже на непріятельскомъ суднѣ. Отсюда если окажется, по провѣркѣ, что только одна часть груза состоитъ изъ военной контрабанды, шкиперу должно быть предоставлено право выгрузить эту часть груза на мѣстѣ или въ одномъ изъ ближайшихъ портовъ (воюющаго, который его задержалъ), и, по исполненіи этого требованія, онъ можетъ продолжать плаваніе съ остальною частью груза. На практикѣ такая выгрузка извѣстныхъ товаровъ, какъ въ открытомъ морѣ, такъ равно и въ одномъ изъ ближайшихъ портовъ, будетъ либо невозможна, либо связана со многими затрудненіями и потерями какъ для крейсера, такъ и для остановленнаго имъ судна. Но это не измѣняетъ юридической стороны дѣла и обязанности для воюющаго вознаградить нейтральнаго въ случаѣ завладѣнія имъ, хотя бы подъ давленіемъ обстоятельствъ, имуществомъ не подлежащимъ захвату.

При извѣстныхъ условіяхъ конфискуется не только контрабанда, но и *самое судно*. Въ этомъ отношеніи замѣтно, однако, колебаніе въ практикѣ и въ теоріи. Многими договорами конфискація судовъ безусловно запрещается, и еще Георгъ Мартенсъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи «о каперствѣ» (1795) высказалъ мнѣніе, что такой взглядъ вполнѣ сотвѣтствуетъ здравому смыслу и принципамъ международнаго права. Другіе допускаютъ конфискацію судна лишь въ томъ случаѣ, если и хозяинъ судна (шкиперъ или корабельщикъ) тоже окажется виновнымъ а поэтому, если онъ не зналъ о составѣ груза или о его назначеніи, то конфискація судна не должна имѣть мѣста. Противъ этого возражаютъ, что шкиперъ всегда долженъ подписывать коносаментъ (свидѣтельство о грузѣ), и поэтому ему почти всегда должно быть извѣстно о назначеніи послѣдняго. Онъ отвѣчаетъ за интересы судна и груза, и всякая строгая въ этомъ направленіи мѣра сократитъ только время военныхъ дѣйствій

и явится, такимъ образомъ, истиннымъ актомъ гуманности. По регламенту о призахъ, одобренному Институтомъ международнаго права, конфискація корабля вмѣстѣ съ грузомъ допускается въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) нарушенія имъ блокады; 2) оказанія противодѣйствія; 3) участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ. Въ случаяхъ же недозволеннаго транспорта корабль конфискуется при перевозкѣ войска къ непріятелю, и если грузъ, доставляемый непріятелю, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ предметовъ продовольствія для военныхъ судовъ или для непріятельскаго войска. Мы лично склоняемся въ пользу неконфискаціи корабля, составляющаго собственность нейтральнаго, въ силу того же соображенія, которое требуетъ отъ воюющаго не задерживать свободную часть груза, при завладѣніи имъ предметами контрабанды.

Нарушеніе блокады имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда судно находится вблизи блокадной линіи, и 2) когда оно будетъ задержано на мѣстѣ преступленія. Одного намѣренія прорвать блокаду недостаточно, требуется совершеніе дѣйствія. Англійская практика и тутъ держится старыхъ, гораздо болѣе суровыхъ и несправедливыхъ воззрѣній: она преслѣдуетъ суда уже за одно намѣреніе проникнуть въ блокированное мѣсто, при чемъ объ этомъ намѣреніи судитъ самъ воюющій, опираясь на совершенно произвольныя предположенія. Если виновное въ нарушеніи блокады судно пытается бѣжать, оно можетъ быть преслѣдуемо въ открытомъ морѣ, пока не укроется въ нейтральныхъ водахъ. Достигнувъ ихъ, оно освобождается отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія. Если же воюющій немедленно послѣ нарушенія блокады не началъ преслѣдованія или прервалъ его, то нейтральное судно освобождается отъ отвѣтственности уже по достиженіи имъ открытаго моря или непріятельскаго порта, не находящагося въ блокадѣ. Такова общепринятая практика, отъ которой отступаютъ только Англія и Соедин. Штаты Америки. Они держатся и въ примѣненіи къ блокадѣ ученія о непрерывномъ пути осуждаемаго остальными державами и большинствомъ писателей. По этому ученію, нарушеніемъ блокады признается отправленіе въ нейтральный или свободный непріятельскій портъ, если можно предположить, что имѣлось намѣреніе доставить затѣмъ грузъ (хотя бы сухимъ путемъ) изъ этого порта въ блокированное мѣсто. Воюющій только задерживаетъ виновное судно на мѣстѣ и въ моментъ нарушенія послѣднимъ блокады, а затѣмъ передаетъ для сужденія призовому суду, который рѣшаетъ вопросъ объ его судьбѣ.

Наказанія за нарушенія блокады съ теченіемъ времени смягчаются. Если призовый судъ признаетъ задержаніе незаконнымъ, корабль освобождается, и владѣлецъ его можетъ требовать вознагражденія за понесенные убытки. Судно, законно задержанное, признается призомъ и конфискуется. Грузъ прежде безусловно подлежалъ конфискаціи вмѣстѣ съ судномъ. Нынѣ судьба его опредѣляется отдѣльно въ зависимости отъ того, имѣлъ ли собственникъ груза намѣреніе нарушить блокаду. Грузъ конфискуется въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если собственникъ его является въ то же время и владѣльцемъ судна; 2) если онъ не можетъ доказать, что въ моментъ отправленія груза онъ не зналъ объ объявленіи мѣста назначенія судна въ состояніи блокады; 3) когда грузъ состоитъ изъ предметовъ военной контрабанды. Такова обычная практика. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ призовые суды нерѣдко возвращали грузъ или, по крайней мѣрѣ, ту свободную часть, которая принадлежала лицамъ, не

знавшимъ о блокадѣ или о существованіи на суднѣ военной контрабанды. Съ изложенными началами согласно и наше «Положеніе о морскихъ призахъ». Англія держится болѣе суроваго взгляда, допуская презумпцію (предположеніе), что между судовладѣльцемъ и собственникомъ груза установилось соглашеніе, но и по англійской практикѣ грузъ освобождается, если при отправленіи его собственникъ не могъ еще знать объ установленіи блокады. Въ литературѣ было высказано пожеланіе, къ которому нельзя не присоединиться, чтобы нарушеніе блокады влекло за собою конфискацію только судна, а не груза, такъ какъ собственникъ послѣдняго, если только это не самъ судовладѣлецъ, въ нарушеніи блокады не участвуетъ. Чтоже касается экипажа судна, то въ прежнія времена онъ подвергался строгимъ наказаніямъ (до смертной казни включительно) и военному плѣну. Нынѣ установилось правило, что если онъ не состоитъ въ подданствѣ непріятельской державы, то и не подлежитъ вовсе военному плѣну, а можетъ быть лишь временно задержанъ для свидѣтельскихъ показаній передъ судомъ *).

§ **13. Окончаніе войны и заключеніе мира.** Война можетъ быть окончена тремя способами: 1) или вслѣдствіе полнаго завоеванія непріятельскаго государства (debellatio), или 2) вслѣдствіе фактическаго прекращенія военныхъ дѣйствій, или 3) вслѣдствіи заключенія мирнаго трактата.

Первый способъ теперь рѣдко встрѣчается, но возможенъ, какъ показываютъ примѣры Гессена и Ганновера въ 1866 году и королевства Обѣихъ Сицилій въ 1859 году. Еще рѣже и вовсе нежелательно прекращеніе войны фактически. Такъ прекратилъ и войну съ Персіей Импер. Павелъ I въ 1801 году. Самый нормальный и, притомъ, юридическій способъ окончанія войны—заключеніе мира.

Мирные трактаты бываютъ двухъ родовъ: прелиминарные и окончательные. Прелиминарные трактаты заключаютъ въ себѣ лишь главные основные пункты соглашенія сторонъ, на основаніи которыхъ въ окончательномъ мирномъ трактатѣ опредѣляются въ деталяхъ отношенія между воюющими государствами, возникшія вслѣдствіе прекращенія войны.

Содержаніе мирныхъ трактатовъ опредѣляется цѣлями и поводами оконченной войны и взаимными отношеніями установившимися между государствами во время войны. Однако въ каждомъ мирномъ трактатѣ можно найти слѣдующія общія постановленія:

а) Заключеніемъ мира прекращаются всѣ военныя дѣйствія между сторонами, равно какъ контрибуціи и реквизиціи съ мирныхъ жителей. Если бы какое либо военное дѣйствіе было совершено по заключеніи мира, вслѣдствіе невѣдѣнія о мирѣ со стороны военачальниковъ, то, насколько возможно, возстановляется status quo, бывшій въ моментъ заключенія мира.

б) Мирный трактатъ возстановляетъ обязательную силу коммерческихъ, консульскихъ и иныхъ, заключенныхъ воюющими до войны, если измѣненіе или прекращеніе ихъ не оговорено въ самомъ мирномъ трактатѣ.

в) Каждое государство по окончаніи войны возстановляется въ прежнихъ своихъ правахъ и владѣніяхъ, насколько тому не противорѣчитъ мирный договоръ.

---

*) *Грабарь*, статья указанная выше.

г) Въ мирныхъ трактатахъ, обыкновенно прозглашается амнистія, или прощеніе преступныхъ дѣйствій, совершенныхъ частными лицами во время войны и прямо относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ; но она не касается ни исковъ, возникшихъ изъ частныхъ претензій и сдѣлокъ, ни преступныхъ дѣйствій совершенныхъ до войны или во время войны, но безъ всякаго отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ.

д) Въ мирныхъ трактатахъ опредѣляются условія обмѣна военноплѣнныхъ, причемъ, не требуется, какъ въ старое время размѣна по рангамъ, но всѣ плѣнные съ той и другой стороны освобождаются съ отнесеніемъ издержекъ за ихъ содержаніе во время плѣна на счетъ государства, которому выдаются.

Кромѣ общихъ постановленій, въ мирныхъ трактатахъ содержатся еще особенныя, вызываемыя конкретными обстоятельствами заключенія мира. Сюда относятся напр., постановленія относительно территоріальныхъ уступокъ въ пользу непріятеля.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Способы дипломатическіе.

§ 14. **Понятіе и виды дипломатическихъ способовъ.** Хотя окончательнымъ средствомъ для разрѣшенія несогласій между государствами и является вооруженное столкновеніе, но къ такому крайнему средству государства прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда возникшее несогласіе касается существеннѣйшихъ ихъ интересовъ, угрожая ихъ цѣлости и независимости, или оскорбляя народныя чувства. Но и въ этихъ случаяхъ, въ силу Гаагской конвенціи о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній, подписавшими ее державами признано необходимымъ: «съ цѣлью предупредить, по возможности обращеніе къ силѣ во взаимныхъ отношеніяхъ между государствами, *прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы обезпечить мирное рѣшеніе международныхъ несогласій*».

Дипломаческими средствами такого мирнаго рѣшенія несогласій, какъ уже указано выше, могутъ быть: *непосредственные переговоры*, *добрыя услуги* и *посредничество*. Эти средства покоятся на соображеніяхъ политики и примѣняются дипломатическими агентами. Различіе между ними заключается, во-первыхъ, въ томъ, что или сами спорящія стороны стараются уладить недоразумѣнія — это непосредственные переговоры, или же другое, непричастное спору, государство берется за содѣйствіе улаженія спора—это добрыя услуги и посредничество; во-вторыхъ, по степени участія третьихъ сторонъ въ улаженіи спора.

§ 15. **Непосредственные переговоры.** Одна изъ главныхъ задачъ дипломатіи заключается въ томъ, чтобы 1) поддерживать добрыя отношенія между государствами, 2) всячески предупреждать возникновеніе недоразумѣній, 3) устранять причины, когда несогласія между государствами уже возникли. При возникновеніи несогласій между государствами дипломатическіе агенты должны начать переговоры, цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы выяснить причины разногласій и постараться уничтожить ихъ. При этомъ соблюдаются слѣдующія правила: каждое государство

должно проявить въ этихъ переговорахъ честность и миролюбіе; это значитъ, что каждое государство должно ясно изложить причины, вызвавшія его неудовольствіе, и выслушать такія же заявленія отъ противника. Далѣе, въ силу принципа равенства архивы всѣхъ государствъ пользуются одинаковымъ довѣріемъ. Переговоры ведутся или письменно, или-же прямо дипломатами, или же при посредствѣ особо назначенныхъ комиссій или коммисаровъ. Иногда государства обращаются къ общественному мнѣнію. Это дѣлается чрезъ опубликованіе главныхъ или всѣхъ дипломатическихъ документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на предметъ спора. Въ свою очередь это ведетъ къ обсужденію послѣдняго періодическою и ученою литературой. Но этотъ способъ выясненія спорнаго вопроса представляется довольно опаснымъ, такъ какъ могутъ быть опубликованы документы и подробности, которые еще больше иной разъ могутъ обострить и безъ того натянутыя отношенія сторонъ. Поэтому, обыкновенно, о ходѣ переговоровъ, вызванныхъ споромъ, печатаютъ съ большой осторожностью и подробности предаются гласности только по окончаніи переговоровъ.

Мирные переговоры оканчиваются двумя результатами: 1) примиреніемъ, когда одна изъ сторонъ отказывается отъ своего притязанія въ пользу другой или когда она соглашается исполнить ея требованія; 2) компромиссомъ (въ широкомъ смыслѣ), въ силу котораго обѣ стороны одновременно отказываются отъ всѣхъ или только отъ нѣкоторыхъ своихъ притязаній. Въ этомъ случаѣ соглашеніе представляется какъ-бы среднимъ рѣшеніемъ между ихъ требованіями.

§ **16. Добрыя услуги** (bons offices). Это форма — вступленіе въ споръ третьихъ государствъ съ цѣлью подготовить почву для открытія переговоровъ. Мѣра эта либо испрашивается самими спорящими, либо предлагается посторонними государствомъ по его собственному почину. Въ обращеніи спорящихъ къ совѣтамъ третьяго безпристрастнаго лица, которое они оба выбрали, лежитъ первый намекъ на идею суда, первоначально чисто нравственнаго, а потомъ и юридическаго по мѣрѣ того, какъ слагаются нормы его дѣйствія и расширяется область его примѣненія. Въ этомъ отношеніи интересенъ 23-й протоколъ Парижскаго конгресса 1856 г., въ который по просьбѣ лондонскаго общества мира было внесено желаніе, чтобы государства при возникновеніи серьезныхъ разногласій, до обращенія къ оружію, прибѣгали къ добрымъ услугамъ дружественныхъ государствъ. Однако это предложеніе не вошло въ самый текстъ договора и осталось только однимъ пожеланіемъ, а слѣдовательно ни для кого обязательной силы не имѣетъ. Однако протоколъ не остался мертвой буквой вполнѣ, хотя, къ сожалѣнію, онъ былъ примѣненъ крайне неудовлетворительно и не всегда имѣлъ практическій результатъ предъ большими войнами послѣдняго времени. Такъ парижская конференція 1869 г. предотвратила войну между Греціей и Турціей по поводу возстанія на островѣ Критѣ, но съ другой стороны въ 1870 г. отклонила добрыя услуги Англіи — Франція, а С. Штаты во время междуусобной войны 1861—65 г. не приняли посредничества сперва Россіи, а потомъ Франціи. Объ обращеніи къ добрымъ услугамъ въ случаѣ несогласія упоминаетъ и Берлинская конвенція 1885 г. (статья 1, ст. 8).

§ **17. Посредничество** (médiation) отличается въ нѣкоторомъ отношеніи отъ добрыхъ услугъ и еще болѣе отъ третейскаго суда [arbitrage]. Добрыя услуги должны только облегчать спорящимъ вступать въ переговоры другъ съ другомъ, на ходъ и результатъ которыхъ они собственно

не признаны вліять. Посредничество же обозначаетъ не только вступленіе третьяго посторонняго государства въ эти переговоры, но и самостоятельное въ нихъ участіе, а часто даже и направленіе ихъ съ цѣлью справедливаго улаженія спора для обѣихъ сторонъ. Цѣль его въ результатѣ та же, какъ и третейскаго суда: *привести спорящія государства къ мирному соглашенію*; но между ними есть различіе по существу: *третейскій судъ даетъ* въ предѣлахъ своего полномочія *настоящія рѣшенія юридически обязательныя* для сторонъ,—*посредникъ предлагаетъ совѣты*, которые въ нравственномъ и политическомъ отношеніи могутъ имѣть большой вѣсъ, но *которые стороны всегда вольны принять или отклонить*. Кромѣ того, *посредничество можетъ простираться на всѣ отношенія государствъ*, а *третейскому суду* подлежать *вопросы, могущіе сдѣлаться предметомъ юридическаго разсмотрѣнія и рѣшенія*. Наконецъ третейскій судья избирается спорящими сторонами, посредникъ же самъ можетъ предложить свои услуги, и, при разсмотрѣніи спора, не связанъ никакими положительными правилами; онъ долженъ только пользоваться довѣріемъ обѣихъ сторонъ и не играть двойственной роли. Словомъ, его дѣятельность является, главнымъ образомъ, политическою, предпринимаемой имъ въ интересахъ мира.

Посредникъ, какъ уже замѣтилъ Ваттель, есть примиритель спорящихъ, а не судья надъ ними. Задача его—не отысканіе строгаго права, а возможно справедливое возстановленіе мира. Для этого требуется отъ него много условій: прежде всего полное безпрепятствіе, равное довѣріе къ нему обѣихъ сторонъ, политическій тактъ и умѣніе вести переговоры. Посредникъ имѣетъ право участвовать во всѣхъ переговорахъ сторонъ, которыя либо черезъ него дѣлаютъ другъ другу письменныя сообщенія, либо въ присутствіи его представители ведутъ устныя пренія. При этомъ посредникъ долженъ смягчать строгія и излишнія ихъ требованія, дѣлать самостоятельныя предложенія къ ихъ примиренію или даже поддерживать то изъ двухъ воззрѣній, которое ему кажется наиболѣе соотвѣтствующимъ природѣ вещей. Но ему слѣдуетъ строго воздерживаться отъ содѣйствія, хотя бы и тайнаго, интересамъ одной изъ сторонъ въ ущербъ другой или отъ извлеченія изъ посредничества выгодъ для самого себя. Роль посредника, такимъ образомъ, предполагаетъ столько же мудрости, сколько и твердости. Но спорящіе со своей стороны должны помогать посреднику: открывать ему всѣ подробности дѣла, не настаивать упорно вопреки очевидности на преувеличенныхъ требованіяхъ, принятіе коихъ противнику невозможно, а также не вести за спиною посредника интригу, способную разбить его старанія.

Посредничество бываетъ единоличное или коллективное. Предпринимается оно чаще всего во время войнъ, но бываетъ и во время мира.

Примѣровъ разрѣшенія несогласій между государствами путемъ посредничества въ исторіи очень много, но мы остановимся только на нѣкоторыхъ. Наше отечество, благодаря своему дружественному положенію по отношенію къ двумъ великимъ державамъ—Австріи и Пруссіи—долго играло роль посредника между ними. Въ этомъ отношеніи политическая роль Россіи очень интересна.—Въ 1812 г. русское правительство предложило свое посредничество въ спорѣ между Англіей и Соединенными Штатами. Послѣдніе приняли, а первая отклонила предложеніе, и между спорящими началась война, окончившаяся Гентскимъ миромъ въ 1814 г.—Наполеонъ III выступилъ въ роли посредника между Австріей и Прус-

сіей въ 1866 г. и настоялъ на подписаніи ими Никольсбурскаго прелиминарнаго мира.—Соединенные Штаты предложили въ 1882 г. свое посредничество въ войнѣ между Чили и Перу, съ одной стороны, и Боливіей съ другой, и исполняли всѣ обязанности посредничествующей державы.—Но самый выдающійся случай—это посредничество папы въ спорѣ между Германіей (государствомъ протестантскимъ) и Испаніей (католическимъ) изъ-за Каролинскихъ острововъ, которые принадлежали Испаніи и были заняты Германіей. Дѣло очень обострилось и стороны едва не дошли до войны, когда Бисмаркъ сдѣлалъ ловкій политическій шагъ, предложивъ Испаніи въ качествѣ посредника папу. Испанія не могла отвергнуть этого предложенія. Каролинскіе острова признаны были принадлежащими Испаніи, а Германіи дано было право стоянки въ гаваняхъ этихъ острововъ.

Въ настоящее время добрыя услуги и посредничество регулируются гаагской конвенціей о мирномъ рѣшеніи межурнародныхъ столкновеній 1899 года, при чемъ, она не устанавливаетъ различія между этими двумя видами дипломатическаго разрѣшенія несогласій. Постановленія конвенціи сводятся къ слѣдующему.

Въ случаѣ важнаго разногласія или столкновенія между государствами, послѣднія, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, соглашаются обращаться, насколько позволятъ обстоятельства, къ добрымъ услугамъ или посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ, непричастныхъ столкновенію. При этомъ, предоставляется непричастнымъ столкновенію державамъ и по собственному почину предлагать находящимся въ спорѣ государствамъ свои добрыя услуги или посредничество. Такое право предлагать услуги или посредничество принадлежитъ непричастнымъ столкновенію державамъ даже во время военныхъ дѣйствій. Примѣненіе такого права не можетъ считаться сторонами поступкомъ недружелюбнымъ.

Добрыя услуги и посредничество имѣютъ значеніе совѣта и отнюдь не могутъ считаться обязательными. Задача посредника заключается въ согласованіи противоположныхъ притязаній и въ успокоеніи чувства непріязни между спорящими государствами; при этомъ обязанности посредника прекращаются съ того времени, когда одна изъ спорящихъ сторонъ или самъ посредникъ удостовѣрится, что предложенныя средства примиренія не были приняты.

Принятіе посредничества, при отсутствіи иного соглашенія, не можетъ имѣть послѣдствіемъ пріостановку, замедленіе или перерывъ мобилизаціи и прочихъ приготовительныхъ къ войнѣ мѣръ. Если же посредничество послѣдуетъ по открытіи военныхъ дѣйствій, то оно, при отсутствіи иного соглашенія, не пріостанавливаетъ текущихъ военныхъ операцій.

Спеціальнымъ видомъ посредничества является *порученіе* со стороны спорящихъ государствъ, въ случаѣ важнаго между ними несогласія, представляющаго опасность для мира, *войти въ непосредственное сношеніе тѣмъ державамъ, которыя будутъ избраны ими съ каждой стороны*, съ цѣлью предупредить нарушеніе мирныхъ отношеній. Пока длится такое порученіе, срокъ котораго, если не будетъ постановлено иначе, не можетъ превышать 30 дней, спорящія державы прекращаютъ всякія непосредственныя сношенія по предмету спора, который считается переданнымъ исключительно на обсужденіе державъ-посредницъ. Послѣднія

должны приложить всѣ свои старанія къ рѣшенію несогласія. Въ случаѣ же дѣйствительнаго нарушенія мирныхъ сношеній на державахъ-посредникахъ продолжаетъ лежать общая для нихъ обязанность пользоваться случаемъ для возстановленія мира.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Способы юридическіе.

§ 18. **Международныя слѣдственныя комиссіи.** Въ международныхъ несогласіяхъ, незатрогивающихъ ни чести, ни существенныхъ интересовъ, но проистекающихъ изъ разногласія въ оцѣнкѣ фактовъ, Гаагская конвенція о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній признаетъ полезнымъ, чтобы стороны, не достигшія соглашенія дипломатическимъ путемъ, учреждали международную слѣдственную комиссію на основаніи особаго между собою соглашенія. На эту комиссію возлагается обязанность облегчать разрѣшеніе возникшихъ несогласій выясненіемъ вопросовъ факта посредствомъ добросовѣстнаго и безпристрастнаго ихъ разслѣдованія; но для достиженія этой цѣли сами спорящія стороны обязаны предоставить комиссіи всѣ средства, необходимыя для полнаго ознакомленія съ соотвѣтствующими фактами и для точной ихъ оцѣнки. Международная слѣдственная комиссія, разсмотрѣвъ споръ, представляетъ спорящимъ свой докладъ, который, ограничиваясь лишь установленіемъ факта, отнюдь не имѣетъ значенія третейскаго рѣшенія. За спорящими державами сохраняется полная свобода воспользоваться по своему усмотрѣнію тѣми данными, которыя добыты слѣдствіемъ. Международная слѣдственная комиссія составляется, при отсутствіи иного между державами соглашенія, изъ лицъ, выбранныхъ сторонами по правиламъ о третейскомъ судѣ.

Соглашеніе можетъ состояться въ видѣ спеціальной конвенціи (convention d'enquête), которая опредѣляетъ составъ и полномочія коммиссаровъ, указываетъ факты, подлежащіе разсмотрѣнію и установляетъ порядокъ дѣлопроизводства.

Самое слѣдствіе носитъ состязательный характеръ, т. е. одна сторона должна быть освѣдомляема объ утвержденіяхъ другой.

Международная слѣдственная комиссія, какъ одинъ изъ видовъ юридическаго рѣшенія споровъ между государствами, создается впервые Гаагскою мирною конференціей 1899 г.: до нея практика не знала такихъ комиссій.

Комиссіи эти носятъ не обязательный, а факультативный характеръ и задача ихъ сводится къ представленію доклада, а не къ принятію рѣшенія, связывающаго стороны.

§ 19. **Международный третейскій судъ.** Другимъ и, притомъ, самымъ важнымъ видомъ юридическаго рѣшенія международныхъ столкновеній является третейскій судъ.

Третейскимъ судомъ называется *трибуналъ, состоящій изъ избранныхъ съ общаго согласія спорящихъ сторонъ судей, которые рѣшаютъ споръ на началахъ международнаго права и рѣшеніе которыхъ обязательно для сторонъ* третейскаго суда.

Исторія. Какъ способъ улаженія международныхъ столкновеній, говоритъ Мартенсъ, третейское разбирательство практиковалось давно. Изъ древняго міра приводятъ въ примѣръ recuperatores, какъ первоначальныхъ международныхъ третейскихъ судей. Болѣе примѣровъ можно привести изъ среднихъ вѣковъ. Тогда третейскими судьями были по преимуществу папы и германскій императоръ. Такъ, напр., Іоаннъ Безземельный въ 1213 году обратился къ папѣ Иннокентію III, который рѣшилъ его споръ съ баронами въ его пользу. Короли французскій и англійскій избрали въ 1376 году третейскимъ судьей императора Карла IV. Однако сами по себѣ эти примѣры представляютъ для насъ мало интереса, такъ какъ судъ былъ не организованъ, и третейское разбирательство сливалось съ посредничествомъ. Только въ послѣднее время практика стала вырабатывать правильный третейскій судъ, и само общество ходатайствуетъ, чтобы правительства обратились къ этому способу рѣшенія споровъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что число третейскихъ разбирательствъ все возрастаетъ (съ каждымъ десятилѣтіемъ). Дрейфусъ насчитываетъ ихъ за столѣтіи съ 1794 по 1894 годъ до 73-хъ случаевъ. Мы приведемъ только три самыхъ выдающихся случая третейскаго суда: Женевскій судъ, рѣшившій т. наз. Алабамскій споръ, судъ Парижскій, разсматривавшій споръ о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ и Парижскій же судъ 1899 г.

Алабамское дѣло, рѣшенное Женевскимъ судомъ, заключалось въ слѣдующемъ *) во время междуусобной Сѣверо-Американской войны порты Южныхъ Штатовъ были блокированы, такъ что Ричмондское правительство, желавшее съ своей стороны нанести торговлѣ противниковъ болѣе или менѣе чувствительный ударъ, не могло снаряжать каперовъ въ своихъ водахъ и обратилось къ помощи Англіи, которая была нейтральной. Агентъ Южныхъ Штатовъ въ Ливерпулѣ заказывалъ англичанамъ корсарскія суда, которыя подъ національнымъ флагомъ Южанъ нападали на торговый флотъ Сѣверныхъ Штатовъ, и такъ какъ, вслѣдствіе блокады, они не могли доставить добычу въ отечественные порты для обычнаго призового разбирательства, то снимали съ захваченныхъ кораблей, что можно было увезти; самые же суда топили. Изъ числа этихъ корсаровъ наибольшую извѣстность пріобрѣли: «Алабама», «Флорида», «Шенонеда» и др. Они навели такой паническій страхъ на купцовъ Сѣверныхъ Штатовъ, что тѣ стали распродавать свои суда англичанамъ. Представитель Вашингтонскаго правительства въ Лондонѣ зналъ, что въ англійскихъ портахъ снаряжаются каперы для Южанъ и неоднократно протестовалъ противъ явнаго нарушенія Англіей обязанностей нейтральной державы; но Лондонскій кабинетъ постоянно находилъ неубѣдительными его доказательства.

Когда междуусобіе кончилось, Сѣверо-Американскіе Штаты потребовали отъ Англіи вознагражденіе за ущербъ, причиненный помянутыми каперами ихъ торговлѣ. Требованія были такъ энергичны, что война между обѣими державами казалась неизбѣжной. Въ 1869 г., 14-го января стороны подписали въ Лондонѣ конвенцію объ учрежденіи для разбора взаимныхъ частныхъ жалобъ смѣшанной комиссіи изъ 4-хъ членовъ, избирающихъ общаго посредника. Но Вашингтонскій сенатъ не согласился на этотъ

*) См. Мартенса „Современное междун. право цивилизованныхъ народовъ", Т. II. стр. 484 и слѣд. Изд. третье, 1896 г.

компромиссъ, ибо въ договорѣ не упоминалось ни словомъ о претензіяхъ Штатовъ къ Англіи, какъ нарушительницѣ нейтралитета. Дальнѣйшіе переговоры привели къ тому, что въ 1871 г. въ Вашингтонѣ состоялся договоръ, получившій силу.

По Вашингтонскому трактату стороны согласились назначить третейскій судъ для рѣшенія спора, названнаго по имени капера—Алабамскимъ, и установили три основныхъ начала, которыя, по мнѣнію договаривающихся державъ, обязательны для каждаго нейтральнаго государства и долженствовали служить руководствомъ третейскому суду при постановленіи его приговора. Судъ устраивался изъ 5 членовъ, назначенныхъ по одному—отъ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Италіи, Швейцаріи и Бразиліи. Засѣданія назначались въ Женевѣ и открылись 15 декабря 1871 г. Окончательное рѣшеніе было постановлено 14 сентября 1872 г. не въ пользу Англіи. Она должна была заплатить убытки на сумму въ 15 мил. долларовъ, и этому приговору она безпрекословно подчинилась.

Другой третейскій международный судъ происходилъ въ 1893 году въ Парижѣ и рѣшилъ споръ между Англіей и Соединенными Штатами о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ. Споръ этотъ, продолжавшійся между названными странами шесть лѣтъ (1886—92) и который не удалось разрѣшить дипломатіи, интересенъ не только по своему содержанію: имъ были затронуты важные принципы морского международнаго права, а равно любопытные вопросы изъ области естествознанія. Занимающее насъ теперь дѣло представляется не столько споромъ между Соединенными Штатами и Англіей, какъ между Штатами и Канадой. Ядро его—ловля котиковъ въ Беринговомъ морѣ—стало предметомъ ожесточенныхъ пререканій между ними вслѣдствіе двухъ фактическихъ обстоятельствъ: усиленныхъ преслѣдованій этого рода тюленей и примѣненія къ охотѣ за ними особенно истребительныхъ усовершенствованныхъ орудій (сѣти, огнестрѣльнаго оружія, взрывчатыхъ веществъ). Когда за послѣднее время быстро увеличилось населеніе прилегающихъ къ Тихому океану частей британскихъ владѣній, изъ портовъ ихъ устремилось множество кораблей въ погоню за тюленями, и, хотя эта ловля происходила большею частью въ открытомъ морѣ, но Соединеные Штаты увидѣли въ ней не только опасную для себя конкурренцію, но едва-ли не главную причину вѣроятнаго истребленія въ ближайшемъ будущемъ всей породы этого полезнаго животнаго. Въ виду этого между Соединенными Штатами и Англіей поднялся споръ изъ-за права послѣдней производить охоту на котиковъ. Споръ этотъ прошелъ въ своемъ развитіи три фазиса: 1) *самоуправства* или грубаго насилія со стороны Соединенныхъ Штатовъ, ибо американцы захватывали суда, ловившія котиковъ; 2) *долгихъ дипломатическихъ переговоровъ*, не приведшихъ однако къ окончанію спора и наконецъ 3) *юридическаго его рѣшенія третейскимъ судомъ* въ Парижѣ. 19-го февраля 1892 г. въ Вашингтонѣ состоялся договоръ о предоставленіи Берингова спора на рѣшеніе третейскаго суда, составленнаго изъ семи членовъ слѣдующимъ образомъ: каждая изъ спорящихъ сторонъ назначаетъ по два члена, и вмѣстѣ онѣ просятъ Францію, Италію и Швецію-Норвегію назначить по одному члену. Всѣ эти лица должны быть юристы, пользующіеся въ своемъ отечествѣ доброю славою и, если возможно, знающіе англійскій языкъ. Судъ засѣдаетъ въ Парижѣ и всѣ

свои постановленія, а также и окончательное рѣшеніе принимаетъ большинствомъ голосовъ. Принципы—суда Женевскаго.

Судъ открылся въ Парижѣ 23-го марта 1893 г., и занятія его продолжались до 15-го августа. Всего онъ имѣлъ 53 засѣданія. Въ составъ его вошли: отъ Соединенныхъ Штатовъ—членъ верховнаго американскаго суда Гарланъ и сенаторъ Морганъ; отъ Великобританіи—судья лордъ Гаккенъ (только что умершій) и первый министръ Канады серъ Джонъ Томсонъ; отъ Франціи — извѣстный дипломатъ баронъ Курсель; отъ Италіи — бывшій министръ маркизъ Висконти-Веноста; отъ Швеціи-Норвегіи—Грамъ, бывшій министръ. Относительно этого состава можно осудить то, что въ немъ преобладалъ *дипломатическій* элементъ надъ юридическимъ и что въ среду его были допущены члены отъ самихъ спорящихъ сторонъ, да еще *въ усиленномъ числѣ* сравнительно съ числомъ судей отъ нейтральныхъ. При судѣ были еще агенты, которые должны были отстаивать интересы своихъ государствъ, и совѣтники для того, чтобы давать совѣты судьямъ; рѣчи произносили извѣстные адвокаты.

Рѣшеніе суда отъ 15-го августа 1893 г. представляетъ довольно обширный документъ, распадающійся на три части: 2) отвѣты на пять вопросныхъ пунктовъ, поставленныхъ ему Вашингтонскимъ договоромъ. Эти пункты касались юридической стороны, напр., имѣли-ли Соединенные Штаты право охраны котиковъ далѣе 3-хъ миль отъ берега и др. 2) Регламентъ о ловлѣ котиковъ, гдѣ было указано о способахъ ловли, о мѣрахъ предупрежденія хищническаго уничтоженія котиковъ. Это какъ бы законодательная функція, возложенная на судъ самими сторонами. 8) Констатированіе фактическихъ обстоятельствъ дѣла по оцѣнкѣ Великобританіи для окончанія споровъ объ убыткахъ. Это вопросъ денежный. Читая эти документы, мы приходимъ къ двоякому выводу: *съ точки зрѣнія права судъ высказался за Англію*, и Штаты должны были возстановить убытки англійскихъ гражданъ; *всѣ попытки Соед. Штатовъ найти оправданіе своимъ поступкамъ были отвергнуты*. Но съ другой стороны въ *видахъ охраны породъ котиковъ* въ будущемъ судъ выработалъ *регламентъ, въ которомъ принялъ многія изъ началъ, отстаиваемыхъ Штатами*, указавъ на необходимость международнаго признанія этого регламента другими заинтересованными державами.

Далѣе примѣчателенъ еще Парижскій третейскій судъ 1899 г. Онъ былъ учрежденъ въ силу Вашингтонской конвенціи 1897 г. между Англіею и С. Штатами для рѣшенія сложнѣйшаго спора о границахъ англійскихъ и венецуэльскихъ владѣній въ Гвіанѣ, между рѣками Эссекивибо и Ориноко. Предсѣдателемъ суда былъ выбранъ проф. Мартенсъ. Засѣданія суда продолжались съ начала іюня до 21 сентября 1899 г. Объектомъ спора была территорія въ 60,000 кв. миль. Судъ единогласно присудилъ рѣку Ориноко Венецуэлѣ и Англія должна была отдать устья этой рѣки, за то она получила значительную часть уже занятой ею территоріи. *).

Упомянемъ о нѣкоторыхъ случаяхъ третейскаго разбирательства изъ русской исторіи. Тутъ мы имѣемъ три случая, которые приведены къ благопріятному окончанію. Въ 1820 г. возбудился споръ между Англіей и Соединенными Штатами относительно толкованія Гентскаго

*) *Мартенсъ.* Назв. соч. Т. II.

мирнаго трактата въ той его части, которая касалась права собственности на невольниковъ, находившихся на американской территоріи, занятой англичанами. Третейскимъ судьей былъ избранъ Александръ I. Согласно его рѣшенію была заключена между спорившими державами конвенція объ учрежденіи комиссіи для опредѣленія размѣра вознагражденія, причитавшагося Соединеннымъ Штатамъ. — Второй разъ третейскимъ судьей выступилъ Императоръ Александръ II по поводу спора между японцами и Перу, спора касавшаго судна «Maria Luz». Судъ состоялся въ Эмсѣ въ 1875 г. Третьимъ случаемъ примѣненія третейскаго суда слѣдуетъ считать рѣшеніе весною 1891 г. Императоромъ Александромъ III спора между Франціей и Голландіей по поводу границы ихъ владѣній въ Гвіанѣ.

Однако былъ одинъ случай и неудачный, гдѣ самъ третейскій судья отказался дать свое рѣшеніе. Въ 1845 г. между Австріей и Сардиніей возникъ споръ о толкованіи ст. II конвенціи 1751 г., въ которой опредѣлялось, что Сардинія будетъ покупать соль только въ Миланѣ и обязана не допускать торговли этимъ продуктомъ между своей страной и Швейцаріей. Между тѣмъ Сардинское правительство разрѣшило провозъ чрезъ свою территорію изъ Генуи въ Тессинскій кантонъ 4000 центнеровъ соли, полагая, что транзитная торговля не запрещена договоромъ; къ тому же самый договоръ оно считало потерявшимъ уже силу. Въ третейскіе судьи по этому дѣлу былъ избранъ Императоръ Николай Павловичъ, который, по обсужденіи вопроса, отказался постановить рѣшеніе. Въ депешѣ гр. Нессельроде отъ 13 іюля 1845 г. къ гр. Медему въ Вѣнѣ мотивы отказа выражены въ слѣдующихъ словахъ: «Его Величество полагаетъ, что далеко не всѣ средства примиренія исчерпаны... Третейское рѣшеніе всегда производитъ непріятное дѣйствіе на одну изъ спорящихъ сторонъ... Его Величество не беретъ на себя роль третейскаго судьи, не хочетъ быть примирителемъ...» Однако, выраженное императоромъ мнѣніе, что по духу конвенціи 1751 г. право на сторонѣ Сардиніи, по буквѣ—на сторонѣ Австріи, было принято спорящими державами, какъ рѣшеніе спора.

Теорія третейскаго суда. Съ теоретической точки зрѣнія слѣдуетъ коснуться четырехъ вопросовъ: а) объ организаціи третейскаго суда; б) объ его компетенціи, в) о процедурѣ и г) объ его рѣшеніяхъ.

а) *Организація третейскаго суда.* Международный третейскій судъ создается особымъ договоромъ между спорящими сторонами, который называется *компромиссомъ* (*въ тѣсномъ смыслѣ слова*) и по которому стороны обязываются обратиться, со своимъ споромъ къ третейскому суду и подчиниться его рѣшенію. Третейскій договоръ, обыкновенно, содержитъ въ себѣ опредѣленіе спорнаго предмета, притязаній сторонъ, юридическихъ основаній, на которыхъ желательно разрѣшеніе спора, устанавливаетъ составъ суда и личность судей, мѣсто, время и процедуру суда. Въ новѣйшее время компромиссъ часто замѣняется «*статьей о компромиссѣ*». Именно, въ новѣйшихъ договорахъ, обыкновенно, предусматривается, что въ случаѣ разногласія относительно содержанія заключаемаго договора, договаривающіяся стороны обратятся къ третейскому суду, рѣшенію котораго и должны подчиниться.

Между спорящими съ одной стороны и третейскимъ судьей съ другой заключается также соглашеніе, по которому третейскій судья обязуется постановить приговоръ. Соглашеніе это называется *receptum*

arbitri. Само собой понятно, что избранный третейскій судья можетъ отклонить сдѣланное ему предложеніе быть третейск. судьей.

Относительно состава суда можно замѣтить, что онъ бываетъ *единоличный и коллегіальный*. Нѣкоторые писатели высказываются въ пользу коллегіальнаго, такъ какъ тутъ больше безпристрастія, знанія, хладнокровія. Мы знаемъ, что даже въ отдѣльныхъ государствахъ всѣ болѣе важныя дѣла рѣшаются судомъ коллегіальнымъ. Насколько же больше требуется осмотрительности при рѣшеніи дѣлъ международныхъ, гдѣ ошибка можетъ имѣть громадныя послѣдствія!

Но кто можетъ быть выбранъ въ третейскіе судьи? Въ третейскіе судьи, говоритъ Мартенсъ, можетъ быть избрано юридическое или физическое лицо, способное къ этой роли. Обративъ вниманіе на практику, мы видимъ, что въ качествѣ третейскихъ судей выступали государи Россіи, Германіи, президентъ Соед. Штатовъ и др. Въ литературѣ, продолжаетъ Мартенсъ, обсуждался вопросъ, на сколько удобно избирать въ судьи монарховъ. Указываютъ, что государи не могутъ сами изучать дѣла, а поручаютъ это министрамъ, которые въ свою очередь избираютъ докладчиковъ, такъ что государь только подписываетъ предложенный ему проектъ рѣшенія. Въ виду этого, Блюнчли высказывается въ пользу отдачи дѣлъ на разрѣшеніе юридическихъ факультетовъ и другихъ лицъ, обладающихъ требуемыми познаніями, которыя представляютъ возможныя гарантіи основательнаго и безпристрастнаго обсужденія вопроса. Соображенія эти вполнѣ справедливы, но врядъ ли существующій обычай избранія въ третейскіе судьи государей выйдетъ изъ употребленія, принимая во вниманіе, что международные споры касаются интересовъ и правъ государствъ, которыя смотрятъ, какъ на долгъ чести и достоинства, быть судимыми представителями государственной власти, а не частными лицами. Можно только желать, чтобы государи—третейскіе судьи дѣлали выборъ лицъ, подготовляющихъ рѣшеніе, съ вѣдома обѣихъ сторонъ и, притомъ, извѣстныхъ и пользующихся уваженіемъ.

Однако съ этимъ мнѣніемъ пр. Мартенса мы согласиться не можемъ. Третейскими судьями представляются менѣе удобными не только главы государствъ, но и вообще политическія лица. Не можетъ тутъ быть рѣчи о чести; тутъ на первомъ планѣ должны стоять справедливость и безпристрастіе. Нужно стараться, чтобы въ третейскомъ разбирательствѣ все болѣе и болѣе характеръ политическій уступалъ мѣсто юридическому. Лучше выбирать въ третейскіе судьи частныхъ лицъ: юристовъ, судей, ученыхъ, университеты, академіи и пр., а теперь — членовъ третейской палаты въ Гаагѣ.

Многіе писатели предлагаютъ составить списки лицъ, изъ которыхъ спорящія стороны могли бы выбирать судей. Списки эти должны быть составлены министрами юстиціи и утверждены верховной властью. Но и эта система еще очень далека отъ совершенства. Дѣло въ томъ, что и международная юрисдикція требуетъ подготовки какъ теоретической, такъ и практической, а кромѣ того знакомства съ другими областями знанія. При современныхъ порядкахъ международныхъ третейскихъ судей едва ли не удобнѣе всего было бы избирать изъ среды членовъ института международнаго права. Третейскій международный судъ становится въ настоящее время институтомъ постояннымъ, правильнымъ: лица, назначенныя служить ему, должны быть подготовлены къ этой дѣятельности.

б) *Компетенція третейскаго суда.* Всѣ предметы вѣдомства международнаго третейскаго суда мы классифицировали ранѣе на четыре группы: 1) споры о правахъ иностранцевъ; 2) споры объ убыткахъ; 3) споры о нарушеніи нейтралитета; 4) споры о территоріальныхъ владѣніяхъ въ колоніяхъ. Проф. Revon, въ своей выдающейся монографіи: «Arbitrage international», воспроизводитъ эту нашу классификацію, хотя онъ имѣлъ уже двойное число случаевъ третейскаго рѣшенія. Однако, намъ теперь кажется необходимымъ прибавить пятую группу—споры о толкованіи и примѣненіи трактатовъ.

Но важно не перечисленіе группъ, а вопросъ принципіальный. Ревонъ говоритъ, что споры по своей природѣ могутъ быть троякаго характера: 1) споры правовые, легко поддающіеся юридическому разбору; 2) вопросы политическіе, которые не такъ легко поддаются юридическому разбору и 3) вопросы, къ которымъ примѣшивается національная честь народовъ. Всѣ эти вопросы должны подлежать международной юрисдикціи и только споры, касающіеся автономіи государствъ, ей не подлежатъ. Ревонъ не говоритъ, какой автономіи касаются эти споры, внутренней, или внѣшней, изъ текста видно, что и той и другой. Далѣе Ревонъ дѣлаетъ еще одно очень важное предложеніе въ вопросѣ о компетенціи, именно, чтобы мирные договоры подписывались не иначе, какъ при участіи третейскаго суда. Это имѣло бы громадное значеніе въ томъ смыслѣ, что судъ частью своимъ нравственнымъ вліяніемъ, частью на основаніи права умѣрялъ бы чрезмѣрныя, а подъ часъ унизительныя требованія побѣдителя.

в) *Процедура третейскаго суда.* Процедура и вообще природа третейскаго суда въ области частнаго права была опредѣлена еще римлянами. Вотъ источникъ интересующаго насъ вопроса. Въ французскомъ правѣ существуетъ правило, что процедура третейскаго суда согласуется съ судопроизводствомъ, установленнымъ для обыкновенныхъ государственныхъ судовъ. Въ международной практикѣ нѣтъ выработанныхъ на этотъ счетъ правилъ; потому ихъ нужно заимствовать изъ другихъ источниковъ. Тутъ прежде всего должно быть обращено вниманіе на правила, *установленныя компромиссомъ*, а затѣмъ и самъ *судъ долженъ установить свою процедуру*: назначить формы и сроки, выслушать стороны и пр. Все это онъ дѣлаетъ по своему усмотрѣнію. По Алабамскому и Беринговому спору стороны представляли троякаго рода документы: case (изложеніе претензіи стороны), counter—case (отвѣты на изложеніе противника) и argument (окончательные выводы сторонъ) *). Относительно того, какихъ нормъ держаться третейскому суду, писатели даютъ слѣдующій порядокъ: 1) нормы международнаго права и договоры—а) между спорящими сторонами, b) другіе подходящіе договоры; 2) международные обычаи, не противорѣчащіе первой группѣ нормъ; 3) законы спорящихъ государствъ; 4) судебная практика спорящихъ; 5) мнѣніе интернаціоналистовъ и потомъ вообще ученыхъ. Но даже этими границами не исчерпываются всѣ нормы. Судьи могутъ руководиться вообще справедливостью и собственной совѣстью.

---

*) Для изученія производства въ международныхъ третейскихъ судахъ главнымъ пособіемъ является международный проектъ такого судопроизводства, выработанный Гольдшмитомъ и принятый институтомъ на Гаагскомъ съѣздѣ въ 1875 г. (Напечатанъ по русски въ приложеніяхъ учебника Ривье). Нынѣ основнымъ источникомъ преставляются—мирныя конвенціи обѣихъ Гаагскихъ конференцій.

г) *Рѣшенія третейскаго суда.* Рѣшеніе принимается судомъ по большинству голосовъ. Какимъ большинствомъ? Мы думаемъ относительнымъ большинствомъ; Ревонъ требуетъ большинства абсолютнаго. Вообще число судей должно быть нечетное; при равномъ раздѣленіи голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Могутъ ли рѣшенія третейскаго суда оспариваться? Рѣшенія эти юридическія и окончательныя. Они творятъ для сторонъ новое право. Разъ стороны за рѣшеніемъ несогласія обратились къ третейскому суду, то онѣ и должны повиноваться рѣшенію его и неисполненіе постановленія было бы безчестно.

Юридическія рѣшенія международнаго третейскаго суда могутъ быть оспариваемы при наличности слѣдующихъ трехъ условій: 1) когда нарушенъ компромиссъ и условія, выставленныя имъ; 2) когда нарушены основныя правила всякаго судебнаго процесса цивилизованныхъ государствъ, напр., не выслушаны стороны, подкуплены судьи и пр., 3) когда допущено грубое нарушеніе нормъ международнаго права. Возможна ли апелляціонная инстанція, возможно ли обжалованіе рѣшеній третейскаго суда? Объ этомъ интересномъ вопросѣ Ревонъ говоритъ только мимоходомъ. Въ настоящее время такой апелляціонной инстанціи нѣтъ, но она въ высшей степени желательна: она еще больше способствовала бы укрѣпленію третейскаго международнаго суда. Намъ кажется, что слѣдовало бы въ компромиссы вносить условіе, что въ случаѣ несогласія спорящихъ съ юридической стороны съ рѣшеніемъ третейскаго суда, споръ объ этомъ переносится въ апелляціонную инстанцію.

Наконецъ нужно отмѣтить еще одну особенность третейскаго суда: *юридическія рѣшенія его не имѣютъ никакой принудительной санкціи кромѣ нравственной.* Поставленное рѣшеніе сообщается сторонамъ и онѣ сами приводятъ его въ исполненіе. Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо принудительномъ исполненіи третейскаго приговора. Поэтому третейскій международный судъ не устраняетъ совершенно войнъ, но онъ можетъ свести число ихъ до минимума. Какъ бы то ни было практика должна перейти къ постоянному третейскому суду. Третейскія рѣшенія прошлаго столѣтія только первые, робкіе шаги зарождающейся международной юстиціи.

Стадіи развитія третейской юрисдикціи. Въ третейской юрисдикціи мы замѣчаемъ три послѣдующихъ стадіи: 1) международный третейскій судъ факультативный—онъ создается сторонами при посредствѣ компромисса особо *въ каждомъ конкретномъ случаѣ.* 2) Далѣе въ договоръ вносится условіе о компромиссѣ въ томъ смыслѣ, что, если между сторонами произойдетъ недоразумѣніе относительно *толкованія даннаго трактата или его примѣненія*, то онѣ обѣщаются обратиться къ третейскому суду. Этого рода условія встрѣчаются часто въ новѣйшихъ договорахъ Италіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ американскихъ республикъ. Наконецъ 3) стадія—стороны заключаютъ договоръ о постоянномъ международномъ третейскомъ судѣ, *рѣшать споры не только связанные съ извѣстнымъ договоромъ, но и вообще всѣ, могущіе возникнуть.* Первые писатели, обратившіе вниманіе на эту послѣднюю сторону вопроса были защитники федераціи для Европы на подобіе Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатовъ. Еще Кантъ высказался за идею постоянныхъ судовъ для Европы, но эта идея, совершенно новая для тогдашняго времени, проникаетъ въ жизнь только съ 90 годовъ прошлаго столѣтія. Правда въ 1883 г. между Сѣверо-Американ-

скими Соед. Штатами и Швейцаріей происходили любопытные переговоры объ установленіи постояннаго между ними третейскаго суда. Швейцарское правительство выработало уже объ этомъ подробный договоръ, но онъ не былъ заключенъ вслѣдствіе многихъ перемѣнъ въ составѣ правительства.

Первымъ документомъ по вопросу о постоянномъ международномъ судѣ является Вашингтонскій договоръ 18-го апрѣля 1890 года. Конгрессъ представителей шестнадцати американскихъ государствъ (т.-е. всѣхъ кромѣ Чили) подписалъ договоръ изъ 19-ти статей, въ которомъ объявляется, что отнынѣ они принимаютъ *третейскій судъ, какъ принципъ публичнаго права Америки*, примѣнимый ко всѣмъ вообще спорамъ между ними, какъ-то: относительно правъ и привиллегій посланниковъ и консуловъ; территоріальныхъ границъ и владѣній; различныхъ убытковъ; правъ судоходства; обязательности толкованія и исполненія договоровъ, наконецъ и по всякимъ инымъ спорамъ, каковы бы ни были ихъ происхожденіе, характеръ и предметъ. Только одно дѣлается исключеніе: для споровъ, могущихъ угрожать независимости какой-либо стороны. Тогда для нея третейскій судъ *факультативенъ*, но онъ *обязателенъ для ея противника, если будетъ предложенъ*. Выборъ судей не ограничивается американскими государствами; каждое правительство можетъ быть имъ, находясь въ дружественныхъ сношеніяхъ съ обѣими державами. Судьями могутъ быть члены различныхъ судовъ, ученыхъ корпорацій, сановники и даже простыя частныя лица, причемъ вовсе не требуется, чтобы они были гражданами избирающаго ихъ государства. Въ видѣ опыта договоръ заключается на 20 лѣтъ, но онъ можетъ быть продолженъ и послѣ этого срока. Отказъ тогда отъ него со стороны одного или нѣсколькихъ государствъ не прекратитъ его дѣйствія для остальныхъ. Затѣмъ, въ договорѣ предусматривается присоединеніе къ нему всякаго посторонняго (не американскаго) государства; поэтому Вашингтонскій кабинетъ препроводилъ офиціально текстъ его ко всѣмъ дворамъ Европы съ указаніемъ на эту статью. Какъ и слѣдовало ожидать, европейскія правительства, при глубокой раздѣляющей ихъ розни, отнеслись къ этому шагу Соед. Штатовъ весьма скептически. Спеціально Россія отвѣтила, что вопросъ этотъ еще недостаточно назрѣлъ. Но тѣмъ съ большимъ восторгомъ попытка Америки была привѣтствуема общественнымъ мнѣніемъ, справедливо признавшимъ въ ней зарю новаго, лучшаго международнаго порядка. На международно парламентской конференціи въ Бернѣ (1892 г.), по предложенію французскаго сенатора Trarieux, принята резолюція о томъ, чтобы члены различныхъ палатъ въ Европѣ ходатайствовали передъ своими правительствами о принятіи американскаго предложенія, т.-е. заключили бы договоры объ общихъ третейскихъ судахъ. Возникшее, благодаря этому, движеніе не осталось безъ практическихъ послѣдствій.

Вторымъ и, притомъ самымъ важнымъ актомъ объ организаціи постояннаго третейскаго суда, явилась Гаагская конвенція 29 іюля 1899 года. Конвенція эта представляетъ результатъ работъ конференціи, созванной, какъ было уже сказано, по почину русскаго правительства, которое въ упомянутой нами выше нотѣ отъ 30 декабря 1898 года предлагало державамъ, на ряду съ занятіями по вопросу объ ограниченіи вооруженій и смягченіи способовъ веденія войны, заняться вопросомъ объ

улучшеніи мирныхъ способовъ окончанія споровъ между государствами. Въ этой своей части нота рекомендуетъ «примѣненіе въ подходящихъ случаяхъ *добрыхъ услугъ*, *посредничества* и *добровольнаго третейскаго разбирательства* съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ столкновеній между государствами, соглашеніе о *способахъ примѣненія* этихъ средствъ и установленіе *однообразной практики* въ ихъ употребленіи». Отвѣтомъ на это предложеніе и была *конвенція о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній*, принятая въ настоящее время государствами и состоящая изъ 61 ст., размѣщенныхъ въ 4 отдѣлахъ: I—объ охранѣ общаго мира; II—о добрыхъ услугахъ; III—о международныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ и IV о международномъ третейскомъ судѣ.

Содержаніе первыхъ трехъ отдѣловъ приведено нами выше, когда мы говорили о добрыхъ услугахъ, посредничествѣ и международныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ.

Здѣсь мы остановимся на содержаніи отдѣла IV о международномъ третейскомъ судѣ и этимъ закончимъ свой курсъ.

Отдѣлъ этотъ распадается на три главы: а) о третейской юстиціи; б) о постоянномъ третейскомъ судѣ, и в) о третейскомъ производствѣ.

а) *Третейская юстиція.* Международный третейскій судъ имѣетъ своею задачею рѣшеніе споровъ между государствами посредствомъ избранныхъ ими судей и на основаніи уваженія къ праву. Три основныя черты, такимъ образомъ, характеризуютъ третейскую юстицію: она *окончательно рѣшаетъ* предъявленные ей международные споры; рѣшаетъ ихъ на основаніи уваженія къ праву, т.-е. *сообразно съ требованіями справедливости* и органами ея являются *судьи, избранные самими государствами* по общему соглашенію. Поэтому, договоръ о третейскомъ судѣ заключаетъ въ себѣ обязательство сторонъ добросовѣстно подчиниться его рѣшенію, такъ какъ третейскій судъ не есть попытка къ примиренію. Основная черта его состоитъ, именно, *въ совмѣстномъ подчиненіи государствъ рѣшенію судьи, ими самими избраннаго.* Нарушеніе этого обязательства равно нарушенію *договора вообще*, ибо оно (обязательство) скрѣплено, именно, договоромъ.

Въ вопросахъ юридическихъ и прежде всего въ вопросахъ толкованія и примѣненія конвенцій, державы признаютъ третейскій судъ наиболѣе дѣйствительнымъ и справедливымъ способомъ рѣшенія тѣхъ споровъ между ними, которые не были устранены дипломатическими путями.

Договоръ о третейскомъ судѣ заключается либо въ виду уже возникшихъ, или только могущихъ еще возникнуть споровъ.

Онъ обнимаетъ собою всякіе споры, или лишь споры опредѣленной категоріи.

Въ этихъ постановленіяхъ не заключается никакого обязательства для державъ: ими просто указывается объемъ, котораго могутъ достигнуть договоры о третейскомъ судѣ.

Эти договоры являются въ двоякой формѣ: или они заключаются *послѣ* возникновенія извѣстнаго спора и имѣютъ въ виду его юридическое рѣшеніе, это—компромиссъ въ точномъ смыслѣ. Или-же они касаются *возможныхъ въ будущемъ* несогласій; это условіе (обязательство) о компромиссѣ (stipulation compromissoire).

Независимо отъ этихъ общихъ или спеціальныхъ договоровъ, въ которыхъ нынѣ державы признаютъ обязательнымъ для себя обращаться

къ третейскому суду онѣ *предоставляютъ себѣ свободу заключать* либо до ратификаціи настоящаго акта, либо послѣ нея, *новые договоры*, общіе или частные, *съ цѣлью расширенія третейскаго суда на всѣ случаи, которые онъ сочтутъ возможными ему предъявить*. Изъ этого слѣдуетъ, что конвенція отвергла *обязательный* третейскій судъ, въ какой бы то ни было формѣ, и признала лишь судъ *факультативный*, поставивъ его въ зависимость отъ одного лишь усмотрѣнія сторонъ, т.-е. на почву политики, а не права. Этимъ самымъ державы отступили отъ началъ Вашингтонскаго договора 1890 и не признали, подобно послѣднему, *третейскій судъ принципомъ международнаго права* и обращеніе къ нему *обязательнымъ во всѣхъ* несогласіяхъ и спорахъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которые угрожаютъ ихъ *независимости*.

б) *Организація постояннаго третейскаго суда*. Но отвергнувъ обязательность третейскаго суда, конвенція признала необходимымъ организацію *постояннаго суда*. Въ этомъ главный, достигнутый ею успѣхъ.

«Въ видахъ облегченія обращенія къ третейскому суду, постановляетъ конвенція, въ тѣхъ спорахъ, которые не могли быть рѣшены путемъ дипломатическимъ, державы обязуются устроить *постоянный третейскій судъ*, (*cour permanante d'arbitrage*), доступный во всякое время и дѣйствующій, при отсутствіи иныхъ на этотъ счетъ постановленій сторонъ, сообразно съ правилами производства, высказанными въ настоящей конвенціи».

Постоянный третейскій судъ состоитъ изъ членовъ, назначаемыхъ каждой изъ заключившихъ конвенцію державъ, при этомъ каждая держава можетъ назначить для этой цѣли не болѣе 4 лицъ, извѣстныхъ своими познаніями въ вопросахъ международнаго права. Двѣ или нѣсколько державъ могутъ войти въ соглашеніе о назначеніи сообща одного или нѣсколькихъ членовъ, равно какъ одно и то же лицо можетъ быть назначено разными державами. Члены палаты назначаются на 6 лѣтній срокъ; полномочія ихъ могутъ быть возобновляемы. Лица, назначенныя членами, вносятся въ особый списокъ, сообщаемый всѣмъ заключившимъ конвенцію державамъ. Третейскій судъ по общему правилу засѣдаетъ въ Гаагѣ и вѣдомство его распространяется на всѣ случаи третейскаго разбирательства, если только сторонами не будетъ заключено соглашенія объ установленіи особаго суда и въ иномъ мѣстѣ.

Канцеляріей суда служитъ учреждаемое въ Гаагѣ *международное бюро третейскаго суда;* бюро это является посредникомъ для сообщеній по созванію суда, хранитъ его архивы и завѣдуетъ всѣми административными дѣлами. Державы обязуются сообщать ему удостовѣренныя копіи со всѣхъ заключенныхъ ими третейскихъ конвенцій, а равно со всѣхъ касающихся ихъ третейскихъ рѣшеній, постановленныхъ спеціальными судами. Кромѣ того они обязуются сообщать бюро законы, распоряженія и иные документы, касающіеся исполненія рѣшеній, постановленныхъ судомъ.

Международное бюро уполномочено предоставлять свои помѣщенія державамъ для пользованія назначеннымъ ими спеціальнымъ третейскимъ судомъ.

Кромѣ международнаго бюро учреждается въ Гаагѣ еще *Постоянный Административный Совѣтъ* изъ дипломатическихъ представителей договаривающихся державъ, аккредитованныхъ въ Гаагѣ, и изъ министра иностранныхъ дѣлъ Нидерландовъ, въ качествѣ его предсѣдателя, воз-

можно скоро по утвержденіи настоящаго акта по меньшей мѣрѣ девятью державами.

На этотъ совѣтъ возлагается попеченіе объ учрежденіи и устройствѣ международнаго бюро, имѣющаго оставаться подъ его руководствомъ и контролемъ.

Онъ доводитъ до свѣдѣнія державъ объ учрежденіи постояннаго суда и заботится о водвореніи послѣдняго; онъ вырабатываетъ для него порядокъ дѣлопроизводства, а равно и иные необходимые уставы; онъ рѣшаетъ всѣ административные вопросы, могущіе возникнуть при отправленіи судомъ его обязанностей; онъ обладаетъ всѣми полномочіями для назначенія, временнаго или окончательнаго удаленія членовъ и чиновниковъ бюро; опредѣляетъ имъ жалованья и вознагражденія и ведетъ контроль за всѣми расходами. Присутствіе пяти членовъ на собраніяхъ, правильно созданныхъ, достаточно для законности его засѣданій. Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ.

Совѣтъ сообщаетъ державамъ безъ замедленія принятые имъ регламенты.

Онъ препровождаетъ имъ ежегодно отчеты о занятіяхъ постояннаго суда, о дѣятельности административныхъ лицъ, о движеніи и положеніи всѣхъ суммъ.

Когда государства пожелаютъ обратиться къ постоянному третейскому суду для рѣшенія возникшаго между ними спора, то выборъ третейскихъ судей въ составъ суда, призываемаго постановить опредѣленіе по этому спору, долженъ быть сдѣланъ изъ общаго списка членовъ постояннаго суда. Въ случаѣ, если третейскій судъ не будетъ образованъ по непосредственному соглашенію сторонъ, то онъ будетъ составленъ слѣдующимъ образомъ:

Каждая сторона назначаетъ 2 судей, которые сообща выбираютъ *старшаго судью*; при раздѣленіи голосовъ выборъ старшаго судьи ввѣряется третьей державѣ, избранной сторонами по соглашенію; если соглашенія на этотъ счетъ не состоится, то каждая сторона избираетъ отдѣльно державу и *выборъ старшаго судьи* производится по соглашенію между избранными такимъ образомъ державами.

По составленіи такимъ порядкомъ третейскаго суда стороны извѣщаютъ бюро о своемъ рѣшеніи обратиться къ палатѣ и объ именахъ третейскихъ судей. Третейскій судъ собирается въ срокъ, указанный сторонами.

Такова организація постояннаго третейскаго суда и связанныхъ съ нимъ установленій и такова процедура избранія судей сторонами, пожелавшими воспользоваться услугами этого суда.

Желая чтобы обращенія къ постоянному суду въ Гаагѣ, при факультативности его, происходили возможно чаще, державы признаютъ своимъ долгомъ, если бы между нѣкоторыми изъ нихъ грозило возникнуть острое столкновеніе, *напомнить имъ о существованіи постояннаго суда.*

Но онѣ объявляютъ, что подобное напоминаніе и совѣтъ объ обращеніи къ постоянному суду, даваемый въ высшемъ интересѣ мира, должны считаться лишь добрыми услугами.

в) *Третейское производство.* До сихъ поръ не существовало общихъ юридическихъ правилъ признанныхъ государствами въ дѣлѣ третейскаго производства. Это вело къ различнымъ замѣшательствамъ и спорамъ, устранить которые представляется особенно необходимымъ въ виду развивающейся въ наши дни третейской практики. Институтъ международ-

наго права еще въ 1874—75 гг. выработалъ проектъ устава о третейскомъ производствѣ, который могъ бы послужить образцомъ для государства въ подходящихъ случаяхъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ обращалъ на себя вниманіе многихъ выдающихся юристовъ. Благодаря этому можно выставить нынѣ основныя, руководящія начала, опираясь одновременно на данныя науки и на указанія опыта за послѣднюю четверть столѣтія. Это и пытается сдѣлать гаагская конвенція въ своихъ постановленіяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что характеръ ихъ вспомогательный (régles auxiliaires), т.-е. стороны всегда удерживаютъ за собою свободу такъ или иначе отъ нихъ отступить и ихъ измѣнить.

Въ видахъ содѣйствія успѣхамъ третейскаго суда, державы установили нижеслѣдующія правила относительно его дѣлопроизводства въ тѣхъ случаяхъ, когда сторонами не предусмотрѣны другія правила.

Державы, обращающіяся къ третейскому суду, подписываютъ спеціальный объ этомъ актъ (компромиссъ), въ которомъ онѣ точно опредѣляютъ предметъ спора, а равно предѣлы полномочій третейскихъ судей. Въ этомъ актѣ заключается обязательство сторонъ добросовѣстно подчиниться третейскому рѣшенію.

Должность третейскихъ судей можетъ быть поручена одному лицу, или нѣсколькимъ, назначаемымъ сторонами по ихъ усмотрѣнію, или избираемымъ ими изъ членовъ постояннаго третейскаго суда, установленнаго настоящимъ актомъ. Общій посредникъ по праву предсѣдатель суда. За отсутствіемъ такового въ составѣ суда, онъ избирается самимъ судомъ.

Если въ третейскіе судьи избирается государь или глава государства, то онъ самъ опредѣляетъ порядокъ третейскаго производства.

Мѣстопребываніе суда опредѣляется сторонами. Въ случаѣ ихъ молчанія объ этомъ, онъ засѣдаетъ въ Гаагѣ. Это мѣсто засѣданій, кромѣ случаевъ крайней необходимости, не можетъ быть перемѣнено судомъ иначе, какъ съ согласія сторонъ.

Стороны имѣютъ право назначать къ суду своихъ делегатовъ или спеціальныхъ агентовъ, служащихъ посредниками между ними и судомъ. Кромѣ того, они могутъ отряжать въ судъ, для защиты своихъ правъ и интересовъ передъ нимъ, совѣтниковъ и адвокатовъ.

Судъ рѣшаетъ на какомъ языкѣ происходятъ—судоговореніе и пренія передъ нимъ.

Третейское производство проходитъ вообще черезъ двѣ стадіи: слѣдствіе и пренія. Слѣдствіе состоитъ въ сообщеніи агентами сторонъ членамъ суда и противной сторонѣ всѣхъ печатныхъ или рукописныхъ актовъ и документовъ, на которые ссылаются въ дѣлѣ, какъ на доказательство.

Пренія состоятъ въ устномъ изложеніи передъ судомъ доказательствъ, на которыя опираются стороны. Всякій документъ, предъявляемый одною стороною, долженъ быть сообщенъ другой. Преніями руководитъ предсѣдатель. Они публичны лишь въ силу постановленія суда, принятаго съ согласія сторонъ. Они заносятся въ протоколы, которые составляются секретарями, назначенными предсѣдателемъ. Только этимъ протоколамъ принадлежитъ автентичный характеръ.

По заключеніи слѣдствія, судъ въ правѣ не допустить къ обсужденію всякій новый актъ или документъ, который желала бы внести одна изъ сторонъ безъ согласія другой.

Судъ сохраняетъ возможность разсмотрѣть тѣ новые акты или доку-

менты, на которые агенты или совѣтники сторонъ обратятъ его вниманіе. Въ этихъ случаяхъ судъ въ правѣ потребовать предъявленія этихъ актовъ или документовъ, подъ условіемъ ихъ доведенія до свѣдѣнія противной стороны. Судъ можетъ, кромѣ того, требовать отъ агентовъ сторонъ представленія всякихъ актовъ и объявленій, которые онъ найдетъ нужными. Въ случаѣ отказа, судъ это констатируетъ.

Агенты и совѣтники сторонъ уполномочены представлять устно суду всѣ доказательства, которыя они считаютъ полезными для защищаемаго ими дѣла. Они имѣютъ право дѣлать отводы и возраженія. Рѣшенія суда по этимъ пунктамъ окончательны и не могутъ подать повода къ позднѣйшимъ обсужденіямъ.

Члены суда имѣютъ право дѣлать вопросы агентамъ и совѣтникамъ сторонъ съ цѣлью полученія отъ нихъ разъясненія сомнительныхъ пунктовъ. Ни поставленныя вопросы, ни замѣчанія, сдѣланныя членами суда во время преній, не могутъ считаться выраженіями мнѣній суда въ цѣломъ или его членовъ въ отдѣльности.

Судъ уполномоченъ опредѣлять свою компетенцію при толкованіи компромисса, а равно иныхъ договоровъ, на которые могутъ ссылаться въ дѣлѣ и при примѣненіи принциповъ международнаго права.

Судъ имѣетъ право дѣлать распоряженія процессуальнаго характера: относительно хода дѣла, формъ и сроковъ, которыхъ должны держаться стороны при представленіи своихъ заключеній и формальностей, потребныхъ при пользованіи доказательствами.

По представленіи агентами и совѣтниками сторонъ всѣхъ доказательствъ и разъясненій въ пользу ихъ дѣла, предсѣдатель объявляетъ пренія законченными.

Совѣщанія суда происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. Свое рѣшеніе судъ постановляетъ большинствомъ голосовъ. Отказъ члена въ присоединеніи къ рѣшенію долженъ быть занесенъ въ протоколъ.

Третейское рѣшеніе, состоявшееся по большинству голосовъ, должно быть мотивированнымъ. Оно излагается письменно и подписывается каждымъ членомъ суда. Члены меньшинства могутъ, подписывая, оговаривать свое несогласіе.

Третейское рѣшеніе читается въ публичномъ засѣданіи суда въ присутствіи, или послѣ приглашенія, въ надлежащей формѣ, агентовъ и совѣтниковъ сторонъ. Третейское рѣшеніе, законно поставленное и сообщенное агентамъ спорящихъ сторонъ, рѣшаетъ окончательно и безапелляціонно споръ.

Стороны могутъ, въ компромиссѣ, оговорить свое право требовать пересмотра третейскаго рѣшенія. Въ этомъ случаѣ и при отсутствіи другого соглашенія, просьба о пересмотрѣ должна быть внесена въ тотъ судъ, который постановилъ рѣшеніе. Она можетъ быть мотивирована открытіемъ новаго факта, который былъ бы способенъ оказать рѣшающее дѣйствіе на приговоръ, но который въ моментъ заключенія преній былъ неизвѣстенъ суду и сторонѣ, требующей пересмотра.

Ревизіонное производство можетъ открыться лишь въ силу рѣшенія суда, констатирующаго наличность новаго факта, признающаго за нимъ указанный характеръ и допускающаго въ силу этого прошеніе о пересмотрѣ.

Третейское рѣшевіе обязательно лишь для сторонъ, заключившихъ компромиссъ. Если дѣло идетъ о толкованіи конвенціи, въ которой уча-

ствовали еще другія державы, кромѣ спорящихъ сторонъ, послѣднія извѣщаютъ первыя о заключенномъ ими компромиссѣ. Каждая изъ этихъ державъ имѣетъ право вступленія въ процессъ. Если одна или нѣкоторыя изъ нихъ этимъ воспользовались, то толкованіе, данное въ третейскомъ рѣшеніи, одинаково и для нихъ обязательно.

Каждая изъ сторонъ несетъ собственные расходы и извѣстную равную часть издержекъ по содержанію суда. Это соотвѣтствуетъ установившейся практикѣ. Въ расходы на судъ входятъ и вознагражденія третейскимъ судьямъ. Есть расходы, которые для каждаго даннаго дѣла могутъ быть опредѣлены только судомъ. Относительно другихъ, постоянный административный совѣтъ выработаетъ ихъ росписаніе.

Вторая Гаагская конференція 1907 г. дополнила и значительно улучшила международную третейскую юстицію. Постановленія ея приводятся въ приложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

Международные третейскіе договоры.

II.

Женевская конвенція о больныхъ и раненыхъ воинахъ. 1906 г.

III.

Постановленіе второй Гаагской конференціи мира. 1907 г.

I.

Международные третейскіе договоры *).

1.

Англо-французскій договоръ.

14 октября 1903 года подписали въ Лондонѣ лордъ Ленсдоунъ и Камбонъ слѣдующій третейскій договоръ между Англіею и Франціею.

Обѣ державы, участвовавшія въ гаагской конвенціи 29 іюля 1899 г. и въ силу ея ст. 19, пришли къ соглашенію: Ст. 1. Споры между ними юридическаго характера или касающіеся толкованія существующихъ между ними договоровъ и не улаженные дипломатическимъ путемъ, предоставляются въ постоянный третейскій судъ, учрежденный гаагскою конвенціею 29 іюля 1899 г., но подъ условіемъ, однако, чтобъ они не затрогивали ни жизненныхъ интересовъ, ни независимости или чести обоихъ договаривающихся государствъ, ни равно интересовъ третьихъ державъ. Ст. 2. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ стороны, до обращенія къ гаагскому суду, подпишутъ спеціальный компромиссъ, въ которомъ съ точностію опредѣлятъ: предметъ спора, объемъ полномочій третейскихъ судей и всѣ подробности, относящіяся до состава и дѣлопроизводства третейскаго суда. Ст. 3. Настоящее соглашеніе заключается на пятилѣтній срокъ со дня его подписанія.

2.

Русско-датскій договоръ.

Въ исполненіе ст. 19 Гаагской конвенціи 29 іюля 1899 г. государства стали теперь часто заключать договоры объ *обязательномъ* третейскомъ разбирательствѣ ихъ споровъ. Достойно особенно вниманія, что на этотъ путь вступили даже Германія и Россія, которыя долго не желали себя связывать подобными третейскими обязательствами, которыя однако являются первымъ шагомъ къ организаціи международной юстиціи.

---

*) *Мои* статьи: Англо-французскій третейскій договоръ („Русская Мысль". 1904; январь). Новѣйшіе международные третейскіе договоры (Тамъ же. 1906, апрѣль).—Статья: Организація международнаго суда въ Сборникѣ: „Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ" 1899 г. *Голубевъ.* Международные третейскіе суды. 1903 г.

Остановимся немного на конвенціи объ обязательномъ третейскомъ разбирательствѣ, заключенной Россіею съ Даніею 16 февраля (1 марта) 1905 г. и ратификованной государемъ 20 марта. По этой конвенціи оба государства обязуются повергнуть на рѣшеніе постоянной третейской палаты, учрежденной въ Гаагѣ въ 1899 г., возникающія между ними несогласія, если они не затрогиваютъ чести, жизненныхъ интересовъ, или правъ суверенитета того или другого изъ нихъ, и если полюбовное разрѣшеніе такихъ разногласій не могло быть достигнуто непосредственными дипломатическими сношеніями. Каждая изъ сторонъ рѣшаетъ сама вопросъ о томъ, принадлежитъ ли споръ по своей природѣ къ числу предметовъ, изъятыхъ отъ обязательнаго третейскаго разбирательства.

Другіе третейскіе договоры къ вопросамъ, изъятымъ (cas réservés) еще причисляютъ: споры, затрогивающіе права третьихъ государствъ, или принципы конституціи страны (исключеніе, встрѣчаемое въ американскихъ договорахъ). Всѣ подобныя изъятія слишкомъ широки и лишаютъ на практикѣ третейскій судъ его благотворнаго значенія.

Достаточно свести ихъ къ одной формулѣ: споры о независимости народовъ (внѣшней и внутренней) не подлежатъ третейскому суду, однако при двухъ оговоркахъ: 1) они могутъ ему подлежать съ согласія самой заинтересованной стороны и 2) третейскій судъ рѣшаетъ, затрогиваетъ ли *дѣйствительно* данный споръ независимость государства, и не есть ли ссылка на нее съ его стороны только злостное уклоненіе отъ правосудія?

Нѣкоторые договоры допускаютъ исключенія отъ изъятія опредѣленныхъ споровъ отъ третейскаго суда. Русско-датская конвенція на этотъ счетъ постановляетъ: стороны обязуются не пользоваться правомъ исключенія по ст. 2, во-первыхъ, въ случаѣ разногласій, касающихся толкованія или примѣненія всякой конвенціи, уже заключенной или имѣющей быть заключенной въ будущемъ между ними относительно: а) предметовъ частнаго международнаго права; б) юридическаго положенія торговыхъ и промышленныхъ обществъ, законнымъ образомъ учрежденныхъ въ одной изъ договаривающихся сторонъ; в) вопросовъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго или касающихся выдачи преступниковъ. Во-вторыхъ, въ случаѣ разногласій относительно денежныхъ требованій, разъ обязанность выплатить вознагражденіе или произвести какой-либо другой родъ уплаты въ принципѣ признана сторонами.

Настоящая конвенція будетъ примѣняться даже въ томъ случаѣ, если возникшія разногласія вызваны событіями, имѣвшими мѣсто до ея заключенія. Само собою разумѣется, что она не примѣняется къ спорамъ между подданными обоихъ государствъ или между подданными одного государства и правительствомъ другого, если споры подобнаго рода подсудны судебнымъ установленіямъ сторонъ сообразно ихъ внутреннему законодательству.

Въ случаѣ отсутствія иного соглашенія стороны будутъ руководствоваться во всемъ, что касается назначенія третейскихъ судей и третейскаго судопроизводства, правилами Гаагской конвенціи 1899 г., за исключеніемъ слѣдующихъ пунктовъ.

Ни одинъ изъ третейскихъ судей не долженъ быть подданнымъ государства, подписавшаго настоящую конвенцію, ни имѣть постоянное мѣстожительство въ предѣлахъ территоріи той или другой стороны.

Судьи не должны имѣть никакого личнаго интереса въ вопросахъ, которые будутъ предметомъ третейскаго разбирательства.

Если нужно, третейскій приговоръ будетъ заключать указаніе сроковъ, въ теченіе коихъ онъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе.

Третейская запись (компромиссъ) опредѣлитъ срокъ для обмѣна между сторонами памятныхъ записокъ и документовъ, касающихся предмета споровъ. Этотъ обмѣнъ долженъ быть, во всякомъ случаѣ, законченъ до открытія засѣданій третейскаго суда.

Настоящія условія ни въ чемъ не измѣняютъ второй половины третейскаго судопроизводства согласно правиламъ Гаагской конвенціи (ст. 39, 43—49).

Конвенція будетъ имѣть силу въ теченіе десяти лѣтъ со дня обмѣна ратификацій *). Затѣмъ она останется обязательной до истеченія одного года съ того дня, когда одна изъ сторонъ объявитъ о своемъ отказѣ отъ конвенціи.

Съ 1903 г. по 1907, по образцу англо-французскаго договора такихъ третейскихъ конвенцій государствами заключено 33.

II.

Женевская конвенція о больныхъ и раненыхъ воинахъ.

6 іюля 1906 года.

Въ исполненіе желанія, выраженнаго первою Гаагскою конференціею 1899 г. относительно пересмотра Женевской конвенціи 1864 г. о больныхъ и раненыхъ воинахъ, состоялась въ Женевѣ же новая для этого дѣла конференція. Она засѣдала съ 11 іюня по 6 іюля 1906 г. На ней участвовали 77 делегатовъ отъ 36 государствъ, а именно: отъ всѣхъ (20) государствъ Европы, кромѣ Турціи; отъ 10 Америки (С. Штат., Мексики, Аргентины, Бразиліи, Чили, Перу, Уругвая, Никарагуи, Гватемалы, Гондураса), отъ 5 Азіи (Японіи, Китая, Персіи, Сіама, Кореи и отъ 1—Африки (Конго).

Замѣтимъ кстати, что къ моменту открытія этой конференціи число государствъ, принявшихъ договоръ 1864 г., достигло 48. Изъ извѣстныхъ интернаціоналистовъ, участвовавшихъ въ Женевѣ лѣтомъ 1906 г. были: Рено (главный докладчикъ, представившій прекрасный отчетъ о составленіи и значеніи новаго договора), Мартенсъ, Голландъ, Цорнъ, Кебеджи.

Договоръ подписанъ представителями всѣхъ 36 государствъ, при чемъ оговорки относительно нѣкоторыхъ пунктовъ сдѣланы лишь Великобританіею, Японіею, Кореею и Китаемъ. Вмѣсто 10 статей договора 1864 г.**) онъ содержитъ въ себѣ 33 статьи и распадается на слѣдующіе 8 отдѣловъ (главъ): 1) о раненыхъ и больныхъ; 2) о санитарныхъ учрежденіяхъ; 3) о личномъ составѣ; 4) объ имуществѣ; 5) объ эвакуаціи

*) Если одна изъ сторонъ къ концу этого срока хочетъ прекратить ея дѣйствіе, она должна объявить объ этомъ за шесть мѣсяцевъ.

**) Напечатаннаго въ приложеніи къ соч. *Листа:* Международное Право въ пер. Мебель подъ ред. Грабаря. 1902 г.

раненыхъ и больныхъ; 6) объ отличительномъ знакѣ конвенціи; 7) объ ея примѣненіи и 8) объ ея охранѣ противъ нарушеній и злоупотребленій ею. Нѣсколько послѣднихъ статей касаются затѣмъ общихъ постановленій.

Государства, говорится въ введеніи къ договору, одинаково воодушевленныя желаніемъ уменьшить, насколько возможно, неизбѣжныя бѣдствія войны и имѣя въ виду улучшить и дополнить постановленія Женевской конвенціи 22 августа 1864 г., рѣшили заключить между собою нижеслѣдующій договоръ.

1) *Раненые и больные* (ст. 1—5). *) Совершенно логично конвенція 1906 г. начинаетъ съ этихъ лицъ, какъ главныхъ субъектовъ всѣхъ въ ней принимаемыхъ мѣръ и постановленій, но между тѣмъ, какъ въ договорѣ 1864 г. говорится только о нихъ (ст. 6), теперь къ нимъ прибавляется еще: «и другія лица, офиціально состоящія при войскахъ». Юридическое ихъ положеніе не было прежде формулировано съ точностію; нынѣ они прямо объявляются военноплѣнными. Гуманныя постановленія прежней ст. 6 объ отсылкѣ ихъ въ отечество, при извѣстныхъ условіяхъ, устранены, въ силу того соображенія, что они на практикѣ не примѣнялись. Охрана распространена и на павшихъ въ бою лицъ, при чемъ указана желательность мѣръ, удостовѣряющихъ ихъ личность.

Льготы, предоставляемыя мѣстнымъ жителямъ за принятіе къ себѣ раненыхъ и больныхъ, сравнительно съ конвенціею 1864 г. нѣсколько сокращены, въ видахъ устраненія тѣхъ злоупотребленій, къ которымъ онѣ давали поводъ на практикѣ.

Лица и вещи охраняемыя конвенціею 1906 г., признаются не «нейтральными» и не «неприкосновенными», какъ въ 1864 г., а лишь «охраняемыми и уважаемыми» (respectés et protegés). Переходимъ къ самой конвенціи:

Ст. 1. Военныя и другія лица, офиціально состоящія при войскахъ, если они становятся ранеными и больными, пользуются уходомъ и уваженіемъ, независимо отъ ихъ національности, со стороны воюющаго, во власти котораго они будутъ находиться.—Однако, воюющій который будетъ вынужденъ оставить больныхъ и раненыхъ своему противнику, долженъ вмѣстѣ съ ними, насколько ему это позволятъ военныя обстоятельства, оставить, для содѣйствія ухода за ними, часть личнаго своего санитарнаго состава и имущества.

Ст. 2. Раненые и больные воины, доставшіеся непріятелю, становятся его военноплѣнные и къ нимъ примѣняются общія правила международнаго права относительно послѣднихъ. Но воюющіе удерживаютъ за собою свободу принимать, касательно этихъ лицъ, такія исключительныя или благопріятныя условія, которыя они сочтутъ полезными, а именно: обоюдно возвращать другъ другу, послѣ битвы раненыхъ, оставленныхъ на полѣ битвы, отсылать на родину, когда они получатъ возможность передвиженія или по ихъ исцѣленіи, тѣхъ раненыхъ и больныхъ, которыхъ они не пожелаютъ удерживать болѣе въ плѣну: передавать нейтральному государству съ его согласія, эти лица подъ условіемъ, чтобъ оно интернировало ихъ у себя до окончанія враждебныхъ дѣйствій.

Ст. 3. Послѣ каждаго сраженія побѣдитель (l'occupant du champ de bataille) принимаетъ мѣры къ розысканію раненыхъ и къ охранѣ ихъ,

*) Ст. 1—4 соотвѣтствуютъ ст. 6, ст. 5—5 же ст. конв. 1864 г.

равно какъ и мертвыхъ, противъ ограбленія и дурного съ ними обращенія. Онъ наблюдаетъ затѣмъ, чтобы погребеніе и сожженіе ихъ тѣлъ совершалось лишь по внимательномъ ихъ осмотрѣ.

Ст. 4. Каждый воюющій посылаетъ при первой возможности, ихъ отечественнымъ властямъ или войску военные знаки или иные предметы, удостовѣряющіе личность (les marques ou pièces militaires d'identité), отобранные съ умершихъ, а также именные списки находящихся у него раненыхъ и больныхъ. Воюющіе сообщаютъ другъ другу объ измѣненіяхъ, которыя произойдутъ въ положеніи лицъ: о поступленіи ихъ въ госпитали, объ ихъ передвиженіяхъ, водвореніи или смерти. Они соберутъ всѣ предметы личнаго употребленія, цѣнности, письма и т. д, которые будутъ найдены на поляхъ сраженія, или останутся отъ раненыхъ, больныхъ или умершихъ въ лазаретахъ и госпиталяхъ, для того, чтобы доставить эти вещи заинтересованнымъ лицамъ чрезъ посредство ихъ отечественныхъ властей.

Ст. 5. Военная власть можетъ обращаться къ человѣколюбію мѣстныхъ жителей съ приглашеніемъ ихъ помочь ей подъ ея контролемъ, въ дѣлѣ уборки и ухаживанія за ранеными и больными, предоставляя тѣмъ, изъ нихъ, которые откликнутся на этотъ призывъ, спеціальную охрану и извѣстныя льготы *).

2) *Санитарныя учрежденія* (ст. 6—8)**).

Ст. 6. Походные лазареты и военные госпитали охраняются и уважаются воюющими.

Ст. 7. Эта ихъ охрана прекращается, если ими пользуются для нанесенія вреда непріятелю.

Ст. 8. Однако таковыми дѣйствіями не считаются и учрежденія эти не лишаются охраны: 1) если служащій въ нихъ персоналъ вооруженъ и если онъ употребитъ оружіе на защиту себя или своихъ больныхъ и раненыхъ; 2) въ случаѣ отсутствія вооруженныхъ санитаровъ, нахожденіе въ этихъ учрежденіяхъ военной стражи, законно къ тому уполномоченной; 3) открытіе оружія и пуль, найденныхъ у раненыхъ, но не сданныхъ еще подлежащей власти.

3) *Личный составъ* (ст. 9—13)***). Въ этомъ отдѣлѣ о служащихъ въ санитарныхъ учрежденіяхъ, къ лицамъ, охраняемымъ конвенціею, отнесены также члены обществъ Краснаго Креста, о которыхъ не упоминаетъ конвенція 1864 г. Они могутъ проявлять свою дѣятельность подъ условіемъ подчиненіе военной власти. Могутъ участвовать въ дѣлѣ помощи жертвамъ войны также общества нейтральныхъ, но если они получили признаніе (узаконеніе) своего отечественнаго правительства и разрѣшеніе отъ того воюющаго, которому они предлагаютъ свою помощь.

Ст. 9. Лица, исключительно занятые уборкою, перевозкою раненыхъ и больныхъ, ухаживаніемъ за ними, а также служащіе въ санитарныхъ учрежденіяхъ и полковые священники пользуются уваженіемъ и охраною при всякихъ обстоятельствахъ; если они попадутъ въ руки непріятеля, съ ними нельзя обращаться какъ съ военноплѣнными. Тѣ же правила приложимы и къ стражникамъ при санитарныхъ учрежденіяхъ.

---

*) Ст. 5. Женевской конв. 1864 г. предоставляетъ такимъ лицамъ, неприкосновенность и право нейтральности, а тѣхъ мѣстныхъ жителей, которые примутъ раненыхъ у себя, „освобождаетъ отъ воинскаго постоя и отъ нѣкоторой части налагаемыхъ военныхъ контрибуцій".

**) Ст. 1 Женевск. конв. 1864 г.

***) Ст. 2 и 3 Женевск. конв. 1864 г.

Ст. 10. Одинаковымъ положеніемъ съ перечисленными лицами пользуются члены частныхъ обществъ вспомоществованія, дѣйствующихъ при этихъ учрежденіяхъ, если они узаконены своимъ правительствомъ и если члены ихъ подчиняются военнымъ законамъ и распоряженіямъ. Каждое государство должно сообщить другому во время мира, или до открытія враждебныхъ дѣйствій или же въ теченіе послѣднихъ, но во всякомъ случаѣ до начала дѣятельности этихъ обществъ, списокъ тѣхъ обществъ помощи (на войнѣ), которымъ оно разрѣшило, подъ своею отвѣтственностью, содѣйствовать официальнымъ санитарнымъ учрежденіямъ при своихъ войскахъ.

Ст. 11. Общество изъ нейтральной страны, получившее въ ней признаніе, можетъ оказывать помощь воюющему своимъ личнымъ и матеріальнымъ составомъ лишь съ предварительнаго согласія собственнаго правительства и съ разрѣшеніе самого воюющаго. Воюющій, который согласенъ воспользоваться этой помощью, долженъ, до ея допущенія, сообщить объ этомъ непріятелю.

Ст. 12. Лица, обозначенныя въ предыдущихъ статьяхъ, продолжаютъ свою дѣятельность и тогда, когда они перейдутъ во власть непріятеля, но подъ его руководствомъ. Если ихъ дальнѣйшее содѣйствіе не окажется нужнымъ, они отсылаются въ свое войско или отечество въ срокъ и по направленію, которые допускаются военными соображеніями *). Въ этихъ случаяхъ они берутъ съ собою вещи, инструменты, оружіе, лошадей, составляющіе ихъ частную собственность.

Ст. 13. Непріятель обязанъ обезпечить лицамъ, указаннымъ въ ст. 9., пока они находятся въ его власти, то же содержаніе, которое получаютъ служащіе соотвѣтствующаго положенія или чина въ собственной его арміи.

4) *Имущество* (ст. 14—16)**).

Ст. 14. Походные лазареты (les formations sanitaires mobiles слѣдующіе за арміями въ кампанію), если они переходятъ во власть непріятеля, сохраняютъ свой матеріальный составъ, независимо отъ способовъ передвиженія и состава лицъ, ихъ сопровождающихъ. Однако компетентная военная власть, въ случаѣ нужды, можетъ ими воспользоваться для раненыхъ и больныхъ. Условія возвращенія его санитарнаго матеріала будутъ тѣ же, какъ и условія относительно отсылки санитарнаго персонала и возвращеніе это должно, по возможности, происходить одновременно.

Ст. 15. Зданія и матеріалъ недвижимыхъ (fixes) военныхъ госпиталей остаются подчиненными законамъ войны, но имъ нельзя дать другое назначеніе, пока они будутъ нужны для раненыхъ и больныхъ. Однако, въ случаѣ неотложной военной необходимости, командующій войсками можетъ ими распорядиться и иначе, но послѣ того, какъ онъ обезпечитъ участь находящихся въ нихъ раненыхъ и больныхъ.

Ст. 16. Имущество обществъ вспомоществованія, охраняемыхъ настоящею конвенціею на указанныхъ ею условіяхъ, признается частною собственностію и, какъ таковая, уважается при всякихъ обстоятельствахъ,

---

*) Ст. 3. Женев. конв. 1864 г. дозволяла этимъ лицамъ, въ указанномъ случаѣ, „либо продолжать исполненіе своихъ обязанностей, либо удалиться къ своему корпусу. Причемъ они будутъ, по прекращеніи своей дѣятельности, попеченіемъ занявшей мѣсто арміи, сдаваемы на непріятельскіе аванпосты“.

**) Ст. 4. Женев. кон. 1864. г.

кромѣ случаевъ реквизицій, дозволяемыхъ воюющимъ по законамъ и обычаямъ войны.

5) *Перевозка раненыхъ и больныхъ* *) (ст. 17) ставится подъ дѣйствіе тѣхъ же правилъ, которыя примѣняются къ летучимъ лазаретамъ за исключеніемъ слѣдующихъ особыхъ случаевъ: 1), если воюющій задержитъ эвакуаціонный конвой, онъ можетъ его по военной необходимости разстроить (disloquer), но взявъ на себя заботы о раненыхъ и больныхъ, которые перевозились.—2) Въ этомъ случаѣ обязанность отсылки санитарнаго персонала, предусмотрѣнная ст. 12, распространяется на всѣхъ военныхъ и стражниковъ, сопровождающихъ конвой и снабженныхъ законнымъ удостовѣреніемъ. Обязанность возвращенія санитарнаго матеріала, указанная въ ст. 14., примѣняется также къ желѣзнодорожнымъ поѣздамъ, пароходамъ внутренняго судоходства, спеціально приспособленныхъ къ эвакуаціи, а равно къ обыкновеннымъ экипажамъ, поѣздамъ и судамъ, предназначеннымъ для санитарной службы. Военныя перевозочныя средства, не санитарныя, могутъ быть захватываемы вмѣстѣ съ ихъ принадлежностями. Гражданскій персоналъ и различные перевозочные предметы, взятые путемъ реквизиціи, въ томъ числѣ желѣзнодорожный матеріалъ и торговыя суда, служащіе для конвоя, подлежатъ дѣйствію общихъ правилъ международнаго права.

6) *Отличительный знакъ.* (ст. 18—23) **). Изъ уваженія къ Швейцаріи красный крестъ на бѣломъ фонѣ оставленъ, какъ отличительный знакъ санитарныхъ учрежденій и на будущее время. Въ виду того, что этому знаку державы не придаютъ вѣроисповѣдный характеръ, къ нему присоединились и нехристіанскія государства: Японія, Китай и Сіамъ. Одна Турція замѣнила его краснымъ полумѣсяцемъ на бѣломъ фонѣ, но она не имѣла своихъ представителей на конференціи 1906 г.

Договоръ точно опредѣляетъ отношенія международнаго флага къ національнымъ, но подробности устройства санитарнаго дѣла предоставляетъ національнымъ законодательствамъ.

Ст. 18. Изъ уваженія къ Швейцаріи гербъ (signe héraldique) краснаго креста на бѣломъ фонѣ, съ перестановкою лишь федеральныхъ цвѣтовъ, удерживается и впредь, какъ эмблема и отличительный знакъ для санитарной службы въ войскахъ.

Ст. 19. Этотъ знакъ выставляется на флагахъ, нарукавникахъ и всѣхъ предметахъ, принадлежащихъ санитарной службѣ, съ разрѣшенія компетентной военной власти.

Ст. 20. Лица, охраняемыя настоящимъ договоромъ, носятъ на лѣвой рукѣ нарукавникъ (brassard) съ краснымъ крестомъ на бѣломъ фонѣ, выданный и отмѣченный подлежащею военною властью. Состоящіе при санитарной службѣ въ войскахъ и не носящіе военной формы, снабжаются личнымъ удостовѣреніемъ.

Ст. 21. Флагъ отличительный конвенціи подымается лишь на лазаретахъ и госпиталяхъ, которые она охраняетъ и съ согласія военной власти. Онъ долженъ быть сопровождаемъ національнымъ флагомъ воюющаго, отъ котораго зависятъ эти учрежденія. Однако пока послѣднія находятся во власти непріятеля, они поднимаютъ только флагъ Краснаго Креста.

---

*) Les convois d'évacuation.
**) Ст. 7. Женев. конв. 1864 г.

Ст. 22. Санитарныя учрежденія нейтральныхъ странъ, которымъ, въ силу ст. 11, разрѣшено оказаніе помощи, должны, вмѣстѣ съ флагомъ конвенціи, поднимать также національный флагъ воюющаго, отъ котораго они зависятъ. Изъятіе, указанное въ концѣ предшествующей статьи, распространяется и на нихъ.

Ст. 23. Знакъ краснаго креста на бѣломъ фонѣ, а равно слова «Красный Крестъ», или «Крестъ Женевы» могутъ употребляться какъ въ мирное время, такъ и во время войны, лишь для обозначенія и охраны лицъ и вещей санитарнаго дѣла, оберегаемыхъ настоящею конвенціею.

7) *Исполненіе конвенціи* (ст. 24—26).

Ст. 24. Постановленіе настоящаго договора обязательны лишь для договаривающихся сторонъ и въ случаѣ войны между двумя или нѣсколькими изъ нихъ. Постановленія эти перестаютъ быть обязательными, если одинъ изъ воюющихъ не подписалъ этого договора.

Ст. 25. Командующіе войсками воюющихъ обязаны позаботиться о подробностяхъ примѣненія настоящихъ статей, такъ же какъ и случаевъ непредусмотрѣнныхъ, согласно инструкціямъ, полученнымъ ими отъ своихъ правительствъ и общимъ началамъ настоящей конвенціи.

Ст. 26. Договорныя правительства обязаны принять необходимыя мѣры для обученія своихъ войскъ и спеціально охраняемаго персонала началамъ настоящей конвенціи и для ознакомленія съ послѣдними населенія.

8) *Пресѣченіе нарушеній конвенціи.* (ст. 27—28).

Ст. 27. Договорныя правительства, законы которыхъ оказались бы недостаточными, обязываются принять или предложить своимъ законодательнымъ собраніямъ мѣры необходимыя для того, чтобы воспрепятствовать частнымъ лицамъ или обществамъ, на то не управомоченнымъ настоящею конвенціею, пользоваться во всякое время знаками и названіями «Краснаго Креста» или «Креста Женевы», въ коммерческихъ цѣляхъ, на фабричныхъ или торговыхъ клеймахъ. Запрещеніе это вступаетъ въ силу въ срокъ, опредѣленный отдѣльными законодательствами, но не позднѣе, какъ чрезъ пять лѣтъ по приведеніи въ дѣйствіе настоящей конвенціи. Съ этого момента не дозволяется болѣе употреблять означенныя клейма.

Ст. 28. Стороны обязываются также, при недостаточности ихъ военно-уголовныхъ законовъ, принять нужные мѣры для пресѣченія индивидуальныхъ актовъ грабежа и дурного обращенія съ ранеными и больными, а также для наказанія злоупотребленій военными или частными лицами, не охраняемыми конвенціею, ея флагомъ и знаками. Правительства сообщатъ другъ другу, чрезъ посредство союзнаго совѣта Швейцаріи, изданныя ими по этому предмету постановленія не позднѣе пятилѣтняго срока по ратификаціи настоящей конвенціи.

Общія постановленія (ст. 29—33).

Ст. 29. Настоящая конвенція утверждается въ возможно-близкій срокъ. Акты о ратификаціи сдаются въ Бернѣ. О полученіи каждаго изъ нихъ составляется протоколъ, удостовѣренная копія котораго препровождается дипломатическимъ путемъ всѣмъ договорнымъ державамъ.

Ст. 30. Настоящая конвенція вступаетъ въ силу для каждой державы, шесть мѣсяцевъ спустя по врученіи ей (Швейцаріи) ратификаціи.

Ст. 31. Настоящая конвенція, законно утвержденная, замѣнитъ собою конвенцію 22 августа 1864 г. въ сношеніяхъ договорныхъ госу-

дарствъ. Конвенція 1864 г. останется въ силѣ между сторонами, ее подписавшими и которые не утвердятъ настоящій договоръ.

Ст. 32. Настоящая конвенція можетъ быть подписана 31 декабря 1906 г. державами, пославшими своихъ представителей на эту конференцію, а равно и прочими подписавшими конвенцію 1864 г.

Державы, не подписавшія настоящій договоръ до 31 декабря 1906 г., удерживаютъ за собою право присоединиться къ нему впослѣдствіи. Объ этомъ присоединеніи онѣ сообщаютъ письменно союзному совѣту Швейцаріи, который доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія всѣхъ остальныхъ договорныхъ сторонъ. Прочія державы могутъ просить въ той же формѣ о присоединеніи къ конвенціи, но эта ихъ просьба произведетъ свое дѣйствіе лишь по истеченіи года со времени полученія союзнымъ совѣтомъ и въ томъ случаѣ, если послѣднему не будетъ заявлено возраженія ни отъ одной изъ договорныхъ державъ.

Ст. 33. Каждая держава можетъ отказаться отъ настоящей конвенціи, но этотъ отказъ вступаетъ въ силу лишь годъ спустя по нотификаціи о немъ союзному совѣту Швейцаріи и по немедленномъ извѣщеніи о томъ послѣднимъ всѣхъ остальныхъ сторонъ. Отказъ этотъ производитъ свое дѣйствіе только для державы, его сдѣлавшей.

Оригиналъ въ одномъ экземплярѣ сдается на храненіе въ архивъ Швейцаріи; удостовѣренныя его копіи передаются дипломатическимъ путемъ остальнымъ договорнымъ державамъ.

Заключительный протоколъ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что конференція не приняла предложеніе Россіи чтобы, въ силу ст. 16 Гаагской мирной конвенціи, споры о примѣненіи конвенціи рѣшались Гаагскимъ третейскимъ судомъ. Это правило должно было бы войти въ самый текстъ договора. Но державы сильно тому воспротивились, опираясь на ст. 56 той же Гаагской конвенціи и на полноту своего суверенитета при обсужденіи вопросовъ объ обращеніи къ третейскому суду вообще. Послѣ оживленныхъ преній конференція удовольствовалась слѣдующимъ «пожеланіемъ», занесеннымъ въ заключительный протоколъ и при этомъ ограничивъ самое примѣненіе этого, болѣе чѣмъ скромнаго, пожеланія одними спорами, возникающими во время мира. Но даже и этотъ протоколъ не подписали Великобританія, Японія и Корея.

Вотъ его слова: «согласно съ ст. 16 Гаагской мирной конвенціи, конференція въ видахъ достиженія возможно-большей точности въ толкованіи и примѣненіи настоящаго договора, высказываетъ пожеланіе, чтобы державы обращались, насколько этого допустятъ случаи и обстоятельства, къ постоянному суду въ Гаагѣ для разсмотрѣнія несогласій, которыя могутъ возникнуть между ними, во время мира, относительно толкованія настоящей конвенціи». Нельзя было сдѣлать менѣе въ этомъ отношеніи! Споры во время войны, конечно, самые важные въ этомъ дѣлѣ. Вопросы о *примѣненіи* конвенціи и вовсе изъяты!

Разсматривая договоръ 1906 г. въ цѣломъ и по сравненію съ конвенціею 1864 г. мы отмѣчаемъ въ немъ слѣдующія основныя черты: 1) онъ придаетъ санитарному дѣлу въ арміяхъ гораздо болѣе подробную и точную регламентацію и подчиняетъ его всецѣло военнымъ властямъ. За то онъ значительно ограничиваетъ дѣйствіе широкихъ, гуманныхъ началъ конвенціи 1864 г. — 2) Національную сторону въ организаціи санитарнаго дѣла онъ выдвигаетъ на первый планъ передъ международной, и вѣроятно, въ будущемъ сократитъ помощь жертвамъ войны со стороны

нейтральныхъ. — 3) Самымъ крупнымъ его недостаткомъ является не введеніе особой, международной уніи для всего этого великаго, обще-человѣческаго дѣла оказанія помощи жертвамъ войны. Въ этой уніи, для образованія которой всѣ элементы на лицо, центральнымъ органомъ долженъ былъ бы быть объявленъ Международный Комитетъ Краснаго Креста въ Женевѣ, сдѣлавшій такъ много для распространенія и укрѣпленія великихъ идей Женевской конвенціи за свое почти 50 лѣтнее существованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой уніи Краснаго Креста должны бы получить признаніе правильныя, періодическія конференціи и организованная юстиція для всѣхъ несогласій, могущихъ возникнуть изъ примѣненія Женевскаго договора. Только при этихъ условіяхъ охрана больныхъ и раненыхъ воиновъ была бы поставлена на ту широкую и прочную общечеловѣческую почву, о которой мечтали великіе творцы акта 1864 г. *).

III.

Вторая Гаагская конференція мира. 1907 г.

1.

Русская программа для второй Гаагской конференціи.

Первые шаги къ созыву второй мирной конференціи въ Гаагѣ сдѣлали, какъ извѣстно С. Штаты въ 1905 г. вслѣдствіе ходатайства засѣдавшей тогда въ С.-Луи международной парламентской конференціи.

Моментъ былъ выбранъ неудачно: кровавая война на Дальнемъ Востокѣ была еще не кончена. Россія отклонила свое участіе на конференціи, а Японія обусловила его требованіемъ, чтобы конференція не касалась вопросовъ, связанныхъ съ тогдашнею войною, т. е. именно вопросовъ наиболѣе жгучихъ и важныхъ для текущей международной жизни.

Въ мартѣ 1906 г. (16-го—29-го) Россія выступила съ циркулярною нотою къ державамъ, въ которой она приглашала ихъ на вторую конференцію въ Гаагѣ и въ то же время излагала свою для нея программу, по слѣдующимъ четыремъ главнымъ отдѣламъ: 1) по международному третейскому разбирательству; 2) по улучшенію нормъ, регулирующихъ сухопутную войну, а также 3) нормъ, касающихся морской войны и 4) по улучшенію морской женевской конвенціи.

1. Въ учрежденіи гаагскаго постояннаго суда русская нота видитъ, вполнѣ вѣрно, самый важный результатъ конференціи 1899 г. Въ составъ его вошли многіе изъ юристовъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, и онъ успѣлъ уже проявить себя съ хорошей стороны. Также полезными

*) *Delpech.* La conférence de révision de la convention de Genève (11 juin-6 juillet 1906). Revue générale de droit intern. public. 1906. № 6. P. 629.—*Ullmann.* Die Haager Konferenz von 1899 und die Weiterbildung des Völkerrechts (Jahrbuch des öffentlichen Rechts. B. I. 1907. S. 120). *Meurer.* Die neue Genfer Konvention. (Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht. 1906. S. 521).

оказались для рѣшенія несогласій между государствами международныя слѣдственныя комиссіи. Но опытъ указалъ на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ подробностяхъ. Особенно желательно установленіе твердыхъ принциповъ относительно языковъ, на которыхъ вести дѣлопроизводство, что представляетъ немалыя затрудненія при возрастающемъ числѣ дѣлъ. Функціонированіе слѣдственныхъ комиссій также требуетъ нѣкоторыхъ улучшеній.

Кромѣ этихъ пунктовъ, слѣдуетъ рекомендовать державамъ, по части третейскихъ договоровъ, еще слѣдующія реформы: эти договоры должны быть заключаемы на болѣе продолжительные сроки; обращеніе къ третейскому суду должно быть признано обязательнымъ для возможно большаго числа категорій споровъ между государствами, если не для всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которые затрагиваютъ ихъ независимость, внутреннюю или внѣшнюю; третейскіе судьи должны избираться правительствами изъ состава членовъ Гаагскаго суда. Нѣкоторые договоры уже дѣлаютъ шаги въ указываемыхъ направленіяхъ.

2. Конвенція 1899 г. о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны требуетъ, по словамъ русской программы, нѣкоторыхъ дополненій и мѣстами болѣе точной редакціи. Въ особенности слѣдуетъ остановиться на открытіи враждебныхъ дѣйствій, на правахъ нейтральныхъ на сушѣ и т. д. Для одной изъ декларацій истекъ срокъ и нужно поднять вопросъ объ ея возобновленіи.

3. Но особенно нельзя не сочувствовать предложенію Россіи относительно выработки (новой) конвенціи о законахъ и обычаяхъ морской войны. Таковая давно уже всѣми требуется. Русская программа намѣчаетъ для нея слѣдующіе пункты: a) Враждебныя дѣйствія, спеціально свойственныя морской войнѣ, какъ-то: бомбардированіе портовъ, городовъ и селеній военно-морскими силами непріятеля, закладка минъ и т. д. b) Превращеніе торговыхъ судовъ въ военныя. c) Положеніе частной собственности непріятеля на морѣ. d) Предоставленіе льготнаго срока торговымъ судамъ для выхода изъ непріятельскихъ и нейтральныхъ портовъ по открытіи враждебныхъ дѣйствій. e) Права и обязанности нейтральныхъ на морѣ, въ томъ числѣ вопросы: о контрабандѣ, о пребываніи судовъ воюющихъ въ портахъ нейтральныхъ, объ истребленіи, въ силу необходимости, нейтральныхъ торговыхъ судовъ, задержанныхъ въ качествѣ призовъ. Въ эту предполагаемую конвенцію слѣдовало бы ввести и тѣ правила о сухопутной войнѣ, которыя окажутся въ одинаковой степени примѣнимыми и къ морской войнѣ.

Кромѣ предлагаемыхъ тутъ реформъ, не менѣе важнымъ является также преобразованіе призовыхъ судовъ и именно въ двоякомъ направленіи, чтобы усилить ихъ характеръ судебныхъ учрежденій, на счетъ административнаго въ нихъ элемента, и чтобы превратить ихъ въ настоящіе суды международные. По крайней мѣрѣ, апелляціонною инстанціею надъ національными призовыми судами отдѣльныхъ государствъ для начала слѣдовало-бы признать судъ въ Гаагѣ. Вопросъ этотъ давно и всесторонне разработанъ институтомъ международнаго права.

4. Послѣдній пунктъ русской программы говоритъ о добавленіяхъ къ конвенціи 1899 г., приспособившей начала Женевской конвенціи 1864 г. къ морской войнѣ.

Этого мало: надо имѣть въ виду состоявшуюся послѣ этого, въ 1906 г., новую Женевскую конвенцію, во многомъ столь отличную отъ

договора 1864 г. (объ охранѣ больныхъ и раненыхъ солдатъ въ сухопутной войнѣ).

Подобно программѣ для конференціи 1899 г., и настоящая программа подчеркиваетъ то обстоятельство, что созываемое собраніе не должно касаться политическихъ отношеній между государствами, ни порядка, установленнаго трактатами, ни вообще вопросовъ, не внесенныхъ въ программу, одобренную кабинетами.

Но въ одномъ пунктѣ вторая русская программа рѣзко отличается отъ первой: то, что ставилось въ 1899 г. въ край угла, въ 1906 г. устраняется. «Русское правительство, говоритъ разсматриваемая нота, имѣетъ въ виду дальнѣйшее усовершенствованіе тѣхъ началъ гуманности, которыя легли въ основу дѣла великаго международнаго собранія 1899 г. Оно приглашаетъ разсмотрѣть въ частности вопросы, которые выдвинуты опытомъ послѣднихъ лѣтъ, не касаясь того, что связано съ ограниченіемъ сухопутныхъ или морскихъ силъ».

Другими словами, русская программа носитъ строго международно-правовой характеръ. Она стоитъ на почвѣ дѣйствующаго права и поэтому можетъ получить одобреніе юриста-позитивиста, ибо сводится, въ сущности, къ двумъ кардинальнымъ проблемамъ: къ улучшенію мирныхъ способовъ окончанія столкновеній между государствами и къ смягченію бѣдствій войны въ тѣхъ случаяхъ, когда война окажется неустранимою.

Но этого мало для конференцій, подобныхъ Гаагскимъ: собранія неполитическія—онѣ ставятъ себѣ цѣлію организацію справедливости и мира. Это признано и во второй русской программѣ, указывающей на дальнѣйшее развитіе принциповъ человѣколюбія. Неудивительно, поэтому, недовольство ею миролюбцевъ: «эта программа, говоритъ одинъ изъ ихъ органовъ, примѣчательна болѣе тѣмъ, что она опускаетъ, нежели тѣмъ, что она въ себѣ содержитъ».

Мы не теряемъ надежды, что вторая конференція въ Гаагѣ отзовется на мучительныя ожиданія народовъ, подавленныхъ бременемъ отъ налоговъ, долговъ и вооруженій.

Съ точки зрѣнія приверженцевъ мира (пасифизма) программа конференціи въ Гаагѣ должна быть сведена къ слѣдующимъ тремъ вопросамъ: ограниченіе вооруженій, обязательный третейскій судъ безъ всякихъ оговорокъ и изъятій, періодичность и непрерывность Гаагскихъ конференцій.

Въ идеѣ—они правы, но не слишкомъ ли радикальна ихъ программа для нашей печальной дѣйствительности?

2.

Заключительный актъ второй Гаагской конференціи.

Послѣ четырехмѣсячной, усиленной работы, вторая мирная конференція въ Гаагѣ закрылась 19 октября. Результаты своей работы она изложила въ заключительномъ актѣ, въ которомъ перечисляетъ не только пересмотрѣнныя ею прежнія, но и новыя выработанныя ею конвенціи (всего числомъ 13), одну возобновленную декларацію и проектъ договора о постоянномъ третейскомъ судѣ, и высказываетъ кромѣ того нѣкоторыя общія мысли и пожеланія, заслуживающія самаго серьезнаго вниманія.

Вторая конференція по словамъ этого акта, цѣлью своею имѣла: дальнѣйшее развитіе тѣхъ началъ человѣколюбія, которыя легли въ основу занятій первой конференціи 1899 г.

Одушевленная духомъ взаимныхъ соглашеній и уступокъ, конференція выработала слѣдующую декларацію, оставляющую за каждою державою свободу голоса, но дающую имъ всѣмъ возможность подтвердить извѣстныя начала, которыя онѣ считаютъ общепризнанными. Конференція единогласно признала, во-первыхъ, принципъ третейскаго суда обязательнымъ и, во-вторыхъ, обязательнымъ же предоставленіе такому суду споровъ о толкованіи и примѣненіи договоровъ, безъ какого-либо изъятія.

Если ей не удалось выработать конвенцію въ указанномъ направленіи, то она должна констатировать, что проявившіяся на ней разногласія не выходили изъ границъ спора чисто юридическаго и что всѣ державы міра, въ продолженіе четырехмѣсячной совмѣстной работы, научились не только лучше понимать другъ друга и достигать большаго сближенія, но и прониклись болѣе высокимъ сознаніемъ всеобщаго блага человѣчества.

Не менѣе единогласно конференція подтвердила резолюцію конференціи 1899 г. объ ограниченіи военныхъ издержекъ, но, въ виду того, что послѣднія съ того времени значительно возросли во всѣхъ странахъ — конференція заявила, что въ высшей степени желательно, чтобы правительства вновь серьезно занялись изученіемъ этого вопроса.

Серьезно занялись! Къ сожалѣнію, они доселѣ ничего не сдѣлали по этой части.

Затѣмъ, конференціею высказаны четыре пожеланія: 1) о скорѣйшемъ принятіи державами составленнаго ею третейскаго договора, какъ только онѣ согласятся на счетъ выбора судей и учрежденія самаго суда; 2) чтобы во время войны гражданскія и военныя власти особенно позаботились объ охранѣ мирныхъ сношеній и спеціально торговыхъ промышленныхъ сношеній между населеніями воюющихъ и нейтральныхъ государствъ; 3) чтобы державы въ особыхъ соглашеніяхъ опредѣлили участіе въ военныхъ тягостяхъ иностранцевъ, пребывающихъ на ихъ территоріи; 4) чтобы положеніе о законахъ и обычаяхъ морской войны было выработано къ слѣдующей конференціи и внесено въ программу ея занятій и чтобы, во всякомъ случаѣ, державы примѣняли къ морской войнѣ, насколько возможно, тѣ же начала, которыя высказаны въ конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны.

Наконецъ, конференція рекомендуетъ державамъ созывъ слѣдующей конференціи въ срокъ, приблизительно равный тому, который прошелъ со времени перваго собранія, при чемъ полагаетъ необходимою предварительную и своевременную подготовку къ ней, для того, чтобы работа ея могла идти съ должною быстротою и авторитетомъ. Въ этихъ видахъ было бы наиболѣе желательнымъ учрежденіе за два года до предполагаемой конференціи подготовительнаго комитета, которому правительства поручили бы: собрать предложенія, имѣющія быть ей сдѣланными, выяснить вопросы назрѣвшіе для ближайшаго ихъ международнаго регулированія, и выработать программу, на счетъ которой правительства могли бы заблаговременно согласиться для предварительнаго ея изученія каждымъ изъ нихъ. Кромѣ того, этому комитету поручается внести предложеніе объ организаціи и порядкѣ дѣлопроизводства самой конференціи.

Кромѣ проекта договора о третейскомъ судѣ, Гаагская конференція приняла слѣдующія конвенціи: 1) о мирномъ рѣшеніи международныхъ

споровъ; 2) объ ограниченіи примѣненія силы при востребованіи договорныхъ долговъ; 3) объ открытіи враждебныхъ дѣйствій; 4) о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны; 5) о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ и лицъ во время сухопутной войны; 6) о положеніи непріятельскихъ торговыхъ судовъ при началѣ враждебныхъ дѣйствій; 7) о превращеніи торговыхъ судовъ въ боевыя; 8) о заложеніи подводныхъ минъ; 9) о бомбардированіи морскими силами во время войны; 10) о приспособленіи къ морской войнѣ принциповъ женевской конвенціи; 11) о нѣкоторыхъ правилахъ при взятіи судовъ въ морской войнѣ; 12) объ учрежденіи международнаго призового суда; 13) о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ въ морской войнѣ. Кромѣ того, возобновлена декларація, запрещающая бросать снаряды и разрывныя вещества съ воздушныхъ шаровъ.

Всѣ эти договоры составляютъ отдѣльныя, самостоятельныя соглашенія.

Они помѣчены однимъ числомъ—19 октября (н. ст.) 1907 г., и могутъ быть утверждены правительствами до 30 іюня 1908 г.

Заключительный актъ перечисляетъ всѣхъ участниковъ конференціи: 44 государства послали на нее 171 представителя. Тутъ были делегаты отъ всѣхъ (21) государствъ Европы (102 чел.), почти отъ всѣхъ (19) республикъ Америки*) (52 чел.), и отъ 4 государствъ Азіи: Китая, Японіи, Персіи и Сіама (17 чел.). Не было представителей отъ странъ Африки. Наибольшее число депутатовъ имѣла Великобританія: 11 чел. Затѣмъ слѣдуютъ: Франція, Нидерланды и С. Штаты (по 9 ч.); Австро-Венгрія и Россія (по 8 ч.); Германія 7; Китай 6; Италія, Испанія, Португалія, Турція, Аргентина и Японія по 5.

Что касается до общественнаго положенія делегатовъ, то въ ихъ средѣ, какъ и на первой конференціи, преобладали дипломаты, спеціалисты военнаго и морского дѣла, было очень мало юристовъ и почти совсѣмъ отсутствовали представители идеи мира. Это былъ крупный пробѣлъ: вѣдь дѣло шло прежде и болѣе всего объ организаціи мира! Изъ великихъ миролюбцевъ можно назвать только барона д'Эстурнель де-Костанъ, сенатора, и отчасти Леона Буржуа, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Франціи.

Изъ юристовъ-профессоровъ были: Мартенсъ и Овчинниковъ (Петербургъ), Рено (Парижъ), Цорнъ (Боннъ), Ламмашъ (Вѣна), Штрейтъ (Аѳины), Борель (Женева) и Губеръ (Цюрихъ). За то многіе изъ делегатовъ занесены въ списки членовъ постоянной третейской палаты въ Гаагѣ. Норвегія имѣла своихъ представителей, отдѣльныхъ отъ Швеціи. Черногорія избрала своими делегатами трехъ первыхъ членовъ русской делегаціи.

Еще два замѣчанія по поводу этого акта: срокъ, намѣчаемый имъ для третьей конференціи, слишкомъ продолжителенъ. Державамъ слѣдовало бы согласиться, что эти конференціи въ Гаагѣ собираются правильно въ сроки, никакъ не больше, какъ черезъ каждыя пять лѣтъ, и затѣмъ, подготовительный къ нимъ комитетъ объявляется учрежденіемъ постояннымъ (на подобіе существующихъ международныхъ бюро различныхъ уній), которое своимъ мѣстопребываніемъ имѣетъ Гаагу.

*) Кромѣ Гондураса и Коста-Рики.

3.

Международная юстиція въ Гаагѣ.

Великой идеѣ международной юстиціи вторая гаагская конференція послужила, внѣ словъ о ней въ заключительномъ актѣ, въ троякомъ направленіи: она занялась пересмотромъ конвенціи 1899 г. о мирномъ рѣшеніи споровъ между государствами, она составила проектъ новой третейской между ними конвенціи, она выработала, наконецъ, договоръ объ учрежденіи международнаго призового суда. Все это—важные шаги на пути укрѣпленія права, а, слѣдовательно, и мира во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ.

Пересмотръ мирной конвенціи 1899 года, хотя и повелъ къ значительному ея расширенію (вмѣсто прежнихъ 61 статьи нынѣ во второй ихъ 97), но вся принципіальная сторона этого договора и расположеніе его частей остались безъ всякихъ измѣненій. Новыя статьи касаются всѣ процессуальной стороны международныхъ третейскихъ органовъ и вызваны онѣ указаніями третейской практики за эти послѣдніе годы. И въ этомъ отношеніи останавливаютъ на себѣ вниманіе два пункта: подробно говорится о процедурѣ слѣдственныхъ комиссій и вводится новый отдѣлъ о сокращенномъ (суммарномъ) производствѣ третейскаго разбирательства. Послѣднее рекомендуется въ спорахъ менѣе важныхъ, не требующихъ обращенія къ гаагской палатѣ и долженствующихъ быть рѣшенными въ болѣе краткій срокъ. Каждая изъ сторонъ назначаетъ одного судью. Оба назначенныя лица избираютъ общаго судью. Въ случаѣ ихъ разногласія, каждый представляетъ двухъ кандидатовъ изъ занесенныхъ въ списокъ членовъ гаагской палаты, но не указанныхъ сторонами и не состоящихъ подданными ихъ. Жребій рѣшаетъ затѣмъ, кому изъ этихъ кандидатовъ быть общимъ судьей. Послѣдній предсѣдательствуетъ въ судѣ, который принимаетъ свои рѣшенія большинствомъ голосовъ. Дѣлопроизводство въ судѣ письменное, но стороны могутъ отряжать въ судъ своихъ свидѣтелей и экспертовъ, отъ которыхъ онъ можетъ, какъ и отъ агентовъ сторонъ, спрашивать устныя разъясненія по дѣлу.

Проектъ новой третейской конвенціи составленъ въ видахъ облегченія для всѣхъ доступа къ третейской юстиціи. Въ основу ея положенъ принципъ юридическаго равенства государствъ. Предлагаемый ею третейскій судъ (Cour de justice arbitrale) составляется изъ судей и кандидатовъ къ нимъ juges suppléants). Они всѣ должны пользоваться полною нравственною безупречностью и соотвѣтствовать требованіямъ, которыя предъявляютъ, въ ихъ отечествѣ, къ лицамъ высшаго судебнаго сословія или быть извѣстными авторитетами въ области международнаго права. Насколько можно, они берутся изъ членовъ постоянной палаты, которая этимъ договоромъ вовсе не умаляется въ своихъ правахъ. Но лица настоящаго суда, о которомъ рѣчь, должны представлять собою различныя юридическія системы міра и поддерживать непрерывность третейскаго правосудія. Они назначаются на 12 лѣтъ и по истеченіи этого срока полномочія ихъ могутъ быть возобновлены. Имъ воспрещается какое-либо участіе въ дѣлахъ сторонъ, разсмотрѣнныхъ въ третейскихъ судахъ, въ постоянной палатѣ или слѣдственныхъ комиссіяхъ за все время отправленія ими своей должности. Судъ назначаетъ ежегодно делегацію изъ

трехъ членовъ и трехъ къ нимъ кандидатовъ. Судъ пребываетъ въ Гаагѣ и лишь подъ давленіемъ необходимости можетъ перемѣнить свое мѣстопребываніе. Делегаціи предоставляется, съ согласія сторонъ, избирать другое мѣсто, если это требуется особыми обстоятельствами. Судъ собирается на одну сессію въ годъ и засѣдаетъ, пока не окончены поступившія къ нему дѣла. Впрочемъ, онъ можетъ и не собираться, если въ томъ не видитъ нужды делегація, которая имѣетъ право и чрезвычайнаго его созыва. Члены и кандидаты этого суда могутъ назначаться и въ составъ международнаго призового суда. Они пользуются дипломатическими правами и преимуществами во время отправленія ими должности и внѣ своей страны.

Третейскій судъ въ правѣ разбирать всѣ споры, внесенные въ него въ силу общаго или спеціальнаго о томъ соглашенія. Делегація компетентна въ тѣхъ же случаяхъ, если стороны согласны примѣнить сокращенное производство, о которомъ говоритъ мирная конвенція; она, кромѣ того, можетъ выступать, съ согласія сторонъ, въ роли слѣдственной комиссіи, можетъ выработать компромиссъ, когда стороны согласны обратиться въ судъ и, въ извѣстныхъ случаяхъ, разбираетъ дѣло по просьбѣ одной изъ сторонъ, когда не было достигнуто дипломатическаго соглашенія, а также споры изъ долговыхъ обязательствъ одной изъ державъ къ подданнымъ другой. При разборѣ дѣлъ делегаціею, каждая изъ сторонъ можетъ посылать въ нее одного изъ членовъ третейскаго суда съ совѣщательнымъ голосомъ.

Настоящій договоръ заключается на двѣнадцать лѣтъ, послѣ чего можетъ быть возобновленъ молчаливо на такой же періодъ. Отказъ отъ него допускается лишь за два года до истеченія указаннаго срока и объ этомъ должно быть сообщено своевременно правительству Нидерландовъ. Отказъ производитъ дѣйствіе только для державы, его сдѣлавшей.

Эта конвенція, какъ выше сказано, не болѣе какъ проектъ, составляющій приложеніе къ первому изъ пожеланій конференціи. Она явилась компромиссомъ долгихъ и горячихъ споровъ о признаніи государствами обязательности третейскаго суда, за что стояло значительное большинство делегатовъ. Но и на этотъ разъ, какъ и на первой конференціи, эта богатая реформа разбилась о противодѣйствіе и упорство Германіи. Какъ извѣстно, въ силу господствующаго мнѣнія, третейскому суду должны подлежать всѣ споры юридическіе, т. е. о толкованіи и примѣненіи договоровъ, но не споры, касающіеся чести или жизненныхъ интересовъ сторонъ. Однако, нѣкоторые новѣйшіе договоры опредѣляютъ, что извѣстныя категоріи споровъ не будутъ считаться сторонами задѣвающими ихъ честь и жизненные интересы и поэтому изъятыми отъ третейскаго разбирательства не будутъ (cas réservés). Португалія представила конференціи довольно длинный списокъ такихъ споровъ, подлежащихъ всегда третейскому суду (до 25 категорій ихъ). Австро-Венгрія рекомендовала державамъ обозначить ихъ, какъ, по ихъ мнѣнію, пріемлемые для суда въ продолженіе извѣстнаго срока (напримѣръ, года), а Англія отстаивала мысль, чтобы каждая изъ нихъ составила свою таблицу этихъ споровъ и затѣмъ всѣ заключили бы въ указанныхъ границахъ одинъ общій договоръ о постоянномъ и обязательномъ для нихъ третейскомъ судѣ. Это предложеніе Англіи въ комиссіи нашло себѣ поддержку со стороны 32 государствъ. За него стояли Россія, Франція, большинство европейскихъ второстепенныхъ государствъ, всѣ южно-

американскія республики и особенно энергично Чоатъ, первый делегатъ Соединенныхъ Штатовъ. Но Германія категорично заявила, что она готова заключать договоры объ обязательномъ третейскомъ договорѣ съ отдѣльными государствами, съ которыми у нея есть общность интересовъ, но она отвергаетъ идею всеобщаго такого договора, который на практикѣ при широтѣ своей обратился бы въ бумажное лишь обязательство. Напрасно делегату ея фонъ-Маршалль энергично и искусно возражали представители двухъ державъ, что выставляемыя имъ опасности въ сущности призрачны; если государство заключаетъ обсуждаемый договоръ съ 25 правительствами, оно можетъ сдѣлать то же самое и съ 45; въ португальскомъ проектѣ высказывалась мысль не новая, а уже одобренная самою Германіею въ ея договорѣ съ Англіею. Признаніе третейскаго суда общеобязательнымъ въ извѣстныхъ спорахъ еще не уничтожитъ войны (Рено), но будетъ имѣть громадное нравственное дѣйствіе (Мартенсъ) и принципіальное значеніе (Драго). Германія не уступила и къ ней присоединились еще 8 государствъ: Австро-Венгрія, Бельгія, Греція, Черногорія, Румынія, Швейцарія и Турція.

Въ виду такого разногласія и правила, что международныя конференціи принимаютъ свои рѣшенія только единогласно (или почти единогласно), конференція не могла одобрить текста общаго и обязательнаго третейскаго договора. Напрасно Мартенсъ предлагалъ принятіе его хотя тѣми государствами, которыя такимъ большинствомъ уже высказались за него. Фонъ-Маршалль усмотрѣлъ въ этомъ какую-то опасность для будущаго существованія гаагскихъ конференцій.

Новое и яркое доказательство несостоятельности теоріи единогласія на международныхъ собраніяхъ. Отъ нея уже отказались на собраніяхъ научныхъ, при постановленіи рѣшеній третейскими судами, конференціями различныхъ уній и т. д. Отъ нея слѣдуетъ отказаться и на конгрессахъ и конференціяхъ политическихъ, когда, какъ въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ о вопросахъ юридическихъ общемеждународныхъ. Всякая реформа постепенно завоевываетъ себѣ приверженцевъ, а принципъ единогласія, требуемый въ этихъ случаяхъ, есть принципъ анархіи, а не организаціи, который въ корнѣ парализуетъ дѣятельность всякаго международнаго собранія. Несогласное съ нимъ государство можетъ остаться въ сторонѣ, но не въ правѣ оно по своимъ капризамъ срывать эти собранія.

4.

Международный призовой судъ.

Вторая гаагская конференція не только расширила принципъ и формы примѣненія международнаго третейскаго суда, но и выработала конвенцію о международномъ призовомъ судѣ, чѣмъ сдѣлала новый важный шагъ впередъ на пути укрѣпленія международной юстиціи вообще.

Въ мотивахъ къ договору говорится, что при составленіи его, державы руководились желаніемъ справедливаго рѣшенія тѣхъ споровъ, которые, въ случаяхъ морской войны, возникаютъ иногда изъ рѣшеній національныхъ призовыхъ судовъ. Оставляя за послѣдними ихъ юрисдикцію сообразно ихъ національнымъ законамъ, важно, однако, создать въ опре-

дѣленныхъ случаяхъ апелляцію на ихъ рѣшенія, которая, въ предѣлахъ возможнаго, примиряла бы публичные и частные интересы, связанные съ каждымъ дѣломъ о призахъ. Лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли представляется учрежденіе международнаго суда съ точно опредѣленными компетенціею и процедурою. Этимъ способомъ могутъ быть смягчены суровыя послѣдствія морской войны, болѣе всего поддержаны добрыя отношенія между воюющими и нейтральными и лучше обезпечено сохраненіе мира.

Настоящая конвенція состоитъ изъ 57 статей. Въ основу ея положенъ принципъ, что всякое взятіе торговаго судна или груза, какъ непріятельскаго, такъ и нейтральнаго (всякій призъ), становится законнымъ лишь въ силу постановленія объ этомъ призового суда. На первомъ мѣстѣ компетентнымъ является судъ воюющаго—взятеля (capteur). Рѣшенія національныхъ призовыхъ судовъ могутъ быть обжалуемы передъ международнымъ призовымъ судомъ. (Cour internationale des prises): 1) когда рѣчь идетъ объ имуществѣ нейтральныхъ государствъ, или частныхъ лицъ; 2) въ случаяхъ споровъ объ имуществѣ непріятельскомъ: a) когда оно находится на нейтральномъ кораблѣ, b) если непріятельскій корабль будетъ взятъ въ территоріальныхъ водахъ нейтральной державы и послѣдняя не возбудила объ этомъ дипломатической жалобы; c) въ случаяхъ нарушенія при взятіи какихъ либо договорныхъ обязательствъ между воюющими, или законныхъ постановленій, изданныхъ воюющимъ взятелемъ. Апелляція на рѣшеніе національныхъ судовъ можетъ быть возбуждаема, если эти рѣшенія являются неоправдываемыми либо фактически, либо юридически.

Въ указанныхъ условіяхъ обращеніе къ международному суду можетъ исходить со стороны: нейтральнаго государства, нейтральныхъ подданныхъ, если это не воспрещено ихъ отечествомъ, предпочитающимъ дѣйствовать вмѣсто нихъ, и со стороны непріятельскихъ подданныхъ. Въ случаяхъ компетенціи международнаго суда, суды національные разсматриваютъ дѣло только въ двухъ инстанціяхъ. Законъ воюющаго взятеля опредѣляетъ, когда допустимо перенесеніе дѣла въ международный судъ: послѣ ли разбора его въ первой инстанціи, или послѣ состоявшагося о немъ апелляціоннаго или касаціоннаго рѣшенія. Въ международный судъ можно обращаться и прямо, если національные суды не постановили окончательнаго рѣшенія о призѣ впродолженіе двухъ лѣтъ со дня его взятія.

Международный судъ примѣняетъ къ своимъ рѣшеніямъ постановленія существующихъ договоровъ между сторонами, или—начала международнаго права, или же общіе принципы справедливости (les principes généraux de la justice et de l'équité). Если судъ признаетъ законность приза, съ послѣднимъ поступаютъ по закону воюющаго взятеля; въ противномъ случаѣ, судъ распоряжается о возвращеніи корабля или груза ихъ собственникамъ и назначаетъ сумму вознагражденія за убытки. Если призъ былъ проданъ или истребленъ, судъ постановляетъ о вознагражденіи собственника. Если недѣйствительность взятія приза была бы признана національнымъ судомъ, международный судъ постановляетъ размѣръ убытковъ и процентовъ.

Международный призовой судъ составляется изъ дѣйствительныхъ членовъ и кандидатовъ. Это должны быть юристы, извѣстные своими знаніями въ вопросахъ морского международнаго права и пользующіеся

самою высокою нравственною безупречностію. Они назначаются договорными державами на шесть лѣтъ, считая со дня полученія извѣщенія о ихъ назначеніи административнымъ совѣтомъ, состоящимъ при постоянной третейской палатѣ въ Гаагѣ. Ихъ полномочія могутъ быть возобновлены. Они равны между собою и занимаютъ мѣста въ порядкѣ полученія извѣщенія объ ихъ назначеніи. При совпаденіи этихъ сроковъ предсѣдательствуетъ старшій. Кандидаты по своимъ функціямъ равны судьямъ, но занимаютъ мѣсто послѣ нихъ. Судъ дѣйствуетъ въ составѣ пятнадцати членовъ, но наличность девяти составляетъ законное число (quorum). Судьи, назначаемые восемью главными державами: Германіею, Австро-Венгріею, Великобританіею, Францію, Россіею, Италіею, С. Штатами и Японіею, засѣдаютъ постоянно. Судьи, назначаемые остальными государствами, засѣдаютъ по извѣстной очереди, указанной въ таблицѣ, прилагаемой къ настоящей статьѣ. (Они расположены погодно не въ одинаковомъ порядкѣ на шестилѣтній срокъ). Ихъ функціи могутъ быть послѣдовательно исполняемы однимъ и тѣмъ же лицомъ. Одинъ и тотъ же судья можетъ быть назначаемъ нѣсколькими державами. Въ томъ случаѣ, если воюющій, по указанной очереди не будетъ имѣть въ составѣ суда назначеннаго имъ члена, онъ можетъ потребовать, чтобы таковой принялъ участіе во всѣхъ дѣлахъ, возникающихъ изъ войны. Въ этомъ случаѣ жребій опредѣляетъ, кому изъ очередныхъ судей слѣдуетъ воздержаться отъ исправленія должности. Но это исключеніе не должно простираться на судью, назначеннаго другимъ воюющимъ. Никто не можетъ принимать участія въ засѣданіяхъ суда, если онъ выступалъ въ національныхъ судахъ, или дѣйствовалъ тамъ, какъ совѣтникъ или адвокатъ одной изъ сторонъ. Воюющій-взятель и нейтральные могутъ назначать въ судъ морскихъ офицеровъ (по одному отъ стороны), высшаго ранга, въ качествѣ асессора съ совѣщательнымъ голосомъ.

При наличности нѣсколькихъ заинтересованныхъ державъ, онѣ путемъ соглашенія, или, въ крайнемъ случаѣ, жребія, опредѣляютъ это лицо. Судъ находится въ Гаагѣ и только по крайности можетъ съ согласія державъ, перемѣнить свое мѣстопребываніе.

Остальныя статьи: о правахъ судей, порядкѣ производства и общихъ формальностяхъ договора тѣ же, что и въ третейскомъ договорѣ. Настоящая конвенція заключается на 12 лѣтъ.

Передъ Гаагскою конференціею было два проекта объ учрежденіи международнаго призового суда: германскій и англійскій. По первому—судъ предлагался временный, учреждаемый при каждой морской войнѣ; онъ состоитъ изъ пяти членовъ, и создается по одному такому суду на каждую пару противниковъ. Англія рекомендовала одинъ и постоянный судъ, не возобновляемый къ каждой войнѣ; въ составъ его входилъ бы одинъ членъ отъ каждаго государства, торговый флотъ котораго превосходилъ бы 800 тыс. тоннъ водоизмѣщенія. Судъ разбиралъ бы всѣ дѣла въ полномъ составѣ, за исключеніемъ однако, делегатовъ отъ воюющихъ. Текстъ, принятый конференціею, является нѣкоторымъ соглашеніемъ этихъ проектовъ, состоявшимся благодаря усиліямъ французскаго представителя Рено. На конференціи его одобрили 37 государствъ противъ Бразиліи. Воздержались отъ голосованія: Россія, Турція, Японія, Венецуэла, Доминго и Сіамъ. Относительно ст. 15 (о численности судей) сдѣланы оговорки Китаемъ, Японіею и восемью южно-американскими республиками.

За учрежденіе международнаго призового суда давно раздаются авторитетные голоса въ наукѣ. Особенно высказался за эту важную реформу Институтъ Международнаго Права еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда, въ качествѣ докладчика, ему представилъ свой капитальный трудъ Бульмеринкъ: «О правѣ призовъ».

Настоящая конвенція отмѣчена нѣкоторыми крупными недостатками: она не отмѣняетъ національныхъ призовыхъ судовъ, что создаетъ на практикѣ, вѣроятно, нерѣдкія коллизіи между ними и судомъ международнымъ въ процессуальныхъ вопросахъ. Она вводитъ относительно состава призового суда, не оправдываемый принципъ неравенства между государствами. Если даже допустить, что восемь великихъ державъ—первенствуютъ на морѣ, остальныя государства должны имѣть равный съ ними голосъ во всѣхъ вопросахъ права, пониманіе котораго въ ихъ средѣ часто развито не менѣе, если не болѣе, чѣмъ у сильныхъ міра сего. Въ виду же возможнаго недостатка у нихъ спеціалистовъ по морскому праву, имъ должна быть предоставлена свобода выбора таковыхъ изъ гражданъ великихъ морскихъ державъ. Конвенція не опредѣляетъ съ достаточною точностію нормы права, которыя имѣетъ примѣнять создаваемый ею судъ. Но, несмотря на эти недостатки и на отсутствіе единогласія при ея одобреніи делегатами, надо желать, чтобы государства дали ей свое утвержденіе и тѣмъ ускорили бы столь необходимое дальнѣйшее улучшеніе всего призового права, служившаго вѣчнымъ яблокомъ раздора между воюющими и нейтральными.

5.

Законы и обычаи сухопутной войны.

Вопросами войны вторая гаагская конференція занималась очень много къ великой досадѣ всѣхъ миролюбцевъ, полагающихъ, что войну надо отмѣнить, а не регулировать какими-то нормами, правами, что только затягиваетъ ея уничтоженіе. Съ этимъ мнѣніемъ, однако, нельзя согласиться: война должна исчезнуть постепенно въ силу успѣховъ всей культурной жизни человѣчества, а не рѣшеніями какихъ-либо собраній, хотя бы и наиболѣе авторитетныхъ. Поэтому, пока война существуетъ—дѣло правительствъ ее сдерживать и смягчать нормами права и тѣмъ, ограничивая и безъ того громадныя, приносимыя ею бѣдствія, помогать скорѣйшему возвращенію мира и его укрѣпленію.

Законы и обычаи сухопутной войны, въ частности, подверглись тщательному обсужденію и регулированію на двухъ конференціяхъ: въ Брюсселѣ (1874) и въ Гаагѣ (1899). Послѣдняя составила о нихъ утвержденныя правительствами конвенцію и положеніе. Эти акты были пересмотрѣны второю гаагскою конференціею и вновь ею одобрены съ двумя, однако, перемѣнами: послѣдній отдѣлъ разсматриваемаго положенія — «о воюющихъ, водворенныхъ въ нейтральномъ государствѣ» (ст. 57—60)—исключенъ изъ этого договора и перенесенъ въ новый: «о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ въ сухопутной войнѣ» (ст. 11—15). Затѣмъ, сдѣланы небольшія добавленія и исправленіи въ текстѣ. Само положеніе о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны въ новой редакціи состоитъ изъ 56 статей.

Главныя измѣненія слѣдующія: въ конвенцію введена новая статья (3): «*воюющій, который нарушитъ прилагаемое при семъ положеніе, обязанъ возмѣстить причиненные имъ убытки. Онъ отвѣчаетъ за всѣ дѣйствія, совершенныя лицами, входящими въ составъ его вооруженной силы*». Переходимъ къ положенію: населеніе незанятой непріятелемъ мѣстности, которое, при его приближеніи, не успѣвъ организоваться, подниметъ противъ него оружіе, пользуется правами воюющаго, если оно *открыто носитъ оружіе* и будетъ соблюдать законы и обычаи войны (ст. 2). Къ военноплѣннымъ заключеніе можетъ быть примѣнено лишь какъ необходимая мѣра безопасности *и только на время, которое требуется обстоятельствами* (ст. 5). Государство можетъ привлекать военноплѣнныхъ къ своимъ работамъ, сообразно съ ихъ чиномъ и способностями, *за исключеніемъ офицеровъ*. Работы, ими производимыя, оплачиваются по цѣнамъ, существующимъ для чиновъ мѣстной арміи, *или, за отсутствіемъ таковыхъ, по тарифу, сообразно съ выполненными ими работами* (ст. 6). Опредѣляются болѣе точно обязанности справочныхъ бюро о плѣнныхъ при составленіи ими именныхъ карточекъ и храненіи вещей послѣднихъ. *Карточки эти* (la fiche individuelle) *передаются воюющимъ ихъ отечеству при заключеніи мира* (ст. 14). Военноплѣнные офицеры получаютъ содержаніе такое же, какъ офицеры соотвѣтствующаго чина взявшаго ихъ государства, а не по окладамъ ихъ отечества (ст. 17). Къ недозволеннымъ средствамъ войны прибавлено: воспрещается *объявлять прекратившимися, пріостановленными или непріемлемыми въ судѣ притязанія и иски подданныхъ противной стороны. Также не дозволено воюющему принуждать непріятельскихъ подданныхъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ ихъ отечества, хотя бы эти лица состояли на службѣ у воюющаго до начала войны* (ст. 23).

Къ зданіямъ, охраняемымъ при бомбардировкѣ, отнесены еще: *историческіе памятники* (ст 27). *Воспрещено воюющему принуждать населеніе занятой мѣстности къ дачѣ свѣдѣній объ отечественномъ войскѣ или о средствахъ его обороны* (ст. 44, новая). Относительно реквизиціи добавлено, *чтобы полученныя услуги оплачивались возможно скоро* (ст. 52).

Подводные кабели, соединяющіе занятую непріятелемъ территорію съ нейтральною страною, могутъ быть захвачены или перерѣзаны лишь въ случаѣ крайней необходимости. Они должны быть возвращены, а причиненные этимъ убытки — опредѣлены при заключеніи мира (ст. 54, новая).

Къ этой конвенціи конференція прибавила важный *новый договоръ относительно начала враждебныхъ дѣйствій*. «Принимая въ соображеніе необходимость обезпечить безопасность мирныхъ сношеній,—говорится во вступленіи къ нему,—и чтобы враждебныя дѣйствія не начинались безъ предварительнаго о нихъ извѣщенія, которое особенно должно быть немедленно сообщено нейтральнымъ—державы признали за правило, чтобы враждебныя дѣйствія между ними не начинались безъ извѣщенія о томъ предварительнаго и недвусмысленнаго, облеченнаго въ форму либо мотивированнаго объявленія войны, либо ультиматума, содержащаго въ себѣ условно такое объявленіе». О войнѣ должно быть донесено безъ замедленія нейтральнымъ державамъ и эта нотификація, которая можетъ дѣлаться и по телеграфу, производитъ свое дѣйствіе съ момента ея полученія. Впрочемъ, нейтральныя державы не могутъ ссылаться на ея отсутствіе, если будетъ удостовѣрено, что онѣ фактически знали о состояніи войны.— Этотъ договоръ, выработанный по иниціативѣ Франціи, рѣшаетъ вопросъ,

давно обсуждавшійся въ литературѣ. Положительное его рѣшеніе стало особенно необходимымъ послѣ нападенія японцевъ на русскія суда въ Портъ-Артурѣ безъ всякаго объявленія войны—среди мира и ночью! Обострившіеся передъ этимъ въ сильной степени дипломатическіе переговоры между Петербургомъ и Токіо и даже перерывъ ихъ—не означали войны. Можно пожалѣть, что конференція не пошла еще далѣе и не приняла предложеніе Нидерландовъ о томъ, чтобы былъ установленъ между объявленіемъ войны и первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ извѣстный срокъ, напр., въ 24 часа.

Институтъ Международнаго Права также обсуждалъ, на послѣднемъ своемъ съѣздѣ въ Гентѣ (осенью 1906 г.), этотъ вопросъ объ объявленіи войны и рѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ, въ виду не только требованій международнаго права и честности, обязывающей народы въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, но и въ силу общаго интереса всѣхъ государствъ. Докладчикъ поэтому вопросу, Альберикъ Роленъ, предлагалъ установить между объявленіемъ и началомъ войны срокъ въ семь дней для войны сухопутной и двухнедѣльный для морской. Но Институтъ не опредѣляя точнѣе этотъ вопросъ, упоминаетъ только «о срокѣ достаточномъ» для того, чтобы не сдѣлать призрачнымъ правило о предварительномъ и недвусмысленномъ извѣщеніи»*).

Конференція далѣе возобновила *первую изъ трехъ декларацій*, принятыхъ въ Гаагѣ въ 1899 г., воспрещающую метаніе снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ съ воздушныхъ шаровъ или при помощи иныхъ подобныхъ новыхъ способовъ. Эта декларація была принята на пятилѣтній срокъ, нынѣ она продолжена «до окончанія третьей конференціи мира». Нельзя не пожалѣть о томъ, что было отклонено предложеніе С. Штатовъ о включеніи въ третью декларацію **) воспрещенія употребленія «всякихъ пуль, причиняющихъ раны излишне-жестокія», какъ, напр., пуль разрывающихся и, вообще такихъ, которыя идутъ далѣе прямой необходимой цѣли, состоящей въ томъ, чтобы лишить человѣка возможности участвовать въ боѣ...

Конференція одобрила (39 голосами при 3 воздержавшихся) *договоръ объ ограниченіи примѣненія вооруженной силы при взысканіи договорныхъ долговъ*. Этимъ договоромъ державы обязываются не прибѣгать къ вооруженной силѣ для взысканія такихъ долговъ, требуемыхъ правительствомъ одной изъ нихъ въ пользу своихъ подданныхъ отъ другой. Но это обстоятельство неприменимо, когда государство-должникъ отказалось отъ третейскаго суда или оставило безъ отвѣта предложеніе объ обращеніи къ таковому, или, принявъ предложеніе, дѣлаетъ невозможнымъ заключеніе компромисса, или, наконецъ, не подчиняется состоящемуся третейскому рѣшенію. Порядокъ производства этого суда опредѣляется правилами мирной гаагской конференціи. Рѣшеніе суда устанавливаетъ, за отсутствіемъ другого спеціальнаго соглашенія сторонъ, основательность долгового притязанія, величину долга, время и способъ его уплаты.

Этотъ договоръ состоялся по иниціативѣ Портера, делегата С. Штатовъ. Принципъ, въ немъ проводимый, былъ впервые формулированъ

---

*) Annuaire de l'Institut de Droit intern. Vol. 21; p. 292—293; 54—55.

**) Ею державы обязались: „не употреблять пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ, къ каковымъ относятся оболочечныя пули, коихъ твердая оболочка не покрываетъ всего сердечника или имѣетъ нарѣзы".

и подробно разработанъ другимъ членомъ конференціи, Драго, представителемъ Аргентины *). Практически это начало имѣетъ большое значеніе для республикъ Америки **), нерѣдко очень задолженныхъ государствъ Европы и весьма неаккуратныхъ, по своей политической и экономической неурядицѣ, въ уплатѣ своимъ кредиторамъ,—но подобные примѣры встрѣчаются и съ другими странами. Разобранный договоръ поэтому особенно важенъ тѣмъ, что онъ пытается замѣнить грубое самоуправство сторонъ правильнымъ, юридическимъ огражденіемъ ихъ правъ и интересовъ.

6.

Законы и обычаи морской войны.

Вторая гаагская конференція, по примѣру двухъ своихъ предшественницъ (брюссельской 1874 г. и первой гаагской 1899 г.), занималась не только кодификаціею законовъ и обычаевъ *сухопутной* войны, но и впервые приступила къ таковой же регламентаціи *морской* войны. Въ виду, однако, новизны и сложности этой матеріи (спорности на практикѣ многихъ важныхъ пунктовъ), конференція сдѣлала эту трудную работу лишь отчасти и результаты ея изложила не въ одномъ актѣ (на подобіе акта о сухопутной войнѣ), а въ слѣдующихъ шести конвенціяхъ: 1) о положеніи непріятельскихъ торговыхъ кораблей при началѣ враждебныхъ дѣйствій; 2) о превращеніи торговыхъ судовъ въ военныя; 3) о заложеніи подводныхъ минъ; 4) о бомбардированіи военно-морскими силами во время войны; 5) о приспособленіи къ морской войнѣ началъ женевской конвенціи и 6) о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ права взятія (capture) въ морской войнѣ.

Первая изъ перечисленныхъ конвенцій заключена державами, въ силу ихъ желанія оградить международную торговлю отъ сюрпризовъ войны и доставить, сообразно современной практикѣ, насколько возможно, безопасность торговымъ операціямъ, предпринятымъ добросовѣстно и застигнутымъ началомъ враждебныхъ дѣйствій. Желательно, чтобы торговому кораблю, принадлежащему одной изъ воюющихъ державъ и находящемуся, при началѣ враждебныхъ дѣйствій, въ непріятельскомъ портѣ, была предоставлена свобода выйти изъ него немедленно или по истеченіи достаточно льготнаго срока, для непосредственнаго достиженія имъ, по полученіи разрѣшенія на проѣздъ (laisser-passer), своего порта назначенія или какого-либо другого, который ему будетъ указанъ. Это же правило прилагается къ кораблю, вышедшему изъ послѣдняго порта до начала войны и вошедшему въ непріятельскій портъ, не зная о ней. Торговый корабль, который въ силу неотразимыхъ обстоятельствъ (force majeure) будетъ лишенъ возможности выйти изъ непріятельскаго порта въ назначенный ему срокъ или которому будетъ отказано въ выходѣ, не подлежитъ конфискаціи. Воюющій можетъ только его задержать (saisir),

*) *Drago.* Les emprunts d'Etat et leurs rapports avec la politique internationale („Revue générale de droit international public". 1907. № 2). *Moulin.* La doctrine de Drago. (ib. № 3 et 4).

**) Недавній случай съ Венецуэлой.

подъ условіемъ его выдачи по окончаніи войны безъ уплаты вознагражденія, или онъ можетъ пользоваться его услугами (réquisitionner), съ обязательствомъ уплаты такового. Непріятельскія торговыя суда, покинувшія послѣдній портъ до начала войны и, не зная о ней, встрѣченныя въ морѣ, не подвергаются конфискаціи. Они могутъ быть, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, задерживаемы, используемы или даже уничтожаемы, но подъ условіемъ сохраненія ихъ личнаго состава и корабельныхъ бумагъ. Если же они зашли въ отечественный или нейтральный портъ, они подчиняются законамъ и обычаямъ морской войны. Грузъ непріятельскихъ судовъ подлежитъ ихъ участи вмѣстѣ съ кораблемъ или отдѣльно. Настоящій договоръ не распространяется на суда, постройка которыхъ показываетъ, что они предназначаются для военной службы. Онъ приложимъ только къ договорнымъ державамъ и лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ воюющіе приняли эту конвенцію.

Этому договору можно сдѣлать два упрека: признаваемое въ немъ обязательство охраны кораблей облечено въ форму желательнаго, а не категорическаго, и даваемый имъ для выхода льготный срокъ не опредѣленъ въ точности.

Конвенція о *превращеніи торговыхъ судовъ въ военныя* вызвана двумя мотивами: желаніемъ правительствъ опредѣлить болѣе точнымъ образомъ условія этого превращенія и невозможностью ихъ соглашеній на счетъ этого превращенія въ открытомъ морѣ. Поэтому вопросъ о мѣстѣ превращенія не затронутъ въ самомъ договорѣ.

Никакое торговое судно, превращенное въ военное, не пользуется правами и обязанностями такового, если оно не поставлено подъ непосредственную власть, контроль и отвѣтственность державы, чей флагъ оно носитъ. Оно должно имѣть внѣшніе отличительные знаки, присущіе военнымъ судамъ его національности. Командиръ его долженъ состоять на государственной службѣ своего отечества и быть облеченнымъ своими полномочіями компетентною властью. Имя его должно быть занесено въ списокъ офицеровъ военнаго флота. Экипажъ такого судна долженъ подчиняться правиламъ военной дисциплины. Всякое торговое судно, превращенное въ военное, обязано въ своихъ дѣйствіяхъ подчиняться законамъ и обычаямъ войны. Воюющій, превращающій торговое судно въ боевое, долженъ, при первой возможности, занести его имя въ списокъ своего военнаго флота.

Совершенно новою представляется конвенція о *подводныхъ минахъ*. Истребительная ихъ сила для мирной нейтральной торговли особенно сказалась въ русско-японскую войну и въ двоякомъ, такъ сказать, направленіи: онѣ уносятся вѣтрами и теченіями далеко отъ мѣста ихъ первоначальнаго заложенія; онѣ, сохраняя долго свою разрушительную силу, взрываются при столкновеніи съ ними и значительное время спустя по окончаніи войны. Кто отвѣтственъ за подобное истребленіе человѣческихъ жизней и имуществъ? Съ другой стороны, совершенно отказаться отъ ихъ употребленія не согласны тѣ государства, слабѣйшія на морѣ, которыя видятъ въ плавучихъ минахъ могущественное орудіе обороны своихъ побережій и даже нападенія противъ сильнѣйшаго врага. Эти противоположныя теченія сказались на конференціи и въ текстѣ принятаго ею соглашенія. Во время русско-японской войны отъ этого новаго орудія борьбы болѣе всего пострадали Китай, вслѣдствіе своего географическаго положенія, и Англія по значительности ея морской торговли. По-

этому неудивительно, что послѣдняя, всегдашняя противница всякой реформы въ области морской войны, выступила въ Гаагѣ рѣшительною защитницею интересовъ нейтральныхъ противъ дѣйствій этихъ морскихъ, подводныхъ вулкановъ. Ея представитель капитанъ Отлей особенно отстаивалъ точку зрѣнія своего отечества. По англійскому проекту предлагалось совершенное запрещеніе минъ не прикрѣпленныхъ (non-amarrée), а изъ прикрѣпленныхъ допущеніе лишь такихъ, которыя становились бы безвредными съ момента ихъ оторванія. Кромѣ того, и мины прикрѣпленныя не должны бы раскидываться по путямъ нейтральныхъ, а разставляться лишь въ территоріальныхъ водахъ воюющаго, по сосѣдству съ военными портами, а не торговыми, блокированіе которыхъ допустимо лишь военными судами. Въ угоду воюющимъ Отлей соглашался на расширеніе морской границы съ классическихъ трехъ миль отъ берега до десяти миль съ пункта постановки орудій на берегу. Наконецъ нейтральные должны быть своевременно освѣдомлены о грозящихъ имъ опастностяхъ.

Эти широкія либеральныя воззрѣнія Англіи не восторжествовали на конференціи. Имъ оказали оппозицію Германія и другія государства, во имя интереса самообороны на морѣ.

Принятая въ Гаагѣ конвенція, будучи далеко не полною, все-таки представляетъ извѣстный шагъ впередъ на пути смягченія и регулированія морской войны. Къ сожалѣнію, она заключается лишь на семь лѣтъ, но съ оговорками, что можетъ быть продолжена и послѣ этого срока, а также ранѣе него пересмотрѣна и продолжена третьею конференціею.

Не имѣя возможности регулировать вопросъ о минахъ такимъ образомъ, чтобы обезпечить, какъ слѣдуетъ, всѣ затрагиваемые ими интересы, державы, однако, воодушевились при составленіи настоящаго договора принципомъ свободы морскихъ путей, доступныхъ для всѣхъ народовъ. При современномъ положеніи вещей онѣ полагаютъ, что нельзя запретить употребленіе подводныхъ минъ, ударныхъ и дѣйствующихъ автоматично (mines sous-marines automatiques de contact), но, съ другой стороны, необходимо, насколько возможно, опредѣлить и регулировать ихъ употребленіе въ видахъ уменьшенія жестокостей (rigueurs) войны и предоставленія мирному судоходству безопасности, на которое оно имѣетъ право, несмотря на состояніе войны. Поэтому воспрещается: 1) разставлять упомянутыя мины, если онѣ не устроены такъ, что становятся безвредными не позднѣе часа послѣ того, какъ расположившій ихъ потерялъ надъ ними контроль; 2) закладывать такія мины, которыя не становятся безопасными, когда порвутъ свои прикрѣпленія (amarres); 3) употреблять торпеды не дѣлающіяся безвредными послѣ того, какъ онѣ не достигли своей цѣли. Равно воспрещается располагать указанныя мины вдоль побережій и передъ портами противника съ исключительною цѣлью помѣшать торговому судоходству. Въ случаяхъ употребленія ударно-автоматическихъ прикрѣпленныхъ минъ должны быть приняты всѣ мѣры безопасности по отношенію къ мирному судоходству. Воюющіе обязаны, въ границахъ возможнаго, позаботиться о томъ, чтобы эти мины, по истеченіи краткаго срока, становились безвредными, а въ тѣхъ случаяхъ, когда они перестанутъ надъ ними наблюдать, — обозначить опасныя мѣста, какъ только имъ позволятъ это военныя обстоятельства, и довести объ этомъ до свѣдѣнія правительствъ дипломатическимъ путемъ. Тѣ же

мѣры предосторожности и заблаговременныя предупрежденія путемъ дипломатическимъ обязательны для державъ нейтральныхъ, если онѣ примѣняютъ къ своимъ берегамъ такія мины. При окончаніи войны каждый изъ воюющихъ дѣлаетъ все отъ него зависящее для вылавливанія минъ, имъ брошенныхъ. Что же касается до минъ, разставленныхъ у непріятельскихъ береговъ, каждая держава обязана указать противнику мѣсто ихъ расположенія и въ кратчайшій срокъ удалить ихъ въ собственныхъ территоріальныхъ водахъ. Если державы еще не обладаютъ тѣми усовершенствованными типами минъ, о которыхъ говоритъ настоящій договоръ, онѣ обязаны перестроить ихъ въ ближайшемъ будущемъ, чтобы сдѣлать настоящій договоръ осуществимымъ.

Повторяемъ, эта конвенція очень любопытна: она не только дѣлаетъ новую и смѣлую попытку хотя нѣсколько ограничить одно изъ самыхъ истребительныхъ орудій морской войны (въ которой доселѣ царилъ только произволъ сильнѣйшаго), но и затрогиваетъ попутно великіе принципы свободы океана и безопасности міровой и мирной торговли,—принципы, которые силою вещей призваны все рѣшительнѣе сдерживать самоволіе воюющихъ на моряхъ.

Конвенція *о бомбардированіи морскими силами городовъ и поселеній* была составлена въ исполненіе пожеланія, высказаннаго первою гаагскою конференціею. Державы, одушевленныя желаніемъ обезпечить права жителей и сохраненіе главныхъ зданій, рѣшили примѣнить къ настоящему договору, насколько возможно, начала, признанныя ими въ положеніи 1899 г. о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны. Наконецъ, ими руководило общее стремленіе стать на стражу интересовъ человѣколюбія и положить предѣлъ суровостямъ и истребительности войны.

По этимъ мотивамъ онѣ постановили: воспретить бомбардированіе морскими силами портовъ, городовъ, селеній и зданій не защищаемыхъ. Нельзя открыть огонь противъ мѣстности лишь на томъ основаніи, что передъ ея гаванью заложены автоматическія ударныя мины. Однако, въ это запрещеніе не входитъ военныя и морскія сооруженія, склады оружія или военныхъ запасовъ и, вообще, предметы, могущіе служить потребностямъ флота или непріятельской арміи, а равно военные корабли, стоящіе въ портѣ. Командующій морскими силами можетъ, по предупрежденіи и истеченіи разумнаго срока, истребить ихъ артиллерійскимъ огнемъ, за неимѣніемъ другихъ средствъ и если мѣстныя власти сами ихъ не истребятъ въ положенный срокъ. Въ этомъ случаѣ командующій не отвѣчаетъ за невольные убытки, которые можетъ причинить бомбардированіе. Если бы военная необходимость потребовала немедленнаго обстрѣливанія и не позволила бы дарованія извѣстнаго срока, запрещеніе бомбардированія не защищаемаго города, выше выставленное, остается въ силѣ, но командующій долженъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы обстрѣливаніе принесло городу какъ можно менѣе вреда.

Мѣстности открытыя могутъ, послѣ извѣщенія, подлежать бомбардированію въ томъ случаѣ если мѣстныя власти, несмотря на формальное требованіе, откажутъ въ реквизиціи или поставкѣ предметовъ натурою на содержаніе и нужды флота, явившагося передъ этою мѣстностью. Эти реквизиціи должны стоять въ соотвѣтствіи со средствами мѣстности. Онѣ взимаются лишь съ разрѣшенія командующаго флотомъ и оплачиваются, насколько возможно, наличною монетою; въ противномъ случаѣ взиманіе ихъ удостовѣряется расписками. Для полученія же контрибуцій

(денежныхъ суммъ) бомбардированіе воспрещается. При бомбардированіи, какъ и въ сухопутной войнѣ, нападающій долженъ насколько возможно, щадить зданія, посвященныя религіи, искусствамъ, наукамъ, благотворительности, историческіе памятники, больницы и пункты сосредоточенія больныхъ и раненыхъ, подъ условіемъ, чтобы всѣ эти мѣста не служили военнымъ цѣлямъ и были распознаваемы издали извѣстными внѣшними знаками. Кромѣ случаевъ неотразимой военной нужды, командующій нападающею эскадрою обязанъ до открытія огня сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы предупредить объ этомъ мѣстныя власти. Воспрещается предавать разграбленію городъ или мѣстность, взятые открытою силою.

Настоящій договоръ заслуживаетъ особаго вниманія, потому что представляетъ первую попытку ограничить нѣкоторыми правилами одну изъ самыхъ убійственныхъ операцій морской войны: кромѣ случаевъ неотразимой необходимости, онъ требуетъ со стороны нападающаго предварительнаго извѣщенія объ этомъ мѣстныхъ властей и рекомендуетъ, даже при бомбардировкѣ, пощаду извѣстныхъ зданій, служащихъ великимъ гуманнымъ цѣлямъ.

Первая гаагская конференція составила *конвенцію о примѣненіи къ морской войнѣ началъ женевской конвенціи* 1864 г. Но съ тѣхъ поръ на новой женевской же конференціи 1906 г. *) договоръ 1864 г. объ охранѣ больныхъ и раненыхъ на войнѣ подвергся значительному расширенію и переработкѣ въ сторону увеличенія правомочій воюющаго и возложенія на него большей отвѣтственности, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, большаго стѣсненія правъ лицъ, охраняемыхъ женевскимъ договоромъ. Того и другого давно требовали военные. Теперь эти измѣненія были перенесены и на конвенцію 1899 г., такъ что вмѣсто прежнихъ 14 статей въ договорѣ 1907 г. ихъ имѣется 28, и онѣ, какъ сказано, повторяютъ, въ своихъ новыхъ частяхъ, постановленія конвенціи 1906 г., поскольку они приложимы къ условіямъ морской войны. Измѣненію и частному расширенію подверглись статьи (редакціи 1899 г.): 3, 5, 6, 7; совершенно новыми представляются (въ договорѣ 1907 г.) статьи: 6—8, 12, 13, и 15—22. Державы, которыя не присоединились бы къ конвенціи 1906 г., а остались бы вѣрными договору 1864 г., удерживаютъ за собою право держаться и впредь соглашенія 1899 года.

Послѣдняя, шестая, военно-морская конвенція, выработанная въ Гаагѣ въ 1907 г., касается *нѣкоторыхъ ограниченій права захвата въ морской войнѣ*. Она говоритъ о свободѣ почтовой корреспонденціи, объ изъятіи отъ захвата (capture) нѣкоторыхъ категорій судовъ и о положеніи экипажей непріятельскихъ торговыхъ судовъ, взятыхъ воюющимъ.

Соображенія, руководившія делегатами при выработкѣ этого договора, таковы; признаніе необходимости лучше обезпечить, нежели это дѣлалось доселѣ, справедливое (équitable) примѣненіе права къ международнымъ отношеніямъ на морѣ во время войны; для достиженія этой цѣли нужно либо отказаться отъ нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ правилъ старой практики, либо въ извѣстныхъ случаяхъ, найти согласованіе ихъ въ общемъ интересѣ. Это требуетъ кодификаціи общихъ правилъ, обезпечивающихъ мирную торговлю и безобидный трудъ, съ одной стороны, а съ другой—веденіе враждебныхъ дѣйствій на морѣ. Въ этихъ видахъ

*) О ней см. ст. *Delpech*. „La conférence de révision de la convention de Genève (11 juin—6 juillet 1906)“ въ „Revue génér. de dr. int. public“. 1906. № 6.

нужно, въ совмѣстныхъ письменныхъ соглашеніяхъ, установить принципы, которые до сихъ поръ составляли предметъ споровъ между правительствами или зависѣли отъ ихъ усмотрѣнія. Установленіе такихъ то правилъ возможно уже теперь безъ ущерба нынѣ дѣйствующему праву въ области тѣхъ вопросовъ, которыхъ они не касаются.

Почтовая корреспонденція нейтральныхъ или воюющихъ, какъ офиціальная, такъ и частная, неприкосновенна, независимо отъ того, находится ли она на нейтральномъ или непріятельскомъ кораблѣ. Въ случаѣ задержанія корабля она должна быть препровождена далѣе взятелемъ по возможности безъ замедленія. Это правило не примѣняется къ корреспонденціи, направленной въ портъ блокированный или изъ него. Неприкосновенность почтовой корреспонденціи не освобождаетъ нейтральные почтовые пароходы отъ законовъ и обычаевъ морской войны, дѣйствующихъ по отношенію къ нейтральнымъ торговымъ судамъ вообще. Но ихъ осмотръ, допускаемый лишь въ случаѣ необходимости, долженъ совершаться съ возможною предупредительностью (ménagements) и быстротою.

Не подлежатъ захвату мелкія суда, занятыя побережною рыбною ловлею или мѣстнымъ судоходствомъ, равно какъ и находящіеся на нихъ снаряды, снасти и грузы. Но ихъ неприкосновенность исчезаетъ съ того момента, какъ только они, какимъ-либо способомъ, примутъ участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ. Договорныя державы обязываются не пользоваться этими мирными судами для какихъ-либо военныхъ цѣлей. Свободою отъ захвата пользуются также суда, служащія цѣлямъ религіознымъ, научнымъ и человѣколюбивымъ.

Въ случаѣ взятія непріятельскаго торговаго судна, экипажъ его, составленный изъ нейтральныхъ гражданъ, не подлежитъ военному плѣну. Это простирается и на его капитана и офицеровъ (также нейтральныхъ), если они письменно дадутъ формальное обязательство не служить на какомъ-либо непріятельскомъ кораблѣ въ теченіе данной войны. Тѣ же лица, подданные непріятельскаго государства, не становятся плѣнными, если они дадутъ письменное формальное обѣщаніе не принимать участія, въ теченіе войны, въ какихъ-либо дѣйствіяхъ, имѣющихъ съ нею связь. Имена лицъ, о которыхъ рѣчь въ настоящемъ договорѣ, сообщаются взятелемъ другому воюющему. Послѣднему воспрещается пользоваться завѣдомо ихъ услугами. Постановленія этихъ послѣднихъ статей не примѣняются къ судамъ, которыя примутъ участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ.

7.

О правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ.

За кодификаціей, хотя далеко неполною, нормъ морской войны гаагская конференція приступила къ регулированію, пока также частичному, договорныхъ началъ о положеніи нейтральныхъ. Эта область не менѣе важна и спорна, какъ и право войны, съ которымъ она такъ неразрывно связана. До извѣстной степени отъ положенія нейтральныхъ зависитъ исходъ войны. Всѣмъ памятны жалобы, вызванныя пребываніемъ эскадры Рождественскаго въ водахъ французскихъ владѣній и въ особенности въ бухтѣ Камранъ. Соображенія человѣколюбія побуждаютъ иногда

нейтральныхъ отступиться въ пользу несчастнаго воюющаго отъ строгихъ принциповъ права. Въ противоположность Франціи, Англія значительно усилила суровость этихъ принциповъ во время русско-японской войны.

Положенію *нейтральныхъ* гаагская конференція посвятила двѣ конвенціи: одна говоритъ о нихъ по случаю *сухопутной войны*, другая по поводу *войны морской*.

Первая (изъ 25 статей) содержитъ въ себѣ слѣдующія главы: права и обязанности нейтральныхъ державъ; о воюющихъ, водворенныхъ въ нейтральномъ государствѣ, и о раненыхъ, находящихся у него на излѣченіи (взято изъ военной конвенціи 1899 г. съ прибавленіемъ одной новой ст. 13); нейтральныя лица: желѣзнодорожный матеріалъ и заключительныя постановленія.

Поводомъ къ выработкѣ настоящаго договора державы признаютъ необходимость выясненія положенія воюющихъ, перешедшихъ на нейтральную территорію, а равно болѣе точнаго опредѣленія положенія нейтральныхъ вообще, пока не удастся имъ впослѣдствіи урегулировать въ его цѣлости вопросъ объ отношеніяхъ частныхъ нейтральныхъ лицъ къ воюющимъ.

Территорія нейтральныхъ державъ, говоритъ конвенція, неприкосновенна. Воюющимъ воспрещается перевозить чрезъ нейтральную территорію войска или транспорты съ военными или иными припасами; установлять на ней радіо-телеграфическую станцію, или какой-либо иной снарядъ, предназначенный къ сношеніямъ воюющаго съ его военными силами, на сушѣ или на морѣ; пользоваться, вообще, этими средствами сношеній, если они были устроены воюющимъ на нейтральной территоріи до начала войны и въ цѣляхъ исключительно военныхъ, и если они не были открыты для общественнаго пользованія. На нейтральной территоріи не допускаются: образованіе отрядовъ волонтеровъ въ пользу воюющихъ, или открытіе бюро для вербованія таковыхъ. Указанныя дѣянія не должны быть терпимы нейтральнымъ правительствомъ, но оно отвѣчаетъ за нихъ лишь въ томъ случаѣ, если эти дѣянія совершаются на его территоріи. Нейтральной державѣ не вмѣняется въ отвѣтственность фактъ перехода отдѣльными лицами ея границы на службу къ воюющему. Она не обязана воспрещать вывозъ или транзитъ, за счетъ того или другого воюющаго, оружія, военныхъ припасовъ и, вообще, всего, пригоднаго для арміи или флота. Равно она не должна воспрещать или ограничивать пользованіе воюющими проводами телеграфовъ, телефоновъ или безпроволочнымъ телеграфомъ, независимо отъ того, принадлежатъ ли они государству или частнымъ компаніямъ и лицамъ. При этомъ мѣры, принимаемыя нейтральнымъ (запретительныя или ограничительныя), должны одинаково примѣняться ко всѣмъ воюющимъ. Отраженіе нейтральнымъ, даже силою, посягательствъ на его положеніе не является дѣйствіемъ враждебнымъ.

Новая ст. 13 говоритъ: «нейтральная держава, допускающая къ себѣ бѣжавшихъ военноплѣнныхъ, оставляетъ ихъ на свободѣ, но указываетъ имъ мѣстопребываніе. То же примѣняется и къ плѣннымъ, приведеннымъ непріятельскою арміею, вступившею на нейтральную территорію».

Нейтральными признаются граждане государства, не принимающаго участія въ войнѣ.

Они теряютъ этотъ характеръ, если они: 1) совершатъ враждебное дѣйствіе противъ воюющаго; 2) совершатъ какое-либо дѣйствіе въ его пользу, въ особенности, если они добровольно поступятъ въ ряды его

войскъ. Но въ этихъ случаяхъ воюющій долженъ обращаться съ нейтральными, которые будутъ противъ него дѣйствовать, не болѣе сурово, чѣмъ съ гражданами противной стороны за соотвѣтствующія дѣйствія.

Не считаются дѣйствіями, совершенными въ пользу воюющаго поставки и займы, даваемыя одной изъ воюющихъ сторонъ, если лица, въ нихъ участвующія, не живутъ на территоріи противной стороны, или въ области его занятій, а также, когда предметы поставляемые не происходятъ изъ этихъ странъ. Кромѣ того, нейтралитетъ не нарушается лицами, оказавшими услуги мѣстнымъ властямъ въ дѣлахъ полиціи или гражданскаго управленія.

Желѣзнодорожный матеріалъ, происходящій изъ нейтральныхъ государствъ, независимо отъ того, принадлежитъ ли онъ государству, или частнымъ обществамъ и лицамъ, если только принадлежность его распознаваема (reconnaissable comme tel), можетъ быть взятъ и используемъ воюющимъ только въ случаяхъ и въ предѣлахъ крайней необходимости, и долженъ быть при первой же возможности отосланъ въ страну, которой онъ принадлежитъ. Нейтральная держава, въ случаѣ нужды, располагаетъ такимъ же правомъ по отношенію желѣзнодорожнаго матеріала воюющихъ. Въ обоихъ случаяхъ уплачивается вознагражденіе соразмѣрно съ стоимостью использованнаго матеріала и продолжительностью пользованія имъ.

Конвенція *о положеніи нейтральныхъ въ морской войнѣ* представляетъ только небольшое начало кодификаціи этой обширной матеріи. Она касается, главнымъ образомъ, пребыванія военныхъ судовъ (и призовъ), воюющихъ въ нейтральныхъ водахъ и портахъ, а также пользованія ими вообще воюющими. При этомъ, она частію повторяетъ извѣстныя правила Вашингтонскаго договора 1871 г. по Алабамскому спору, (объ обязанностяхъ нейтральныхъ), частію освѣщаетъ практику по этимъ вопросамъ Англіи въ русско-японской войнѣ. Это можетъ вызвать сомнѣніе въ томъ, на сколько присоединятся къ конвенціи континентальныя державы Европы, часто расходившіяся съ Англіей въ вопросахъ морского права и нейтралитета вообще.

Тѣмъ не менѣе, конвенція, по своему содержанію, заслуживаетъ вниманія.

Трудность, которую пришлось преодолѣть при ея заключеніи, выступаетъ изъ мотивовъ къ ней, довольно растянутыхъ и противорѣчивыхъ. Конвенція заключается въ видахъ уменьшенія разногласій, возникающихъ въ морскихъ войнахъ между воюющими и нейтральными и ведущихъ къ столкновеніямъ между ними. До сей поры еще невозможно договорное соглашеніе относительно всѣхъ обстоятельствъ, представляющихся тутъ на практикѣ. Случаи, не предусмотрѣнные настоящею конвенціею, подлежатъ дальнѣйшему регулированію общихъ принциповъ международнаго права. Желательно, однако, чтобы державы выставили точныя правила относительно послѣдствій, вытекающихъ изъ принятаго ими понятія нейтралитета; чтобы онѣ примѣняли эти правила безпристрастно ко всѣмъ воюющимъ, и не отступали отъ нихъ въ теченіе данной войны, если только на опытѣ не будетъ доказана необходимость ихъ нарушенія требованіями охраны собственныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, принятыя въ конвенціи общія правила ни въ чемъ не подрываютъ договорныхъ соглашеній, существующихъ въ общихъ трактатахъ.

Переходимъ къ самой конвенціи: воюющіе обязаны уважать вер-

ховныя права нейтральныхъ державъ и воздерживаться, въ предѣлахъ территорій и водъ послѣднихъ, отъ всякихъ такихъ дѣйствій, которыя составили бы, со стороны допустившихъ ихъ государствъ, нарушеніе ихъ нейтралитета. Всякія враждебныя дѣйствія, въ томъ числѣ захватъ, (торговыхъ судовъ, capture), или примѣненіе права осмотра, совершенные военными кораблями воюющаго въ водахъ нейтральной державы, суть нарушенія нейтралитета и строго воспрещаются. Въ случаѣ взятія корабля въ территоріальныхъ водахъ нейтральной державы, послѣдняя должна, пока призъ находится въ предѣлахъ ея юрисдикціи, употребить всѣ зависящія отъ нея мѣры къ освобожденію приза съ находящимися на немъ офицерами и экипажемъ, а если послѣдній былъ переведенъ на корабль взятеля, къ его водворенію (у себя). Если же призъ находится уже внѣ юрисдикціи нейтральной державы, правительство взятеля, должно, по ея просьбѣ, отпустить призъ съ его офицерами и экипажемъ.

Никакой призовой судъ не можетъ быть учрежденъ воюющимъ на нейтральной территоріи, или хотя бы на его кораблѣ, но въ нейтральныхъ водахъ.

Воспрещается воюющимъ дѣлать изъ портовъ и водъ нейтральныхъ базу для его морскихъ операцій противъ его противника, въ особенности установлять въ нихъ станціи радіо-телеграфическія, или всякіе аппараты, предназначенные служить ему средствами сношеній съ его вооруженными силами, на сушѣ или на морѣ. Воспрещается передача, на какомъ бы то ни было основаніи, прямая или косвенная, нейтральною державою воюющему военныхъ судовъ, припасовъ, а равно всякаго военнаго матеріала. Но нейтральная держава не обязана мѣшать вывозу или транзиту (со стороны частныхъ лицъ), за счетъ одного изъ воюющихъ, оружія, военныхъ припасовъ и вообще всего, что можетъ быть полезно для арміи и для флота. Нейтральное правительство должно употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, для того чтобы помѣшать, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, снаряженію и вооруженію всякаго корабля, относительно котораго оно можетъ, на достаточномъ основаніи, предположить, что корабль этотъ предназначается къ крейсерству или къ участію во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ державы, съ которой это нейтральное правительство находится въ мирѣ. Также недопустимо для него разрѣшеніе выхода, изъ предѣловъ его юрисдикціи, такимъ судамъ, которыя были, въ цѣломъ или въ частяхъ, приспособлены къ военнымъ цѣлямъ. Нейтральная держава должна примѣнять одинаково къ обоимъ воюющимъ принимаемыя ею мѣры, ограниченія и запрещенія относительно допущенія въ ея порты, бухты и территоріальныя воды военныхъ кораблей воюющихъ и взятыхъ ими призовъ. Впрочемъ, она можетъ воспретить доступъ кораблямъ той державы, которая нарушитъ ея законы и распоряженія, или вообще правила нейтралитета. Простой проходъ военныхъ судовъ воюющаго и ихъ призовъ по территоріальнымъ водамъ нейтральнаго не составляетъ нарушенія нейтралитета. Нейтральная держава можетъ предоставлять воюющему пользоваться ея патентованными (brevetés) лоцманами.

За исключеніемъ другихъ, особыхъ постановленій въ законахъ нейтральной державы, военнымъ кораблямъ воюющихъ воспрещается пребывать въ портахъ, бухтахъ и территоріальныхъ водахъ этой державы сверхъ 24 часовъ, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ договоромъ. Это правило дѣйствуетъ и при открытіи войны. Военные ко-

рабли воюющаго могутъ продлить свое пребываніе въ нейтральномъ портѣ сверхъ указаннаго имъ законнаго срока лишь въ случаяхъ своей порчи или непогоды. Но они должны покинуть этотъ портъ какъ только исчезнетъ причина ихъ задержки. Настоящее правило объ ихъ пребываніи въ нейтральныхъ водахъ не примѣняется къ судамъ, исключительно служащимъ цѣлямъ религіознымъ, научнымъ и филантропическимъ. При отсутствіи иныхъ спеціальныхъ законовъ въ нейтральной странѣ число военныхъ судовъ воюющихъ, допускаемыхъ одновременно въ нейтральный портъ, не должно превышать трехъ. Если такіе корабли, принадлежащіе двумъ противнымъ сторонамъ, встрѣтятся въ нейтральномъ портѣ, то между выходомъ изъ него одного изъ нихъ и выходомъ другого должно пройти, по крайней мѣрѣ, 24 часа. Приказъ объ отъѣздѣ опредѣляется временемъ приказа о прибытіи, за исключеніемъ того случая, когда корабль, прибывшій ранѣе, находится въ такомъ положеніи, что продленіе ему срока пребыванія допустимо. Военный корабль не можетъ выйти изъ нейтральнаго порта ранѣе 24 часовъ послѣ того, какъ его покинулъ корабль торговой противной стороны.

Въ портахъ и заливахъ нейтральныхъ военные корабли воюющихъ могутъ исправлять свои поврежденія лишь въ границахъ, необходимыхъ для безопасности ихъ плаванія, а не для увеличенія какимъ бы то ни было способомъ ихъ боеспособности. Мѣстныя власти констатируютъ характеръ требуемыхъ ими починокъ, и послѣднія должны быть произведены возможно скоро. Вообще суда воюющихъ не должны пользоваться водами нейтральными для увеличенія военныхъ припасовъ, вооруженій и командъ. Они могутъ въ нихъ только возобновлять свои запасы въ обыкновенныхъ размѣрахъ, потребныхъ имъ для мирнаго времени. Также запасаться топливомъ они могутъ лишь въ такомъ количествѣ, которое имъ нужно для достиженія ближайшаго національнаго порта. Суда воюющихъ, которыя запаслись углемъ въ нейтральномъ портѣ, могутъ возобновить этотъ запасъ въ портѣ той же державы лишь по истеченіи трехъ мѣсяцевъ.

Призъ можетъ быть приведенъ въ нейтральный портъ лишь въ случаяхъ потери возможности продолжать плаваніе, непогоды, недостатка въ топливѣ или провизіи. Онъ долженъ его покинуть немедленно по устраненіи причины, вызвавшей его заходъ. Въ противномъ случаѣ нейтральное правительство сообщаетъ ему приказъ объ уходѣ, а если онъ послѣднему не повинуется, правительство это принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры для освобожденія приза съ находящимися на немъ офицерами и экипажемъ, причемъ послѣдній, находясь на палубѣ взятеля, подвергается водворенію (интернированію) со стороны нейтральнаго. Нейтральный въ правѣ разрѣшить доступъ въ свои порты призамъ, конвоируемыхъ, или безъ конвоя, если они приведены для того, чтобы быть задержанными (laissés sous séquestre) на время рѣшенія о нихъ призового суда. Они могутъ быть приведены нейтральнымъ и въ другой его портъ. Въ случаѣ конвоя, офицеры и люди, помѣщенные на палубѣ приза, переходятъ при этомъ на конвоирующее судно. Если призъ плаваетъ одинъ, лица, переведенныя на него взятелемъ, получаютъ свободу.

Если, вопреки извѣщенію нейтральнаго правительства, корабль воюющаго остается въ портѣ, не имѣя на то права, правительство это можетъ принять всѣ цѣлесообразныя, по его мнѣнію, мѣры для того, чтобы лишить этотъ корабль возможности дальнѣйшаго плаванія на все

время войны, и командующій имъ долженъ ему помочь въ проведеніи этихъ мѣръ. Вмѣстѣ съ кораблемъ задерживаются и его офицеры и экипажъ. Послѣдніе либо оставляются на кораблѣ, либо помѣщаются на другой, или на сушѣ, и могутъ быть подвергнуты извѣстнымъ стѣснительнымъ мѣрамъ (надзора), въ случаѣ необходимости. На кораблѣ всегда оставляется нужное для его содержанія число лицъ. Офицерамъ можетъ быть предоставлена свобода, если они обязуются честнымъ словомъ не покидать нейтральной территоріи безъ разрѣшенія.

Нейтральное правительство обязано примѣнять всѣ мѣры надзора, которыми оно располагаетъ, для того, чтобы не допустить въ его портахъ, заливахъ и водахъ нарушенія вышеизложенныхъ правилъ. Пользованіе имъ правами, предоставленными настоящимъ договоромъ, никогда не можетъ считаться актомъ недружелюбнымъ тѣмъ или инымъ воюющимъ, принявшимъ эту конвенцію. Договорныя державы сообщаютъ другъ другу, въ подходящее время, всѣ законы, распоряженія и иныя мѣропріятія, ими изданные, относительно положенія военныхъ судовъ въ ихъ портахъ и водахъ, и дѣлается это посредствомъ нотификаціи нидерландскому правительству, которое доводитъ его до свѣдѣнія остальныхъ участниковъ договора. Постановленія настоящей конвенціи примѣнимы лишь между договорными державами и только въ томъ случаѣ, когда всѣ воюющіе ее приняли.